

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ПОЛЕВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ХОРЕЗМСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

В 1957 г.

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

ИНСТИТУТ ЭТНОГРАФИИ имени Н. Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

МАТЕРИАЛЫ ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

Под общей редакцией С. П. Толстова

Выпуск 4

ПОЛЕВЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
ХОРЕЗМСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ
В 1957 ГОДУ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

МОСКВА 1960

РЕДАКТОРЫ

С. П. ТОЛСТОВ и М. А. ИТИНА

С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт

РАБОТЫ ХОРЕЗМСКОЙ АРХЕОЛОГО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1957 г.

Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1957 г., как и в предыдущем году, вела археологические исследования на территории древнего Хорезма и прилегающих областей, обследуя памятники, относящиеся к различным периодам — от начала III тысячелетия до н. э. и до XVI—XVII вв. н. э. Этнографические и археолого-этнографические работы проводились на ныне заброшенных поселениях XVIII—XIX вв. и в современных населенных пунктах Кара-Калпакской АССР и Туркменской ССР.

Работы экспедиции продолжались с 15 апреля по 16 мая и с 1 августа по 28 октября 1957 г.; в них на разных этапах участвовали до 40 научных и научно-технических сотрудников и 55 рабочих-землекопов¹.

Археологические работы экспедиции в 1957 г. проводились в трех районах: 1) на правом берегу Аму-Дарьи в Турткульском и Бирунийском районах Кара-Калпакской АССР, 2) на левом берегу Аму-Дарьи и в Ташаузской области, Туркменской ССР и 3) в северных Кызыл-Кумах, в бассейне сухого русла Жаны-Дарьи.

I

Продолжая работы в области изучения истории древних племен, населявших область Акча-Дарьинской дельты Аму-Дарьи в эпоху неолита и бронзового века, экспедиция провела рекогносцировочное обследование нескольких стоянок кельтеминарской культуры, среди которых заслуживают

¹ Начальник экспедиции чл.-корр. АН СССР С. П. Толстов, заместители начальника экспедиции по научной части Т. А. Жданко и Ю. А. Рапопорт; заместитель начальника экспедиции по АХЧ Л. С. Суворова; начальники отрядов: Б. В. Андрианов, Б. И. Вайнберг, Н. Н. Вактурская, М. Г. Воробьева, М. А. Итина, Е. Е. Неразник, С. А. Трудновская; научные сотрудники: А. В. Виноградов, О. А. Вишневская, Н. П. Лобачева (Институт этнографии АН СССР), Т. Бегжанов, А. В. Гудкова, А. Туреев, В. Н. Ягодин (Каракалпакский комплексный научно-исследовательский институт АН УзбССР); научно-технические сотрудники: М. Ф. Грошева, М. И. Земская, Г. С. Куртмулаева, В. А. Лоховиц, Р. Л. Садоков; коллекторы: В. Ф. Белокопытова, А. Ф. Леонова, Е. И. Шумилов; архитекторы: Д. С. Витухин, М. С. Ланиров-Скобло, Ю. В. Стеблюк; топограф Н. И. Игонин; фотографии: Ю. А. Аргиропуло, Д. Н. Климович; художники: Ю. Ф. Кубышкин, Г. И. Улько; аспирант Института этнографии АН СССР Л. М. Левина; студенты-практиканты: С. О. Берг, С. П. Карпова (МГУ), М. М. Елизарова, А. И. Мамкина, В. Е. Щербачев (Горьковский государственный университет); врач Л. П. Трохина; электрик-моторист М. У. Юнисов; шоферы экспедиционной автобазы АН СССР: И. П. Воляков, Н. С. Горин, Д. А. Киселев, А. Ф. Негода, Б. В. Прокофьев, П. В. Пятунин, С. А. Сорокин; старший бухгалтер П. К. Банкирцев; секретарь-машинистка М. Х. Сытдекова, зав. складом В. П. Егоров.

внимания стоянки Дингильдже-6 и Кават-5². Обе эти стоянки располагались близ дельтовых протоков и впоследствии, что видно по стратиграфии стоянки Дингильдже-6 (материал стоянки Кават-5 найден уже в переложенном состоянии), были затоплены. Так, остатки развеянного культурного слоя на Дингильдже-6 были обнаружены под разрушающимся такыром, образование которого явилось следствием этого затопления.

Обе стоянки дали типичный для кельтеминарской культуры микролитонидный кремневый инвентарь и лепную керамику, среди которой, помимо широко распространенных форм (вытянутые цилиндрические сосуды с заостренным дном, полусферические чашки и др.), встречены чашки со сливами, типа ладьевидных сосудов со стоянки Джанбас-4.

Кремневый инвентарь и керамика стоянки Кават-5 бесспорно позволяют отнести время ее существования к раннему этапу кельтеминарской культуры (конец IV — первая половина III тысячелетия до н. э.). Кремневый инвентарь стоянки Дингильдже-6 характерен для раннего этапа кельтеминарской культуры, в то время как ее керамический комплекс может быть скорее отнесен к позднему этапу. Вероятнее всего, что время существования этой стоянки — вторая четверть III тысячелетия до н. э.

Отряд экспедиции, занимающийся изучением памятников первобытной культуры (начальник М. А. Итина), продолжал начатые в 1956 г. раскопки двух тазабагъябских поселений — Ангка-5 и Кават-3³.

На стоянке Ангка-5 был раскопан дом древних тазабагъябцев. Он представлял собой слабо заглубленное жилище площадью 10,5×15 м, имевшее перекрытие со столбовой конструкцией; в одной из столбовых ям, располагавшихся главным образом вдоль стен, сохранились остатки деревянного столба. Жилище имело форму, приближающуюся к прямоугольной, вход с восточной стороны. В центре дома находился очаг. Основные находки керамики были сконцентрированы в западной половине дома, преимущественно вдоль стен. Керамика представлена лепными сосудами типичных тазабагъябских форм, украшенными геометрическим орнаментом, резным или нанесенным гребенчатым штампом. Следует также отметить каменную зернотерку с терочником и небольшое свинцовое колечко с заходящими концами, найденное в хозяйственной яме.

На стоянке Кават-3 была раскопана северная половина жилища, имевшего также прямоугольную форму. Его площадь — примерно 12×14 м. Так же как и жилище на стоянке Ангка-5, оно было вырыто в земле. Однако дом на стоянке Кават-3 отличается от ангка-калинского большей сложностью столбовых конструкций и обилием хозяйственных ям. Последние располагались, видимо, вдоль стен, а посередине была совершенно ровная площадка с центральным очагом. Керамика типично тазабагъябская, но отличается от ангка-калинской обилием сосудов, украшенных резным орнаментом. В хозяйственных ямах были найдены обломки двух бронзовых однолезвийных ножей, бронзовое четырехгранное шило с рукоятью из специально обработанной кости барана и великолепный сланцевый наконечник дротика удлиненной листовидной формы, обработанный с двух сторон по краям отжимной ретушью.

Обе стоянки могут быть датированы второй половиной II тысячелетия до н. э., причем, судя, в частности, по преобладанию гребенчатого штампа на сосудах с поселения Ангка-5, последнее несколько старше, чем стоянка Кават-3.

Наиболее интересным является то, что в то время, как на стоянке Ангка-5 и на расположенном немного севернее более позднем могильнике

² См. статью А. В. Виноградова в настоящем сборнике.

³ См. статью М. А. Итиной в настоящем сборнике.

Кокча-3 при раскопках кости животных почти не обнаружены, на стоянке Кават-3 они найдены в большом количестве. Это свидетельствует о развитии животноводства и употреблении мяса животных в пищу. Встает вопрос, нельзя ли предположить существование двух направлений в животноводстве, связанных, возможно, с различными религиозными взглядами. Молочное животноводство, по-видимому, было распространено в восточных районах (Ангка-5, Кокча-3), а среди населения западных районов (Кават-3) — мясное животноводство, которое столь характерно для памятников степной бронзы более северных районов.

В 1957 г. в Кават-калинском древнем оазисе археолого-топографическим отрядом экспедиции было открыто около десятка поселений амирабадской культуры⁴.

Маршрутному археологическому обследованию подверглись территории к востоку от Кават-калы, где между системой Гавхорэ и магистральным Якке-Парсанским каналом было выявлено засыпанное местами песком меридиональное русло в виде такырной полосы шириной в 50—70 м. Его берега, увенчанные барханными и грядовыми песками, возвышаются над уровнем дна на 1—2 м. На всем протяжении этого русла, начиная от окрестностей Кум-Калы и кончая окрестностями Якке-Парсана, были открыты стоянки эпохи развитой и поздней бронзы.

Особенно интересные находки сделаны в окрестностях развалин Якке-Парсана, где обнаружены остатки оросительной системы амирабадского времени и большого поселения с прекрасно сохранившейся планировкой жилищ. Поселение Якке-Парсан-2 расположено в 2 км к юго-западу от Якке-Парсана, в нижней части небольшого возвышающегося над окрестными такырами сухого русла, берега которого были укреплены дамбами. Оно начиналось в меридиональном главном русле в 3,8 км к юго-западу от Якке-Парсана, имело ширину 15 м, а длину — 1,8 км и заканчивалось веерообразной системой небольших арыков, сохранившихся теперь на местности в виде узких (2—3 м ширины) такырных полосок, оскотуренных растительностью. Между арыками располагаются скопления керамики, очажных камней и т. д.

Особый интерес представляют выявленные здесь планировки домов. На совершенно ровной поверхности такыра видны несколько выделяющиеся по цвету подпрямоугольные пятна, и подобные им по форме и размерам россыпи керамики, иногда с очажными выкладками в центре. Средняя площадь пятен с керамикой и без нее равна 12×10 м; располагаются они на поверхности такыра двумя рядами, как бы образуя улицу. Проведенная топографическая съемка зарегистрировала около двадцати таких пятен (рис. 1). Россыпи керамики с очажными выкладками представляют собой остатки развееанных жилищ. В результате шурфовки одного из пятен без керамики оказалось, что это тоже остатки дома, но, возможно, лучшей сохранности. По краю пятна был заложен шурф длиной в 1,5 м на глубину около 0,5 м; при шурфовке был обнаружен уходящий вниз культурный слой с золой и угольками. Вероятно, эти жилища, как и на тазабагъябских стоянках, были несколько заглублены, так как культурный слой перекрыт суглинистой линзой, свидетельствующей, что в этом углублении некогда стояла вода.

⁴ Об амирабадской культуре см. работы: С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948, стр. 68—70; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 89—90; об амирабадской ирригации см.: С. П. Толстов и Б. В. Андрианов. Новые материалы по истории развития ирригации в Хорезме. КСИЭ, вып. XXVI. М., 1957, стр. 6—7 и таблица «Историческое развитие ирригационных систем Хорезма».

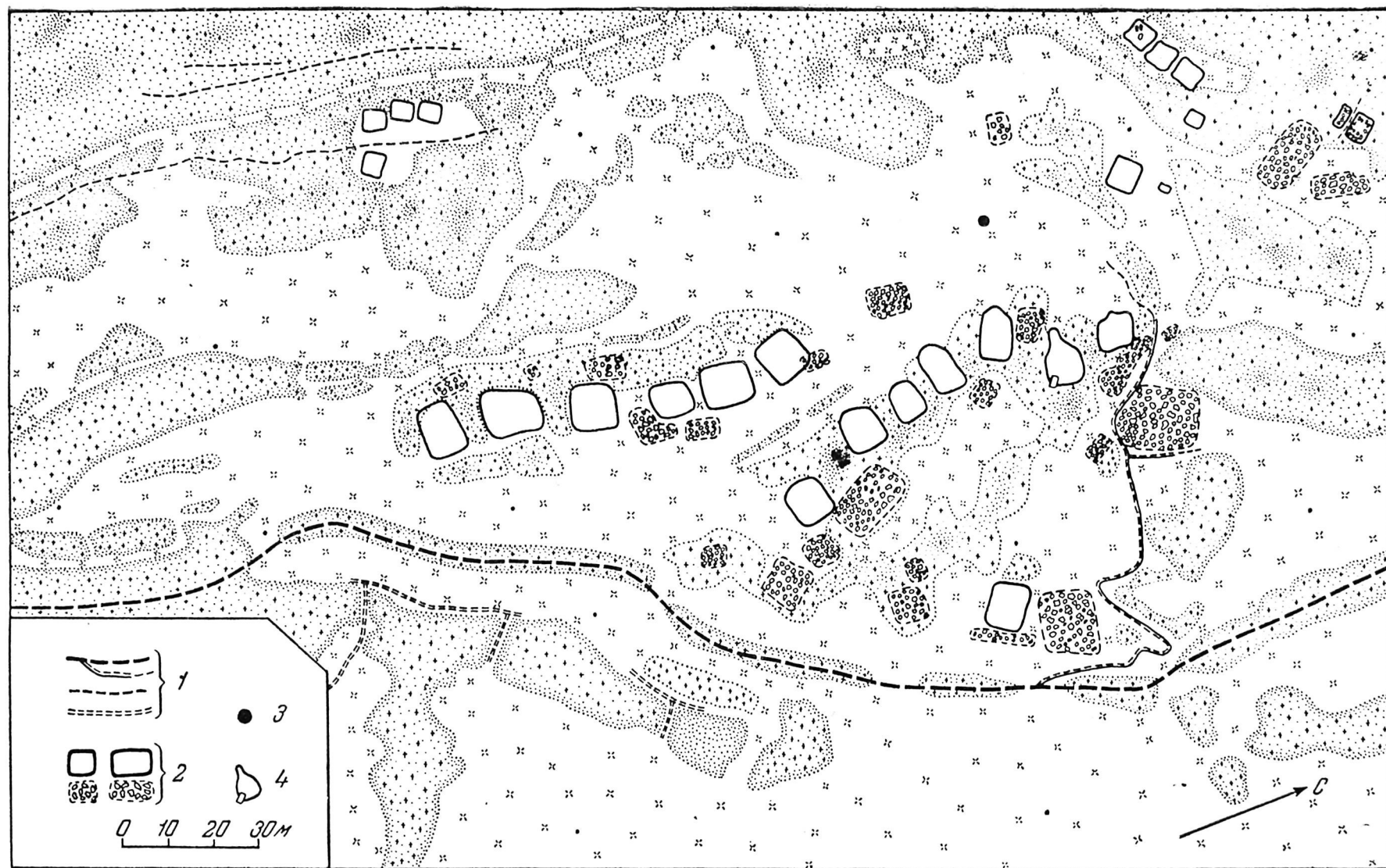

Рис. 1. Якке-Парсат-2. План поселения

1 — каналы; 2 — следы построек; 3 — керамическая печь; 4 — шурф

Поселение вытянуто в меридиональном направлении более чем на 250 м, в широтном — примерно на 100 м. В северо-западной части поселения обнаружены остатки гончарной печи. Керамика, собранная на поселении, отличается наличием типичных для амирабадской культуры сосудов с округлым туловом и коротким горлом, вылепленных из глины с примесью

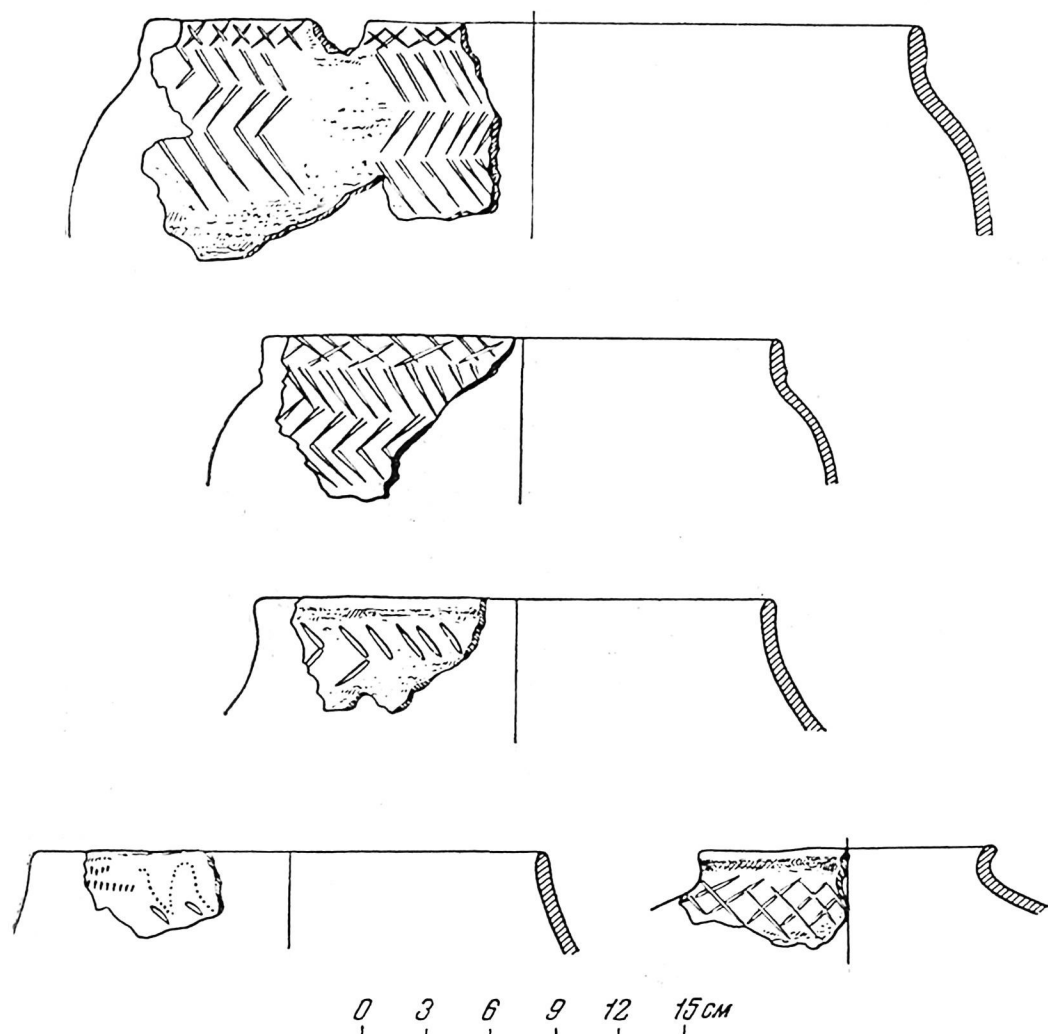

Рис. 2. Якке-Парсан-2. Керамика

пашота или дресвы и имеющих черный излом и поверхность красного цвета (рис. 2). Иногда по шейке таких сосудов идет резной орнамент в виде елочки или решётки⁵.

Поселение Якке-Парсан-2 здесь не единственное. На западном берегу древнего меридионального протока было открыто еще несколько амирабадских стоянок (Якке-Парсан-4, 5, 6, 7, 8). Они размещаются преимущественно на прирусловых валах и поблизости от протока.

Из этой группы стоянок наибольший интерес представляет стоянка Якке-Парсан-8, расположенная на большом песчаном бугре в 3,5 км к западу-юго-западу от Якке-Парсана, возле дороги, ведущей на Каваткалу. В западной ее части амирабадская керамика хорошей сохранности смешана с античной архаической ремесленной посудой. Находка бронзового втульчатого наконечника стрелы дает возможность приблизительно датировать этот комплекс VIII—VII вв. до н. э. Восточная часть стоянки

⁵ На поселении Якке-Парсан-2 в 1958/59 гг. велись раскопки, в результате которых было вскрыто семь домов-полупогребов. См.: «Материалы Хорезмской экспедиции», вып. 3, М., 1960, стр. 131—132.

почти лишена амирабадской керамики. На поверхности заметны линии прямоугольной планировки помещения (10×9 м). Площадка усеяна обломками архаической посуды (хумов, хумчей, тазов, мисок, чаш и т. п.).

Находки на Якке-Парсане-8 амирабадской и архаической керамики, заставляют предположить, что именно здесь удастся проследить, насколько эти культуры были связаны между собой, какова была форма этих связей и т. д.

II

В 1957 г. были закончены раскопки памятника классической культуры Хорезма — Кой-Крылган-кала (IV в. до н. э.— I в. н. э.), которые проводились с 1951 по 1957 г. (рис. 3)⁶.

Рис. 3. Кой-Крылган-кала. Вид с воздуха после раскопок 1957 г.

Раскопки продолжались около двух месяцев—с 1 августа по 1 октября (под общим руководством С. П. Толстова; начальник западного сектора — М. Г. Воробьева, восточного — Ю. А. Рапопорт); в них был занят основной коллектив экспедиции — 36 научных, научно-технических сотрудников

⁶ См. работы С. П. Толстова: Археологические работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1951 г. СА., XIX, 1954, стр. 255—258; Работы Хорезмской экспедиции АН СССР по раскопкам памятника IV—III вв. до н. э.— Кой-Крылган-кала (март—май, 1952). ВДИ, 1953, № 1, стр. 160—174; Археологические исследования Хорезмской экспедиции 1952 г. «Вестник АН СССР», 1953, № 8, стр. 39—40; Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. ВДИ, 1955, № 3, стр. 201—204; Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954 г. «Советское востоковедение», 1955, № 6, стр. 85—95; Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР за 1952—1953 гг. Международный конгресс востоковедов. 23-й, Кембридж, 1954. «Доклады советской делегации. Секция Ирана, Армении и Средней Азии». М., 1954, стр. 15—19; Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции 1951—1954. «Вопросы истории», 1955, № 3, стр. 177—179; Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., СА, 1958, № 1, стр. 118—123; Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956), СЭ, 1957, № 4, стр. 46—51; Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг. Материалы ХЭ, вып. 1, М. 1959, стр. 17—24.

и лаборантов, 52 рабочих и 13 административно-технических и административно-хозяйственных работников, всего 101 человек. Была вскрыта площадь около 1100 м². Работы велись на внешнем кольце — в районе входа и на юго-восточном секторе, а также в оставшемся не вскрытым помещении

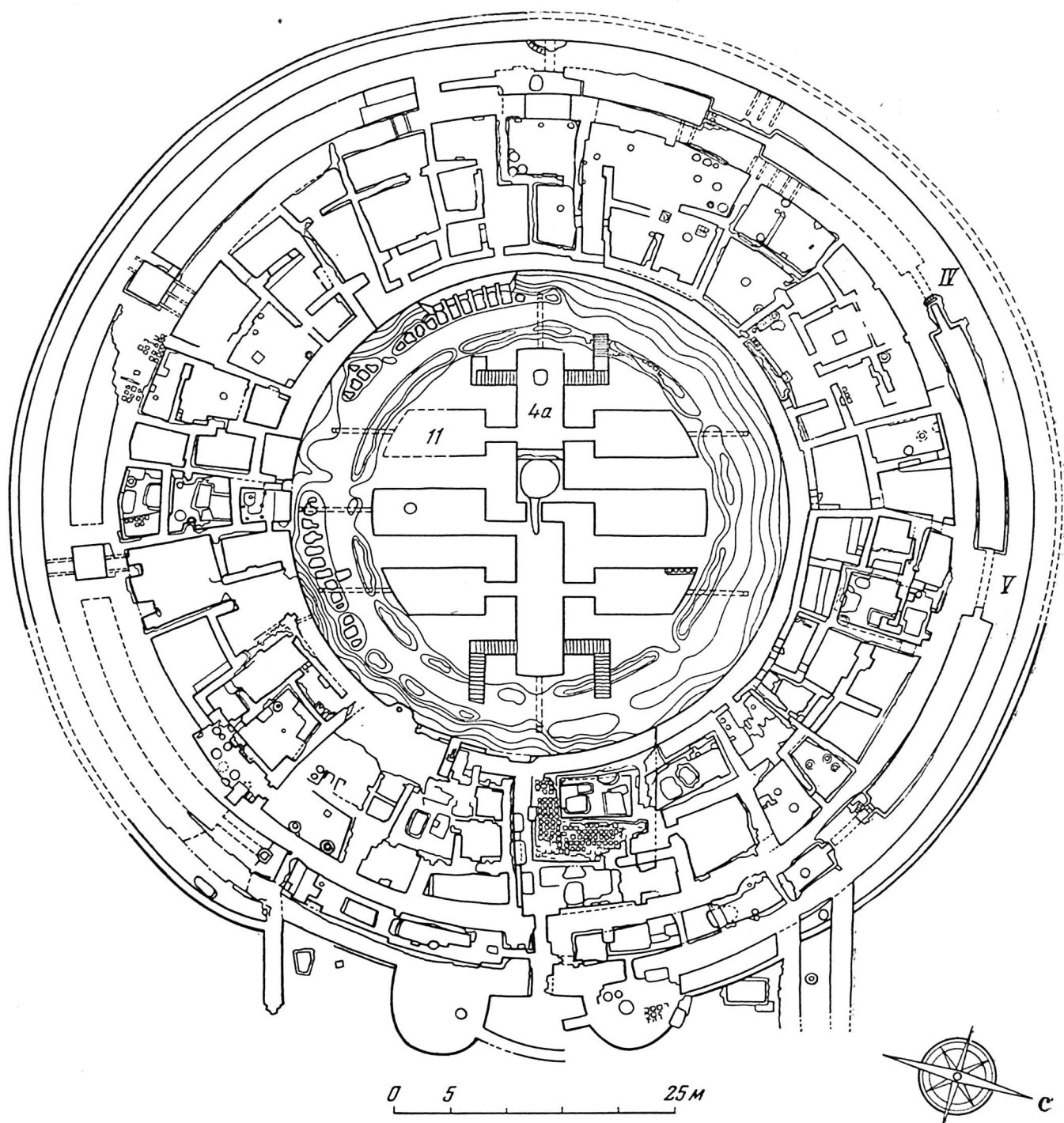

Рис. 4. Кой-Крылган-кала. Общий план

4a, 11 — номера помещений центрального здания: IV, V — номера башен

№ 11 центрального здания (рис. 4). В результате раскопок 1957 г. мы получили материал, который еще раз подтвердил правильность сделанных ранее выводов и позволил по-новому осветить некоторые вопросы истории памятника, особенно на последнем этапе его существования.

Были получены новые данные о внешнем поясе крепостных укреплений. Траншеи, заложенные по северной и южной осям вне пределов памятника,

позволили установить, что крепость была окружена рвом. Он проходил в четырех метрах от внешней крепостной стены и достигал ширины около 15 м, при глубине до 3 м. Помимо двойной стены с внутренней стрелковой галереей, крепость была окружена невысокой барьерной стенкой, расположенной на расстоянии около 2 м от основной крепостной стены. Барьерная стена была сложена из сырцовых кирпичей (примерно в два кирпича

Рис. 5. Кой-Крылган-кала. Внешнее кольцо; помещение № 25-В

толщиной). Она обрушилась, возможно, во время штурма и оказалась лежащей на внешней стене крепости. Высота барьерной стенки, судя по размерам кирпичного завала, местами хорошо сохранившегося, не превышала 1,5 м. Небольшая высота и незначительная толщина этой стены заставляют предположить, что она, как и аналогичные сооружения в средневековой фортификации, служила для задержки нападающих перед основными укреплениями. Стена эта в целом ряде мест была разрушена стенобитными орудиями. Видимо, эта барьерная стенка была построена на последнем этапе истории памятника, так как сопоставление ее со рвом, относящимся к первоначальному плану памятника, и различными конструкциями, например, с башнями предвратного укрепления, показывает, что стена была построена уже после того, как эти башни были разрушены, а ров засыпан.

Самое интересное и новое дали раскопки, связанные с реконструкцией оборонительных сооружений у входа в крепость. Крепостные ворота были расположены по восточной оси, и их направление совпадает с направлением центрального нефа. Вход в крепость фланкировали две полуциркульные башни (ширина их 9 м, они выступают на 6 м). Сохранились также остатки двух отсечных стенок, образующих последний отрезок внешнего предвратного лабиринта. Особый интерес вызывают две мощные стены, расположенные на 21—23 м севернее и южнее оси ворот и идущие в восточном направлении; северная стена двойная, с коридором посередине. Надо полагать, что это остатки обширного предвратного укрепления, защищавшего ворота с обеих сторон и спереди. При раскопках юго-восточного сектора внешнего кольца мы обнаружили ряд больших помещений, часть

которых оказалась хозяйственными. Особый интерес представляет помещение № 25-В; его восточную часть занимало возвышение типа суфы, выложенное обломками стенок хумов (рис. 5).

В первом строительном периоде на этой вымостке располагались клетки (2,20×1,60 м) со стенками из сырцового кирпича (целого и половинок), причем стенки и пол клеток были покрыты слоем плотной обмазки

Рис. 6. Кой-Крылгап-кала. Надпись на хуме

из глины с саманом. Возможно, что клетки служили в качестве закромов. К югу от вымостки зачищены ямки от хумов.

К этому хозяйственному помещению примыкал комплекс жилых комнат. Судя по их величине и основательности постройки, они могли принадлежать привилегированной части персонала большого храмового хозяйства.

В этом же году были проведены раскопки последнего не вскрытого помещения центрального здания — комнаты № 11.

Из центрального нефа (помещение № 4а) в помещение № 11 ведет дверной проем шириной 1,2 м, перекрытый сырцовым сводом. Ширина помещения — 4,2 м. Отметка пола нижнего горизонта + 36 (вероятно, расчищена верхняя обмазка), причем на полу встречаются фрагменты керамики раннекангюйского типа. Оказалось, что в отличие от ранее раскопанных, это помещение имело два пола, причем верхний (отметка + 240) был на 2 м выше нижнего. Разрез дает основание предположить, что заполнение помещения № 11 до уровня пола верхнего горизонта образовалось за счет обрушения свода и главным образом выбросам при расчистках большого колодца-котлована в помещении 4а. Помещение верхнего горизонта разделено на две комнаты, из которых северная вскрыта полностью. Она соединена дверным проемом с южной комнатой, перекрытой сохранившимся сводом первого строительного периода. Над северной комнатой древний свод не сохранился; по-видимому, она была или плоско перекрыта или совершенно открыта. Культурный слой верхнего пола дал материал, датируемый концом I в. н. э.

Сопоставляя разрез помещения № 11 с разрезом помещения № 4а, удалось установить, что уровню верхнего пола помещения № 11 соответствует

тонкая камышовая прослойка, обнаруженная во время раскопок помещения № 4а в 1953 г. Возможно, что она лежала на полу. Таким образом, через некоторое время после того, как крепость была заброшена, началось ее повторное использование. Однако немногочисленные обитатели жили

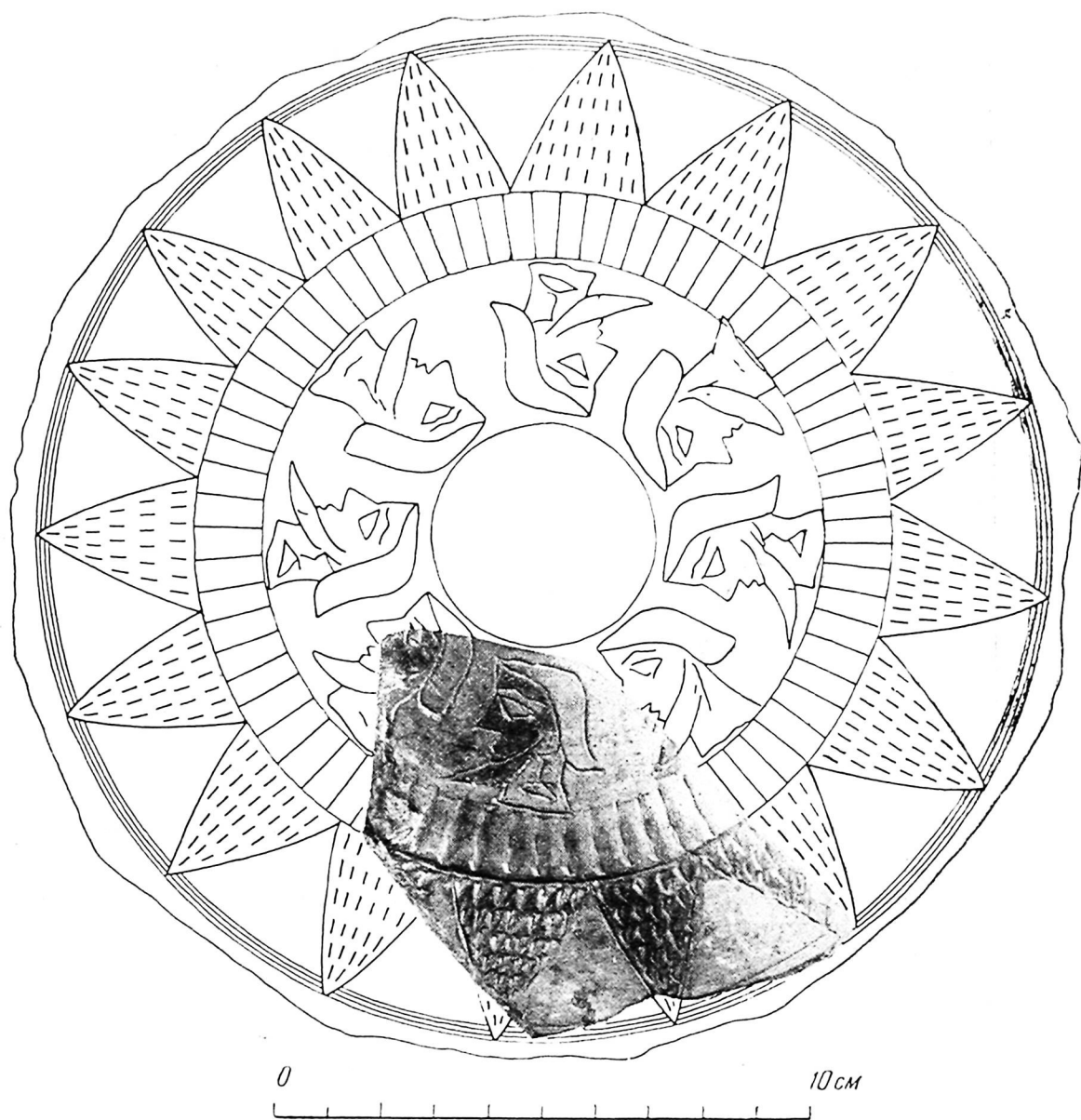

Рис. 7. Кой-Крылган-кала. Фрагмент и реконструкция глиняной крышки

уже на развалинах. Этим объясняется то, что на нижнем полу помещения 4а не обнаружены регулярно лежащие кирпичи сводов. При повторном использовании здания своды были просто срублены. Эти-то обитатели крепости и пользовались большим колодцем.

В результате раскопок 1957 г. можно сделать новые выводы о последнем этапе существования Кой-Крылган-кала. Мы предполагаем, что крепость как важный политический центр, связанный, по-видимому, с династическим культом хорезмийских царей, была разрушена Кушанским правительством в период присоединения Хорезма к Кушанской империи. Возобновление жизни в этой полуразрушенной крепости произошло, вероятно, судя по находкам, в кушанское время.

Раскопки 1957 г. дали ряд интересных находок. Так, например, обнаружена еще одна надпись на стенке хума (рис. 6). Особенно следует отметить фрагмент крышки керамического сосуда с изображением мужских голов

в профиль влево, расположенных друг за другом по кругу. Полностью сохранилось изображение одной головы, от второй остался лишь затылок, от третьей — конец бороды и кончик носа. Контур рисунка прочерчен до обжига: показан профиль лица, контур глаза, бровь, ухо с серьгой,

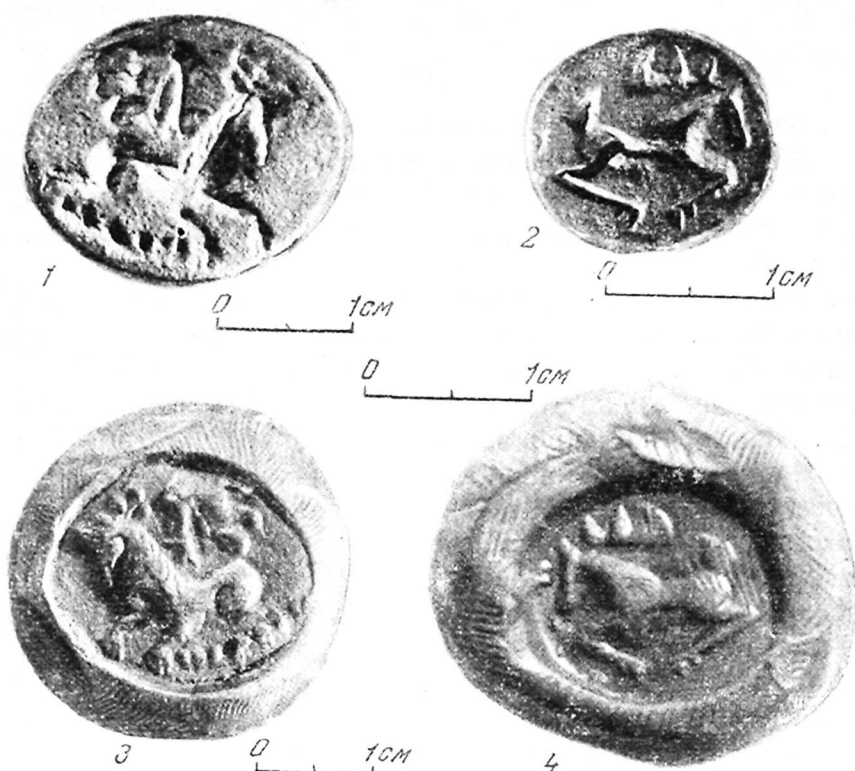

Рис. 8. Печати из окрестностей Кой-Крылган-калы
1,2 — печати; 3,4 — оттиски с них

остроконечная бородка и длинные волосы. Фон черепка розовато-оранжевый; лицо и борода покрыты жидкой темно-красной краской; шея, прическа и глаз не закрашены. Изображения окружены слегка выступающим плоским пояском с поперечными удлиненными углублениями, от пояска расходятся, также по кругу, прочерченные равнобедренные треугольники, заполненные рядами треугольных углублений. Треугольники тоже закрашены жидкой темно-красной краской (рис. 7). Находка сделана в яме коридора крепостной стены на участке к югу от входа.

В том же коридоре, на участках между сашнями V и IV, найден небольшой, покрытый светлым ангобом фрагмент оссуария с рельефным изображением человеческой руки. Среди терракотовых статуэток, найденных в этом году, обращает на себя внимание изображение обнаженной женщины с очень своеобразными и грубо вылепленными чертами лица. Встречены также фрагменты алебастровых статуэток. Среди них следует отметить довольно крупную женскую головку со следами черной и розовой красок.

Из железных изделий найдены перстень, трехлопастная черешковая стрела, нож и крючок для подвешивания котла над огнем. Из костяных изделий интересны небольшая рукоятка ножа с бронзовой заклепкой для прикрепления лезвия; фрагмент крупной рукоятки, украшенной на концах двумя выпуклыми валиками, на одном из которых сделаны две нарезные полоски и концевая обкладка лука.

В окрестностях Кой-Крылган-калы найдено несколько печатей. На

одной из них изображен олень в летучем галопе (рис. 8, 2, 4), на другой — сцена «терзания» (рис. 8, 1, 3). Изображения близки к скифскому искусству и представляют собой один из вариантов «звериного стиля».

Таким образом, при раскопках был собран разносторонний материал для характеристики культуры классического Хорезма.

III

Во время работ основного отряда экспедиции, проводившихся на правом берегу Аму-Дарьи, археолого-топографический отряд (начальник Б. В. Андрианов) продолжал исследования античной и средневековой ирригации и сбор материала для составления археологической карты правобережья Аму-Дарьи.

Беркут-калинский археологический отряд (начальник С. А. Трудновская) весной 1957 г. продолжал раскопки относящегося к афригидскому времени замка № 19, расположенного в Беркут-калинском оазисе.

На средневековом замке Кават-кала небольшим отрядом под руководством Н. Н. Вактурской производились небольшие работы по извлечению резного дерева из помещения, вскрытого в 1956 г.

На первом этапе интересные исследования проводились археолого-этнографическим отрядом экспедиции (начальник Б. И. Вайнберг), работавшим в Куля-Ургенчском и Ленинском районах Ташаузской области близ русла Дарьялыка, в урочищах Ат-крылган и других, в бывших поселениях туркмен иомутов подразделений кара-чоки, орсукчи, окуз и т. д. Отряд работал на окраинах культурной полосы и прилегающих участках Кара-Кумов, где сохранились остатки туркменских поселений, покинутых в XIX в. в связи с жестокой политикой управлявших этими группами туркмен хивинских ханов⁷. Для усмирения частых восстаний туркмен ханы лишали их селения воды, перекрывая ирригационные каналы. В покинутых поселениях археолого-этнографический отряд исследовал типы расселения, планировку аулов, архитектуру жилищ, особенности ирригационного земледелия. Работы проводились путем сочетания археологических изысканий с этнографическими, поскольку в современных колхозных селениях у границ культурной полосы с песками еще живы старики, ближайшие родственники которых — отцы и деды — некогда жили в изучаемых отрядом поселениях; старики сообщили много ценных сведений, помогающих восстановить картину быта туркмен в XVIII—XIX вв.

Большой интерес представляет впервые открытое туркменское поселение городского типа — развалины базара у крепости Кызылча-кала, с улицами и правильной планировкой кварталов.

IV

Параллельно с археологическими отрядами и в тесном контакте с ними работали в различных, расположенных в бассейне Аму-Дарьи районах Узбекской и Туркменской ССР и Кара-Калпакской АССР этнографические отряды экспедиции, которые подходили к выяснению исторического прошлого Хорезма путем анализа этнографического материала, собираемого среди народов, ныне населяющих низовья Аму-Дарьи (каракалпаков, узбеков, туркменов).

Каракалпакский этнографический отряд проводил свои исследования в Кунградском и Муинакском районах Кара-Калпакской АССР. Он изучал историю хозяйства и пережитки древних форм общественного строя каракалпаков, сохранивших до конца XIX — начала XX в. архаи-

⁷ См. статьи Б. И. Вайнберг в настоящем сборнике.

ческие традиции полукочевого образа жизни, комплексное скотоводческо-земледельческое и рыболовческое хозяйство и пережитки родоплеменного деления ⁸.

В старых аулах районов орошаемого земледелия среди групп каракалпаков — кенегес и мангыт — в бассейне Кегейли изучались путем распросов стариков-мирабов особенности каракалпакской водоземельной общины. Собран исторический материал о расселении родоплеменных групп, водопользовании, исследовались местные формы патриархально-феодалных отношений, обычаи и обряды, характеризующие реликты родовой общины в XIX в.

Среди приморских групп каракалпакского населения, у которых наиболее развито было в прошлом комплексное хозяйство, отряд собрал ценные материалы о формах и технике ведения скотоводства, земледелия и рыболовства в дельте Аму-Дарьи, об организации этого хозяйства, разделении труда в родственниках аулах и семьях, совмещающих все эти три вида хозяйственных занятий. Много времени отряд уделял также изучению каракалпакских памятников XIX в. в дельте Аму-Дарьи.

Узбекский этнографический отряд работал в Хорезмской области Узбекской ССР и в некоторых районах Туркменской ССР и Кара-Калпакской АССР. Особенно интересны работы среди южных узбеков Хорезма, потомков древнейшего населения оазиса. Отряд исследовал архаические элементы быта и обильные пережитки древних форм общественного строя, обрядов и верований населения. Собран большой материал по свадебным, погребальным и другим обычаям, в которых отражаются реликты возрастных делений и разных форм общинного быта, а также домусульманских верований; особенно ярки пережитки зороастризма и шаманства ⁹. Изучались мазары, почитание которых восходит к древним культам плодородия, имеющим орнаментическую окраску. Записано много легенд и преданий, связанных с археологическими памятниками Хорезма, среди которых особенно интересен исторический фольклор, посвященный древней столице Хорезма г. Кяту (Шаббаз-Бируни) и связанный с именем великого Ал-Бируни.

V

В текущем году мы, наряду с раскопками и этнографическими работами в низовьях Аму-Дарьи, приступили к исследованию памятников, расположенных в пустыне Кызыл-Кум, вдали от основной территории древнего Хорезмского оазиса. Памятники эти принадлежат племенам, населявшим район древнего русла Жаны-Дарьи и тесно связанным с Хорезмом. Вопрос о взаимоотношениях древних культурных центров Средней Азии, в частности Хорезма, со степными кочевыми и полукочевыми варварскими племенами античной эпохи является одной из центральных, наиболее сложных и недостаточно разработанных проблем.

В 1957 г. экспедиция приступила к раскопкам двух крупных памятников, расположенных на территории кочевой варварской периферии Хорезма — городища Чирик-рабат и комплекса Бабиш-мулла. Памятники находятся примерно в 200 км к юго-западу от современного города Кызыл-Орда.

Во время стационарных работ на этих объектах экспедиция вела большие разведочные исследования по изучению античных и средневековых памятников, расположенных вдоль нижних и средних отрезков ныне сухого русла Жаны-Дарьи.

Из крупных античных памятников упомянем крепость Кабул-кала (Ча-

⁸ См. статью Т. А. Жданко в настоящем сборнике.

⁹ См. статьи Г. П. Снесарева в настоящем сборнике.

гырлы-1) (рис. 9), расположенную примерно в 45—46 км к северо-западу от Чирик-рабата. Крепость в плане имеет вид не вполне правильного прямоугольника (55 × 50 м). В юго-восточной стене располагаются ворота с предвратным сооружением, от которых вниз, на такыр, идет глинистый пандус. Стены сохранились на высоту до 4—5 м, причем сложены они

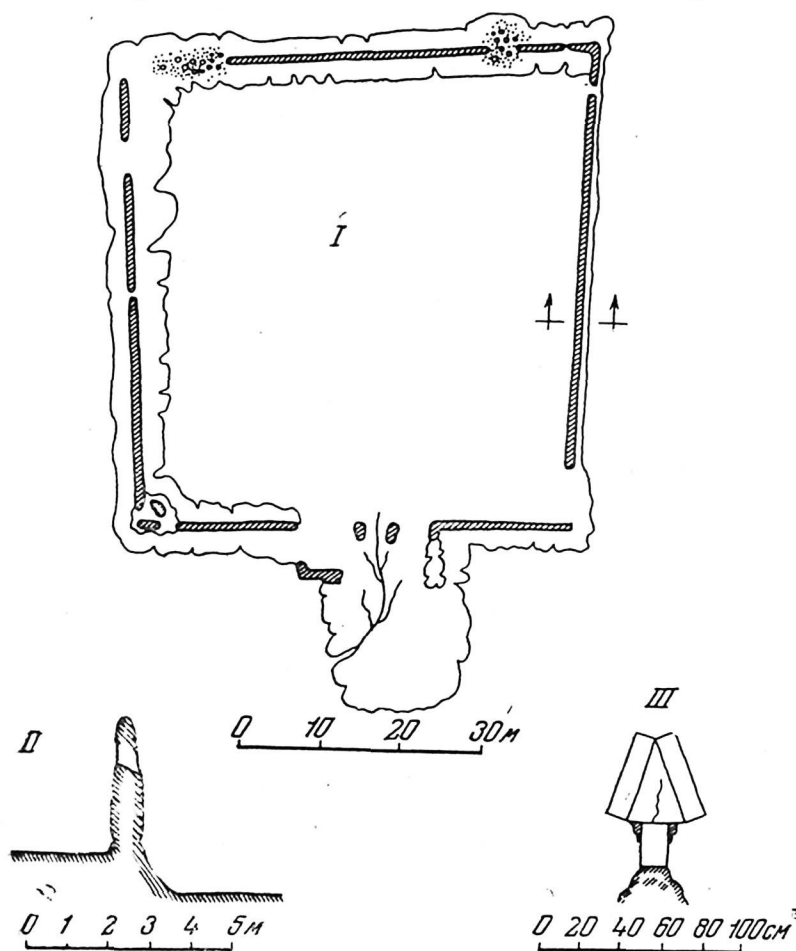

Рис. 9. Чагырлы-1

I — план; II — разрез по стене; III — бойница

в нижней части из пахсы, выше идет сырцовый кирпич. Стены имеют два ряда бойниц, расположенных в шахматном порядке; нижний ряд бойниц находится в пахсовой кладке; кирпичная кладка начинается со стреловидного окончания нижнего ряда бойниц и продолжается выше. Внутренней планировки крепости проследить не удалось.

По внешнему облику крепость напоминает античную хорезмийскую крепость Джанбас-кала (IV в. до н. э.), и очень возможно, что здесь перед нами пример заимствования и переработки варварами архитектурных и фортификационных приемов хорезмских зодчих.

Большой интерес представляют два обследованных экспедицией средневековых памятника: крепость Бештам-кала и мазар Сарлы-там.

Крепость Бештам-кала расположена близ Орунбай-калы — каракалпакской феодальной усадьбы XVIII — начала XIX в., обследованной Хорезмской экспедицией ранее ¹⁰.

Крепость расположена на южном берегу сухого русла Жаны-Дарьи и занимает очень большую площадь — примерно 390 × 300 м (рис. 10). Крепость окружена двойным кольцом стен, сложенных из пахсы, и боль-

¹⁰ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. «Труды ХЭ», т. 1. М., 1952, стр. 522—524.

шим рвом. Внутренняя стена более мощная, с множеством башен и коридором внутри. Сохранившаяся высота стены между башнями на наименее размытых участках — около 1,5 м, ширина — около 10 м. Вторая, внешняя стена — более низкая; непосредственно за ней — прекрасно сохранившийся ров, шириной от 20 до 50 м, глубиной 2—3,5 м. Очень интересны

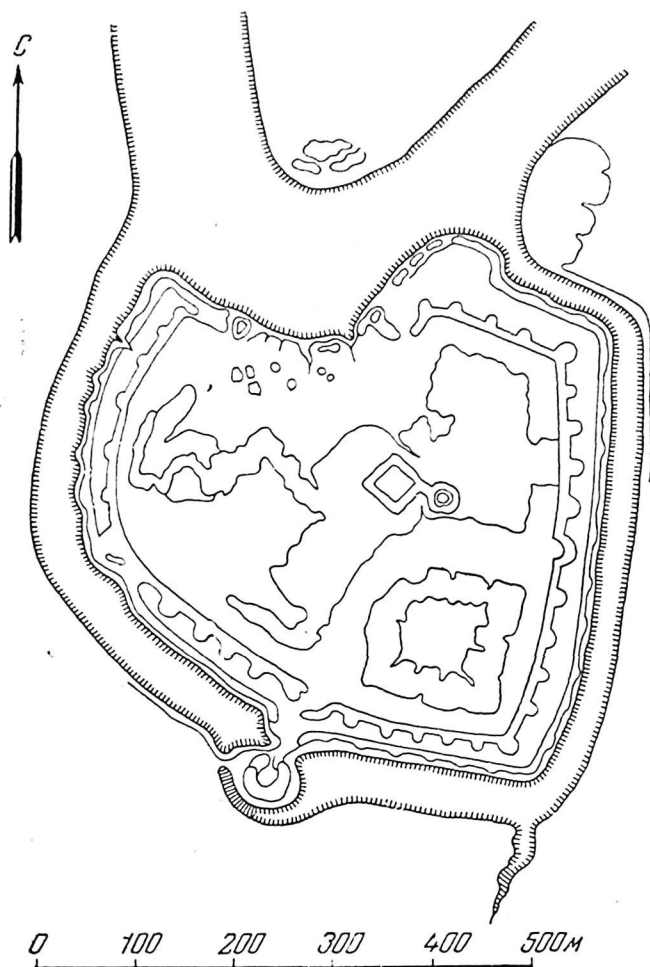

Рис. 10. Бештам-кала. Общий план

оборонительные сооружения перед воротами, которые были и в северной и в южной стенах. На севере ворота выходили к руслу реки и здесь, очевидно, был мост; на противоположной стороне, вдоль берега, в этом месте расположен большой вал со следами построек, россыпями керамики; видимо, здесь было какое-то заградительное сооружение оборонного характера. В южной стене сохранились следы конструкций ворот с большим, сложным предвратным сооружением, связанным со рвом. Вероятно, вода играла большую роль в защите крепости. Помимо рва, возле ворот были и другие сооружения оборонительного назначения. Непосредственно за южными воротами крепости начинались каналы, но это уже каракалпакская ирригационная сеть, поля.

Поверхность городища густо заросла саксаулом, так же как пространство между стенами и ров. Заросли саксаула очень затрудняют выявление внутренней планировки, но все же можно различить направление основных ее линий. Так, прослеживается довольно ровная пониженная полоса вдоль стен внутри крепости; возможно, это пространство не застраивалось. В центре городища еще в 1946 г. было зафиксировано прямоугольное здание из обожженного кирпича (размер кирпича $23 \times 23 \times 4,5$ см),

разобранное в настоящее время населением. На поверхности городища намечается углубление, пересекающее крепость в направлении с севера на юг. Можно предположить, что здесь была центральная улица. Планировку отдельных домов проследить нельзя — они слились в небольшие всхолмления. В северо-восточной части городища — большой пониженный участок; возможно, что здесь был водоем или базарная площадь.

По обильным находкам керамики можно датировать крепость приблизительно XII—XIII вв., хотя встречаются фрагменты керамики монгольского времени.

В новое время в северо-западной части городища был расположен аул, по всей вероятности, каракалпакский; от юрт сохранились обвалованные круги. В валах особенно обильны находки керамики и других предметов, так как материал для обваловки брался с поверхности городища. Юрты заглублялись в землю приблизительно на 0,5 м, высота валов в настоящее время достигает 1,5 и более метров (от дна заглубления). Близ северной стены крепости находился центр аула, состоящий из шести примыкающих друг к другу юрт. Отдельные юрты размещались между этим комплексом и стеной, одна — непосредственно на стене. Можно полагать, что выбор каракалпаками для поселения развалин хорошо укрепленной старой крепости объяснялся необходимостью оградиться от нападений врагов. Возможно, что кое-что было сделано для обновления и усиления фортификации крепости: углублен ров, а может быть, и построено внешнее кольцо стены (в. XVIII — начале XIX в.). Из опросов стариков-казахов и местного населения ясно, что аул на этих развалинах был именно каракалпакским, а не казахским. Это подтверждается и тем, что в данной местности находилась известная по историческим источникам каракалпакская крепость Орунбай-кала. Здесь также обнаружена обширная каракалпакская ирригационная сеть.

Находки с Бештам-калы богаты и разнообразны. На внешнем склоне внутренней средневековой стены (на юго-западном участке) найдены фрагменты металлического круглого щита (рис. 11, 1, 2). При зачистке склона на этом же участке обнаружены два железных наконечника копья и железные стрелы (рис. 11, 3). Здесь, видимо, шел бой, крепость брали приступом.

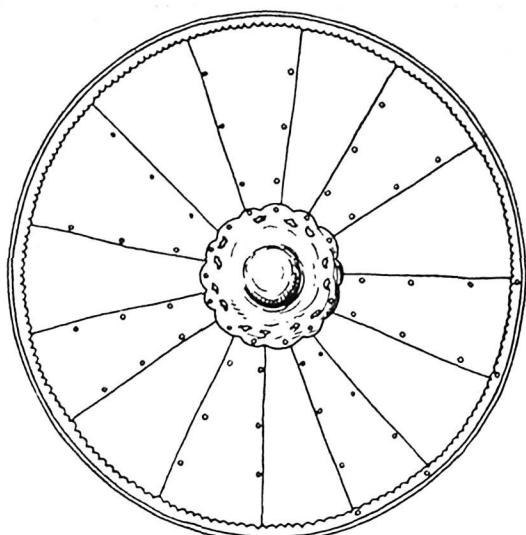
Керамика разнообразна: без поливы — сероглиняная, красноватая, светло-желтая; и поливная — также нескольких видов. Интересна посуда варварского типа — с рельефным и резным узором. Много бус с голубой поливой и из пасты с цветной инкрустацией. Очень много металла, стекла; встречаются фрагменты каменных сосудов. Обильны находки кирпичей, гончарных шлаков, обнаружено несколько фрагментов сфероконусов. Монет среди находок, к сожалению, нет. В районе расположения каракалпакского аула найдены на поверхности обломки поздних сосудов — кувшинов и мисок с голубой и зеленой поливой внутри.

Через один из валов около юрт сделан шурф, давший небольшой (до 20 см) каракалпакский культурный слой, а ниже — два средневековых пола. На разрезе шурфа отчетливо видно, как слой насыпного вала срезает средневековые слои. При продлении шурфа в глубь круга юрты и наружу, за пределы вала, находки становятся интереснее; на верхних полах — следы камыша, в верхнем слое найдена своеобразная керамика, возможно, каракалпакская — из грубой серой рыхлой необожженной глины, а также чрезвычайно интересный очаг — круглый, диаметром в 35 см, с сохранившейся глубиной в 19 см, обложенный снаружи кирпичом, внутри — прямоугольными плитками, украшенными примитивным орнаментом из резных линий. Внутренняя облицовка образует многогранник, приближающийся к кругу. Скорее всего, однако, что это не были изготовлявшиеся отдельно плитки, а просто толстый слой обмазки, на котором

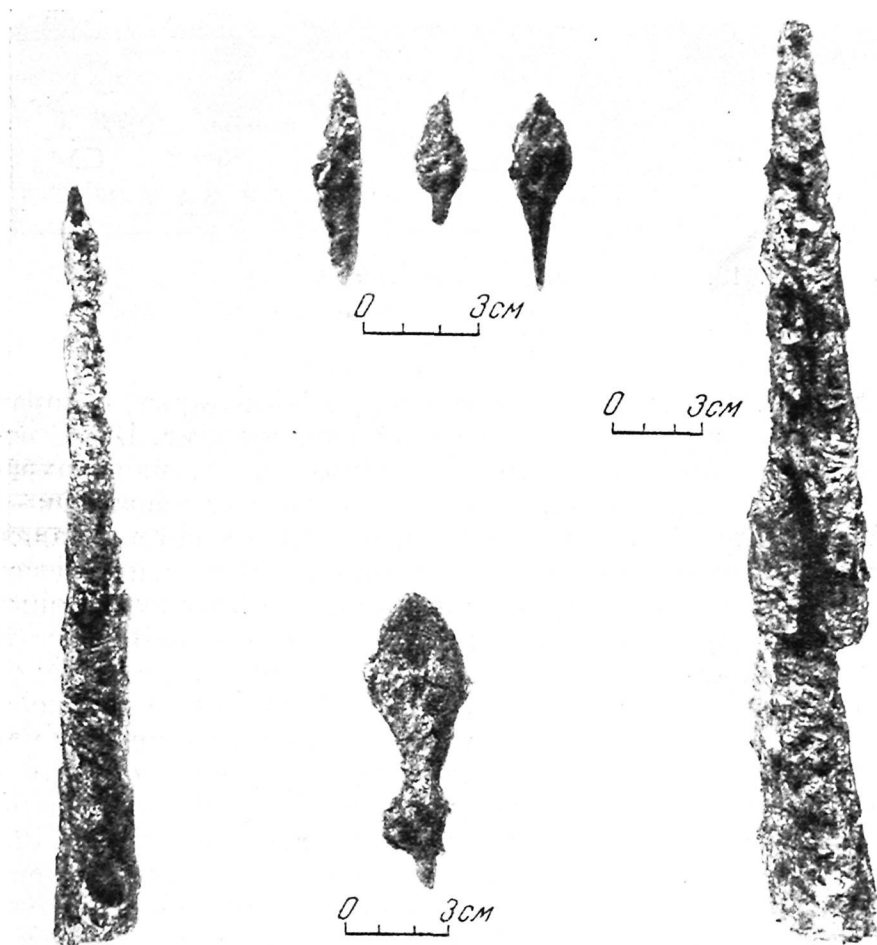
0 3 6 9 cm

1

0 6 12 18 cm

2

3

Рис. 11. Оружие, найденное при обследовании крепости Беншам-кала
1 — прорисовка сохранившейся части щита; 2 — реконструкция щита; 3 — железные наконечники стрел и копий

до просушки был нанесен орнамент, впоследствии обожженный огнем очага. Ближайшие параллели такому типу очага с орнаментом на внутренней стенке известны из этнографического материала Киргизской и Южно-узбекской экспедиций.

Средневековый комплекс Сарлы-там был открыт в 1946 г.¹¹ и там были произведены эскизные архитектурные обмеры и предварительное археологическое обследование, многообещающие результаты которых и заставили нас снова вернуться к этому памятнику.

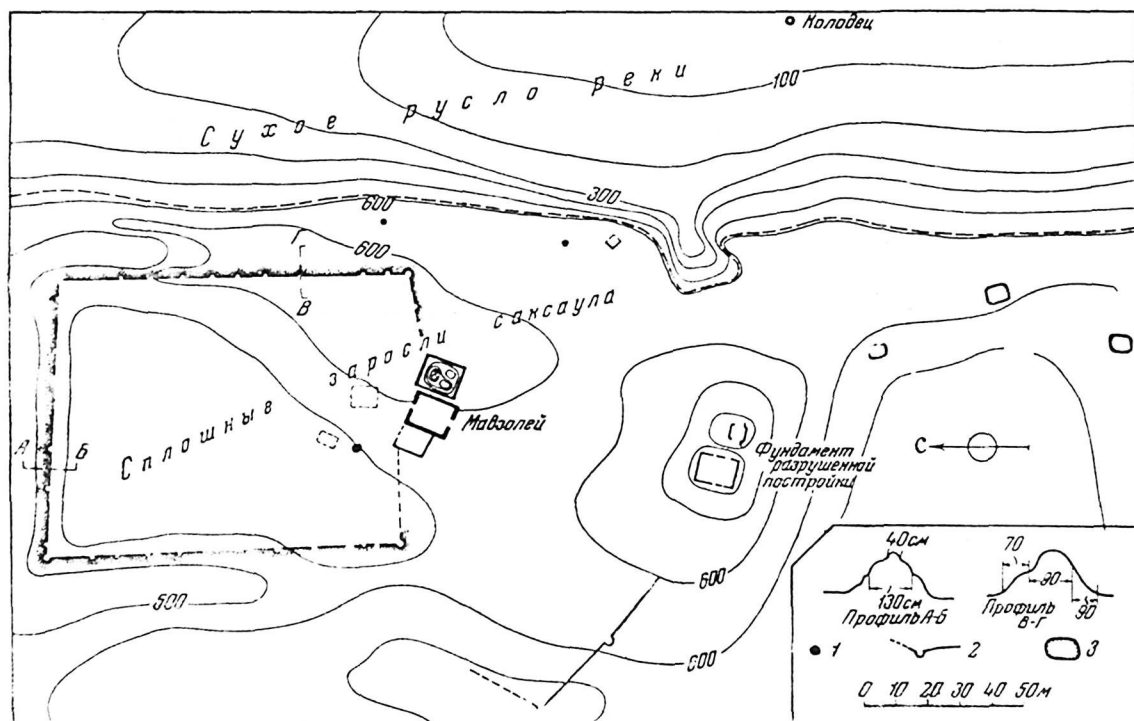

Рис. 12. Сарлы-там. План местности

1 — керамическая печь; 2 — следы планировки; 3 — яма (место стоянки юрты)

Мазар XV — XVI вв. Сарлы-там стоит на берегу Жаны-Дарьи, которая подходит к нему с восточной и северо-восточной стороны (рис. 12). С востока и с запада к мазару примыкают прямоугольные пристройки, сохранившиеся в виде невысоких, до метра, валов. Площадь этих пристроек — 10×13 м. К этому комплексу с севера примыкает территория площадью 110×90 м, окруженная глинобитной стеной, высота которой не превышает полуметра. По периметру стены идут полукруглые башни, расположенные на неравном расстоянии друг от друга. Видимо, эта стена является остатками какого-то более раннего сооружения. На берегу русла, к востоку от мазара, сохранились развалины сооружений из обожженного кирпича, которые, судя по фрагментам найденной на них керамики, синхронны мазару. В 80 м к югу от Сарлы-тама расположен еще один комплекс, состоящий из руин сооружения из пахсы, имеющего в плане форму прямоугольника (12×8 м), и примыкающего к нему здания из жженого кирпича. Зачистка последнего показала, что здесь было сооружение, южная стена которого оформлена в виде граней многоугольника. Намечается и внутренняя планировка. К северо-западу от этого комплекса прослеживаются остатки оборонительной стены с двумя башнями. Наиболее поздними в ком-

¹¹ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 56, 57, рис. 16.

плексе Сарлы-там являются следы обваловки трех каракалпакских юрт, обнаруженные на берегу Жаны-Дары, к югу от памятника.

Сам мавзолей Сарлы-там — небольшое здание размером 10×15 м. Оно построено из обожженного кирпича стандарта $24 \times 24 \times 5$ см. В квадратное помещение мавзолея ведут два прохода — в южной и северной стене.

Рис. 13. Сарлы-там. Развалины мазара. Деталь

Центральный вход в южной стене был оформлен почти целиком разрушенным в настоящее время порталом со стрельчатой аркой (рис. 13). Пространство между пилонами портала было перекрыто полукуполом на ячеистых тропях. Помещение мавзолея было перекрыто двойным куполом из обожженного кирпича. Купол покоился на шестнадцатигранном барабане. Переход от четырехугольника помещения к шестнадцатиграннику барабана осуществлен с помощью восьмиугольника, образованного стрельчатыми нишами — тропями на углах помещения и неглубокими (около 15 см) стрельчатыми нишами в плоскости стен (рис. 14). В барабане сохранились остатки окон (по одному над каждой стеной мавзолея), перекрытых нависающими рядами кирпичей. Форму купола по сохранившимся фрагментам определить нельзя. Пилоны портала облицованы специальным облицовочным кирпичом клиновидной формы очень хорошего качества. По сохранившимся фрагментам можно определить, что по portalу шла, по всей видимости, майоликовая орнаментальная полоса. В настоящее время майолики совсем нет, остался лишь раствор в углублении, где она помеща-

лась, и часть декальных кирпичей, обрамлявших полосу. Арка портала сложена из чередующихся простых облицовочных кирпичей и кирпичей с гранью, покрытой бирюзовой поливой. Фрагменты бирюзовых плиток сохранились и в тропях между пилонами портала.

В бассейне Жаны-Дарьи проводил также работы археолого-топографический отряд экспедиции (начальник Б. В. Андрианов).

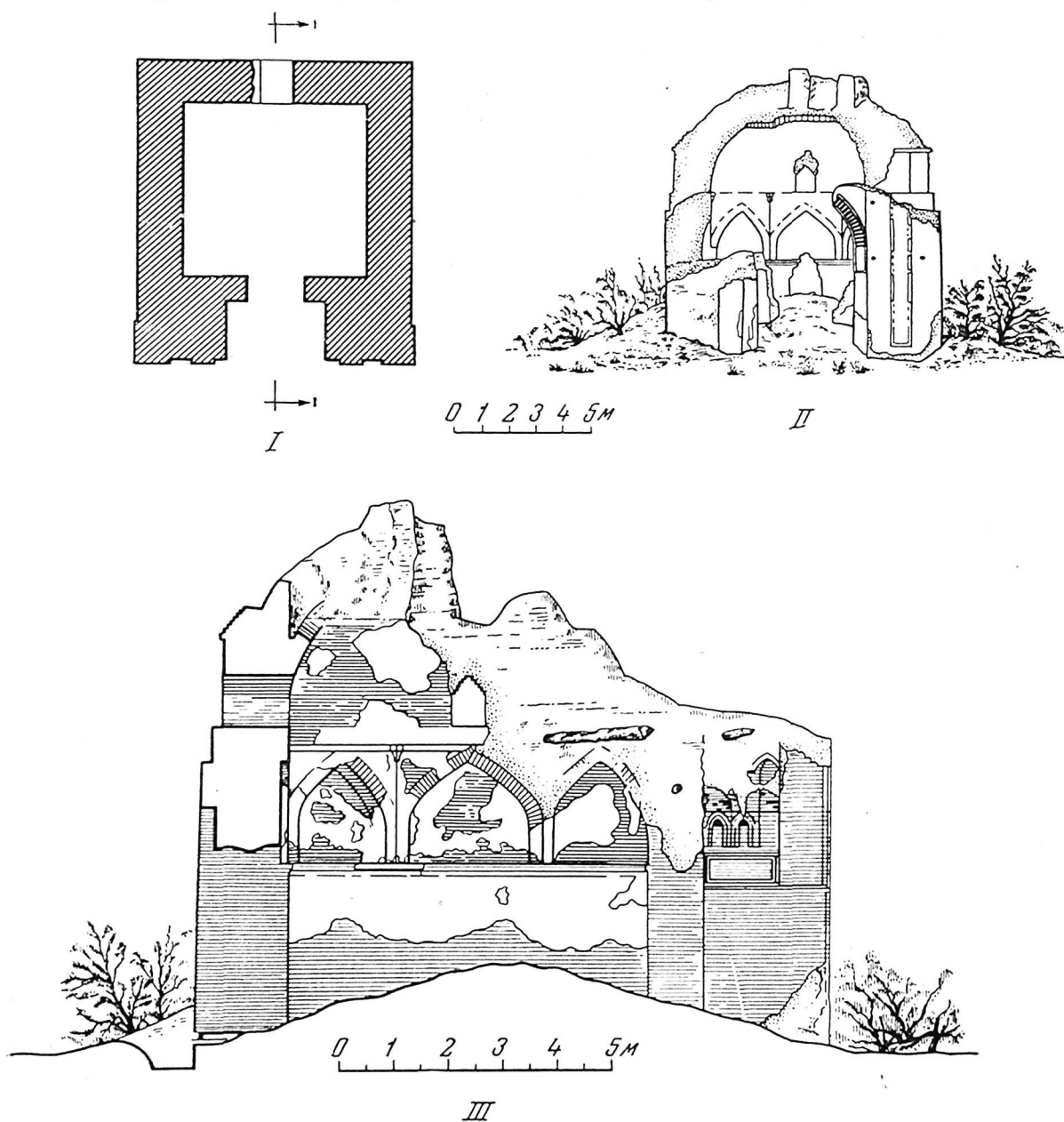

Рис. 14. Сарлы-там

I — план; II — фасад; III — разрез по 1—1

Основная задача этого отряда — исследование истории ирригации методом сопоставления данных аэрофотосъемки с детальным археологическим обследованием сохранившихся в пустынях, на землях древнего орошения сухих русел, следов пересохших каналов и расположенных близ них остатков сельских поселений. В 1957 г. на Жаны-Дарье археолого-топографический отряд занимался изучением остатков каракалпакской ирригации. В XVIII и начале XIX в., когда эта река была обводнена, здесь находился большой земледельческий район, населенный каракалпаками. До сих пор сохранились густая сеть каналов и остатки селений, мазаров, кре-

постей, а также укрепленных усадеб крупных каракалпакских феодалов, управлявших местным населением. Исследование покинутых каракалпакских поселений на Жаны-Дарье дает ценный материал для восстановления истории хозяйственно-бытового уклада этого народа накануне его завоевания Хивинским ханством. Задачей отряда было также составление подробнейших крупномасштабных археологических карт, на которые должны быть нанесены все памятники этого района северных Кызыл-Кумов.

VI

В результате изучения различных памятников нижнего междуречья Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи в 1946—1948 гг. и в последующие годы экспедиции удалось установить, что территория, на которой расположены развалины Чирик-рабат и Бабиш-мулла в древности была заселена племенами, известными в письменных источниках под именем апасиаков или «водных саков»¹². Центром расселения этих племен был Чирик-рабат — городище в пустыне Кызыл-Кум, расположенное на Жаны-Дарье, в 200 км юго-западнее г. Кызыл-Орда.

Памятник был открыт Хорезмской экспедицией в 1946 г., тогда же был снят план городища, собран подъемный материал, проведена шурфовка. Изучение полученных материалов позволило отнести возникновение памятника к середине I тысячелетия до н. э.¹³

Во время разведочных маршрутов в 1948 и 1949 гг. памятник был вновь обследован.

В 1957 г. на городище были начаты стационарные раскопки под общим руководством С. П. Толстова (начальник отряда Ю. А. Рапопорт)¹⁴.

Памятник расположен на естественной возвышенности, высота которой достигает 15 м. План городища соответствует овальным очертаниям холма, длина которого равна 850 м, ширина примерно 600 м (рис. 15).

На площади Чирик-рабата прослеживаются следы нескольких, иногда разновременных поясов укреплений. Это позволяет определить площадь поселений, существовавших здесь в различные исторические периоды.

Наибольший размер — 47 га — имеет самое раннее городище, овальное в плане, окруженное двойным поясом укреплений.

Вероятно, к тому же времени относится укрепление площадью 12,4 га, расположенное в центральной части памятника. Его можно рассматривать как цитадель древнего городища. На территории цитадели находится прямоугольная небольшая крепость площадью 1,2 га (128×94 м), видимо, более поздняя, чем цитадель.

Южную половину площади древнего городища отсекает стена более позднего поселения, укрепления которого сохранились всего полнее. Территория этого городища составляет 22 га.

¹² С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1948 года. «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», 1949, т. VI, № 3, стр. 254; е го ж е. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР в 1949 году. «Изв. АН СССР. Серия истории и философии». 1950, т. VII, № 6, стр. 521—522; е го ж е. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948 гг.). «Труды ХЭ», т. 1, стр. 12; е го ж е. Огузы, печенеги, море Даукара. СЭ, 1950, № 4, стр. 51, 52 и карта; е го ж е. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. «Труды ХЭ» т. II. М., 1958, стр. 235; е го ж е. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., СЭ, 1958, № 1, стр. 109—110.

¹³ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР в 1946 г. «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», 1947, т. IV, № 2, стр. 180; е го ж е. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 98, 99.

¹⁴ Работы велись с 5 по 28 октября отрядом, в состав которого входили 22 научных и научно-технических сотрудника и до 23 человек рабочих-землекопов.

Кроме того, на территории памятника было обнаружено шесть курганов, четыре из которых находились в пределах древней цитадели.

В 1957 г. было заложено пять основных раскопов и произведены зачистки и шурфовки еще на нескольких участках памятника.

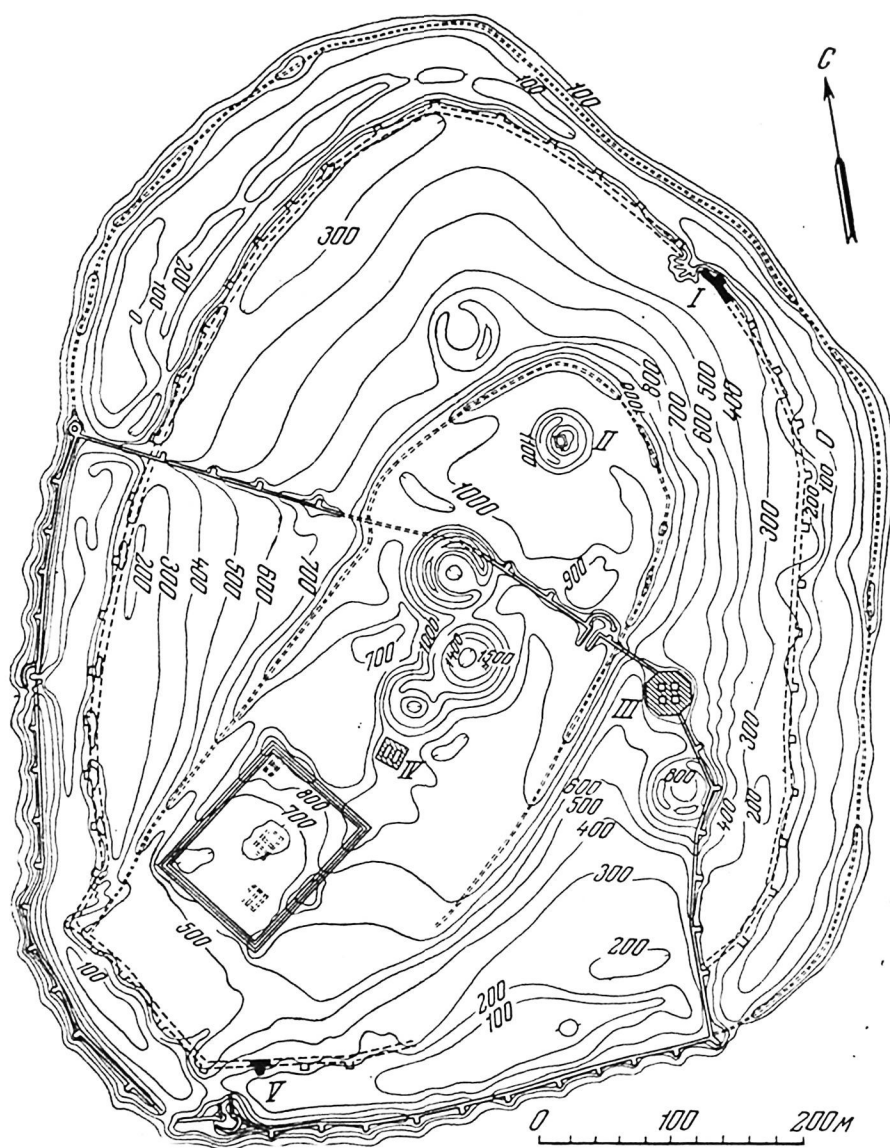

Рис. 15. Городище Чирик-рабат. Общий план

I, II, III, IV, V — номера раскопов

Раскопы были заложены в следующих местах: в северной части древней стены; на одном из курганов; на круглом погребальном сооружении, входящем в систему более поздней стены; на прямоугольном погребальном здании в центре древней цитадели; в южной части древней цитадели. Все эти раскопки, хотя они были небольшими по масштабу, дали возможность прежде всего уточнить датировку памятника. Время его существования сравнительно непродолжительно: с V в. до н. э. по II в. до н. э. Вторично небольшая площадь в южной части городища была на короткое время освоена в XII — начале XIII в. Городище было окружено рвом, ширина которого достигает 40 м, а глубина, как показала траншея, заложённая поперек рва, — 4,5 м (от основания крепостных стен). Укрепления внешних стен крепости были исследованы в северо-восточной части городища (раскоп № 1). Внешняя стена крепости (рис. 16), охватывавшая ров,

сильно разрушена. Внутренняя стена, общая толщина которой равна 4,5 м, имела внутри стрелковую галерею шириной 1,8 м. Стена была усилена башнями прямоугольных очертаний со скругленными углами. В одной из башен были произведены раскопки. Ширина ее достигает 6 м. и она

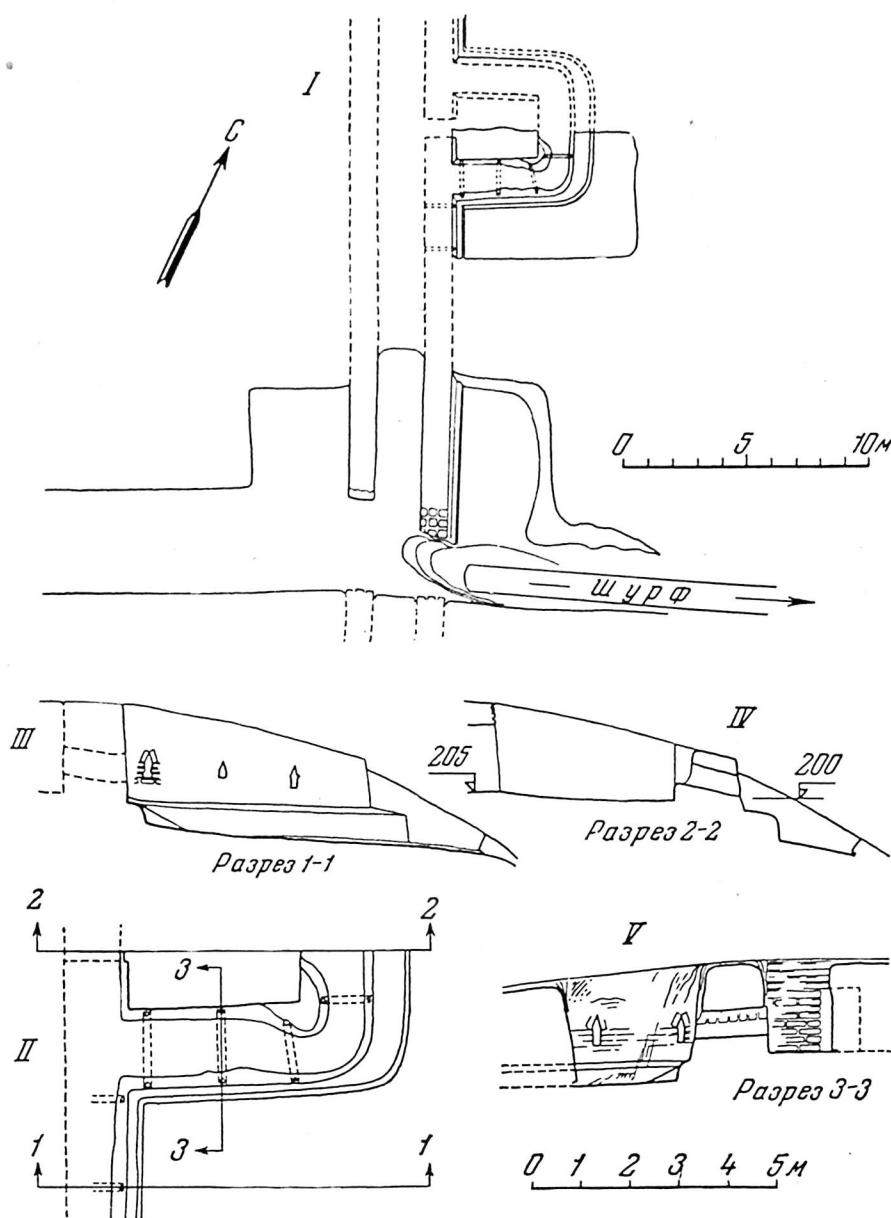

Рис. 16. Чирик-рабат. Раскоп № 1

I — план раскопа; II — план башни; III, IV, V — разрезы через башню

на столько же выступает за линию крепостной стены. Башня, как и крепостная стена, была прорезана стреловидными бойницами (рис. 17). Ее внутренняя прямоугольная камера сообщалась со стрелковой галереей.

Другой участок стены со стрелковой галереей и выступающей башней, от которой сохранилась лишь нижняя часть, раскрыт на юге городища (раскоп № 5). Стреловидные бойницы сохранились лишь в основании.

По-видимому, самой древней группой памятников этого комплекса являются курганы. Были произведены раскопки одного из курганов, расположенного на площади древней цитадели в северо-восточной ее части (раскоп № 2). Насыпь кургана имеет округлые очертания, диаметр ее —

около 60 м, высота достигает 3,5 м над уровнем окружающей поверхности. В центре кургана — запыленная воронка диаметром около 30 м. Таким образом еще до начала раскопок было ясно, что курган (так же, как и все остальные курганы городища) подвергся разграблению.

Рис. 17. Чирик-рабат. Раскоп № 1. Башня с бойницами

Удалось обнаружить погребальную камеру и раскрыть, примерно, половину ее площади. Она была вырыта в материковом грунте и имела глубину 2,5 м. В плане камера квадратная, длина сторон около 7,5 м; таким образом, площадь погребального помещения достигала 56,25 м². Песчаные стены камеры были покрыты глиняной сероватой обмазкой, имеющей толщину около одного сантиметра; более тонким слоем глины покрыто дно, так же лежащее в слое плотного песка, включающего известковые отложения. В центре южной стены обнаружен проход шириной около 0,90 м. Пол его, обмазанный глиной, лежит на 0,40 м выше дна камеры. Покрыты обмазкой и стены. Проход раскрыт на протяжении 1,5 м. Дно пола его идет горизонтально. Возможно, это дромос¹⁵.

В погребальной камере не найдено какой-либо вымостки или ямы, которые могли бы быть определены, как место непосредственного погребения. На полу камеры никаких находок не сделано. В завале было обнаружено некоторое количество костей животных, несколько фрагментов керамики и два кварцитовых отщепов. Следует отметить также находку бронзового трехперого втульчатого наконечника стрелы (рис. 18, 2) и поделки из золота. Последняя имеет форму полуцилиндра из листового металла с выбитым на шаблоне диагональным рифлением (рис. 18, 4). По краям пробиты дырочки для гвоздиков, которые также были золотыми. Таким обра-

¹⁵ Раскопки 1958 г. показали, что это действительно дромос длиной около 15 м, завершающийся 4-мя ступенями, выводящими на поверхность.

Раскопки дромоса позволили также уточнить и историю кургана в целом, сильно запутанную наличием большой грабительской воронки. Стало также очевидно, что после того как умерший был положен в камере, последняя, равно как и дромос, была засыпана, а затем и застлана слоем камыша, поверх которого был насыпан курган.

зом, изделие служило обкладкой какого-то цилиндрического деревянного предмета, возможно, рукояти меча.

Курганы этого типа были обнаружены в целом ряде других пунктов: в окрестностях Чирик-рабата — на возвышенности Ак-кыр, на возвышенности Беш-там, но все они носят следы ограбления.

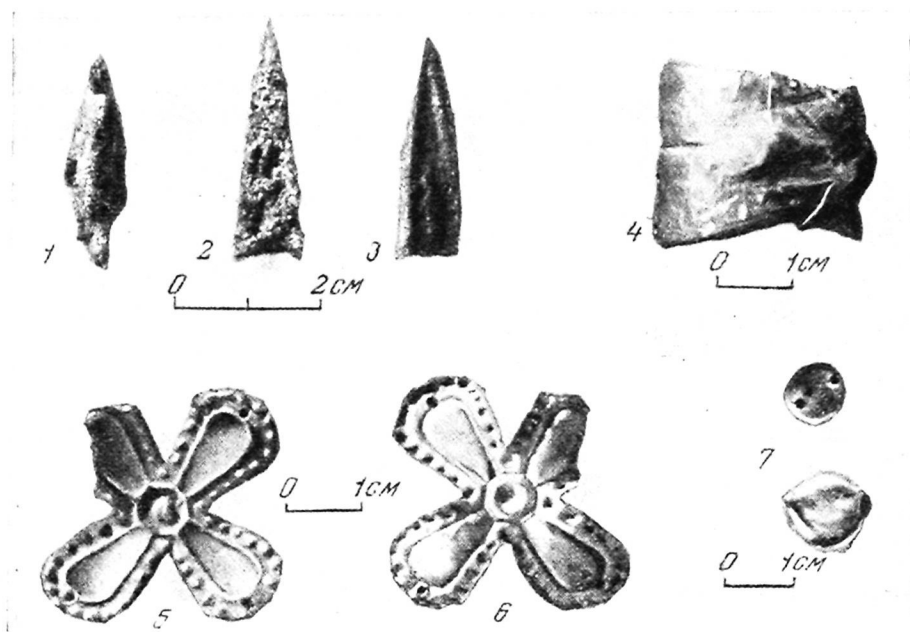

Рис. 18. Чирик-рабат. Вещи из раскопов № 2, 3 и 5

1 — 3 — бронзовые наконечники стрел; 4 — поделка из листового золота; 5 — 6 — золотая нашивная бляшка (лицевая и оборотная стороны); 7 — золотые нашивные бляшки без орнамента

Другим объектом для раскопок были избраны развалины погребального здания, расположенного в восточной части городища, в системе поздней оборонительной стены (раскоп № 3).

Здание представляет собой сильно оплывшее сооружение из сырцового кирпича, возвышающееся на 7,5 м над окружающей поверхностью; размеры его 32×32 м (рис. 19). Здание производит впечатление круглого в плане. Как показала зачистка в северо-восточной части сооружения, кладка идет здесь под углом 45° к кладке северной стены. Сырцовый кирпич определенного стандарта не имеет, встречается как прямоугольный, размером $46/47 \times 26/27 \times 9$, так и приближающийся к квадратному, размером $40/42 \times 36/38 \times 9$ см.

Внутри здание делится двумя мощными идущими крест накрест стенами толщиной около 2 м на четыре равных квадратных помещения размером 6×6 м (рис. 20). Раскопана западная половина северо-восточного помещения (помещение № 1). Пол помещения расположен почти на уровне окружающей поверхности.

Великолепно сохранилась равномерно прокаленная докрасна обмазка на западной и южной стенах. Обмазка многослойная и имеет общую толщину 0,12—0,16 м. Она накладывалась на каркас из вертикальных жердей диаметром 0,9—0,10 м, расположенных на расстоянии 0,25—0,30 м друг от друга. На северной стене эта конструкция обнажена, сохранились отверстия, где обнаружены угли и зола от сгоревших жердей, а в одном из них — остатки дерева (рис. 21 и 22, 1). Возможно, что с этой конструкцией

связаны и расположенные по углам полуколонны, каждая радиусом около 0,40 м, сложенные из естественных известковых и железистых конкреций и покрытые обмазкой (рис. 22, 2). Вдоль западной стены помещения шла суфа шириной 1,50 м и высотой 0,40 м, сложенная из сырцового кирпича и покрытая обмазкой; поверхность суфы обожжена.

Рис. 19. Чирик-рабат. Раскоп № 3. Погребальное сооружение.
Общий вид

Вдоль северной стены помещения также была суфа. К сожалению, суфа очень сильно повреждена. На ней вдоль северной стены располагалась еще какая-то, ныне совершенно разрушенная, конструкция из сырцового кирпича, большого количества крупных, естественного происхождения конкреций и обмазки.

Вход в помещение был в южной стене.

Вдоль стены прохода шли деревянные столбы, скрытые под мощным слоем обмазки. Ширина прохода — 1,45 м.

Раскопки дали немногочисленные, но очень интересные находки. В завале, на высоте около 0,5 м от уровня суфы, была найдена миниатюрная бронзовая ложечка, по-видимому, туалетного назначения; на ступеньках суфы — несколько фрагментов железной прямоугольной пластинки, возможно, от пряжки. На суфе найдена круглая золотая бляшка, на полу у восточного угла прохода — вторая круглая золотая бляшка, более миниатюрных размеров, с 2 отверстиями для нашивки (см. рис. 18, 7). В яме в северо-западном углу помещения, в завале из прокаленного кирпича и обмазки, найдена великолепная крупная золотая чеканная нашивная бляшка в виде четырехлепестковой розетки с отверстиями для нашивки (см. рис. 18, 5, 6). Лепестки по краю оформлены валиком и ложной зернью. В той же яме обнаружена железная пластинка с одним закругленным концом, может быть, чешуйка панциря, и несколько фрагментов таких же пластинок.

В яме в юго-западном углу, в завале кирпичей суфы, найден миниатюрный бронзовый трехгранный втульчатый наконечник стрелы скифского

типа с кусочком обуглившегося древка во втулке (рис. 18, 1). Здесь же обнаружены два плохо сохранившихся железных изделия, очевидно, кинжал и нож.

Вместе с этими вещами найдены куски обуглившейся черной шерстяной ткани и фрагмент перламутровой раковины. На суфе, на краю пролома,

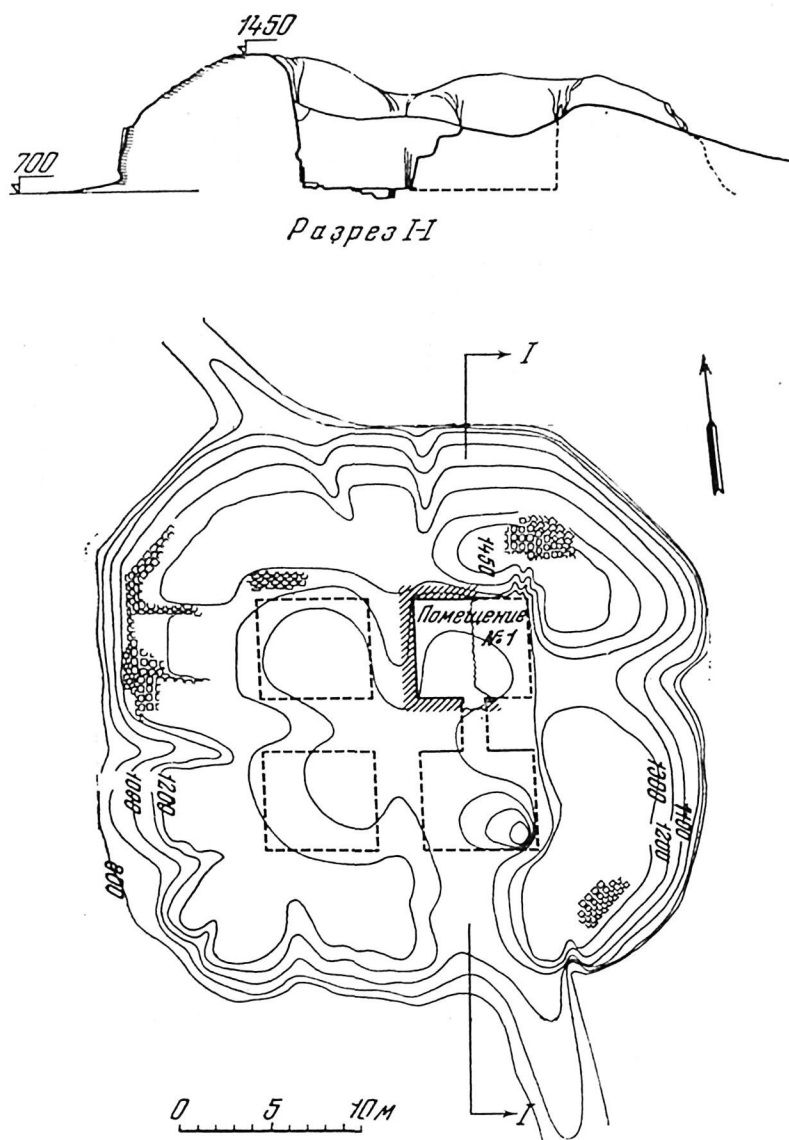

Рис. 20. Чирик-рабат. Раскоп № 3. Погребальное сооружение. План и разрез

обнаружены в золе мелкие осколки сильно кальцинированных костей, такие же фрагменты встречены при расчистке ступеней.

Ямы, пробитые в суфах и полу, заставляют предполагать, что здесь побывали грабители, а разбросанные по комнате мелкие золотые предметы и детали вооружения — видимо, результаты их деятельности¹⁶.

¹⁶ Раскопки 1958/59 гг. показали, что здание было действительно круглым в плане и являлось погребальным сооружением, содержащим трупосожжения. Раскопаны все четыре камеры. Среди находок особый интерес представляют фрагменты и отдельные спаявшиеся части чешуйчатого железного доспеха — анасакского катафрактария.

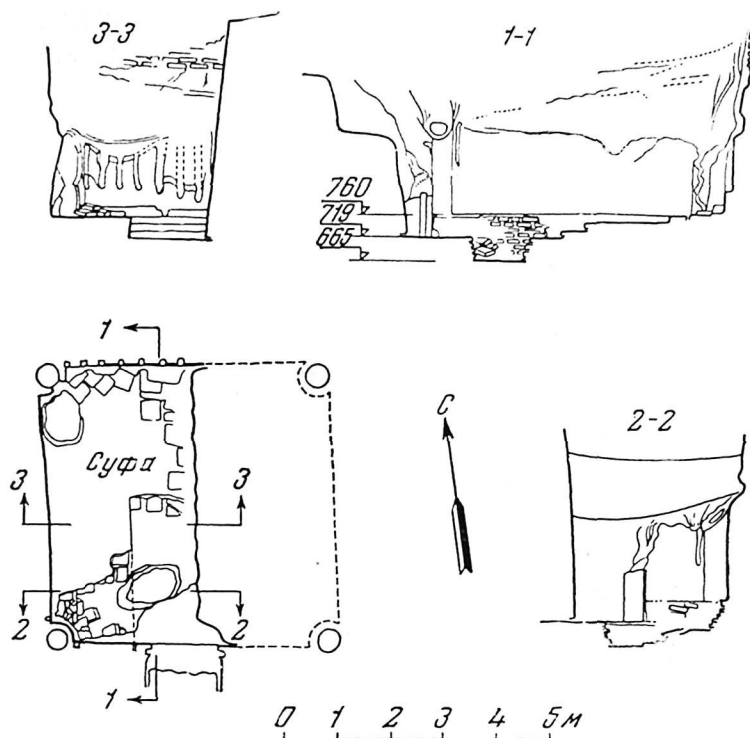

Рис. 21. Чирик-рабат. Раскоп № 3. План и фасады стен помещения № 1.

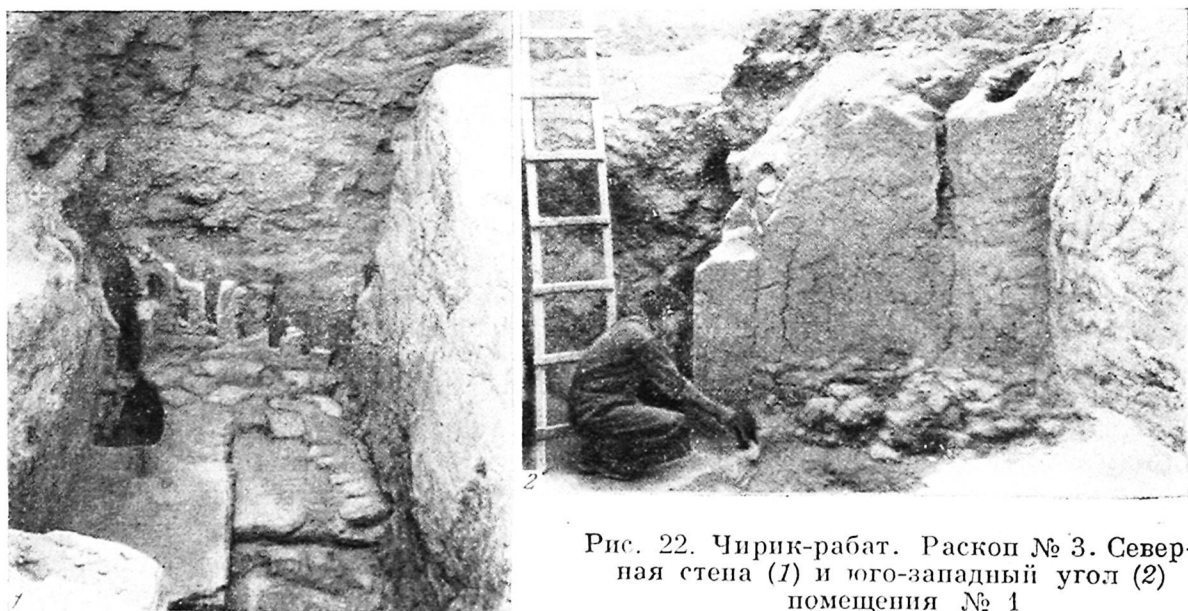

Рис. 22. Чирик-рабат. Раскоп № 3. Северная стена (1) и юго-западный угол (2) помещения № 1

Раскопки отдельно стоящего квадратного дома, находящегося на территории древней цитадели, к юго-западу от курганов (раскоп № 4), показали, что перед нами погребальное сооружение (рис. 23). Расчистке было подвергнуто одно из двух помещений — северо-западное. Длина вскрытой

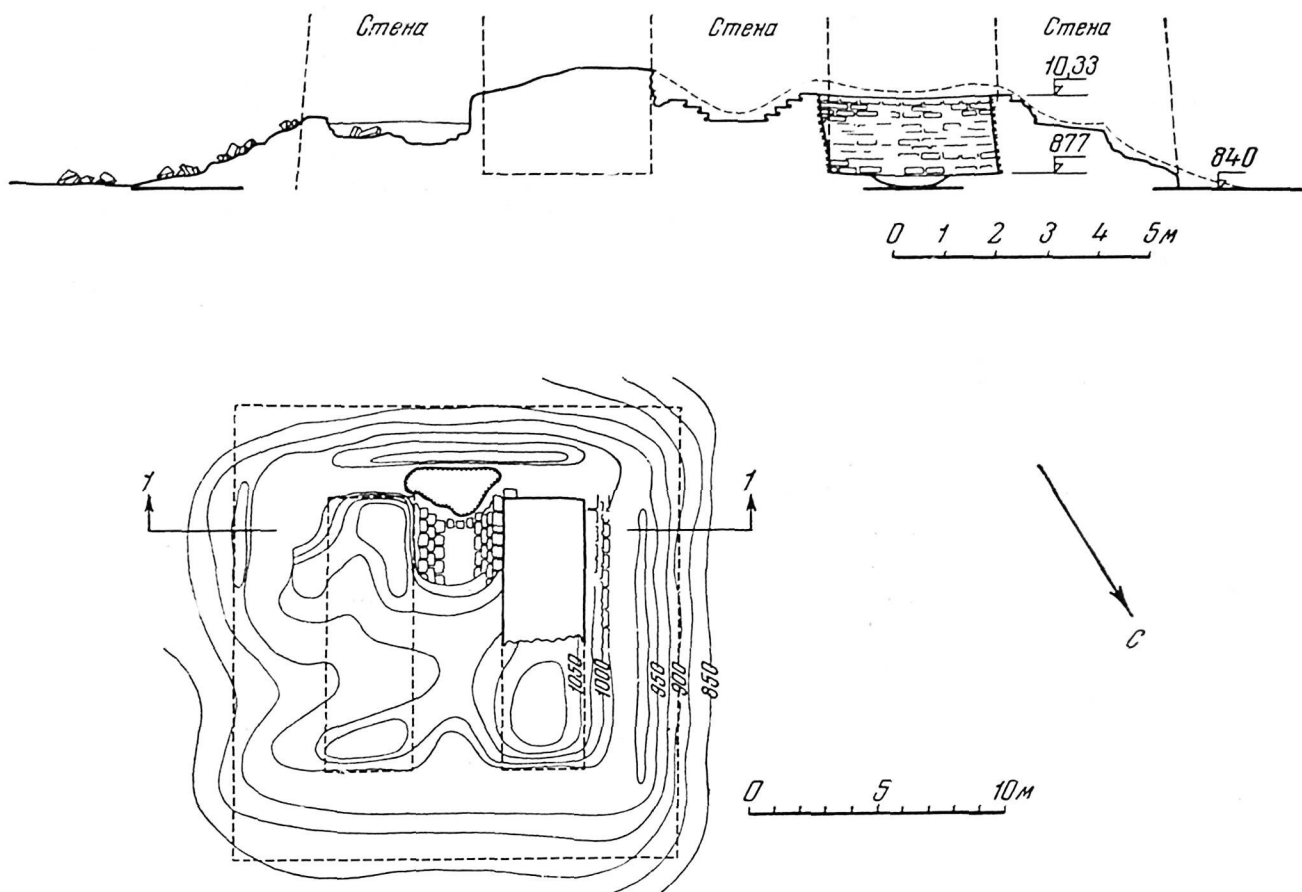

Рис. 23. Чирик-рабат. Погребальное сооружение. Раскоп № 4.
План и разрез сооружения

части помещения — 5,50—5,70 м. На глубине 1,5—1,6 м от высоты сохранившихся стен расчищен пол со следами плохо сохранившейся обмазки. Под ним обнаружена кирпичная вымостка, в центре которой до материка вырыта яма ($3,87 \times 2,16$ м). В яме, а также в слое намывов (толщина 0,15—0,20 м) над ямой найдено большое количество беспорядочно лежащих человеческих костей. Множество костей найдено также у северо-западной стены помещения и над ямой. Видимо, и это погребение было разграблено. Среди костей обнаружено три черепа, сохранившихся неполностью, четыре нижних челюсти, кости таза, крестца, лопаток, верхних и нижних конечностей. Один из черепов (из ямы) принадлежал старой женщине. Кроме этой черепной крышки, из намывов над ямой извлечены фрагменты очень плохо сохранившихся черепов не менее чем трех взрослых людей. Этот краниологический материал, так же как и черепа из Бабиш-муллы (см. ниже), с наибольшей вероятностью, может быть сближен с саками и усунями Киргизии¹⁷.

Встречаются также кости животных, но их меньше. Найдено небольшое количество фрагментов античной ремесленной керамики (чашечки,

¹⁷ Определение черепов произведено Т. А. Трофимовой

кувшин). Внутри ямы, в материке, сделано углубление яйцевидной формы ($1,62 \times 1,54$). Костей в нем мало. На дно ямы была положена часть туши быка, о чем свидетельствуют найденные здесь ребра, лежащие в анатомическом порядке.

В южной части городища шурфом был вскрыт участок жилой застройки, примыкающий с внутренней стороны к оборонительной стене (раскоп № 5; рис. 24). Здесь обнаружен культурный слой толщиной свыше 2 м, при зачистке которого выявлены три строительных периода и шесть полов (рис. 24а). Тонкий культурный слой шестого пола, лежащего на материке, дал небольшое количество костей животных и лишь несколько фрагментов керамики, главным образом лепной. Мягкие, слоистые по структуре, с многочисленными следами горения, культурные слои пятого и четвертого полов дали большое количество костей животных и керамики. Промежуточное положение между нижним (шестой — четвертый полы) и верхним (первый и второй полы) строительными периодами занимает третий пол, на котором найден бронзовый трехперый наконечник стрелы со скрытой втулкой (рис. 18, 3).

В верхнем строительном периоде, над внешней стеной стрелковой галереи (нижнего строительного периода) была возведена новая стена, к которой примыкали помещения со вторым и первым полами. Найденная здесь керамика продолжает традиции более древней керамики из нижнего строительного горизонта. Здесь также много лепных сосудов, однако заметно возрастает процент керамики, сделанной на круге, более разнообразными становятся ее формы. В культурном слое на втором полу найдены обломки железного четырехгранного шила и ножа.

Все указанные слои перекрывал очень тонкий и бедный средневековый слой, не давший никаких остатков сооружений и сколько-нибудь значительных находок.

Керамика, найденная при раскопках городища, представлена фрагментами ремесленной посуды, сформованной на гончарном круге, и обломками сосудов ручной лепки. По формам и выработке сосуды каждой из этих двух групп, происходящие из разных раскопов и из различных строительных горизонтов шурфа № 5, настолько однородны, что целиком могут датироваться одним сравнительно коротким историческим периодом.

По раскопкам керамика распределяется неравномерно, что определяется не только площадью, но и характером исследуемых объектов. Наибольшее количество фрагментов собрано в раскопе № 5, где вскрыты слои жилых помещений, примыкавших к крепостной стене. На втором месте — раскоп № 1. Помещений там пока не обнаружено, но сравнительно мощный золистый слой, вскрытый у внутренней стороны крепостной стены, содержал довольно много костей животных и обломков посуды. Меньше всего керамики собрано при исследовании погребальных сооружений (раскопы № 2, 3 и 4), причем она оказалась в основном ремесленной выработки и была представлена обломками кувшинов (рис. 25, 1, 3—8, 11) и красноангобированных чаш (рис. 25, 2, 9).

Различно и соотношение между количеством фрагментов лепной и ремесленной посуды. В целом на городище численно преобладают сосуды ручной выработки. Однако в раскопе № 1 и в верхних горизонтах раскопа № 5 (полы первый—третий) керамики ремесленного производства в 2—1,5 раза больше, чем лепной; напротив, в нижних слоях (полы четвертый и пятый) число фрагментов лепных сосудов настолько увеличивается, что в результате процент ремесленных сосудов к общему количеству собранной керамики оказывается меньшим (42,5%).

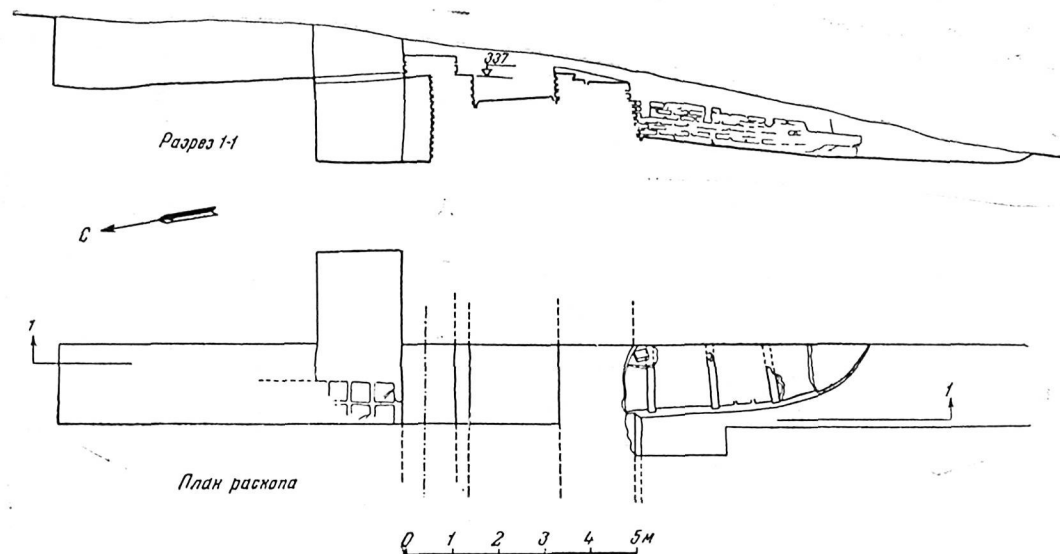

Рис. 24. Чирик-рабат. Раскоп № 5. План и разрез архитектурных конструкций.

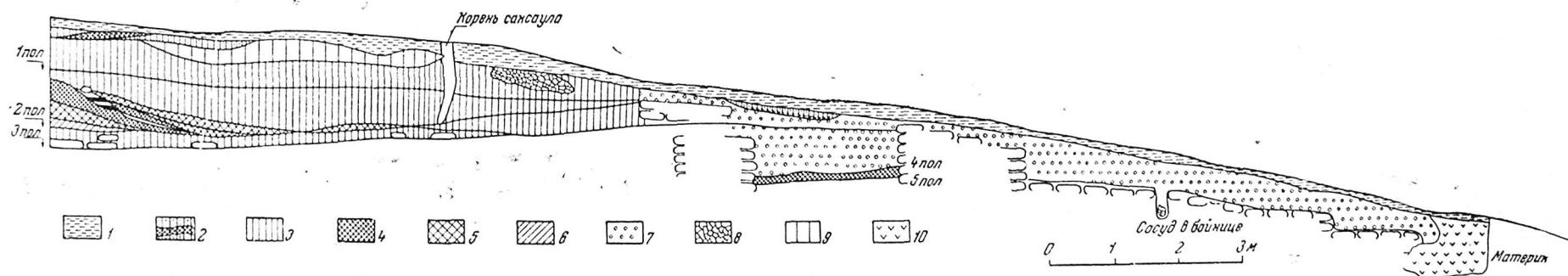

Рис. 24а. Чирик-рабат. Раскоп № 5. Стратиграфический разрез

1 — поверхностные слоистые намывы, серая супесь; 2 — средневековый культурный слой с кострищем; 3 — рыхлый, слоистый по структуре слой с редкими вкраплениями углей и золы; 4 — темный углисто-золистый слой; 5 — серый золистый слой; 6 — культурный слой с сильными вкраплениями золы, пепла и мелкодробленых сырцовых кирпичей; 7 — плотный глинистый завал с обломками кирпичей и крупными вкраплениями желтого песка; 8 — плотный кирпичный завал; 9 — плотный комковато-пористый по структуре завал с сильной примесью замойки кирпичной массы; 10 — желтый песок

Ремесленная керамика изготовлена из хорошо промешанной (а для сосудов лучшего качества и отмученной) глины, с добавлением в качестве отощающей примеси белого вещества и небольшого количества песка и шамота; в глине крупных сосудов белое вещество находится в виде небольших

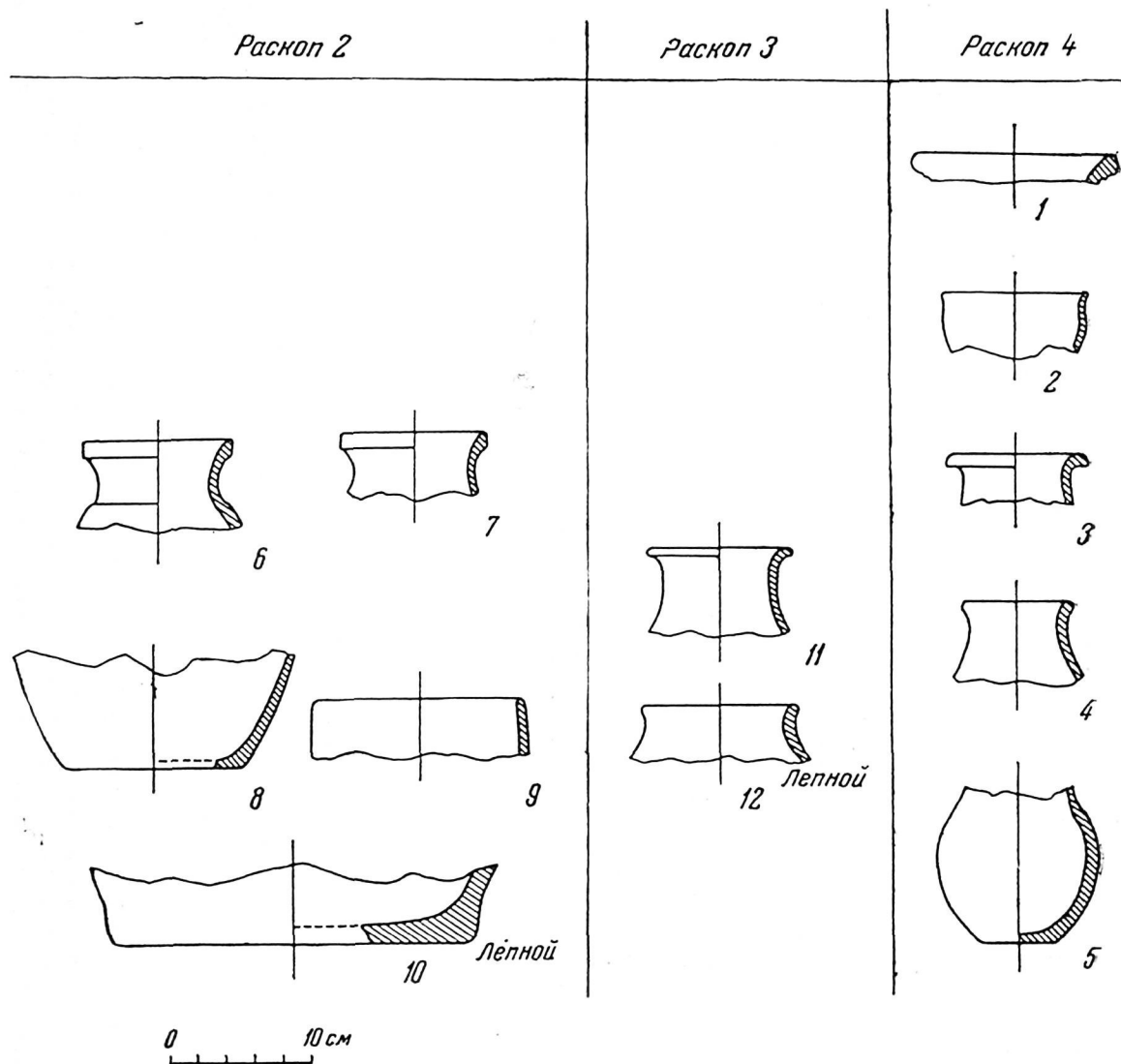

Рис. 25. Чирик-рабат. Керамика из раскопов № 2, 3, 4

комочков и крупинок, а в глине мелких — истертое в порошок. Формовалась посуда на гончарном круге, причем для больших сосудов применялась подставка; низ часто обстругивался ножом. Обжиг производился в специальных печах; черепок при обжиге получал обычно красноватый тон различных оттенков — от яркого красно-кирпичного до тусклого серовато-песочного; сероглиняных сосудов очень мало. Большинство сосудов снаружи покрыто красным ангобом, обычно жидким, неровно положенным; светло-ангобированных или неокрашенных фрагментов сравнительно немного. Встречаются обломки стенок с ленточной росписью красной краской по светлому ангобу.

В целом керамика близка хорезмийской; многие формы находят в Хорезме полные аналогии. Набор форм довольно беден; особенно мало фрагментов столовой посуды. Основные типы сосудов следующие:

Х у м ы — представлены фрагментами стенок и придонных частей, так что форму и размер их установить не удастся. Наружная поверх-

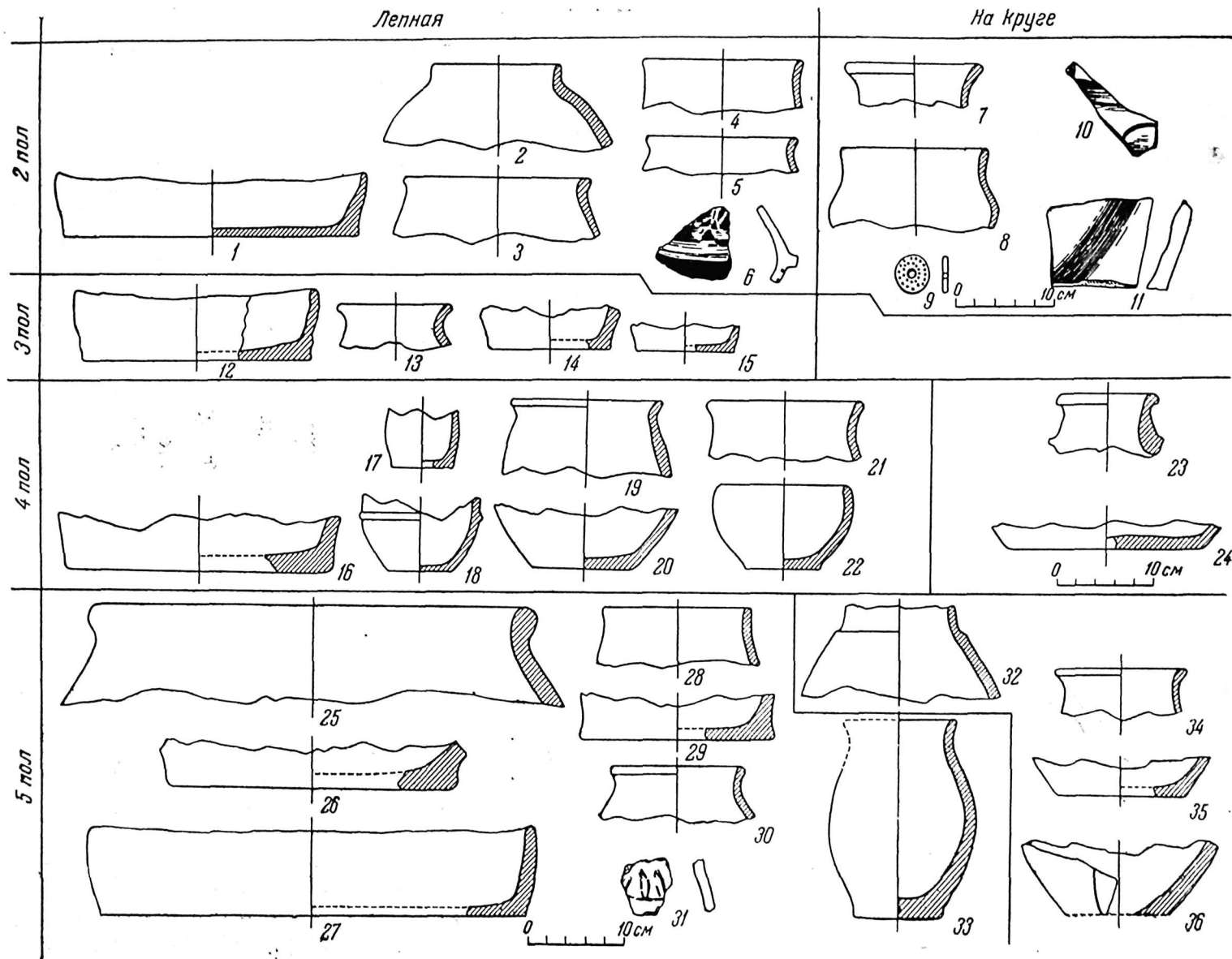

Рис. 26. Чирик-рабат. Керамика из раскопа № 5

ность покрывалась жидким красным ангобом или расписывалась красной краской по светлому ангобу (рис. 26, 11). Фрагменты хумов в основном найдены в верхних напластованиях раскопа № 5 (полы первый — третий); в нижних (полы четвертый — пятый) их почти нет.

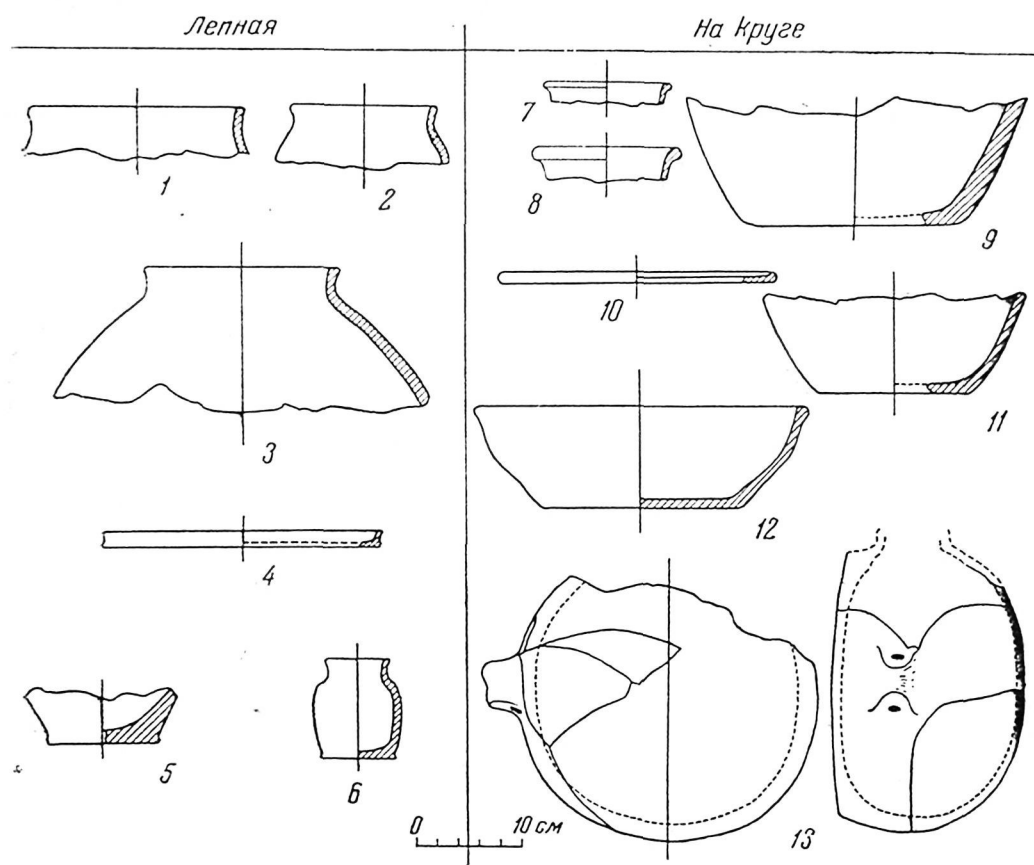

Рис. 27. Чирик-рабат. Керамика из раскопа № 1

Хумчи. Найдены лишь стенки и доньшки, которые по аналогии с керамикой Хорезма можно считать принадлежавшими хумчам (рис. 26, 24). Фрагменты хумчей встречаются на всех полах раскопа № 5.

Кувшины по форме, насколько об этом можно судить по имеющимся фрагментам, видимо, мало отличались друг от друга. Преобладают сосуды с туловом грушевидной формы, довольно широким низким горлом, широким плоским дном. Ручек у большинства сосудов, вероятно, не было, поскольку пока они не найдены. В зависимости от назначения сосуда делались различной величины. Довольно много фрагментов больших водоносных кувшинов (диаметр по венчику 14—18 см, диаметр дна 15—20 см). Горловина прямая, в середине с легким изгибом внутрь, венчик округлый, выступающий наружу; у части сосудов был невысокий валик, опоясывающий горловину при переходе к плечикам. Дно плоское, широкое (рис. 27, 8, 9, 11). Наружная поверхность покрывалась светлым ангобом, на который часто наносилась красной краской ленточная роспись.

Сосуды средней величины отличаются от больших в основном менее массивным, но часто сильнее выступающим наружу венчиком. В остальном они, видимо, сходны с более крупными (рис. 25, 11; рис. 26, 7, 34, 35; рис. 27, 7). Наружная поверхность обычно красно-ангобированная, но есть светло-ангобированные и расписные сосуды (рис. 26, 10). На некоторых фрагментах концом ножа нанесены знаки (рис. 26, 36). Небольшие кувшины с относительно широким устьем (диаметр по венчику 8—10 см),

покатыми плечиками и округлым туловом (наибольший диаметр тулова 11—12 см), опирающимся на небольшое донышко (диаметр 5 см), сравнительно редки (рис. 25, 3—5). Венчик — выступающий, округлый (рис. 25, 3) или образованный слегка утолщенным, отогнутым наружу краем (рис. 25, 4). Наружная поверхность красно-ангобированная или без ангоба. Аналогию всем этим кувшинам можно найти среди керамики Хорезма кангюйского времени¹⁸, ближайшую же — на памятниках комплекса Бабиш-мулла.

Интересную группу составляют кувшины с характерным уступом при переходе от горла к плечикам (рис. 25, 6; рис. 26, 32). Один из них найден в кургане № 1 (раскоп № 2), второй — в бойнице крепостной стены вместе с лепным горшком (рис. 26, 33), по форме напоминающим сосуды, распространенные в сарматской керамике IV—III вв. до н. э.

Широкогорлые кувшины с уступом на плечиках в Средней Азии встречаются редко. Среди ремесленной керамики аналогичные сосуды найдены на Бабиш-мулле-1, в Кую-Мазарском могильнике¹⁹ и в Фергане на городище Эйлатан в IV горизонте²⁰. Довольно близкий по форме сосуд, но изготовленный от руки, обнаружен при раскопках Малого дома на городище Алтан-асар в 1949 г., в слое, датированном последними веками до н. э. Вряд ли можно признать приведенную О. В. Обельченко аналогию найденного им в Кую-Мазарском могильнике сосуда с лепным кувшином из погребения № 3 кургана № 1 на Алебастровой горе²¹, так как последний значительно отличается от Кую-Мазарского. Прежде всего нет характерного уступа при переходе от горла к плечикам; вместо него — две прочерченные параллельные линии; кроме того, сама форма сосуда, особенно горла и венчика, иная. Отсюда спорен и вопрос о датировке как сосуда, так и всего погребения II—I вв. до н. э.²²

Один из найденных на Чирик-рабате сосудов с уступом на плечиках обнаружен в погребальной камере кургана № 1 вместе с бронзовым наконечником стрелы типа, распространенного в V—III вв. до н. э. Эта находка и приведенные выше аналогии позволяют датировать сосуды данной группы на Чирик-рабате временем, никак не более поздним, чем начало II в. до н. э., а вернее — более ранним. Этому выводу не противоречит и остальной керамический материал, найденный вместе с данными кувшинами.

М и с к и — довольно редкая находка на городище. Фрагменты, дающие полный профиль, найдены только в раскопе № 1 (рис. 27, 12). Диаметр устья миски 31 см, дна — 19,5 см; высота 9,5 см. Наружная и внутренняя поверхности покрыты красным ангобом. Аналогичная миска найдена в комплексе Бабиш-мулла.

Ч а ш и (рис. 25, 2, 9; рис. 26, 8) представлены фрагментами глубоких сосудов, хорошо известных в керамике Хорезма, начиная с раннекангюйского времени²³. Наружная и внутренняя поверхности покрыты густым красным ангобом. Фрагменты подобных чаш встречаются во всех раскопах, хотя их и немного.

П л о с к и е т а р е л к и и л и б л ю д а — одна из наиболее редких форм среди ремесленной керамики Чирик-рабата (рис. 27, 10). Широкое плоское дно диаметром 25 см переходит в очень низкий бортик, чуть

¹⁸ М. Г. Воробьева, Керамика Хорезма античного периода. «Труды ХЭ», т. IV, М., 1959, стр. 84—139 и табл. между стр. 216—217.

¹⁹ О. В. Обельченко. Кую-Мазарский могильник. «Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР», вып. VIII. Ташкент, 1956, стр. 215, 217, рис. 12.

²⁰ Коллекция ЛОИИМК Фр. II-19.

²¹ Г. Ф. Смирнов. Сарматские погребения Южного Приуралья. КСИИМК, вып. XXII, 1948, стр. 81, рис. 24.

²² О. В. Обельченко. Указ. соч., стр. 225.

²³ М. Г. Воробьева. Указ., соч. таб. между стр., 216—217.

скругленный внутрь. Поверхность с обеих сторон покрыта красным ангобом и залощена. Аналогичное блюдо, но серой глины, найдено в комплексе Бабиш-мулла.

Вьючные баклаги (рис. 27, 13) с довольно низкой горловиной найдены на раскопе № 1 и в нижних напластованиях раскопа № 5 (4 пары). По величине они разные, диаметр тулова колеблется от 26 до 32 см. Плоская сторона без орнамента; выпуклая сторона может быть или гладкой, или украшенной прочерченными концентрическими окружностями. Поверхность красно- или светло-ангобированная. Сосуды подобной формы часто встречаются в Хорезме среди керамики кангюйского времени. Позже форма их несколько меняется.

Керамика ручной лепки изготовлялась из неотмученной, плохо промешанной глины с добавлением большого количества шамота, крупного непросеянного песка и раздробленного до небольших комочков белого вещества, визуальнo сходного с примесью, добавляемой в глину при изготовлении ремесленной посуды. Обычно все три вида примесей встречаются вместе, но бывает, что какая-нибудь из них отсутствует. Обжиг костровый, большею частью достаточный. В изломе цвет черепка обычно серый до черного, реже — коричневый или красновато-желтый. Поверхностный слой или тоже серый или красноватый. Поверхность, видимо, заглаживалась водой, но встречается и жидкий светлый ангоб, розоватый или сероватый. В массе сосуды изготовлены небрежно, но в нижних слоях раскопа № 5 (четвертый и пятый полы) встречаются сосуды лучшего качества, иногда даже со слабым лощением. Лепились сосуды, вероятно, частями, края которых для лучшего скрепления делались волнистыми. При лепке под донышко подсыпался песок или подкладывалась грубая ткань (может быть, тонкая циновка). Форм немного. Наиболее полно лепные сосуды представлены в нижних горизонтах раскопа № 5; найденные на других объектах почти не отличаются от них.

Наиболее распространенная форма лепной керамики — горшки различной величины, служащие основным сосудом для приготовления пищи; среди ремесленной керамики горшков пока не найдено. Но есть и другие лепные сосуды — хумы, хумчи, миски, сковороды.

Хумы — толстостенные (толщина стенки 1—2 см), с округлым валикообразным венчиком диаметром до 45 см, короткой шейкой, покатыми плечиками. Дно массивное, диаметром до 40 см, с выступающим наружу краем (рис. 25, 10; рис. 26, 25, 26). В раскопе № 5 число находимых фрагментов хумов заметно увеличивалось по мере углубления раскопа.

Хумчи встречаются реже, чем хумы. Представлены двумя вариантами формы — с широким устьем (диаметр 20 см), короткой, утолщенной по сравнению со стенками, горловиной, плавно переходящей в покатые плечики (рис. 26, 3; рис. 27, 1), и с более длинной, вертикально направленной горловиной (диаметр 14—17 см), заканчивающейся скругленным, иногда слегка отогнутым наружу краем; тулово сильно раздуто (рис. 26, 2; рис. 27, 3). Дно широкое (диаметр 20 см), массивное, с выступающим наружу краем (рис. 26, 29). Фрагменты хумчей обеих разновидностей встречаются в различных слоях раскопа № 5; найдены они и в раскопе № 1.

Довольно близкую форму хумчей этого типа можно найти среди сосудов ручной лепки Хорезма позднекангюйского периода, но изготовленных уже из глины хорошего качества ремесленниками-гончарами, обжигавшими свои изделия в специальных печах.

Горшки. По форме различаются три разновидности, из которых чаще всего встречаются сосуды с довольно короткой, более или менее отогнутой наружу горловиной, переходящей через низкую шейку и покатые плечики в слегка округлое тулово вытянутых пропорций. Дно сравнительно

но небольшое, массивное, с более или менее выступающим наружу краем. Диаметр устья и дна у больших горшков соответственно 16—18 и 11—13 см (рис. 26, 5, 14; рис. 27, 2); у средних по величине — 11—14 и 9—10 см (рис. 26, 13, 15, 33; рис. 27, 5).

Довольно распространены сосуды также вытянутых пропорций, приближающиеся по форме к баночным, но с длинной, слегка отогнутой наружу горловиной, заканчивающейся простым скругленным или плоским по бережку краем. Величина сосудов различна: диаметр устья больших горшков 20 см (рис. 27, 1), средних — 14—16 см (рис. 25, 12; рис. 26, 4, 28), маленьких — 6 см при диаметре дна 6,5—7 см (рис. 26, 17; рис. 27, 6). В отличие от больших сосудов маленькие довольно тщательно выработаны.

Третья встречающаяся реже разновидность горшков — это сосуды с короткой, вертикально направленной горловиной, заканчивающейся простым скругленным краем (диаметр устья 10—13 см), с сильно раздутым туловом, опирающимся на небольшое плоское или округло-уплощенное дно диаметром 6—10 см. Округло-уплощенное дно обнаружено среди керамики с четвертого пола раскопа № 5. Близкие аналогии этим горшкам подыскать довольно трудно. По пропорциям и весьма общему облику известное сходство наблюдается среди сарматской керамики Нижнего Поволжья и отчасти Южного Приуралья IV—III вв. до н. э. В частности, горшок, представленный на рис. 26, 33, очень похож на сосуд уральской группы из Тара-Бутака (курган № 2, погребение 3), датирующийся IV в. до н. э.²⁴; различие заключается в том, что край доньшка тара-бутакского сосуда не выступает наружу.

Миски небольшого размера встречаются редко; всего найдено три фрагмента. Один из них, лучшей сохранности, принадлежал небольшому сосуду с диаметром устья 13 см, дна — 7, 5 см; высотой 8 см (рис. 26, 22). По качеству миска отличается от большинства сосудов тем, что она выработана более тщательно.

Второй сравнительно хорошо сохранившийся фрагмент принадлежал донной части сосуда. Он может быть отнесен к мискам лишь по аналогии с некоторыми, довольно близкими сосудами ремесленного производства, один из которых найден в Хорезме при раскопках архаического поселения близ Дингильдже (V в. до н. э.)²⁵, второй происходит из слоя Афрасиаб III (IV—II вв. до н. э.)²⁶ и третий обнаружен среди керамики древнего Мерва в слое III—II вв. до н. э.²⁷

Сосуд, фрагмент которого был нами найден, выработан еще более тщательно, чем первый; поверхность его слегка розоватого тона, при серовато-коричневатом цвете черепка в изломе, тщательно заглажена и подложена. По свидетельству К. Ф. Смирнова, такая обработка поверхности сосудов характерна для сарматской керамики IV—II вв. до н. э. В Нижнем Поволжье и Южном Приуралье сосуды с такой поверхностью появляются с конца IV в. до н. э.; много их в прохоровское время²⁸.

Плоские тарелки или блюда представлены всего одним фрагментом сосуда серой глины (рис. 27, 4).

Сковороды или сосуды типа жаровни — широкодонные сосуды различной величины, диаметр дна колеблется от 22 до 45 см

²⁴ Из раскопок Чкаловской экспедиции 1957 г. Данные о сосуде любезно сообщены К. Ф. Смирновым.

²⁵ М. Г. Воробьева. Указ. соч. табл. между стр. 216—217.

²⁶ А. И. Тереножкин. Согд и Чач. КСИИМК, вып. XXXIII, 1950, стр. 154, рис. 69, IV 1.

²⁷ Л. М. Рутковская. Керамика древнего Мерва. СА, 1958, № 3, стр. 120 и след.

²⁸ Доклад К. Ф. Смирнова на секторе скифо-сарматской археологии ИИМК в 1958 г.

(рис. 26, 1, 12, 27). Обычно глина этих сосудов в изломе красновато-оранжевая, черепок довольно хрупкий, легко крошится. Подобные сосуды встречаются во всех слоях раскопа № 5; есть они и на различных поселениях комплекса Бабиш-мулла. В Хорезме подобные сковороды встречались среди лепной керамики Джанбас-калы, Куны-Уаза и Кой-Крылган-калы.

Перечисленными формами исчерпывается керамика, найденная на Чирик-рабате в 1957 г. Керамика, как указывалось, однородна, относится к одному историческому периоду и может датироваться на основе всей совокупности данных, полученных при раскопках городища, а также по приведенным аналогиям IV—II вв. до н. э.

На столь незначительном материале трудно проследить изменения в формах, происшедшие на протяжении времени существования городища. Однако бесспорно устанавливается, что к концу жизни на городище происходит постепенное вытеснение лепной посуды ремесленной керамикой, как это мы видели на примере хумов и на данных подсчета числа фрагментов сосудов той и другой группы в различных слоях раскопа № 5.

Из приведенных аналогий можно заключить, что население Чирик-рабата не было изолировано от внешнего мира и, кроме Хорезма, влияние которого особенно сильно, общалось и с другими областями Средней Азии.

Как уже говорилось, район Жаны-Дарьи являлся основным центром расселения большого племенного союза апасиаков или массагетов островов и болот по Страбону (Страбон, XI, 1, 6—7).

Городище Чирик-рабат, видимо, являлось своеобразной столицей апасиаков, которая первоначально возникла в виде большой овальной крепости вокруг шести погребальных курганов. Впоследствии, не будучи в состоянии защищать всю крепость, ее обитатели отгородили южную часть новой, более мощной стеной и, таким образом, обороняли только эту южную часть городища.

VII

В 1957 г. одним из отрядов Хорезмской экспедиции (под непосредственным руководством С. П. Толстова)²⁹ был обследован другой комплекс апасиацких поселений, носящий общее название Бабиш-мулла (рис. 29) и расположенный между двумя боковыми руслами Жаны-Дарьи, в 40 км к ССВ от центра расселения апасиацких племен — городища Чирик-рабат.

Впервые развалины Бабиш-муллы обследовались авиаразведывательным отрядом экспедиции в 1946 г.³⁰ Тогда же были нанесены на карту большое городище — Бабиш-мулла-1 и отдельно стоящее здание — Бабиш-мулла-2, снят схематический план крепости и собран подъемный материал. Дополнительное рекогносцировочное обследование Бабиш-муллы было осуществлено в 1948³¹ и 1949 гг.

Во время работ 1957 г. обследован район Бабиш-муллы протяженностью в 22 км с севера на юг и 33 км с востока на запад (рис. 30).

Отряд занимался изучением остатков античной ирригации и базировавшихся на ней поселений. Выяснено, что орошение было основано на ши-

²⁹ В работах принимали участие 9 научных сотрудников и 6 рабочих-землекопов. Работы велись с 8 по 10 и с 18 по 26 октября 1957 г.

³⁰ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1946 г. «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», т. IV, № 2, М., 1947, стр. 180; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 57, 58.

³¹ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР в 1948 г. «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», 1949, № 3, стр. 254.

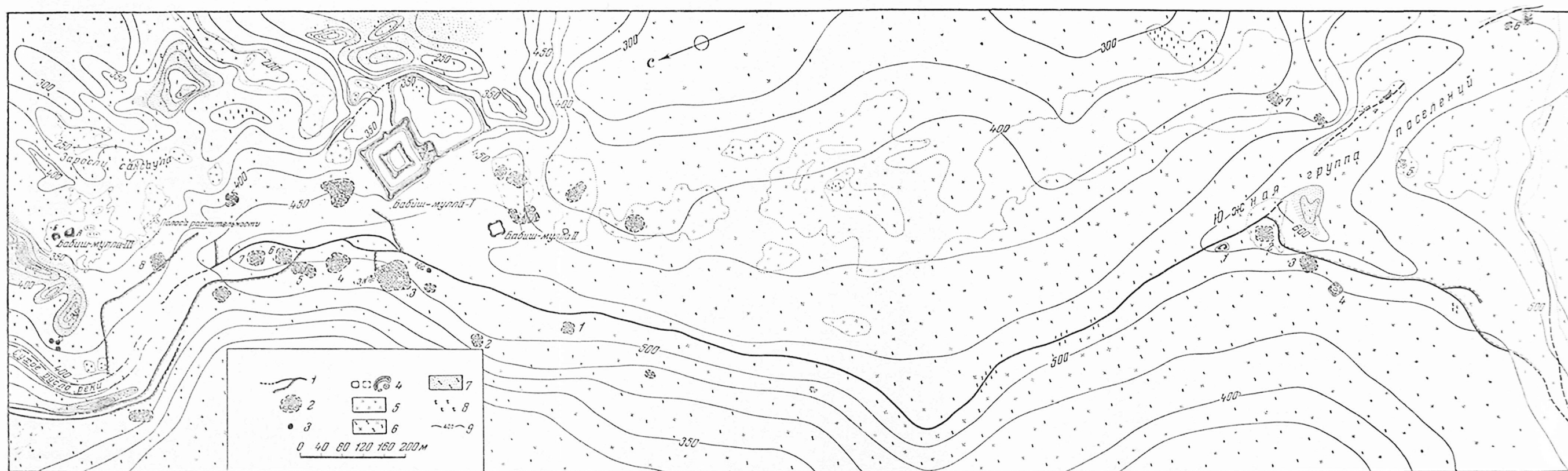

Рис. 28. План местности Бабиш-мулла

1 — каналы; 2 — остатки поселений; 3 — гончарная печь; 4 — следы сооружения; 5 — талы; 6 — талы, заросшие биортуном; 7 — пески; 8 — кусты саксаула; 9 — горизонталь с отметкой высоты

роком использовании естественных русел небольших протоков внутренней дельты очень сложной и разветвленной системы, берущей свое начало из Жаны-Дарьи у Ак-Кыра. Как правило, арыки не имеют разветвлений и характеризуются очень крутым уклоном от русла к полю. В ряде случаев зафиксированы большие магистральные каналы шириной до 20 м.

Рис. 29. Бабиш-мулла. Вид с воздуха

Наиболее сложная из обследованных в окрестностях Бабиш-муллы оросительная система брала свое начало из русла в 6 км к югу от памятника. Магистральный канал продолжает направление русла и, видимо, вытекал из него. В 3 км от русла к северу магистральный канал разветвляется. На этом канале базировались все поселения, примыкающие непосредственно к Бабиш-мулле.

Сохранились античные поселения в виде заметных на поверхности такыров планировок или скоплений керамики, кварцитовых обломков и других остатков деятельности человека. Наиболее густо расположены они в непосредственной близости к крепости Бабиш-мулла-1, составляя с ней единый комплекс.

Из более удаленных от крепости наибольший интерес представляет поселение, находящееся на другом канале в 7 км к востоку от нее с хорошо сохранившейся планировкой жилищ и мелкой ирригационной сетью, ответвляющейся от магистрального канала под прямыми углами (рис. 31; см. также рис. 30, поиск № 242.) Жилища выступают на поверхности такыров в виде оконтуренных растительностью площадок с обильными скоплениями античной керамики, кварцитовых орудий, очажных камней и костей. Жилища тянулись непрерывно вдоль магистрального канала на протяжении 140 м с востока на запад; они, видимо, разделялись отходящими от канала короткими оросительными канавами, имевшими очень крутое падение в сторону полей, ограничивающих поселение с юга.

При детальном обследовании руин, носящих название Бабиш-мулла, выявлено, что комплекс памятников составляют: развалины большого поселения городского типа — крепости Бабиш-мулла-1; расположенные в 150 м к западу от нее развалины крупного погребального сооружения — Бабиш-мулла-2; несколько неукрепленных поселений, вытянувшихся вдоль проведенного в меридиональном направлении, западнее Бабиш-мулла-1 и 2, оросительного канала, соединяющего боковые русла Жаны-Дарьи (рис. 28). Поселения можно объединить в три большие группы:

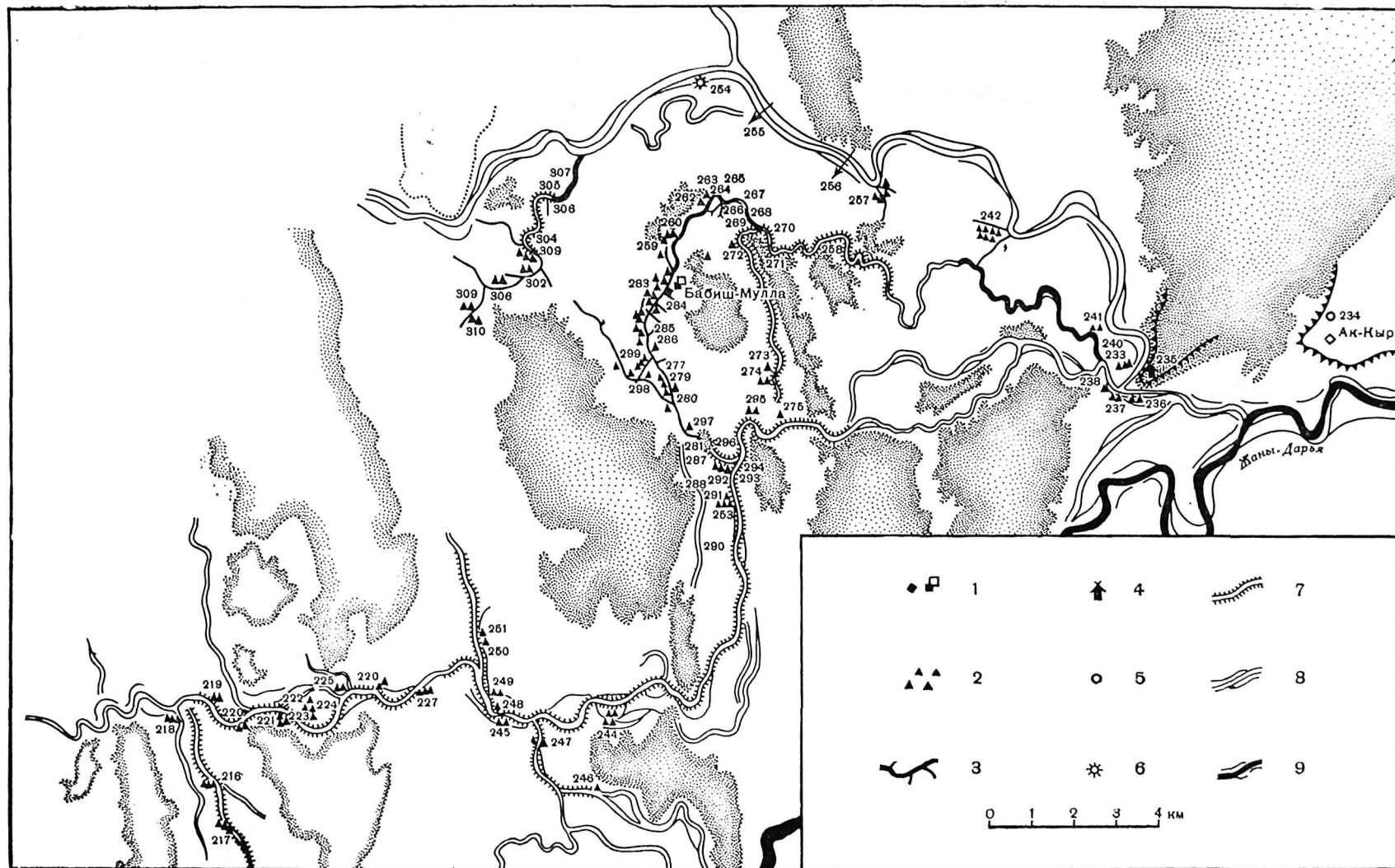

Рис. 30. Карта района Бабиш-муллы

1 — развалины античного города; 2 — скопления керамики (остатки поселений) и номера поисков; 3 — остатки древних каналов; 4 — позднесредневековый мазар; 5 — курган; 6 — мастерская статуэток; 7 — старые русла, возвышающиеся над уровнем такыра (дамбированные русла?); 8 — старые русла, выраженные такырными полосами и растительностью; 9 — старые русла, сохранившие отрицательные формы рельефа

северную, в километре к северу от Бабиш-мулла - 1, частично занимающую берега северного бокового русла там, где к нему подходит канал; центральную, расположенную в непосредственной близости к крепости, и южную — в 1,5 км к югу от центральной.

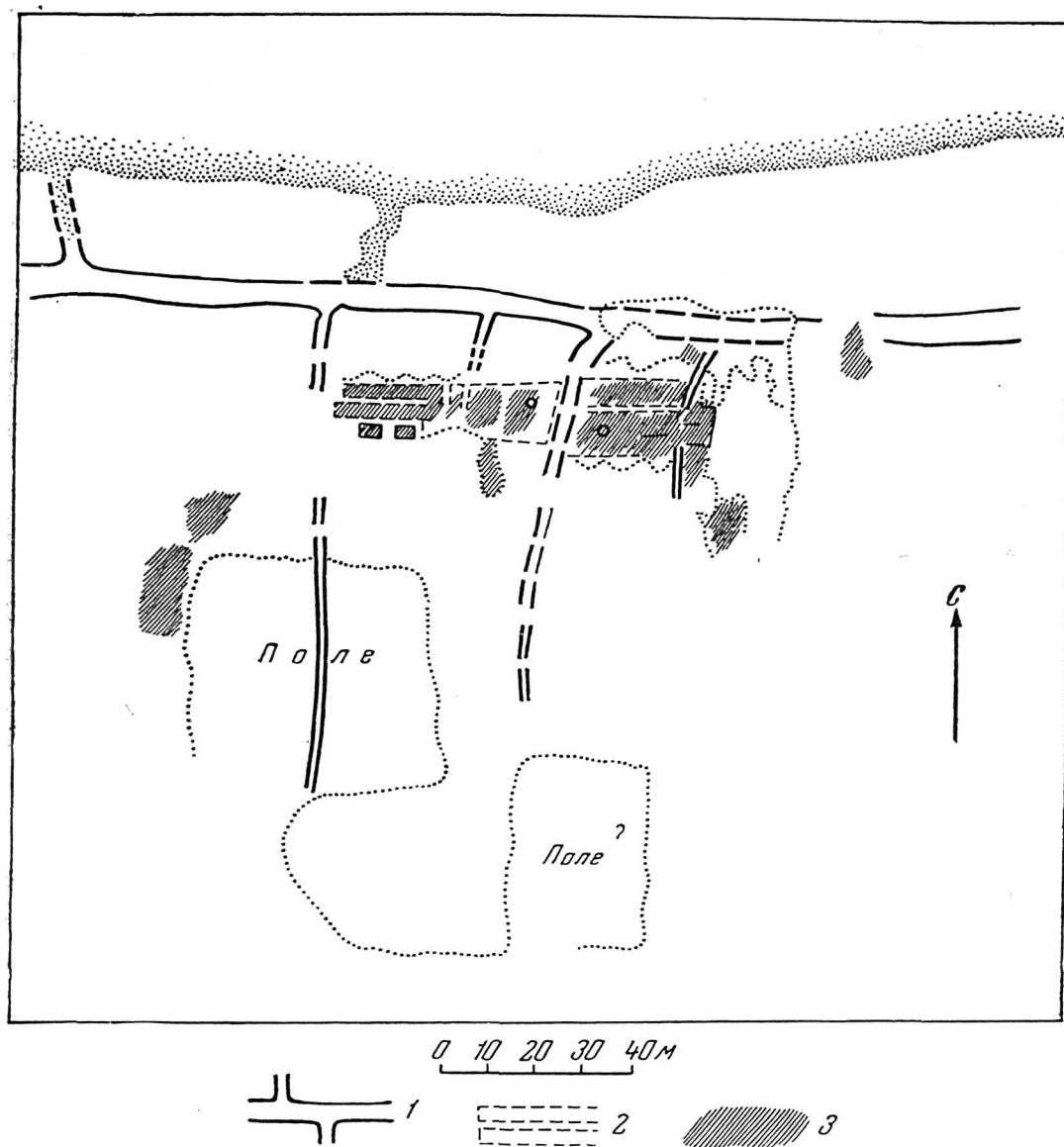

Рис. 31. Схематический план античного поселения (поиск № 242) в районе Бабиш-муллы

1 — следы каналов; 2 — планировки помещений; 3 — скопления керамики

Местность вокруг ровная. Общее понижение рельефа с юга на север и с запада на восток, этому соответствует и направление арыков, отходящих от основного канала к поселениям.

Поселения сохранились или в виде невысоких бугров, скрывающих в себе остатки домов, или в виде выступающих на такырах планировок, иногда подчеркнутых растительностью и покрытых обильными россыпями керамики. На отдельных поселениях зарегистрированы остатки гончарных печей; около одного из домов были сосредоточены три такие печи.

Кроме фрагментов керамики, среди которой преобладает сформованная на круге посуда (см. рис. 43), найдены грубые орудия из кварцита, скифские трехперые бронзовые наконечники стрел (рис. 32), датирую-

щиеся V—III вв. до н. э.³², зернотерки, небольшой обломок помятой пластинки листового золота, сильно окислившиеся изделия из бронзы, боченковидная бусина из слоньего сардоникса, сверленная алмазом. По-

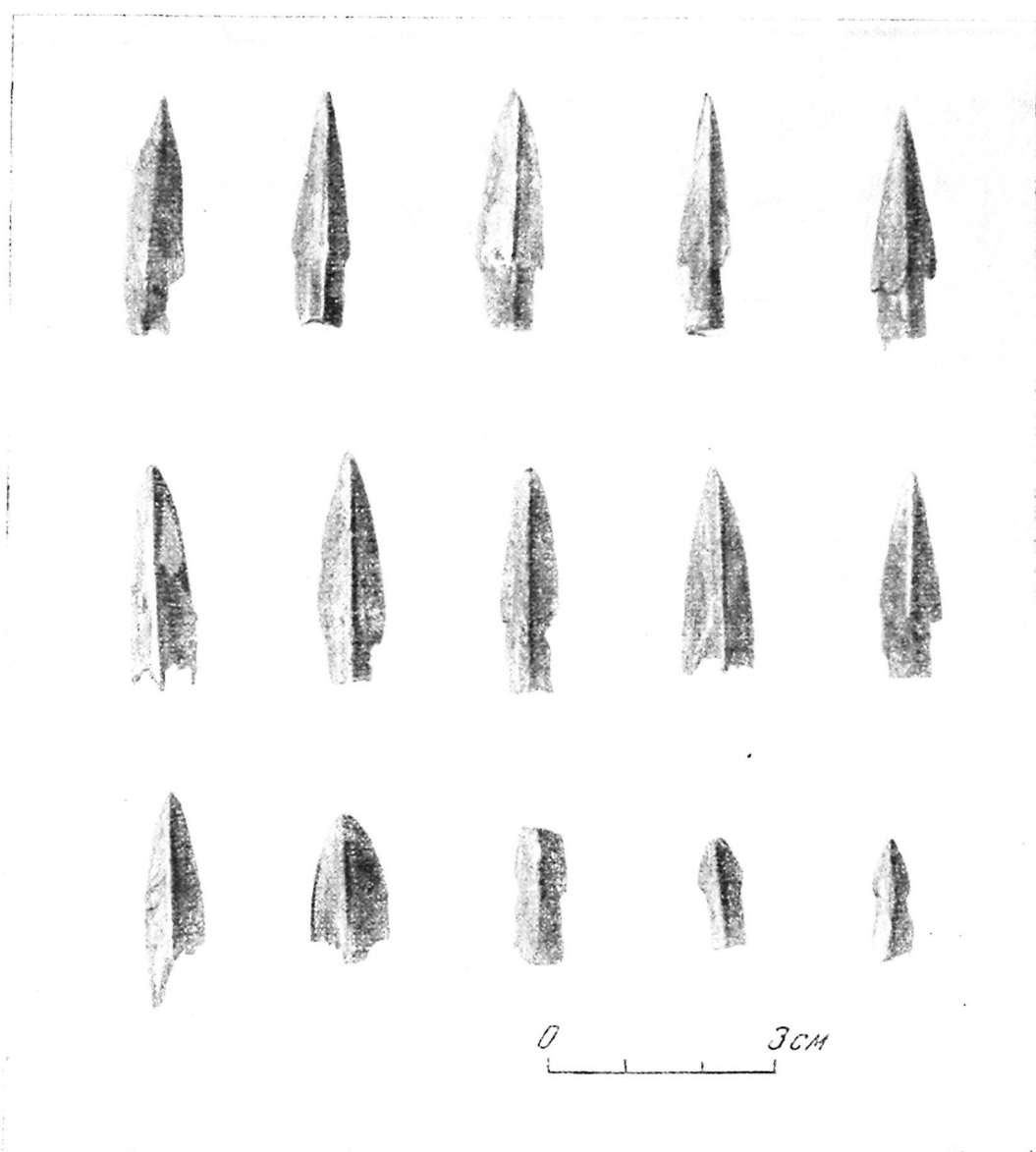

Рис. 32. Бронзовые наконечники стрел с поселений комплекса Бабиш-муллы

закавказским аналогиям бусина датируется IV—II вв. до н. э.³³ На некоторых поселениях найдены железные шлаки и обломки криц. В одном случае вместе с железными шлаками встречен обломок двурогого глиняного сопла.

Интересна находка небольшого керамического налеса (рис. 33) с выполненным в технике плоского рельефа изображением дугообразно изогнувшегося копытного животного с мохнатой длинной шерстью. По компо-

³² Пользуемся случаем выразить благодарность Б. Н. Гракову, А. И. Мелюковой и К. Ф. Смирнову за любезную консультацию при определении полученных при раскопках и разведках наконечников стрел. По мнению Б. Н. Гракова, один из найденных на поселении наконечников, судя по сибирским аналогиям, мог существовать и во II в. до н. э.

³³ Определение сделано С. А. Трудновской.

зиции рельеф несколько напоминает кусающего свои задние ноги яка, выбитого на золотой накладке, обнаруженной в долине Малого Нарына на Тянь-Шане, на территории распространения памятников сако-усуньской культуры (находка случайная, установить ее принадлежность и датировку трудно)³⁴.

Несколько более удалено от крепости Бабиш-мулла-1 поселение (см. рис. 30, поиск № 254), на котором было обнаружено производство очень примитивно сделанных глиняных фигурок (рис. 34). Все фигурки вылеплены от руки и обожжены. Рядом с ними найдены также обожженные глиняные шарики, в которых очень соблазнительно видеть отсочившие при обжиге головы фигурок. Однако бесспорных оснований для подобного утверждения пока нет, и не исключена возможность, что шарики имели самостоятельное назначение.

Центром всего исследовавшегося комплекса было городище Бабиш-мулла-1 — большая крепость неправильных очертаний, обнесенная мощной, возведенной на пахсовом цоколе стеной (толщина ее 5,3 м) из сырцового кирпича размером $39/40 \times 39/40 \times 11$ см и $43/44 \times 35 \times 9$ см. Извне стена защищена полукруглыми башнями; по внутреннему периметру прослеживается

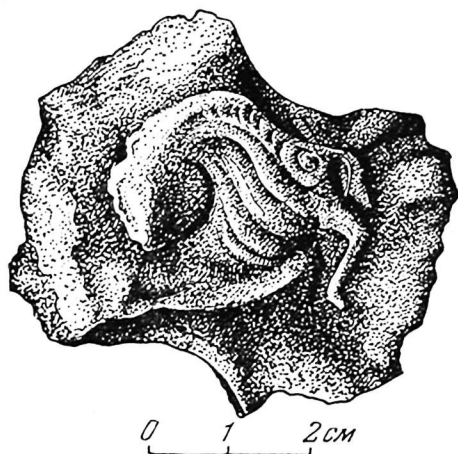

Рис. 33. Изображение животного на керамическом налесе с античного поселения в районе Бабиш-муллы

застройка городища. В северной части его расположена квадратная цитадель (100×100 м), обнесенная стеной с башнями, в которой прорезаны стреловидные бойницы характерного для Хорезма типа. В квадрат цитадели включено квадратное же здание размером 44×44 м, в стенах которого также были бойницы. На поверхности развалин отмечено большое скопление керамики того же типа, что и на всей территории городища.

К юго-западному углу цитадели примыкают развалины еще одного большого здания (30×30 м), состоящего из расположенных под прямым углом сводчатых помещений, сохранившихся на высоту 4—5 м (рис. 28 и 29).

Нами были заложены три разведочных шурфа: один — на центральном здании внутри цитадели, два — у внешней крепостной стены.

В шурфе на центральном здании зачищена кладка внутренней планировки, выявлен культурный слой. В шурфе близ южной стены городища в пределах крепости также обнаружен культурный слой, достигающий здесь мощности 0,95 м и разделенный полами на три горизонта. Слой содержит кости животных, многочисленные фрагменты керамики тех же типов, что и в других шурфах и на поверхности. Анализ керамики из шурфа позволяет говорить о принадлежности всех трех горизонтов к одному историческому периоду.

При шурфовке с внешней стороны крепостной стены, около хорошо заметной на такыре юго-восточной полукруглой башни, выяснена конструкция стены, состоящей из пахсового цоколя и возведенной на ней кладки из сырцового кирпича. Обнаружены интересные находки: фрагмент лепного орнамента в виде небольшого лепестка со следами красной краски

³⁴ А. Н. Бернштам. Историко-культурное прошлое Северной Киргизии по материалам Большого Чуйского канала. Фрунзе, 1943, стр. 11 и табл. III, рис. 20. Интересно, что А. Н. Бернштам при описании помещает указанную накладку среди памятников сакского времени и в табл. III отводит ей место в ряду скифских вещей VII — IV вв. до н. э.

по краям и обломок круглого в сечении стержня диаметром около 1 см. Оба предмета изготовлены из лёссовой необожженной глины. Керамики

мало — всего несколько черепков.

На городище, кроме керамики, найдены скифские трехперые бронзовые наконечники стрел (рис. 35), датирующиеся V—IV вв. до н. э., многочисленные обломки грубых орудий и терок из кварцита (рис. 36), биконическая бусина из синего прозрачного стекла, аналогичная бусам из Джанбас-калы в Хорезме ³⁵.

С городищем Бабиш-мулла-1, по-видимому, связано отдельно стоящее погребальное сооружение (Бабиш-мулла-2), раскопки которого представляют наибольший интерес (рис. 37).

Квадратное в плане здание размером $21,6 \times 21,6$ м сохранилось на высоту до 7 м. В углах его расположены четыре погребальных зала ($5,2 \times 5,5$ м), отделенные друг от друга пересекающимися коридорами, образующими прямой крест. Коридоры открываются во внешних стенах сооружения арочными проходами, перед которыми расположены своего рода открытые лоджии, являющиеся продолжением коридора за линией арки.

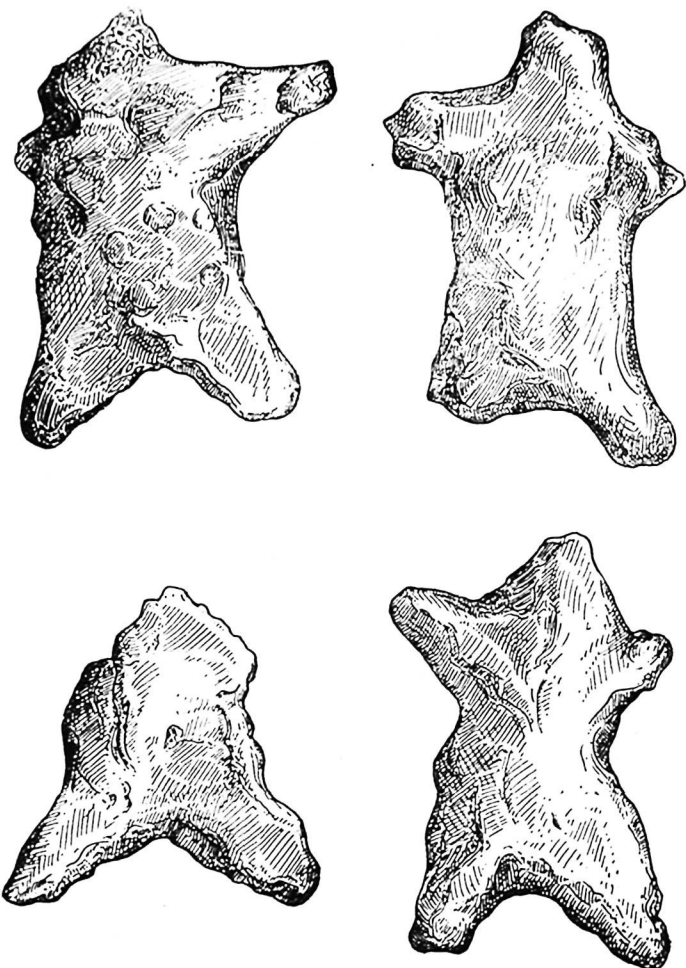

Рис. 34. Обожженные глиняные фигурки, найденные на античном поселении в районе Бабиш-муллы (поиск № 254)

Раскопки велись в северо-западном углу здания, где был расчищен один из четырех погребальных залов, примыкающие к нему с юга и востока коридоры и северная внешняя лоджия (рис. 38).

Основанием всего сооружения служил сложенный из шести рядов пахсовых блоков цоколь высотой немногим более трех метров от уровня современного такыра. На цоколе были возведены стены, выложенные вперевязку из квадратного сырцового кирпича размером в основном $40 \times 40 \times 10$ см. Залы и коридоры перекрывались сводом из трапециевидного сырцового кирпича с большой примесью

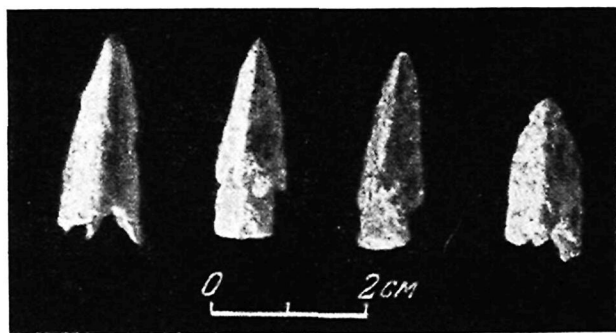

Рис. 35. Бронзовые наконечники стрел с крепости Бабиш-мулла-1

³⁵ Определение сделано С. А. Трудновской. См. также И. В. Пташников. Бусы древнего и средневекового Хорезма. «Труды ХЭ», т. I, стр. 106 и табл. 1, 5.

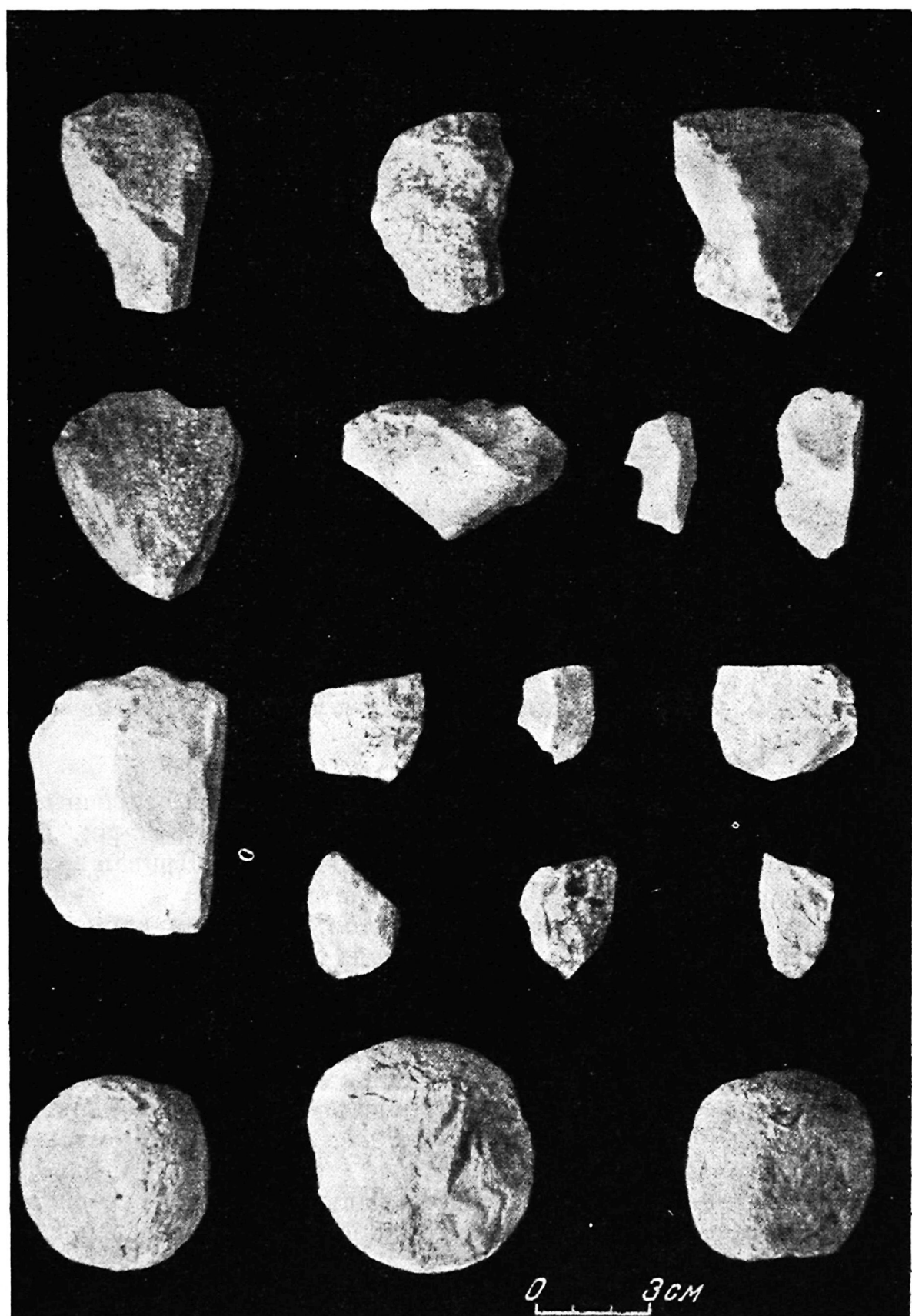

Рис. 36. Орудия из кварцита, найденные на крепости Бабиш-мулла

самана. Кирпич свода мельче, чем в кладке стен: длина оснований 33 и 25 см, боковых сторон — 40 см, толщина 10 см.

Свод коробовый, выведенный поперечными отрезками наклонными кольцами. Для заполнения периферийных швов употреблялась расклинка обломками керамики. Высота пяты свода от основания стен — 2,11 м.

Рис. 37. Бабиш-мулла-2. Общий вид после расчистки внешнего северного помещения (в центре)

Погребальный зал соединялся с коридором проходом с арочным перекрытием, аналогичным проходам, ведущим во внешние лоджии. Ширина проходов 1,0—1,2 м; высота до замка арки 1,65—1,85 м. Кривая арки трехцентровая высокого подъема; кладка клинчатая.

Стены всех помещений были покрыты толстым слоем глиняной штукатурки с алебастровой обмазкой. Внутренняя отделка погребального зала богаче, чем в коридорах. Пол его выложен жженым кирпичом ($34/43 \times 28/31 \times 5$ см), покрыт алебастровой обмазкой и раскрашен шахматным узором с чередованием красных и белых прямоугольников (рис. 39). В северной части зала вдоль стены сделана выкладка из шести рядов обожженного кирпича; ширина ее 1,3 м, высота 0,5 м. По-видимому, выкладка также была раскрашена по алебастровой обмазке, так как в отдельных местах сохранились следы черной краски.

Вдоль южной и восточной стен шла приставная кладка, связанная, видимо, с ремонтом обрушившегося свода. Интересно, что в приставной кладке, идущей вдоль восточной стены, был продолжен выводящий в меридиональный внутренний коридор арочный проход, устроенный в основной кладке. Покойники, погребенные в этом зале, лежали, вероятно, на выкладке и может быть на полу, в центре помещения. Здание было ограблено в древности. Грабителями проломлена северная стена, взломан пол, прорублена пахса цоколя. Погребения были ограблены, кости разбросаны.

В завале, образовавшемся после «работы» грабителей в погребальном зале, в сводчатом проходе, ведущем в коридор, и в коридоре найдены человеческие кости (в том числе два черепа), отдельные предметы — черная конусовидная подвеска из камня, половина сложной боченовидной бусины из черного и белого слоев камня, две деревянные планки с внут-

ренными сквозными пазами, возможно, от погребальных носилок, обломки изделия из железа. Собранная керамика, судя по ее залеганию в завале, попала туда из расклинки сводов. По типу она не отличается от найденной на Бабиш-мулла-1, что свидетельствует об одновременности существования обоих памятников.

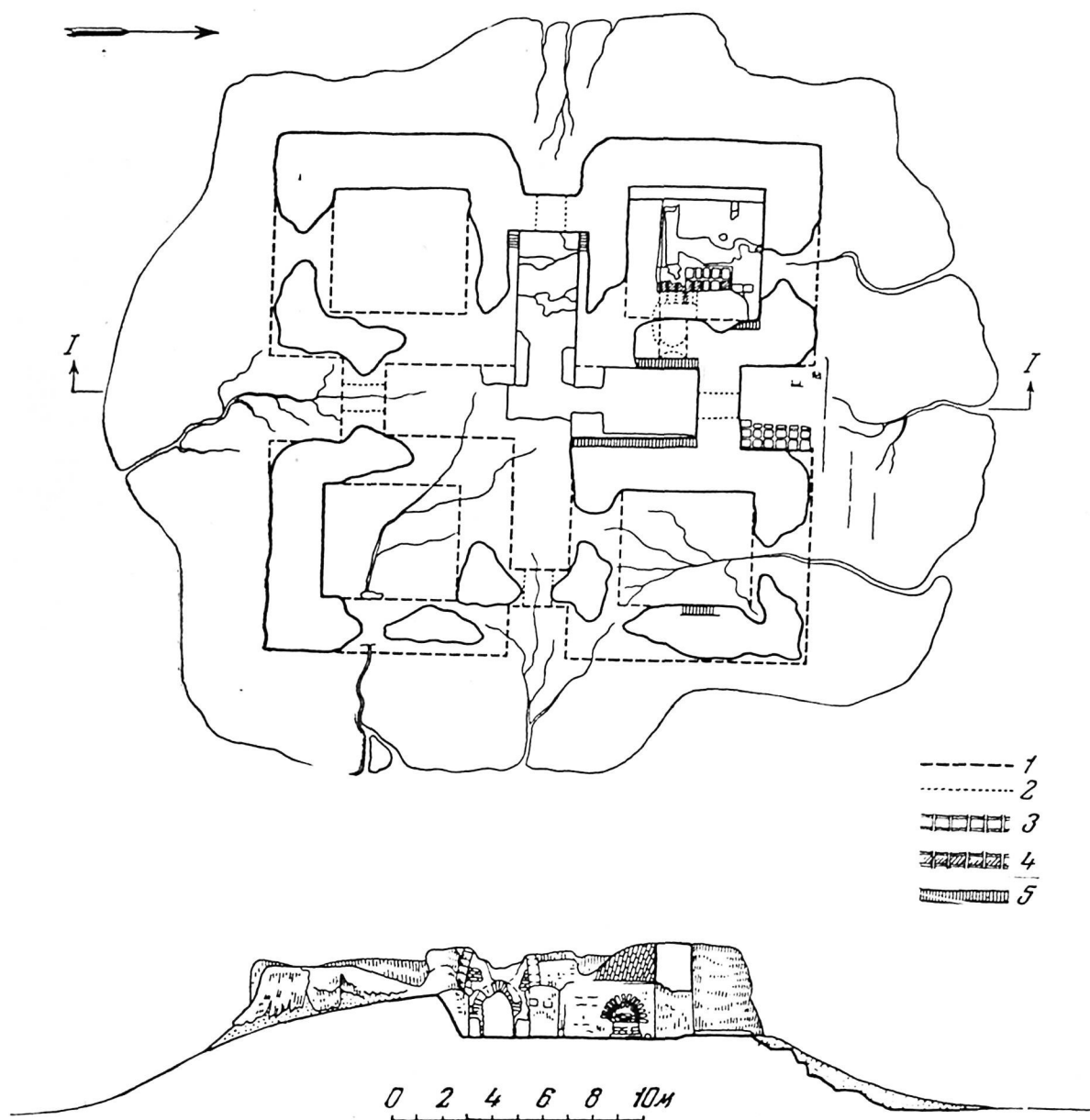

Рис. 38. Бабиш-мулла-2. План и разрез

1 — предполагаемая планировка; 2 — раскрытые проходы; 3 — вымостка из сырцового кирпича; 4 — вымостка из керамических плит; 5 — своды из сырцового кирпича

Как мы уже отмечали, керамика всего комплекса Бабиш-муллы однородна и относится к одному, сравнительно кратковременному историческому периоду. Однако погребальное сооружение все же было использовано для захоронений не один раз. Об этом можно судить по замеченным при раскопках перестройкам внутри здания. Первоначально местом погребения служили только угловые залы. Но позже для этой цели могли использоваться и превращенные в небольшие погребальные помещения коридоры (рис. 40). В местах пересечения их, впритык к основным стенам, выведены арки, образующие проходы к центру здания.

Большой интерес представляет вопрос об обряде погребения. Пока бесспорным является наличие оссуарных захоронений, поскольку среди находок выявлены фрагменты керамических оссуариев. При камеральной обработке определились два их вида: светлоглиняные, ящичные, плоскодонные с горизонтально срезанным, несколько утолщенным по сравнению

Рис. 39. Бабиш-мулла-2. Погребальное помещение № 3

со стенками, краем; поверхность их покрыта густым белым ангобом; второй вид—оссуарии из глины красного обжига, судя по недостаточным для точного восстановления их формы фрагментам, видимо, были овальные, но с таким же краем, как и у ящичных. Стенки покрыты красным ангобом и украшены налепным валиком, разделанным пальцевыми вдавлениями (рис. 41, 16).

Интересна находка фрагментов хума из светлой, хорошо приготовленной глины, покрытого белым ангобом и окрашенного по венчику и шейке красной краской (рис. 41, 3). Из найденных фрагментов можно восстановить значительную часть хума. Не исключена возможность, что этот хум служил своего рода оссуарием. По форме горловины хум резко отличается от всех сосудов этого типа, встреченных на Бабиш-мулле и на поселениях. Неизвестен такой профиль и в Хорезме. Единственную аналогию удалось найти среди керамики из слоя Афрасиаб II в Согде, отнесенного А. И. Тереножкиным к сако-эллинистическому периоду (IV—II вв. до н. э.)³⁶.

Существовали ли на Бабиш-мулле-2 одновременно с оссуарными захоронениями труположения в погребальных камерах, пока определить трудно. В пользу последнего предположения могут свидетельствовать найденные

³⁶ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 154, рис. 69, III, 9.

в проходе между погребальным залом и северным коридором явно выкинутые из-под пола деревянные планки с пазами, напоминающие части погребальных носилок из Кенкольского могильника. Если планки принадлежали погребальным носилкам, то все же пока еще нет оснований утверждать, что погребенного клали непосредственно на эти носилки. Не исключена возможность, что на них устанавливались оссуарии.

Черепя, обнаруженные при раскопках погребального сооружения, предварительно определяются как европеоидные, напоминающие переходные формы от андроновского к типу среднеазиатского Междуречья, известные среди саков и усуней Киргизии³⁷.

Керамика, собранная из шурфов на городище Бабиш-мулла-1, при раскопках погребального сооружения и при обследовании поселений, входящих в комплекс, в общем однородна. Преобладает ремесленная.

Ремесленная посуда изготовлена из отмученной, хорошо промытой глины с добавлением белого вещества в виде небольших комочков и крупинок, незначительного количества песка, иногда шмота. Формовка круговая, тщательная; обжиг в большинстве случаев достаточный, однако есть и неполный. Черепок в изломе красноватого и красно-коричневого цвета, изредка серого и кремового. Есть фрагменты без ангоба и светло-ангобированные, но они встречаются гораздо реже. Среди красно-ангобированных наблюдаются сосуды различной окраски: от ярко-красного цвета до темно-коричневого и, в отдельных случаях, почти черного. Лощеных сосудов немного. Лощение применялось по красному и серому ангобу. Расписной посуды очень мало. Роспись ленточная, нанесенная красной или красно-коричневой краской по светлому ангобу. Характерны потеки краски, сбегające вниз.

Форм посуды сравнительно немного: хумы, хумчи, горшки, кувшины, тазы, миски, глубокие чаши, мелкие тарелочки, котлы с двумя ручками-выступами. Количественно преобладают миски и горшки.

Х у м ы грушевидной формы, с плоским широким дном; часто днище бывает слегка выделено (рис. 42, 22). Венчик небольшой, утолщенный, круглый в сечении, валикообразный или подтреугольный (рис. 41, 1; рис. 42, 27, 17). Диаметр устья около 40 см. Поверхность покрыта красным ангобом, изредка — светлым с ленточной росписью красной краской.

Х у м ч и горшковидные, с раздутым туловом, хорошо выделенными плечиками, с наибольшим диаметром в верхней части сосуда или в середине. По плечикам — валик, на котором иногда наносились глубокие вертикальные насечки (рис. 41, 13 и рис. 42, 23). Венчик — подтреугольной или подпрямоугольной формы (рис. 42, 29). Ангоб красный.

Г о р ш к и обычно с округлым туловом, но встречаются и вытянутых пропорций. Венчик чаще небольшой, округлый, слегка выступающий. Диаметр устья 18—22 см. Шейка короткая, переходит в круглые, резко покатые плечики. Дно плоское, по диаметру равное или несколько меньше устья. Поверхность покрыта обычно красным, красно-коричневым или коричневым ангобом.

К у в ш и н ы встречаются различных размеров от маленьких, высотой 16 см, диаметром устья 7—10 см, до больших водоносных с диаметром устья в 14—18 см (рис. 41, 17—19, 24; рис. 42, 3—7; рис. 43, 22—24, 29—32). Венчик небольшой, округлый или подтреугольный, выступающий; горло сравнительно невысокое, переходящее в хорошо выделенные плечики, иногда отделенные от горловины слабо выраженным валиком. Тулово округлое, грушевидное. Дно плоское и в большинстве случаев по диаметру приблизительно равное устью. Есть сосуды с нарочито выделенным днищем, попадаются и с кольцевидным поддоном, но они единичны.

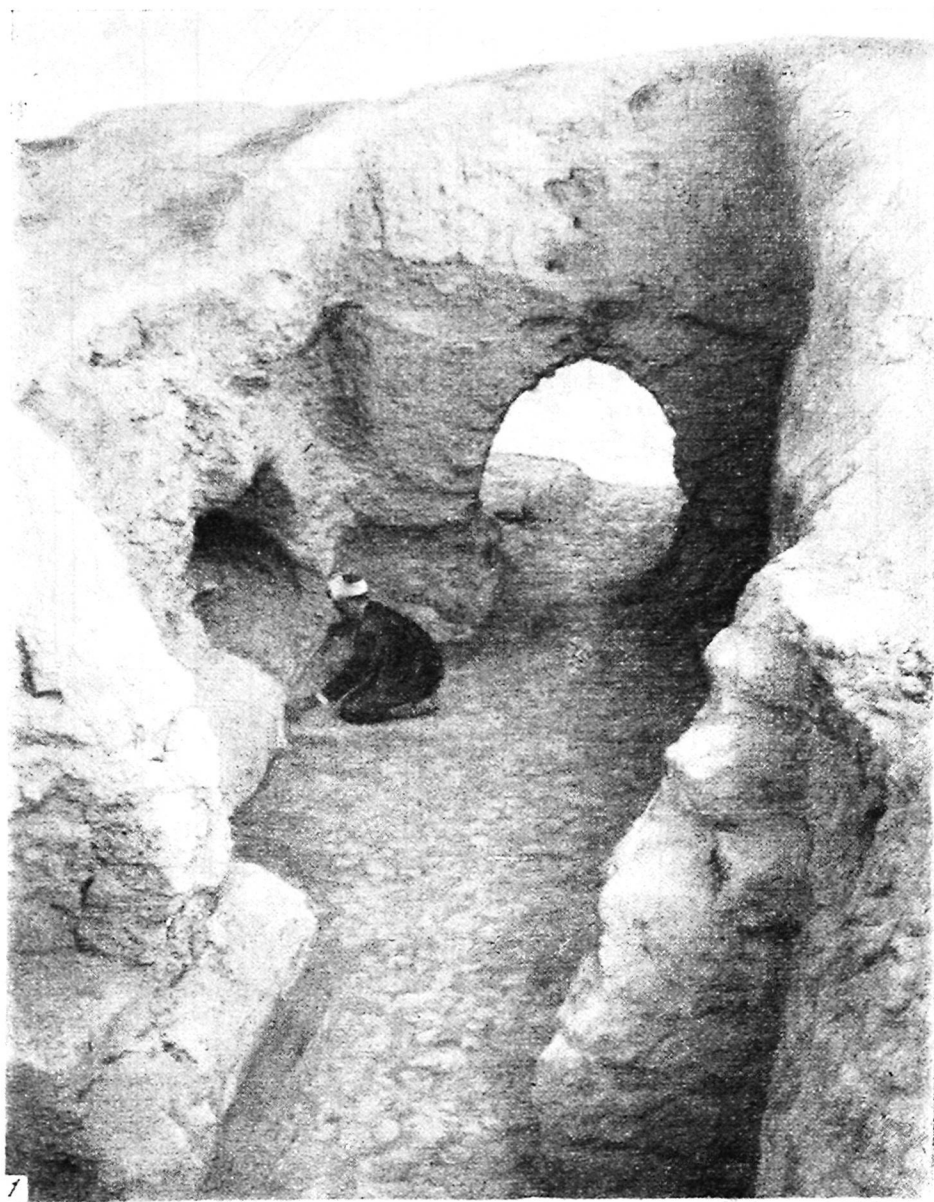
³⁷ Определение черепов произведено Т. А. Трофимовой

Рис. 40а. Бабиш-мулла-2. Северный коридор в северо-западной части здания

Большая часть кувшинов без ручек; реже — с одной ручкой, круглой или подквадратной в сечении. Поверхность сосудов покрыта красным или светлым ангобом.

Миски и тазы различаются только величиной. Большие представлены вариантами двух форм. Это довольно глубокие открытые сосуды со слегка загнутым внутрь верхним краем, или с небольшим, отогнутым наружу венчиком, образующим горизонтальную площадку по бережку. Венчик подтреугольный или подпрямоугольный в сечении. Диаметр устья мисок — 24—26 см, тазов — 30—39 см (рис. 41, 25—28; рис. 42, 12, 13, 20, 21; рис. 43, 2, 3, 5, 9, 20). Дно плоское и приблизительно равное половине диаметра устья. Выработка очень тщательная. Поверхность обычно покрыта красным, красно-коричневым или коричневым ангобом. Встречаются сосуды, окрашенные внутри красным, снаружи светлым ангобом.

406. Бабиш-мулла-2. Западный коридор в северо-западной части здания

Среди мисок выделяются экземпляры с четко выделенной почти вертикально направленной, несколько отклоняющейся наружу, верхней частью переходящей через невысокий уступ в тулово, резко сужающееся ко дну. Край скругленный и чуть утолщен. Дно не определяется (рис. 43, 3).

Следует также выделить небольшие мисочки с диаметром устья 18—22 см, по форме более открытые. Венчик у них, сильно отогнутый наружу, образует горизонтальную площадку по бережку. Дно плоское или на низком дисковидном поддоне, равное половине диаметра устья (рис. 41, 20; рис. 42, 12, 13; рис. 43, 25). Поверхность снаружи и изнутри сосуда покрыта красным или красно-коричневым ангобом. Среди мисок есть сероглиняные.

Ч а ш и представлены глубокими кубковидными сосудами, со слегка отгибающимся наружу или несколько стянутым внутрь более тонким по сравнению со стенками скругленным краем, диаметр устья 12—16 см.

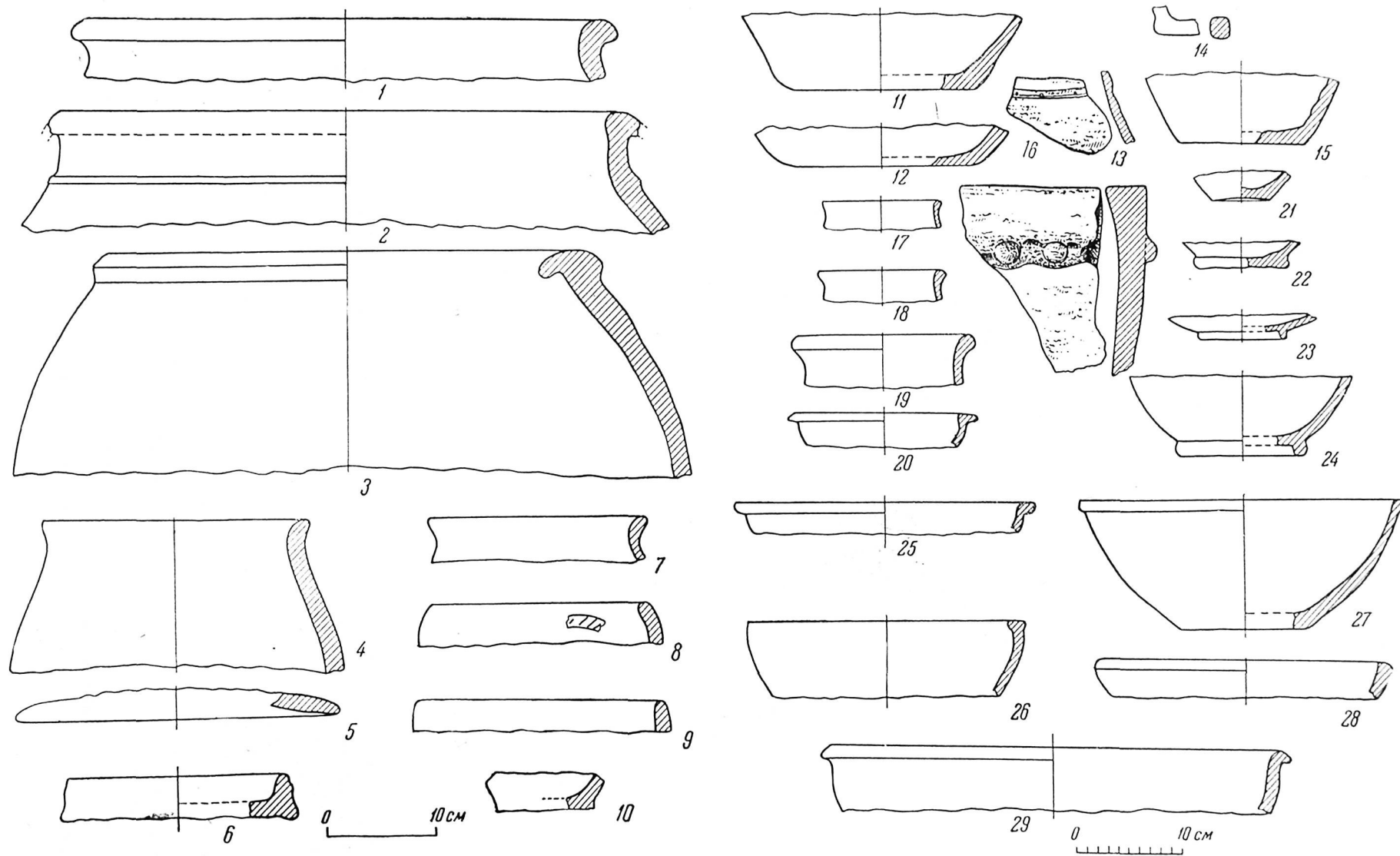

Рис. 41. Бабиш-мулла-2. Керамика
 1—3, 11—29 — выработанная на гончарном круге; 4—10 — ручной лепки

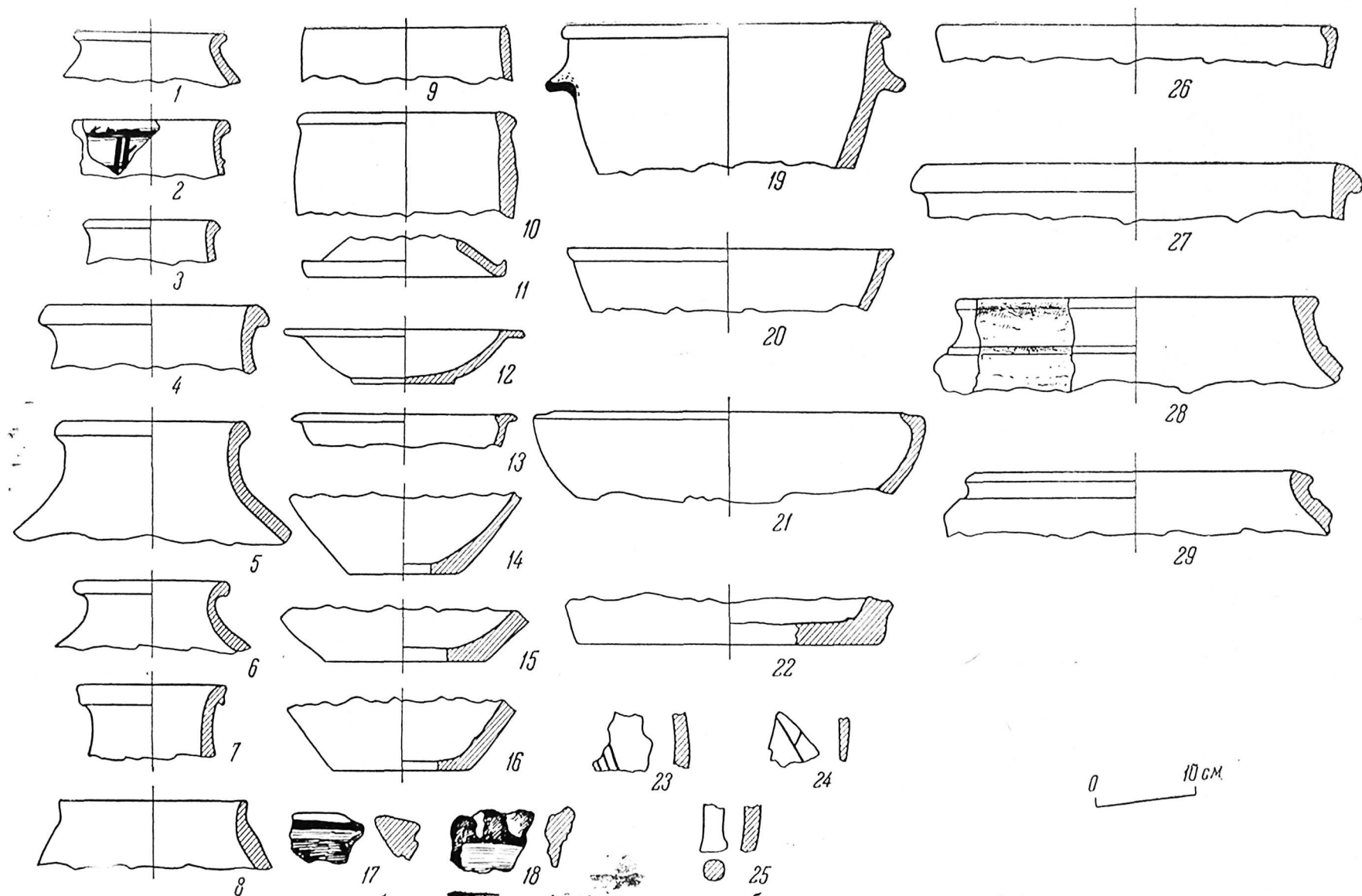

рис. 42. Бабин-мулла-1. Керамика, выработанная на гончарном круге

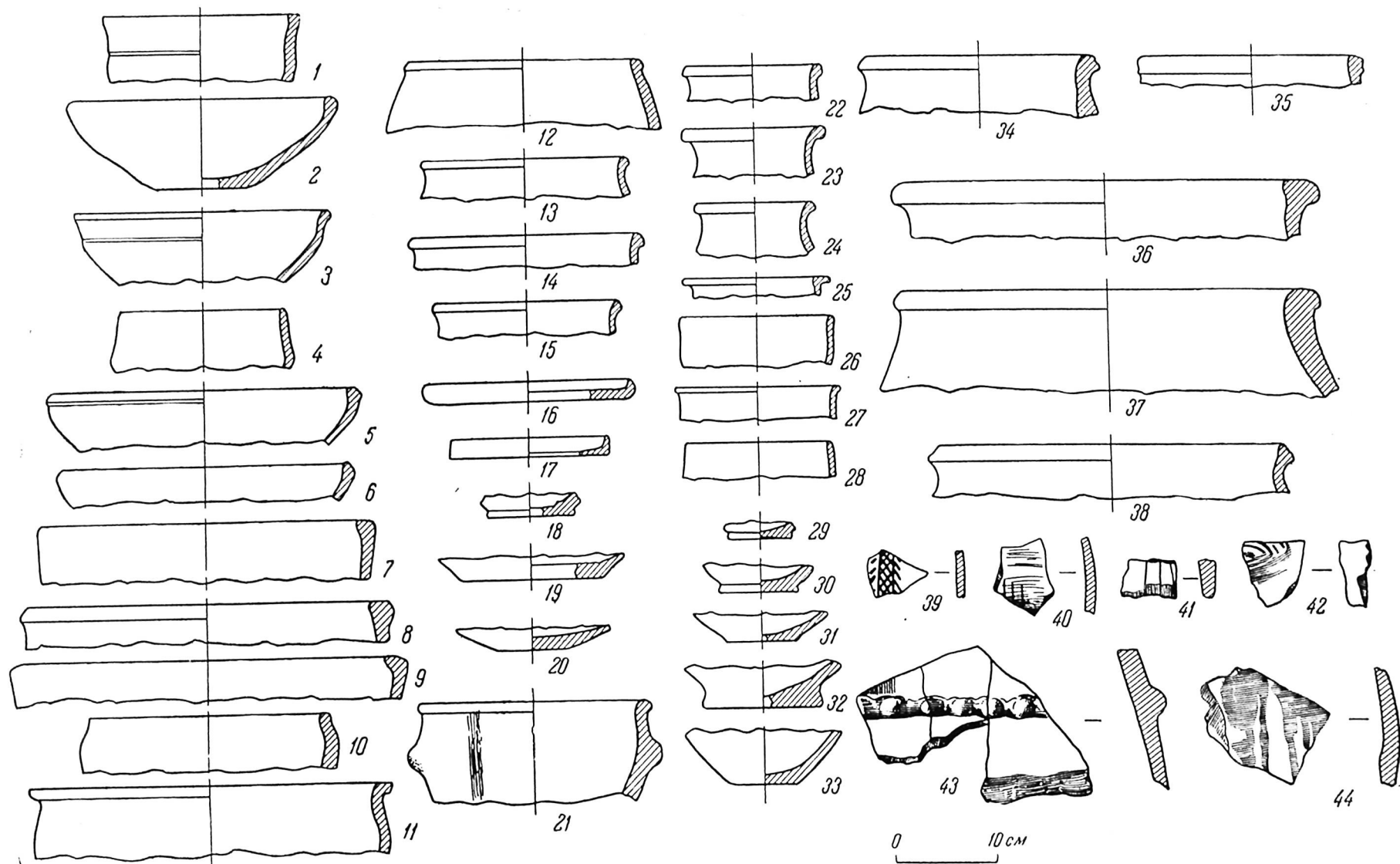

Рис. 43. Поселения в районе Бабиш-муллы. Керамика, выработанная на гончарном круге

Тулово слабо округлое, иногда с перегибом на середине высоты сосуда; от перегиба оно заметно сужается в нижней части (рис. 42, 9; рис. 43, 1, 4, 10, 26—28). Поверхность красно-ангобированная, аккуратно обработанная.

П л о с к и е т а р е л к и обычно сероглиняные, широкие, плоскодонные с невысоким (2—3 см), вертикально направленным или чуть загнутым внутрь бортиком. Среди таких тарелок есть и красно-ангобированные, причем и на сероглиняные или на покрытые красным ангобом иногда наносилось лощение (рис. 43, 16, 17).

К о т л ы — глубокие, расширяющиеся кверху сосуды с округлым выступающим валикообразным венчиком. Диаметр устья около 25 см. В верхней части тулова — две симметрично расположенные ручки-выступы. Поверхность покрывалась или красно-коричневым ангобом или росписью красной краской по светлому ангобу. Роспись обычно состоит из широких, спускающихся от края вертикальных полос (рис. 42, 19; рис. 43, 21).

К р ы ш к и встречены пока одной формы — с высоким верхом и загнутым вверх бортиком (рис. 42, 10). Диаметр нижней части 18—20 см. Полностью форма не восстанавливается.

Кроме ремесленной, формованной на круге керамики, на памятниках комплекса Бабиш-муллы собраны фрагменты сосудов ручной лепки.

Посуда ручной лепки изготовлена из грубо приготовленного глиняного теста. Глина не отмучивалась, небрежно промешивалась, отчего после обжига черепок становился рыхлым, пористым. Из специальных примесей в тесте прослеживаются комочки белого вещества, раздробленного до крупинок, шамот и песок. Чаще всего все три вида примесей наблюдаются вместе; иногда нет шамота, но много песка.

Обжиг костровый. Черепок в изломе чаще черно-серый, попадаются фрагменты серо-коричневого и различных оттенков красноватого и редко желтого цветов. Наружная поверхность заглаживалась водой или покрывалась жидким светлым ангобом, принимавшим при обжиге иногда розоватый тон. Есть фрагменты с лощением.

Форм сосудов среди лепной керамики мало. В основном это г о р ш к и различных размеров (рис. 41, 4, 7; рис. 44, 1—11, 14—17, 19—22), от маленьких горшочков высотой 9—10 см с диаметром дна и устья 6—7 см до больших, скорее похожих на хумчи, высотой 40—45 см, с диаметром устья 26—30 см (рис. 41, 4; рис. 44, 4, 11, 15, 16).

Обычно горшки имеют несколько вытянутые пропорции; край скруглен и слегка отогнут наружу, он образует короткую шейку. Встречаются сосуды с вертикально направленной низкой горловиной, заканчивающейся горизонтально срезанным краем. Плечики более или менее округлые, плавно, реже круто или через небольшое ребро переходящие в тулово. Днище массивное, хорошо выделенное, часто выступающее в нижней части, плоское. На шейке и плечиках иногда наносился прочерченный орнамент в виде зигзага, сочетающегося с наколами (рис. 44, 7).

Х у м ы делались, видимо, грушевидные с округлым, небольшим, валикообразным, выступающим венчиком, диаметром до 45 см. Шейка почти не выделена, плечи покатые. Днище выделенное (иногда выступающее), плоское, диаметром до 40 см.

Глубокие «ж а р о в н и» и сосуды типа с к о в о р о д о к (рис. 41, 6; рис. 44, 12) различаются между собой только глубиной. Они широкие и плоскодонные, с невысоким (4—8 см), слегка отклоняющимся наружу бортиком со скругленным краем. Диаметры дна и устья почти равны и колеблются от 22—23 см до 45 см.

Встречаются м и с к и с округлым туловом и скругленным краем, загнутым внутрь, диаметром до 20—22 см (рис. 41, 8, 9; рис. 44, 13), но фрагментов мисок, как и хумов, в лепной керамике очень мало.

II в лепной и в ремесленной посуде наблюдается сравнительно с Хорезмом заметная бедность форм. Среди лепной посуды преобладают горшки; в ремесленной — горшки и миски. Крупных сосудов — хумов и хумчей — мало. Небольшие сосудики также немногочисленны. В основном комплекс керамики с Бабиш-муллы составляют сосуды средних размеров.

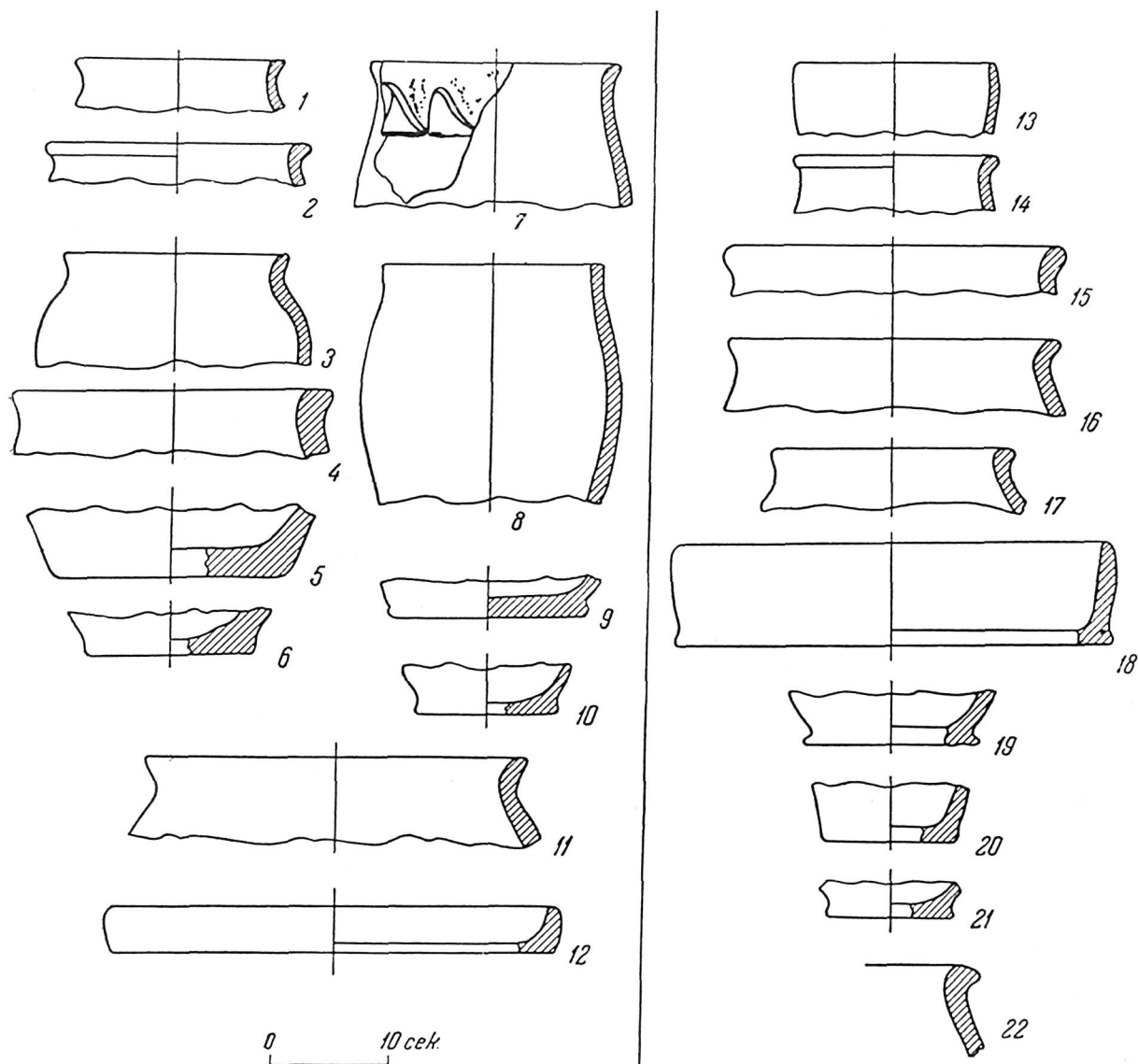

Рис. 44. Керамика ручной лепки

1—12 — с поселений в районе Бабиш-муллы; 13—22 — с крепости Бабиш-мулла-1

Для лепной посуды характерно массивное днище, часто с выступающим нижним краем. Эта местная особенность нашла отражение и в ремесленной керамике, которая вырабатывалась тут же в окрестных поселениях. Напомним, что на некоторых из них обнаружены остатки гончарных печей.

Почти все виды ремесленной посуды с Бабиш-муллы встречаются в керамике Хорезма кангуйского времени (с IV—III вв. до н. э.)³⁸. Однако многие формы или варианты их, получившие распространение в Хорезме того времени, отсутствуют в Бабиш-мулле. В частности, здесь совсем нет

³⁸ М. Г. Воробьева. Указ. соч., табл. между стр. 216 и 217 (второй и третий ряды снизу).

бокалов на высокой ножке — столь частой находки на всех античных памятниках Хорезма.

Обращает внимание малое количество расписных сосудов, сравнительно большое число сероглиняных, наличие сосудов с наlepным валиком, украшенным широкими вертикальными выемками (рис. 41, 13; рис. 42, 28), и фрагментов крупных сосудов или оссуариев с наlepным валиком, орнаментированным пальцевыми вдавлениями (рис. 41, 16). Этот прием орнаментации, а также украшение валика ямками применялся гончарами джеты-асарских поселений нижней Сыр-Дарьи, оставленных племенами сырдарьинских тохаров³⁹. Аналогичные формы мы встречаем также в гораздо более поздних памятниках варварской периферии Хорезма — в Барак-таме и Игды-кале, датируемых IV в. н. э.⁴⁰ В самом Хорезме развитие этой традиции мы встречаем лишь в афригидской культуре VI—VIII вв. н. э.

Некоторые формы посуды из Бабиш-муллы, не известные нам пока в Хорезме, находят аналогии в материалах с других территорий. Так, например, миски с резким перегибом в верхней части (рис. 43, 3) были широко распространены в ремесленной керамике древнего Мерва III в. до н. э.— I в. н. э.⁴¹ На мервской же посуде часто встречается резкий отгиб венчика, не характерный для хорезмийских сосудов; он встречается в кангюйское время лишь в единичных случаях и был распространен несколько позже — с конца II в. до н. э. Близкие по форме чаши, но уже не среди ремесленной, а, по определению Г. В. Григорьева, в лепной посуде известны в материалах слоя Каунчи-1. Там же есть и близкие формы венчиков хумов⁴².

Небольшая сероглиняная мисочка (рис. 42, 12) находит близкую аналогию, вплоть до материала — серая хорошего качества глина — среди посуды из древней Бактрии, в слое III—II вв. до н. э. (Кобадиян II)⁴³. Выше мы уже упоминали о находке оригинальной по форме горловины хума, аналогия которой нашлась в Согде, в слое Афрасиаб II⁴⁴.

Полученные материалы — трехперые скифские наконечники стрел V—III вв. до н. э., керамика, близкая хорезмийской IV—II вв. до н. э., бусы, распространенные в Хорезме и других местах в то же время, — позволяют датировать весь комплекс Бабиш-муллы III—II вв. до н. э., возможно, отчасти, и IV в. Этой датировке не противоречат и приведенные аналогии с археологическими материалами из других районов Средней Азии.

Комплекс существовал, по-видимому, сравнительно короткое время. Объясняется это, вероятно, тем, что он базировался на таком непостоянном водном источнике, как затухающий проток Жаны-Дарьи.

Приведенные аналогии могут свидетельствовать о связях апасиаков, обитавших в нижнем течении Жаны-Дарьи, с окружающим их миром. Доминирующую роль, однако играл Хорезм, влияние которого прослеживается не только по керамике. Чрезвычайно сильно оно отражено и в строительном деле. Проведенные работы на памятниках комплекса Бабиш-муллы еще раз подтвердили полученное при первых обследованиях впечатле-

³⁹ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР (1945—1948). «Труды ХЭ», т. I, стр. 23—24, рис. 12, 13. Там же см. приведенные автором кавказские и тавро-киммерийские аналогии.

⁴⁰ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1, стр. 127 и след.

⁴¹ Л. М. Рутковская. Керамика древнего Мерва. СА, 1958, № 3, стр. 120 и след.

⁴² Г. В. Григорьев. Каунчи-тепа (раскопки 1935 г.). Ташкент, 1940, стр. 40, рис. 50.

⁴³ М. М. Дьяконов. Археологические работы в нижнем течении реки Кафирнигана (Кобадиян) (1950—1951). «Материалы и исследования по археологии СССР», 1953, № 37, стр. 284, рис. 20, табл. XII, 30.

⁴⁴ А. И. Тереножкин. Согд и Чач, стр. 154, рис. 69, III, 9.

ние, что архитектурные памятники здесь очень близки хорезмийским по общим конструкциям сооружений и отдельным деталям ⁴⁵.

В то же время четко выступают и местные самобытные черты, и прежде всего, наличие огромных погребальных сооружений со своеобразной планировкой и внутренней отделкой помещений.

Здесь следует подчеркнуть, что обследованные на сравнительно небольшой территории погребальные памятники апасиаков демонстрируют различные типы этих сооружений, существовавшие на протяжении всего лишь двух-трех столетий.

Самыми древними из них являются курганы с квадратной камерой, вырытой в песке. Вполне вероятно, что зафиксированная нами на Чирик-рабате при раскопках круглого погребального здания мощная (12—16-сантиметровая) глиняная обмазка на каркасе из жердей, покрывавшая стены камеры, является пережиточным явлением, сохранившимся со времен курганных погребений. Дело в том, что стенки погребальных камер в курганных погребениях, вырытых в песке, неизбежно должны были быть закреплены и, по-видимому, это делалось с помощью именно такой конструкции.

Однако, если этот тип погребений может быть связан с местной апасиаковской культурой, то появление вышеупомянутых четырехкамерных погребальных сооружений, сложенных из сырцового кирпича, возможно объяснить лишь хорезмийскими влияниями, а именно, проникновением хорезмийских конструктивных приемов.

Наиболее характерные погребальные памятники — Бабиш-мулла-2 и круглое здание на Чирик-рабате. Но они не единственные. Во время разведочных работ этого года были обследованы еще три подобных сооружения — Чагырлы-2, Чирик-2 и безымянный бугор с триангуляционной вышкой неподалеку от русла Жаны-Дарьи, между колодцами Ак-Чукур и Кара-Умбет.

Чагырлы-2 — небольшое, круглое в плане сооружение диаметром 15 м со следами крестообразной планировки, но сложено оно из пахсы.

Особый интерес представляет Чирик-2. Он расположен в 1,2 км к северо-западу от Чирик-рабата и, видимо, относится к тому же времени. Это круглое в плане, небольшое (диаметр 16 м) сооружение, сохранившееся на высоту около 3,2 м от современной поверхности такыра, причем южная часть здания сильно разрушена. Оно сложено из сырцового кирпича размером $40 \times 22 \times 8,5$ или $47 \times 29 \times 9$ см с примесью самана.

Зачистка обнаружила в этом здании четыре глиняных пола, причем на каждом из них, в центральной части помещения, лежали толстый слой обгорелого камыша, золы, пережженных костей. На самом верхнем полу, помимо следов кострища, сохранились пережженные человеческие длинные кости и нижняя челюсть — остатки сожженного здесь трупа.

Поверх них шла обмазка, видимо, следующего пола.

Можно предположить, что новые полы настилались над каждым слоем сожженных трупов. Завалы между обгорелыми поверхностями полов везде состоят из углей, горелого камыша и обугленных костей. Процесс трупосожжения происходил, очевидно, в центральной части здания, так как на расчищенном близ стены участке пола нет следов горения.

Очень интересны найденные здесь бусы ⁴⁶. Это прежде всего шаровидная бусина черного цвета из камня группы халцедона. Поверхность окрашена химическим путем. Белый орнамент в виде решетки из белых пятиугольников нанесен раствором соды, сверление двустороннее, сверлом,

⁴⁵ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации, стр. 57—58; В. Л. Воронина. Строительная техника древнего Хорезма. «Труды ХЭ», 6. 1, стр. 87 и след.

⁴⁶ Определены С. А. Трудновской.

заправленным осколком алмаза. Техника индийского происхождения. В северной Индии подобные экземпляры появляются с рубежа IV—III вв. до н. э. Экземпляр очень редкий. Бусы с аналогичным орнаментом, но нанесенным на естественную поверхность камня, имеют значительно более широкое распространение и известны в иранском мире и в Закавказье, начиная с парфянского времени. Поздние экземпляры найдены в Хорезме на городище Топрак-кала и на городище Канга-кала, где датируются IV в. н. э. Однако рассматриваемый экземпляр по технике сверления и орнаментации отличается от известных более поздних бус и стоит ближе к индийским.

Найден также фрагмент шаровидной бусины из синей ляпис-лазури; в Хорезме аналогий не имеет. Подобные бусы известны из раскопок А. Н. Бернштама на Памире и датируются V—III вв. до н. э. Наконец, среди находок встречаются мелкие стеклянные бусы ярко-голубого цвета, кольцевидной формы. Они были распространены в эллинистическое время. Один очень близкий экземпляр встречен при раскопках Кой-Крылган-кала в помещении внешнего кольца.

Таким образом, бусы дают примерно ту же дату, что и керамика.

Итак, даже рекогносцировочные работы показали многообразие способов захоронения у апасиакских племен. Это многообразие сложилось, вероятно, не без хорезмийского влияния. В связи с этим предположением интересно отметить аналогичную обнаруженной на Бабиш-мулла-2 крестообразную планировку центрального здания на городище Шах-Сенем. Внутренние помещения этого сооружения, сложенного из сырцового кирпича размером $40 \times 40 \times 10$ см, представляют собой два взаимно пересекающихся коридора ⁴⁷. По всей вероятности, здание на Шах-Сенеме было сооружено еще в античное время; позже оно использовалось в качестве цоколя для центрального павильона паркового комплекса этого памятника, датируемого XII—XIII вв. Южный проем оказался заложеным кирпичом другого стандарта ($24 \times 24 \times 4,5$ см), характерным для средневекового времени.

С другой стороны, очень возможно, что центральное здание Кой-Крылган-кала представляет собой какой-то вариант более ранних среднеазиатских скифских погребальных сооружений, созданный в условиях высокой культуры Хорезмского оазиса того времени. Действительно, в планировке этого здания, хотя более сложной и совершенной, чем на Бабиш-мулла-2 или Чирик-2, можно выделить также крестообразно расположенные по осям диаметров центральный неф и выходящие в него две средние комнаты и четыре угловых помещения.

Мы уже не раз говорили об особенностях культуры апасиаков, заключающейся в сочетании сравнительно высокого развития в одних областях с отсталостью — в других. При наличии высокой строительной техники и развитого керамического ремесла, знакомства с выработкой железа, следы производства которого обнаружены на нескольких поселениях, наряду с употреблением бронзовых наконечников стрел, украшений из золота и бронзы, основные орудия труда делались из камня, о чем свидетельствуют находки на городище Бабиш-мулла-1 и на всех окрестных поселениях грубых орудий из кварцита, орудий тех же типов, что и зарегистрированные в варварских поселениях низовий Акча-Дарьи ⁴⁸. Возможно, что в этой неравномерности также отражаются различные влияния со стороны соседних племен.

⁴⁷ Ю. А. Рапопорт. Раскопки городища Шах-Сенем в 1952 г. «Труды ХЭ», т. II. М., 1958, стр. 402 (рис. 3) — 403.

⁴⁸ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., стр. 109, 110.

Работы Хорезмской экспедиции показали, что верхней датой исследованных памятников является II в. до н. э. Прекращение жизни на апасиакских городищах и поселениях свидетельствует об изменениях, происшедших на территории междуречья Аму- и Сыр-Дарьи в этот период. Середина II в. до н. э.— это именно то время, когда произошло массовое движение степных племен из Присырдарьинских районов на юг—в Бактрию и Индию. Апасиаки были одним из четырех племен, упоминаемых античными источниками в качестве участников завоевания Бактрии. Совпадение даты этого движения, которую дают письменные источники, и даты исчезновения апасиаков с территории их расселения, фиксируемой археологическими материалами,— явление примечательное.

Дальнейшие работы экспедиции помогут разрешить этот и многие вопросы истории этих племен.

А. В. Виноградов

НОВЫЕ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ АН СССР 1957 г.

В 1957 г. во время полевых работ Хорезмской экспедиции АН СССР было обнаружено несколько стоянок, материал которых позволяет отнести их к эпохе позднего неолита. Ни одна из стоянок не дала неразвешанного культурного слоя, находки — керамика, изделия из кремня, украшения из раковин — собраны в котловинах выдувания прямо на поверхности песка.

Находки на стоянках количественно не очень богаты и не дают ничего принципиально нового для характеристики кельтеминарской культуры¹, однако они все же представляют значительный интерес, так как дополняют и разъясняют некоторые частные вопросы, особенно в области техники изготовления кремневых орудий и керамики и их форм.

Всего обнаружено четыре скопления находок, которые с полным основанием можно рассматривать как развешанные стоянки. Из четырех обнаруженных стоянок наиболее крупные — Кават-5 и Дингильдже-6. Кроме того, небольшие сборы были проведены еще в ряде пунктов.

* * *

Стоянка Кават-5 была обнаружена топографом экспедиции Н. И. Иго-
ниным в 400—450 м к югу от тазабагьябской стоянки Кават-3². Район
этот был густо заселен во второй половине II — начале I тыс. до н.э. На
сравнительно небольшой площади здесь зафиксировано около десяти та-
забагьябских и амирабадских стоянок. Однако неолитические материалы
обнаружены здесь впервые. Изделия из кремня, мелкие обломки керамики
собраны на склонах и на дне довольно глубокой котловины, вытянутой
с северо-востока на юго-запад и бывшей, возможно, одним из протоков
древней Акча-Дарьи, на левом берегу которого и были расположены пер-
вобытные стоянки (рис. 1). Разница в отметках между дном котловины

¹ О кельтеминарской культуре см.: С. П. Толстов. Древности Верхнего Хорезма (Основные итоги работ Хорезмской экспедиции Ин-та истории материальной культуры 1939 г.), ВДИ, 1941, № 1, стр. 156; его же. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948, стр. 59—66; его же. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л., 1948, стр. 65—74; его же. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. «Труды ХЭ», т. II, М., 1958, стр. 35—57; А. А. Формозов. Кельтеминарская культура в Западном Казахстане, КСИИМК, вып. XXV, 1949, стр. 49—58; А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры. СЭ, 1957, № 1, стр. 25—45; М. А. Итина. Памятники первобытной культуры Верхнего Узбоя. «Труды ХЭ», т. II. М., 1958 стр. 259—310.

² О стоянке Кават-3 см. статью М. А. Итиной в настоящем сборнике.

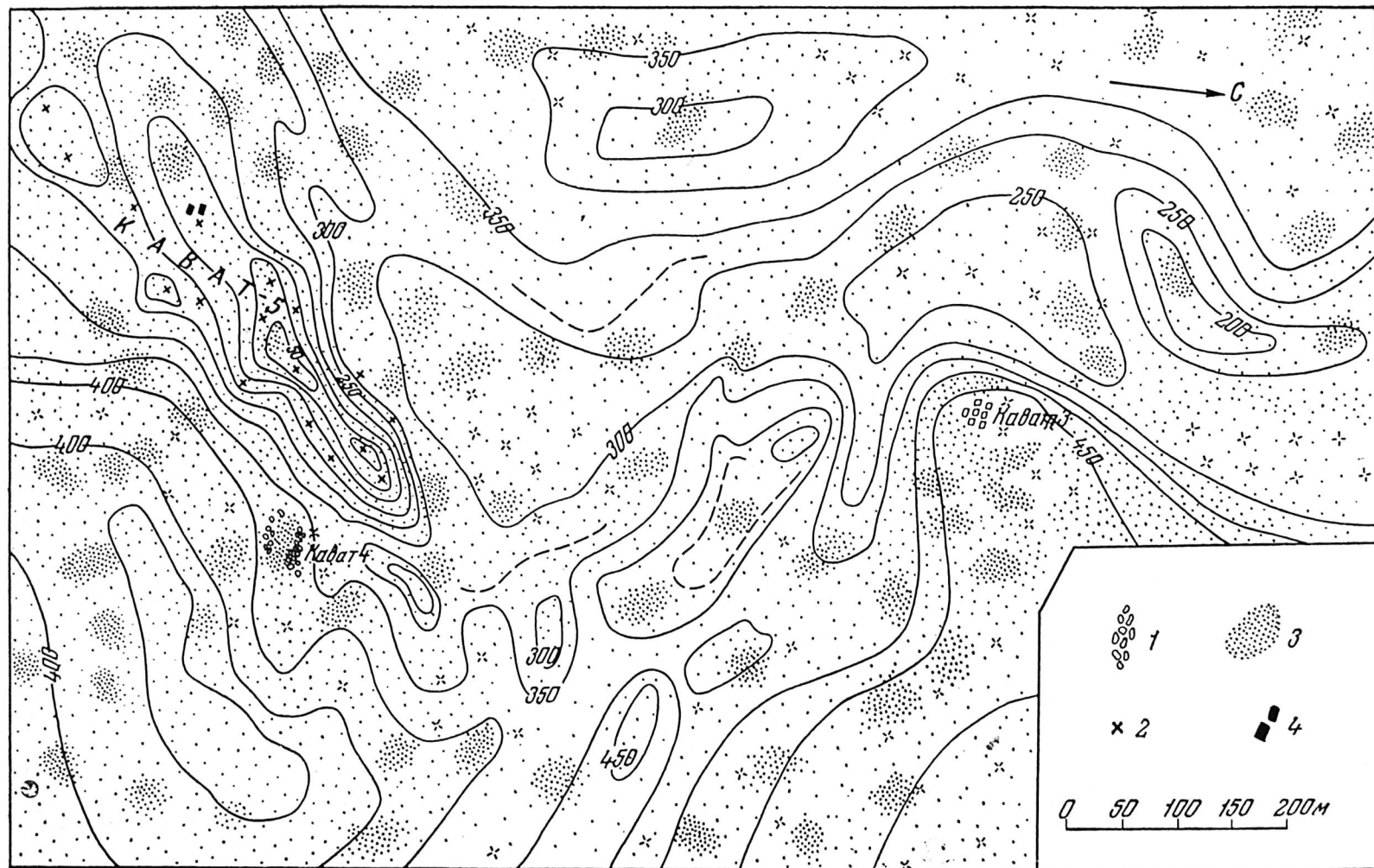

Рис. 1. План расположения первобытных памятников в районе крепости Кават-кала

1 — скопления керамики; 2 — место находки кремневых орудий; 3 — пески; 4 — кости

и уровнями тазабагъябских стоянок Кават-4 и 3, расположенных по ее берегам, равна соответственно 3 и 4 м.

Совершенно очевидно, что после того, как культурный слой стоянки был развеян, находки были рассеяны на значительной территории и на разных

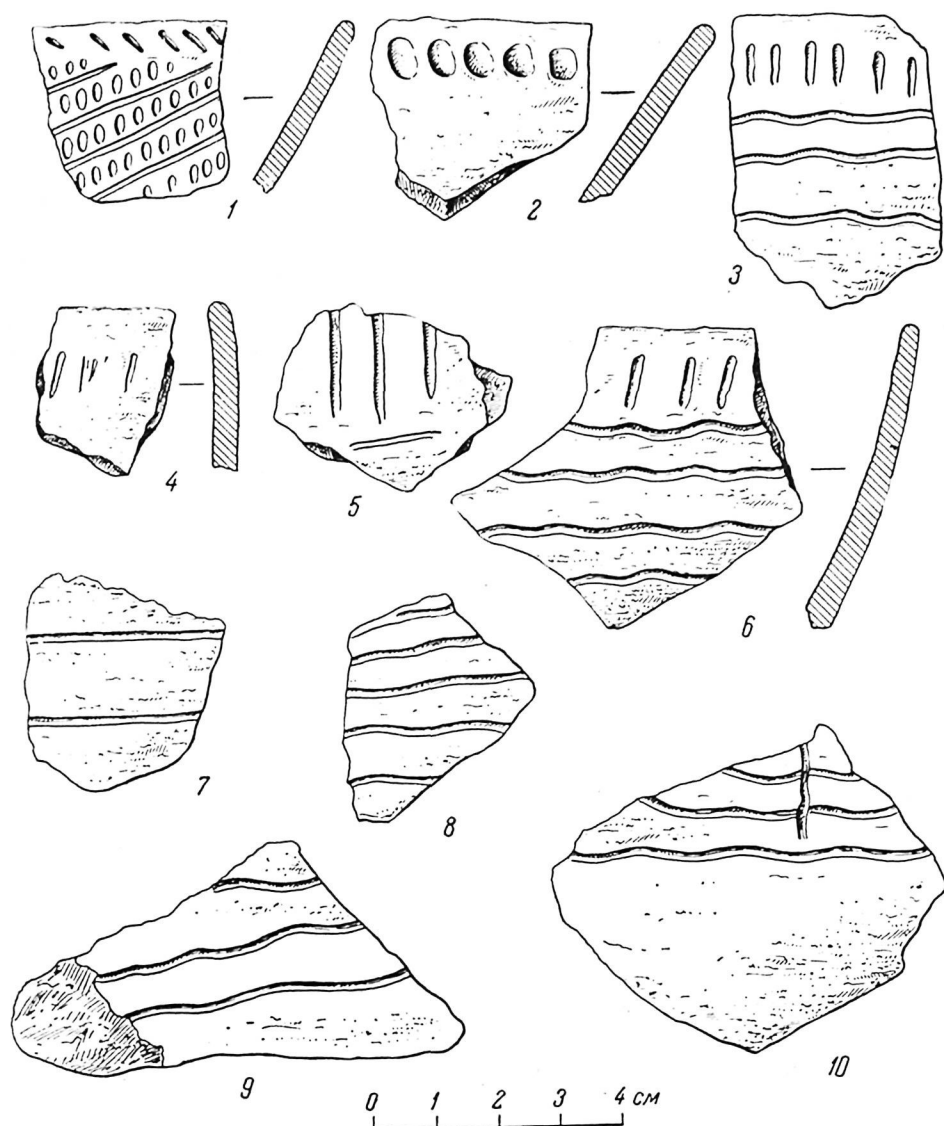

Рис. 2. Стоянка Кават-5. Орнаментированная керамика

уровнях: разница в отметках уровня отдельных находок достигает 2—2,5 м. О том, что они перемещены, свидетельствует характер находок, в особенности керамики. Она очень сильно окатана, часто до такой степени, что глубоко прочерченный орнамент в настоящее время прослеживается с трудом. Сильно окатана и часть изделий из кремня, некоторые имеют характерный жирный блеск. Установить точно локализацию стоянки не представляется возможным, так как находки рассеяны довольно равномерно. Можно с достаточным основанием предполагать, что она была расположена на берегу котловины, против стоянки Кават-4.

Керамика. В коллекции имеется около пятидесяти обломков лепных сосудов, очень мелких и сильно окатанных (рис. 2). По обломкам венчиков можно реконструировать только несколько топкостенных, широкогорлых, полусферических чашек.

Большинство сосудов, по-видимому, было богато орнаментировано, но вследствие плохой сохранности черепков орнамент прослеживается при-

мерно у половины из них. Ведущую роль играют прочерченный волнистый и прямолинейный орнаменты. О композиционном расположении орнамента на стенках сосудов судить трудно. Можно отметить только характерный для большинства сосудов прием оформления венчика горизонтальной полосой косых насечек различной величины (рис. 2, 1, 4, 6). По аналогии с керамикой стоянки Джанбас-4 можно предполагать, что орнаментальное поле было разделено на ряд геометрических фигур, заполненных волнистыми линиями. Отметим еще два фрагмента: один орнаментирован косыми линиями насечек (рис. 2, 5), другой — пояском овальных вдавлений по венчику (рис. 2, 2).

Изделия из кремня изготовлены из различного по качеству и цвету материала. Преобладает кремень коричнево-красных тонов, реже встречается более качественный кремень молочно-белого или желтовато-белого цвета. Готовых орудий в коллекции около восьмидесяти. Среди них преобладают изделия микролитического типа, подавляющее большинство их (свыше 90%) изготовлено на ножевидных пластинах. Набор изделий типично кельтеминарский (см. сводную статистическую таблицу в конце статьи).

Обращают на себя внимание вкладышевые лезвия на ножевидных пластинах, с притупленной спинкой, представленные небольшими обломками (рис. 3, 4, 5), и несколько хорошо сохранившихся изделий, подобной же формы, но со скошенным притупляющей ретушью концом (рис. 3, 1—3). В коллекции есть много ножевидных пластин с ретушью по одной или по обеим сторонам со спинки или с брюшка (рис. 3, 11—13). Среди скребков количественно преобладают скребки, изготовленные на отщепах (рис. 3, 23—28). Они имеют подтреугольную или неправильную овальную форму. Выпуклый рабочий край образован крутой грубоватой ретушью. Концевые скребки, представленные в коллекции тремя экземплярами, имеют выпуклый, слегка скошенный рабочий конец (рис. 3, 20—22). У двух из них ретушью обработаны и боковые края. Хороших проколов в коллекции нет, имеющиеся экземпляры маловыразительны (рис. 3, 16, 18—19). Отсутствуют и хорошо выраженные пластины с выемками, есть только несколько небольших обломков с широкими и неглубокими асимметричными выемками (рис. 3, 6—8).

Особого внимания заслуживают два наконечника стрел. Они обработаны тщательной двусторонней, отжимной ретушью. Один, сделанный из темно-коричневого кремня, имеет листовидную форму (рис. 3, 9). Изделие сильно окатано, косые, узкие фасетки ретуши имеют характерный в подобных случаях жирный блеск. Второй наконечник из серого мелкозернистого кварцита представлен обломком (рис. 3, 10).

В коллекции имеется несколько обломков нуклеусов со следами снятия пластин по одной из сторон (рис. 3, 30—31).

Из остальных находок отметим обломок бусины (овальной формы), сделанной из слегка выгнутой створки ископаемой раковины. Края бусины тщательно заполированы (рис. 3, 29).

* * *

Стоянка Дингильдже-6, расположенная в районе раннеантичного поселения Дингильдже, была открыта участниками археолого-топографического отряда экспедиции в 1957 г. и тогда же на ней были проведены первые сборы. В том же году на стоянке были собраны дополнительные материалы и снят топографический план.

Обломки керамики, изделия из кремня и раковинные украшения собраны по склонам и в центре неглубокой песчаной котловины (рис. 4). Территория стоянки была затоплена еще в древности, и культурный слой ее,

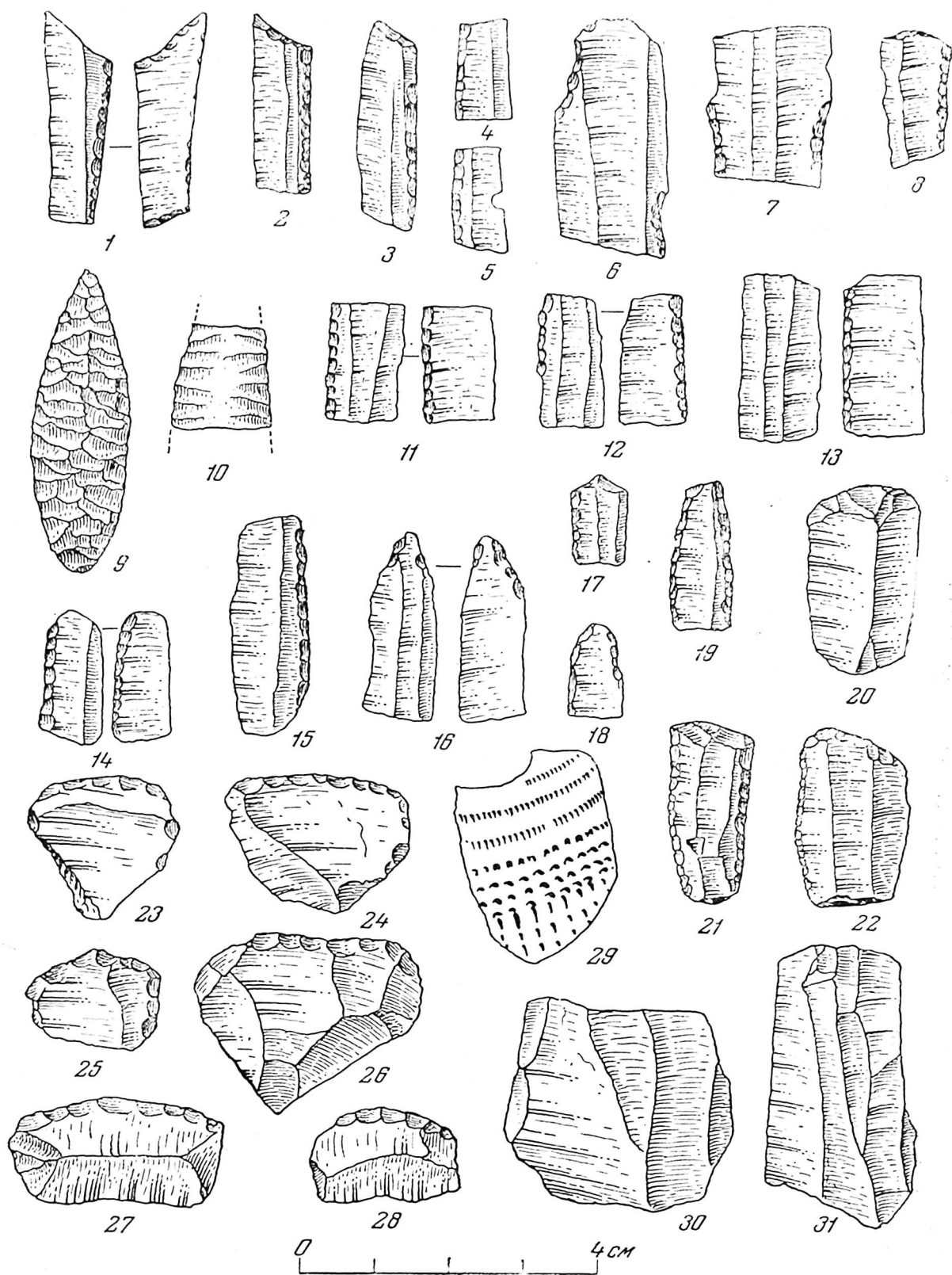

Рис. 3. Стоянка Кават-5

1—28, 30—31 — изделия из кремня и кварцита; 29 — украшение из раковины

располагавшийся на песке, перекрыт осадочными суглинистыми отложениями. Впоследствии такырная корка была разрушена и культурный слой уничтожен. Остатки культурного слоя сохранились, возможно, под такыром, края которого окаймляют в настоящее время котловину с севера и запада, близко подходя (особенно с севера) к выдувам, давшим археологический

Рис. 4. Стоянка Дингильдже-6. Общий вид на котловину, где собраны находки

материал (рис. 5). На территории стоянки зафиксировано пять отдельных скоплений кремня и керамики. Наиболее богатые скопления (первое и второе) расположены в центре (рис. 6). Отдельные находки кремневых изделий сделаны и вне территории стоянки, на расстоянии 50—80 м от основных скоплений (в частности, к востоку от стоянки).

Керамика. Подавляющее большинство керамики относится к неолитическому комплексу, представленному также изделиями из кремня и раковин. Исключение представляют лишь обломки двух сосудов, которые, судя по технике изготовления, относятся к более позднему времени и попали на стоянку случайно. Неолитическая керамика изготовлена без помощи круга, ленточной техникой, из глиняного теста с добавлением различного рода примесей. В качестве примеси чаще всего употреблялась дресва, реже — примесь толченых раковин и кварцевого песка. Отметим и обломки большого сосуда со значительной примесью к глиняному тесту мелкой, сильно окатанной гальки.

Перед обжигом поверхности сосудов тщательно заглаживались, по-видимому, пучком травы; наружная поверхность сосудов покрывалась

слоем тонкоотмученной глины. Обжиг сосудов очень неравномерный: поверхности имеют красновато-коричневый и серый цвет, излом обычно черный или темно-серый.

Основные, реконструируемые по материалам стоянки формы сосудов находят себе аналогии среди кельтеминарской керамики. Это прежде всего

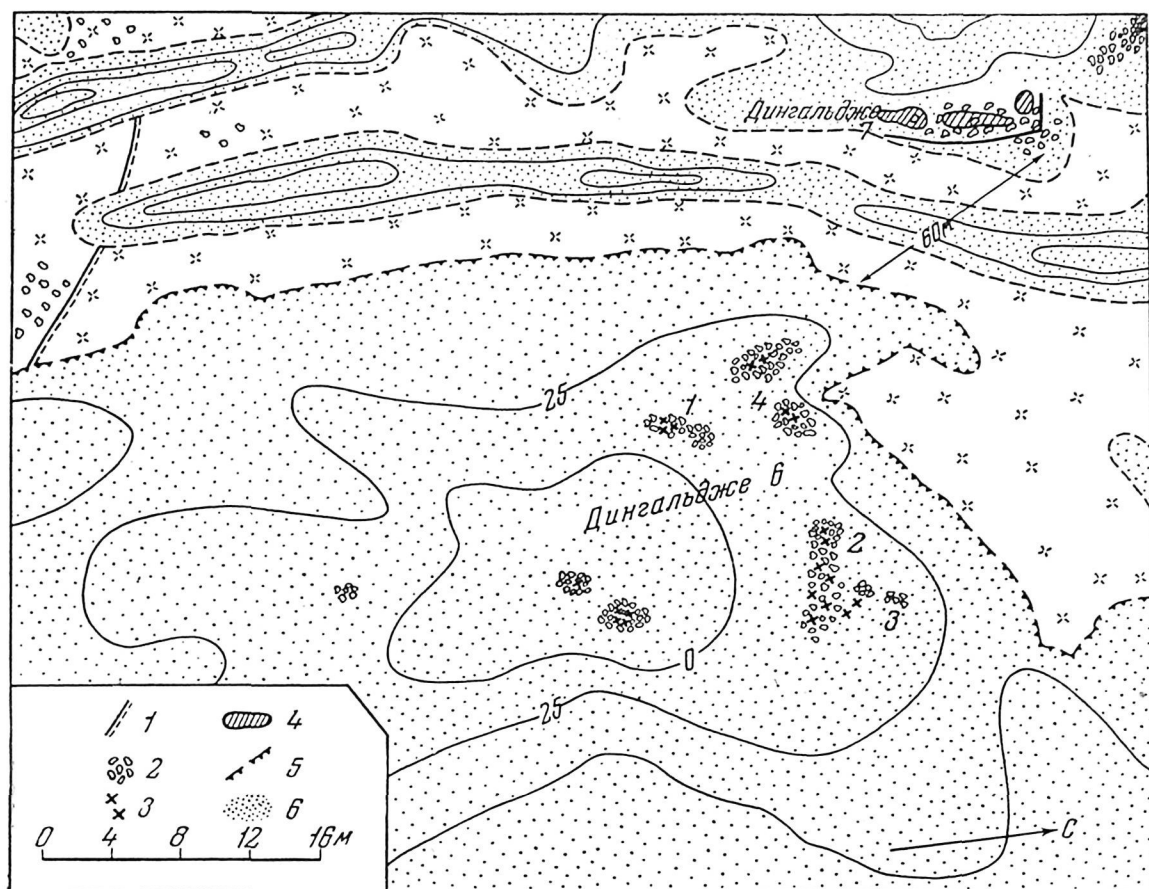

Рис. 5. План стоянки Дингильджэ-6

1 — канал; 2 — скопление керамики; 3 — находки кремневых орудий; 4 — зольное пятно; 5 — разрушенный тапир; 6 — пески

большие вертикально удлиненные цилиндрические сосуды со слегка отогнутым наружу венчиком (рис 7, 4). Судя по кельтеминарским аналогиям (Джанбас-4)³, они имели круглое или заостренное дно (фрагменты плоских днищ в материале стоянки вообще отсутствуют). Большинство сосудов имеют уплощенный сверху бортик. Размеры их были очень значительными, диаметр венчика во многих случаях превышает 20 см (максимальный диаметр — 38—40 см). Вариантом описанной формы является сосуд со слабо-выраженной шейкой, отогнутым наружу венчиком и сужающимся книзу туловом (рис. 7, 5). Он также находит себе аналогии в материалах стоянки Джанбас-4⁴.

Другой, часто встречающейся формой являются широкогорлые, полу-сферические чашки (рис. 7, 1—2). Они отличаются друг от друга лишь размерами и профилем венчика. Венчик у таких сосудов может быть прямым, слегка загнутым внутрь или (значительно реже) несколько отогнутым наружу, образуя в последнем случае едва заметную шейку. Некоторые сосуды по бережку украшены насечками.

³ С. П. Толстов. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956). СЭ, 1957, № 4, рис. 7, 1.

⁴ А. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 26, рис. 1, 5.

Особо следует остановиться на двух сосудах, чрезвычайно интересных по форме. Это — низкие, широкогорлые, полусферические чашки, отличающиеся от описанных выше наличием широкого, хорошо выраженного слива (рис. 7, 6—7). Из мелких обломков удалось почти полностью реконструировать одну из них (рис. 7, 6, 9). Основная ее часть не имеет правильной

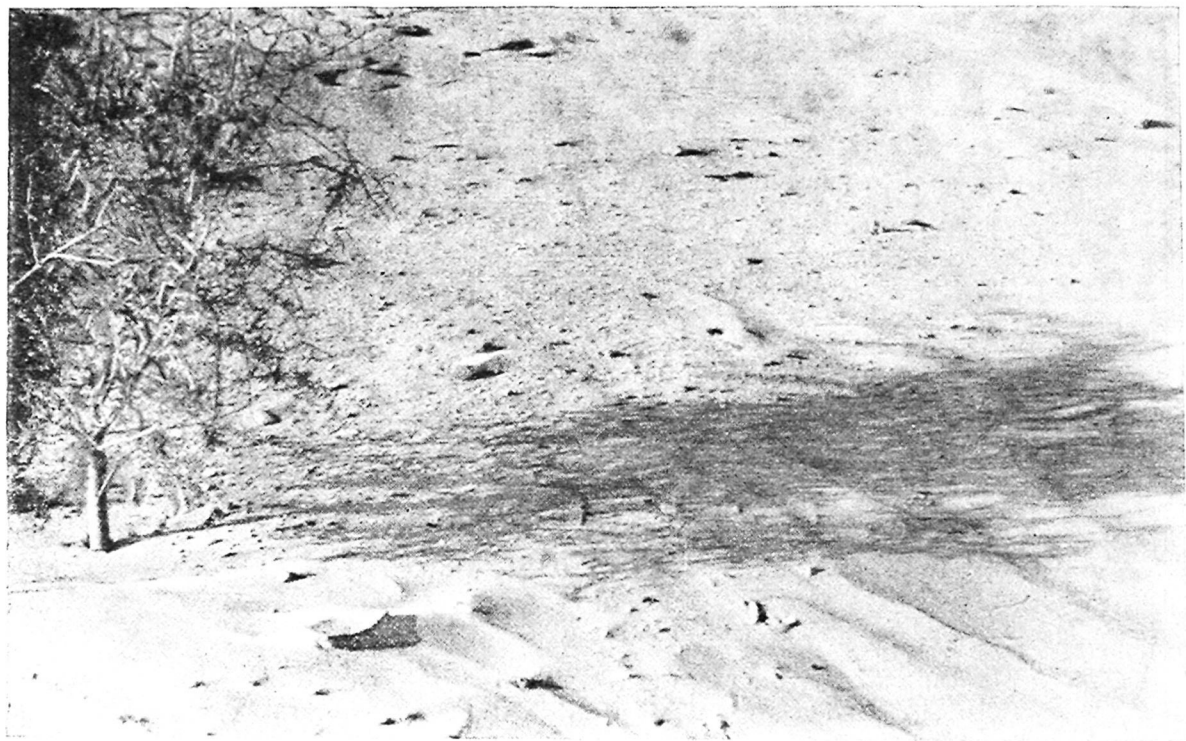

Рис. 6. Стоянка Дингильдже-6. Скопление первое

полусферической формы, она несколько деформирована и не орнаментирована. Вторая (рис. 7, 7) представлена обломком венчика в месте его перехода к сливу, украшена по бережку глубокими поперечными насечками. В заключение отметим большой обломок нижней части тулова сосуда, по-видимому, шаровидной формы (рис. 7, 8).

Керамика стоянки Дингильдже-6 имеет очень бедную орнаментацию, большинство сосудов вообще не орнаментировано. Из орнаментированных сосудов, не считая указанных выше случаев украшения венчика насечками, можно отметить еще три случая. Один из больших сосудов был покрыт полностью, кроме донной части, горизонтальными полосами глубоких косых насечек (рис. 7, 5). Обломок стенки другого сосуда (по-видимому, той же формы) орнаментирован прямыми прочерченными линиями (рис. 8, 1). Поверхность этого сосуда была, вероятно, разбита на ряд прямоугольников, заштрихованных горизонтальными и вертикальными прочерченными линиями. Один небольшой обломок орнаментирован слочным орнаментом (рис. 8, 2). Все описанные виды орнамента имеют аналогии в кельтеминарском материале.

Изделия из кремня. На стоянке собрано свыше трехсот ножевидных пластин, отщепов и обломков. Материалом для изготовления орудий служил кремень различной расцветки и качества, в основном красновато-коричневых и серых тонов. Законченных в обработке орудий на стоянке найдено около восьмидесяти. Кремневые изделия представлены следующими основными типами:

Наконечники стрел кельтеминарского типа. В коллекции имеется четыре обломка таких наконечников (рис. 9, 1—4).

У трех, лучше сохранившихся, выемка слева. Они сделаны из правильно ограненных, трапециевидных в сечении пластин. Подтреугольное перо оформлено тщательной двусторонней ретушью, выемка образована мелкой крутой ретушью, нанесенной со спинки.

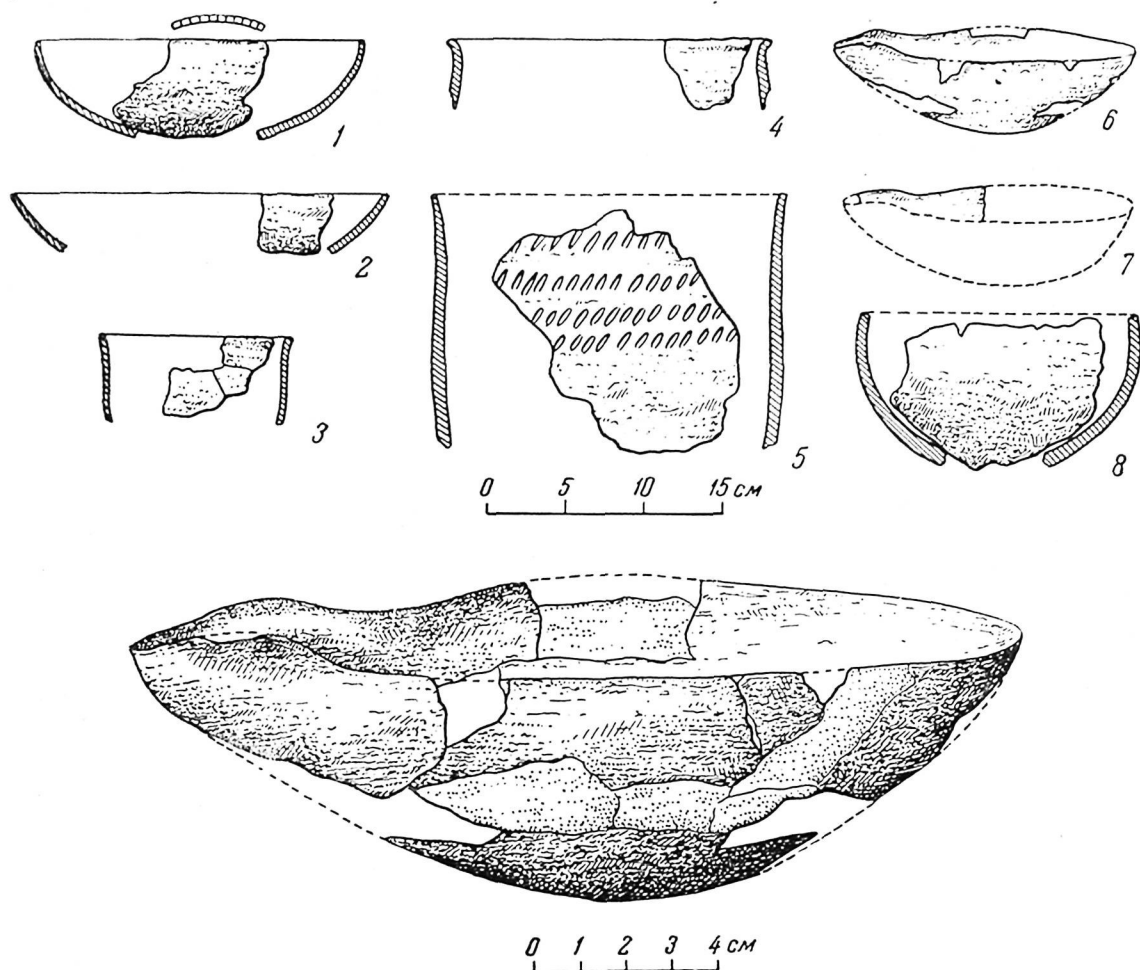

Рис. 7. Стоянка Дингильдже-6. Керамика

Вкладные лезвия для составных орудий. Найдено по крайней мере три типа. Кроме мелких обломков пластин с притупленной спинкой (рис. 9, 9—11), хорошо известных по материалам боль-

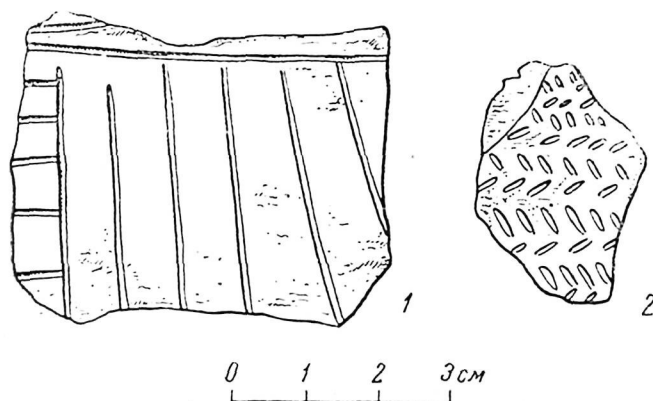

Рис. 8. Стоянка Дингильдже-6. Обломки орнаментированных сосудов

шинства кельтеминарских стоянок, отметим вкладыши с притупленной спинкой и скошенным притупляющей ретушью концом, также весьма

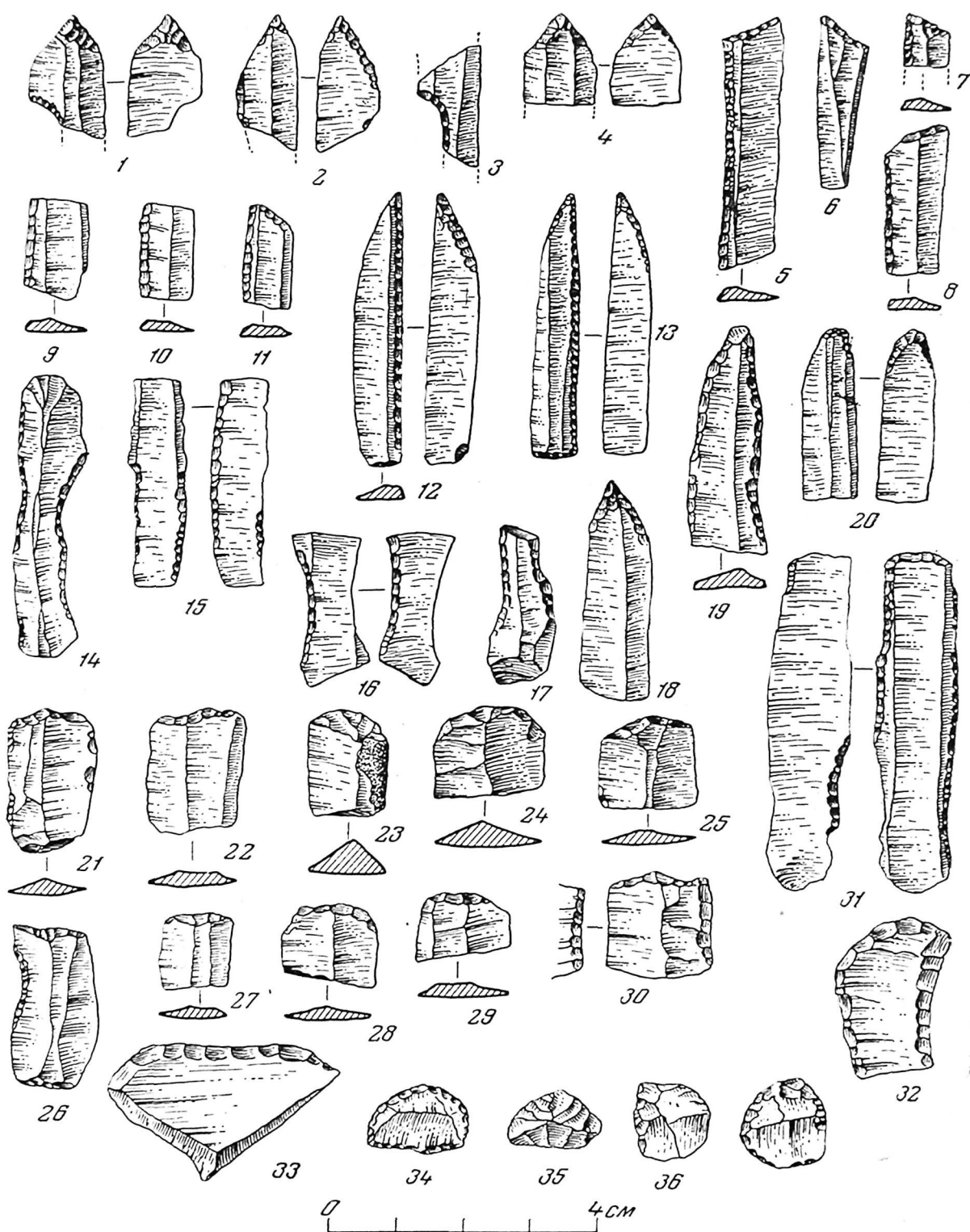

Рис. 9. Стоянка Дингильдже-6. Изделия из кремня

характерные для кельтеминарского, в особенности раннекельтеминарского, инвентаря (рис. 9, 5—8). Формы и пропорции этих изделий бывают разными. Некоторые внешне напоминают геометризованные (треугольные) микролиты капсийского типа (рис. 9, 6), однако большинство имеет параллельные длинные края и скошенный или прямой конец. Ретушь, как правило, крутая, притупляющая и нанесена со спинки. Конец обрабатывался либо со спинки, либо с брюшка.

Особо следует отметить два изделия, напоминающие по внешнему виду проколки, но, несомненно, относящиеся к описанной выше группе орудий (рис. 9, 12—13). Оба они изготовлены на длинных и узких ножевидных пластинах. Одна из длинных сторон оформлена тщательной притупляющей ретушью. Конец обработан тонкой ретушью и образует асимметричное подтреугольное острие. У одного из орудий притупляющей ретушью обработан и противоположный конец. Оба эти изделия, безусловно, являются

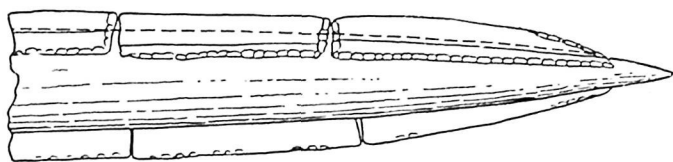

Рис. 10. Реконструкция орудия с применением вкладных лезвий с притупленной спинкой и одним концом подтреугольной формы

вкладышами. Они, по-видимому, вставлялись в сужающуюся часть костяной или деревянной основы, ближе к ее острому концу (как это показано на прилагаемой схеме, рис. 10). Изделия подобной формы хотя и встречались ранее в материале кельтеминарских стоянок, но чрезвычайно редко. Оба изделия изготовлены из отличного белого кремня.

Ножевидные пластины с выемками представлены преимущественно обломками. Боковые, асимметрично расположенные выемки, широкие и неглубокие, образованы крутой ретушью скребкового типа (рис. 9, 14—17).

Концевые скребки в большинстве сделаны на сечениях нешироких ножевидных пластин (рис. 9, 21—31). Рабочий край орудий, оформленный крутой скребковой ретушью, слегка выпуклый, иногда скошенный. В коллекции имеются два скребка на длинных пластинах, у которых крутой ретушью обработаны и боковые края (рис. 9, 31). Из довольно большой серии концевых скребков заслуживают упоминания, во-первых, изделие типа скребка, крутая ретушь рабочего конца которого вместе с ретушью по одной из боковых сторон образует острый угол, напоминающий по характеру обработки рабочий конец резца (рис. 9, 26), во-вторых, два изделия, похожих по внешнему виду на концевые скребки, но служивших, по-видимому, для иных целей. Слегка выпуклый рабочий край изделий имеет в центре небольшой клювовидный выступ. Иногда такие же небольшие выступы имеются и по обеим сторонам рабочего конца орудия (рис. 9, 21, 22). Такие изделия изредка можно найти на кельтеминарских стоянках. Употреблялись они, вероятно, для резьбы по кости.

Скребки на отщепах представлены небольшой серией миниатюрных изделий овальной и подтреугольной форм. Изделия обработаны крутой ретушью почти по всей окружности. Найдены также несколько орудий более крупных размеров и неопределенных форм (рис. 9, 32—37).

Ножевидные пластины с ретушью в материалах стоянки встречаются довольно часто (рис. 11, 1—8). Характер ретуши, нанесенной с одной или двух сторон, с брюшка или со спинки, указывает на различное назначение изделий. Возможно, часть пластин употреблялась

в качестве вставных лезвий для сложных орудий или как ножи, вставлявшиеся в костяную либо деревянную рукоять. У этих пластин тонкой, приостряющей ретушью со спинки или с брюшка обработана одна из сторон. Часть пластин имеет крутую ретушь скребкового типа, обычно с обеих сторон, чаще с брюшка. Назначение этих изделий неясно.

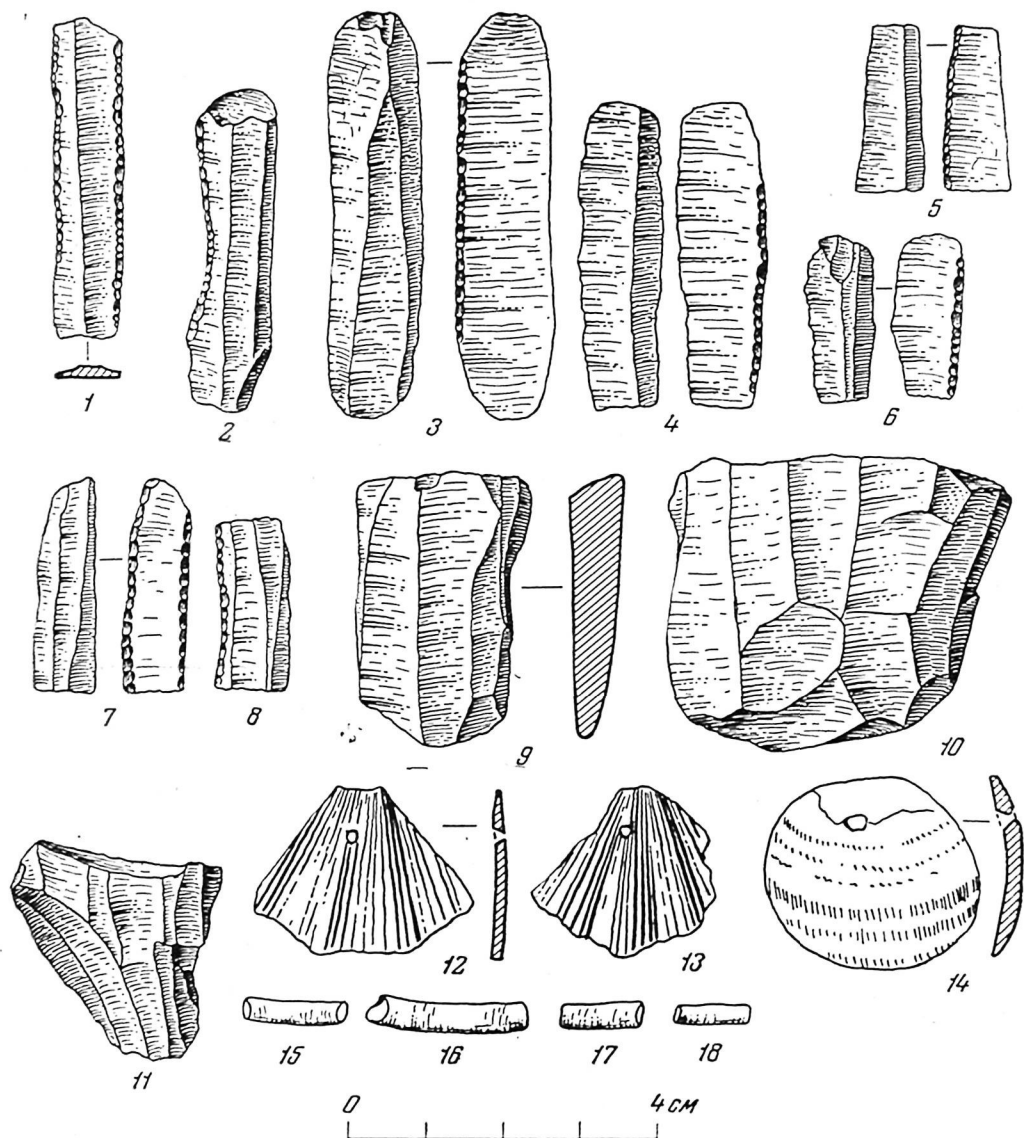

Рис. 11. Стоянка Дингильдже-6

1—11 — изделия из кремня; 12—18 — украшения из раковин

Нуклеусы. В коллекции есть несколько нуклеусов и обломков нуклеусов. Все они имеют следы снятия пожевидных пластин не по всей окружности, а только с одной стороны, так называемые односторонние нуклеусы (рис. 11, 9—11).

Украшения из раковин. В коллекции, собранной на стоянке Дингильдже-6, имеется десять экземпляров украшений из раковин. Большинство из них — мелкие цилиндрические пронизки из раковин *Dentalium* (рис. 11, 15—18). Они белого или желтовато-белого цвета. Привлекают внимание плоские бусины подтреугольной формы с естественными, глубокими, вертикальными бороздками и отверстием для подвешивания, просверленным в одном из углов (рис. 11, 12—13). Отверстие просверлено с гладкой тыльной стороны раковины и имеет в разрезе коническую форму.

Следует также отметить большую округлой формы бусину, сделанную из створки ископаемой раковины и тщательно отполированную по краям

(рис. 11, 14). Отверстие для подвешивания просверлено с тыльной выгнутой стороны. Все описанные украшения типичны для кельтеминарских стоянок, в частности, они имеют аналогии в материалах стоянки Джанбас-4⁵.

В 1957 г. Б. В. Андриановым были обнаружены две небольшие разветвленные стоянки в районе крепости Кургашии-кала.

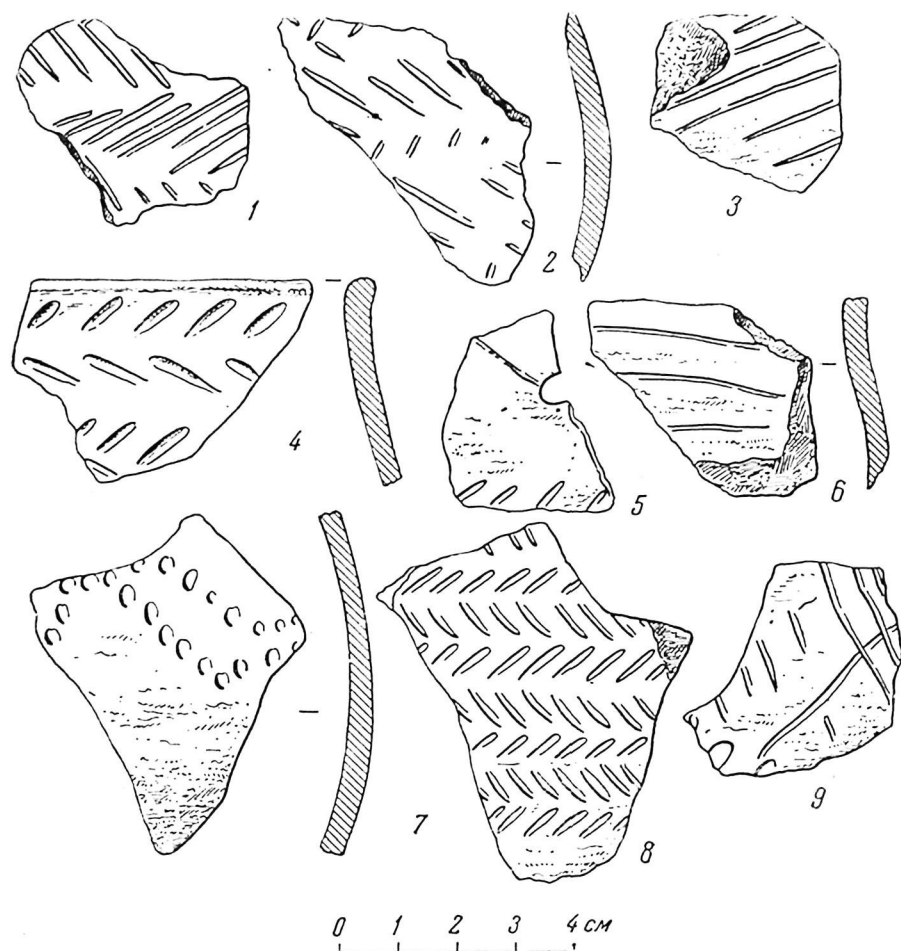

Рис. 12. Орнаментированная керамика
1—3 — стоянка Кургашии-Г; 4—9 — стоянка Кургашии-Д.

Стоянка Кургашии-Г расположена в 4 км к северо-востоку от крепости. Находки собраны на юго-западном склоне гряды коренных песков. В числе находок — небольшое количество керамики и изделий из кремня, причем керамика, собранная на стоянке, хронологически неоднородна. Из примерно тридцати мелких фрагментов около трети — более позднего происхождения, чем основной неолитический комплекс стоянки. По глиняному тесту и характеру обжига эту керамику можно отнести к эпохе бронзы. Среди неолитической керамики, легко определяемой по характерной слоистости и рыхлости черепка, имеется несколько орнаментированных обломков (рис. 12, 1—3). Орнамент — горизонтальные полосы насечек, образующих елку.

Более интересен кремневый инвентарь стоянки, имеющий хорошо выраженный пластинчатый микролитонидный характер. В числе готовых изделий имеются вкладыши с притупленной спинкой и скошенным концом, пластины с выемками, проколки, концевые скребки, ножевидные пластины с ретушью по боковым сторонам (рис. 13, 1—12). Найдено орудие типа концевого скребка, но с небольшим клювовидным выступом в середине

⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм, табл. 16 (в конце книги).

рабочего края изделия, такое же как на стоянке Дингильдже-6 (рис. 13, 3). На массивном отщепе сделан скобель (рис. 13, 12), слегка вогнутый рабочий край которого обработан мелкими фасетками ретуши.

Стоянка Кургашин-Д обнаружена в 3,8 км к северо-востоку от Кургашин-калы, на южном склоне коренных кызыл-кумских песков. Среди

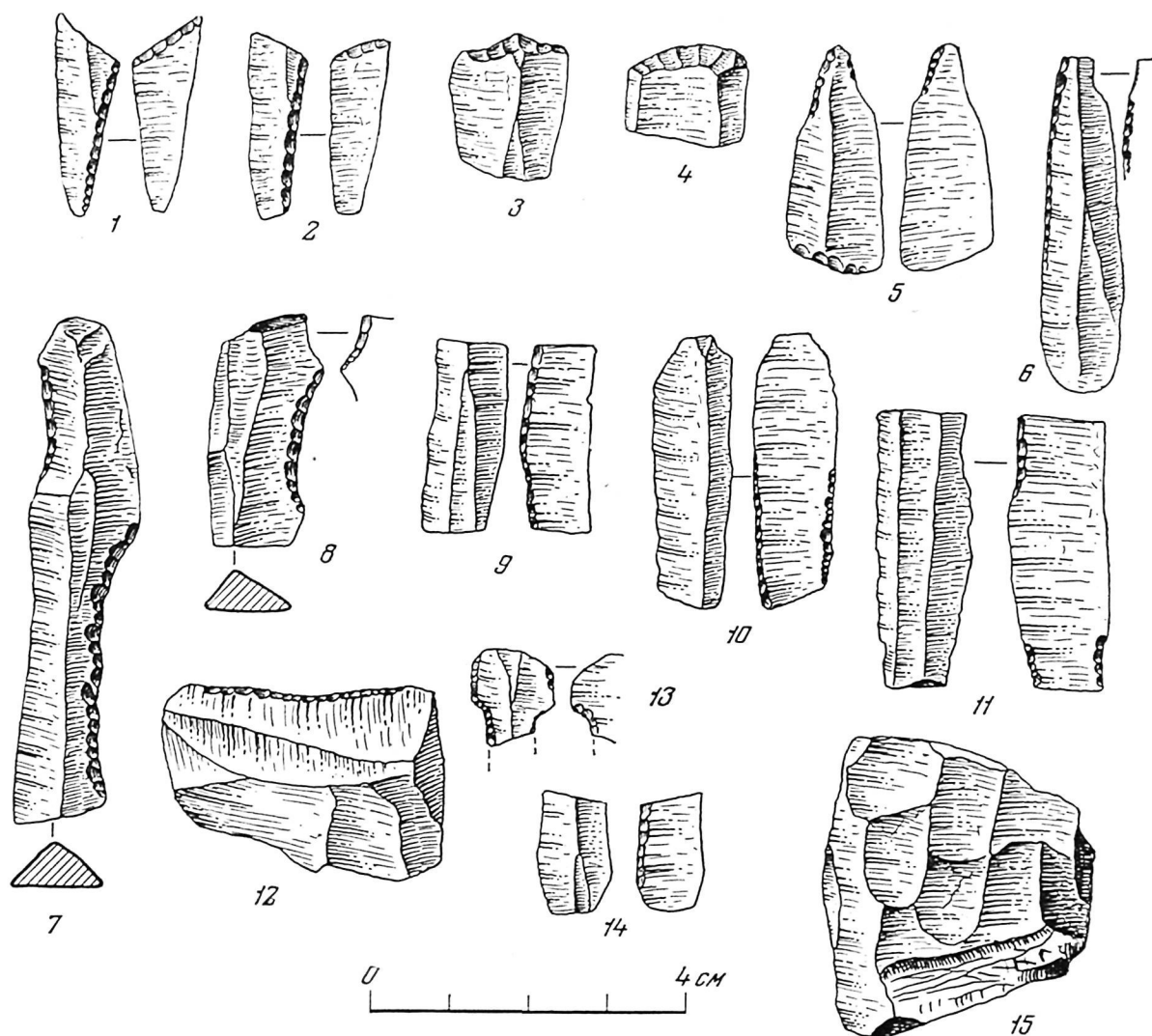

Рис. 13. Изделия из кремня

1—12 стоянка Кургашин-Г; 13—15 — стоянка Кургашин-Д

находок на стоянке наибольший интерес представляет керамика. Помимо двух фрагментов, орнаментированных насечками в форме горизонтальных елочных поясов (рис. 12, 4, 8), в коллекции встречаются обломки, украшенные прочерченным волнистым и прямолинейным орнаментом (рис. 12, 6, 9). Интересен фрагмент, украшенный зигзагообразной бахромой, идущей по плечикам сосуда и образованной овальными вдавлениями (рис. 12, 7).

Кремневые изделия стоянки малоинтересны (рис. 13, 13—15).

Небольшие сборы были проведены и в ближайших окрестностях стоянки Джанбас-4. Здесь в двух пунктах, в 100—150 м к югу от стоянки, собраны керамика, изделия из кремня и раковинные украшения.

* * *

Сравнительно небольшое количество находок и, особенно, отсутствие на стоянках участков неразвешанного культурного слоя в значительной

мере затрудняют их датировку. Исключением здесь является, на наш взгляд, лишь стоянка Кават-5, археологический комплекс которой в целом имеет очень близкие аналогии не только в материалах кельтеминарских стоянок, но и среди находок некоторых территориально отдаленных памятников. Как уже отмечалось, ведущую роль в орнаментации керамики стоянки играет прочерченный орнамент, особенно волнистый. Черепки со стоянки Кават-5, украшенные волнистым орнаментом (см. рис. 2, 3, 6, 8—10), имеют близкие аналогии в керамике стоянки Джанбас-4⁶. Следует обратить внимание на распространенный на обеих стоянках прием оформления венчика сосудов пояском наклонных или вертикальных насечек. Этот прием в различных вариантах типичен вообще для раннекельтеминарской керамики. В. Н. Чернецов отмечает его употребление в орнаментации сосудов ранних стоянок Нижнего Приобья⁷.

Два других фрагмента тоже имеют точные аналогии в материалах стоянки Джанбас-4: первый (см. рис. 2, 1), орнаментированный косыми полосами овальных мелких вдавлений, отделенных друг от друга прямыми линиями⁸; и второй (см. рис. 2, 2), украшенный по венчику полосой ямочного орнамента⁹.

Можно высказать еще несколько соображений по поводу датировки стоянки. Следует обратить внимание на полное отсутствие в материалах стоянки керамики, орнаментированной отрисками качалки, характерными для позднего кельтеминара, и, что более удивительно, керамики, украшенной отрисками зубчатого штампа в любых его формах. Волнистый же прочерченный орнамент, как удалось установить при изучении материалов значительного количества разновременных кельтеминарских стоянок, характерен лишь для ранней керамики и на керамике поздних стоянок встречается крайне редко¹⁰.

Каменный инвентарь стоянки подтверждает ее принадлежность к раннему этапу кельтеминарской культуры. Набор кремневых изделий, как уже отмечалось выше, типичен для кельтеминарской культуры и имеет многочисленные аналогии в материалах стоянок раннего этапа этой культуры¹¹; по отдельным типам изделий и как комплекс он имеет также аналогии в материалах четвертого слоя пещеры Джебел¹². В инвентаре стоянки Кават-5 отсутствуют характерные для позднего этапа кельтеминарской культуры наконечники копий и дротиков, массивные охотничьи ножи на отщепах или на крупных ножевидных пластинах. Не противоречит намечаемой датировке и наличие в комплексе двух двусторонне обработанных наконечников стрел листовидной формы. Двусторонне обработанные наконечники стрел, в том числе и экземпляры листовидной формы с округленным основанием, изредка встречаются на раннекельтеминарских стоянках (Джанбас-4, Бала-Ишем-9 и др.)¹³ и в материалах четвертого слоя пещеры Джебел¹⁴.

Все эти данные позволяют без особых сомнений отнести стоянку к раннему этапу кельтеминарской культуры (конец IV — первая поло-

⁶ А. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 27, рис. 2, 14, 17; стр. 40, рис. 6, 3.

⁷ В. Н. Чернецов. Древняя история Нижнего Приобья. МИА, 1953, № 35, стр. 29, табл. III, 4, стр. 31.

⁸ А. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 27, рис. 2, 2.

⁹ Там же, стр. 26, рис. 1, 5.

¹⁰ А. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 28, 30.

¹¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм, табл. II (в конце книги); А. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 28, рис. 3.

¹² А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении. «Труды ЮТАКЭ», т. VII. Ашхабад, 1956, рис. 49—57.

¹³ А. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 28, рис. 3, 26—27.

¹⁴ А. П. Окладников. Указ. соч., см. сводную статистическую таблицу на стр. 194, № 16-а.

вина III тыс. до н. э.). Более точная абсолютная датировка стоянки, вследствие сравнительно небольшого количества материала, весьма затруднительна.

Значительно труднее датировать стоянку Дингильдже-6. По кремневому инвентарю, довольно богатому и разнообразному, стоянку можно было бы отнести к раннему этапу кельтеминарской культуры. В материале стоянки имеются все характерные для раннего этапа этой культуры типы изделий из кремня, в том числе вкладыши с притупленной спинкой и скошенным притупляющей ретушью концом, ножевидные пластины с выемками, наконечники стрел кельтеминарского типа. В то же время здесь отсутствуют все типы орудий, более характерные для позднекельтеминарских комплексов. Например, на стоянке не найдены наконечники стрел с двусторонней обработкой.

Некоторое затруднение в датировке создается при рассмотрении керамики. Прежде всего она, как правило, неорнаментирована. Из реконструируемых сосудов только один покрыт орнаментом. Кроме него, есть еще два маленьких орнаментированных обломка. Керамический материал стоянки представлен обломками не менее пятнадцати отдельных сосудов, и поэтому можно говорить, что большинство сосудов вообще не имело орнамента. Между тем известно, что раннекельтеминарскую керамику отличает довольно богатый орнамент, о чем можно судить по материалам стоянки Джанбас-4. Отмеченные нами три фрагмента по орнаменту ближе к позднекельтеминарской керамике, для которой характерна орнаментация, состоящая из простых, повторяющихся элементов (елка, зигзаг, полосы насечек и т. п.). Исключением, по-видимому, является обломок сосуда, орнаментированный прямолинейным прочерченным орнаментом (см. рис. 8, I), который имеет аналогии и в раннекельтеминарском материале¹⁵. Однако в последнем случае он всегда сочетается с волнистым прочерченным орнаментом, которого нет на керамике со стоянки Дингильдже-6.

Предположение о том, что в данном случае мы имеем дело с перемешанными материалами развешенной двуслойной стоянки (это объясняло бы несколько противоречивые данные), кажется нам маловероятным: слишком незначителен материал (судя по сохранности керамики, стоянка развешена не так давно), отсутствуют каменные изделия, типичные для позднего этапа, которые должны были бы сохраниться в любом случае.

Мы склонны поэтому рассматривать все материалы как относящиеся к хронологически единому поздненеолитическому комплексу и датировать (в предварительном порядке) стоянку концом раннего этапа кельтеминарской культуры (первая половина — середина III тыс. до н. э.). Против датировки стоянки более поздним временем (поздний этап кельтеминарской культуры) свидетельствуют, в частности, формы керамики. Правда, наиболее типичные из них — большие вертикально вытянутые сосуды и полусферические чашки встречаются как на раннем, так и на позднем этапах кельтеминарской культуры. Однако в керамике стоянки, насколько можно судить по фрагментам, отсутствуют плоскодонные сосуды, имеющиеся на ряде позднекельтеминарских стоянок. Кроме того, широкогорлые, полусферические чашки с широкими сливами имеют аналогии только в материале раннекельтеминарской стоянки Джанбас-4. В заключение отметим еще раз, что предлагаемая нами датировка является предварительной.

Об остальном материале, ввиду его крайней малочисленности, ничего достоверного, кроме его принадлежности к кельтеминарской культуре, сказать нельзя.

¹⁵ Например, в материалах раннекельтеминарских стоянок Джанбас-4 и Кунык-1; см. А. В. Виноградов. Указ. соч., стр. 27, рис. 2, 12, 13; его же. Раннекельтеминарская стоянка Кунык-1. КСИЭ, вып. XXX, М., 1958, стр. 20, рис. 3, 2—3.

В заключение остановимся кратко на некоторых общих вопросах, представляющих интерес в связи с изучением проблемы культурных связей кельтеминарцев. Накапливающийся с каждым годом главным образом в результате работ Хорезмской экспедиции материал дает все новые и новые данные для характеристики очень своеобразной и интересной культуры эпохи позднего неолита и энеолита.

Говоря о своеобразии кельтеминарской культуры, мы имеем в виду формы керамики и приемы ее орнаментации, но главным образом — характер и формы кремневого инвентаря.

Длительное сохранение микролитовидных форм и пластинчатого характера изделий из камня можно наблюдать в ряде поздненеолитических культур, однако только в инвентаре кельтеминарских памятников¹⁶ на всем протяжении III тысячелетия до н. э. не только решительно преобладают изделия на ножевидных пластинах, но и многие типы изделий, восходящие в почти неизменном виде к весьма ранним периодам переднеазиатского мезолита. Причем эти изделия встречаются здесь не единично, а в большинстве случаев более или менее значительными сериями. Мы имеем в виду вкладыши с притупленной спинкой и скошенным притупляющей ретушью концом, ножевидные пластины с широкими асимметричными боковыми выемками, наконечники стрел кельтеминарского типа, некоторые типы проколов на ножевидных пластинах и ряд других менее выразительных форм. Наиболее близкие аналогии этим формам мы находим во многих, значительно более ранних памятниках юга. В их числе — пещера Джебел, в материалах которой подобные формы встречаются, начиная с нижних слоев и до четвертого (на наш взгляд синхронного стоянке Джанбас-4) слоя включительно¹⁷, пещера Белт (Гар-и-Камарбанд) в Иране¹⁸, пещеры Палегаура и Карим-Шахир в Ираке¹⁹.

Было бы ошибкой объяснять длительное сохранение микролитов отсталостью кельтеминарцев в области техники. Материалы кельтеминарских стоянок показывают, что они в совершенстве владели всеми техническими приемами обработки камня, характерными для позднего неолита: им была известна техника сверления, шлифования, двусторонней отжимной ретуши, в том числе пильчатой. Одним из возможных объяснений длительного сохранения древней техники изготовления составных орудий с деревянной основой является та важная роль, которую играло рыболовство в хозяйстве ранних кельтеминарцев. Во всяком случае, начало или более интенсивное развитие охоты на крупных млекопитающих пустыни и появление скотоводства, характерное для позднего этапа кельтеминарской культуры, совпадают хронологически с заметным ограничением роли микролитов и с появлением новых форм изделий, крупных по размерам²⁰. Однако это, по-видимому, не единственная причина.

Особый интерес, возникающий при изучении кельтеминарской культуры, объясняется тем, что она является промежуточным связующим звеном между высокоразвитыми раннеземледельческими культурами юга и рядом северных лесных и лесостепных охотничье-рыболовческих культур, материалы которых в разной степени свидетельствуют о их связях

¹⁶ Кроме кельтеминарских памятников, сюда можно отнести пещеру Джебел, расположенную в районе Красноводского полуострова, инвентарь которой очень близок кельтеминарскому.

¹⁷ А. П. О к л а д н и к о в. Указ. соч., см. сводную таблицу на стр. 194, 195.

¹⁸ С. С о о н. Cave explorations in Iran, 1949. Philadelphia, 1951, p. 71, table 14 D; VI, 7—11; VII, 6—11, VIII, 1, 2, 6, 18.

¹⁹ R. B r a i d w o o d. The Near East and the Foundations for Civilisation. Oregon, 1952, рис. 12, 13.

²⁰ А. В. В и н о г р а д о в. К вопросу о южных связях кельтеминарской культуры, стр. 30—32.

с кельтеминарской. Гипотеза о южном происхождении кельтеминарской культуры требует еще дополнительного обоснования, однако тесные связи кельтеминарцев в конце IV—III тыс. до н. э. с земледельцами и скотоводами предгорий Конет-Дага не могут вызывать сомнений²¹. Материалы, полученные за последние годы, значительно дополняют наши представления о характере этих сношений. В настоящее время есть основания утверждать, что в ряде районов кельтеминарские племена имели непосредственный территориальный контакт с земледельческими племенами юга.

Значительный интерес в этом плане представляют материалы могильника Заман-Баба, раскопанного Я. Г. Гулямовым²². Е. Е. Кузьмина, опубликовавшая часть материалов могильника, рассматривает культуру типа Заман-Бабы как результат контакта охотничье-рыболовецких культур севера с раннеземледельческими культурами юга. В основе заман-бабинской культуры, как предполагает Е. Е. Кузьмина, лежит культура степного типа, воспринявшая некоторые культурные достижения (земледелие, гончарство) у высокоразвитых племен юга²³. С выводами автора можно согласиться.

В числе аналогий материалам Заман-Бабы Е. Е. Кузьминой привлечены и некоторые находки на позднекельтеминарских стоянках. Количество аналогий может быть увеличено. В частности, очень близкие заман-бабинским находки, сделаны во время недавних разведок Хорезмской экспедиции в центральных и южных Кызыл-Кумах. Здесь, сравнительно недалеко от могильника Заман-Баба, обнаружены две большие развееванные позднекельтеминарские стоянки — Лявлякан и Бешбулак²⁴. На хронологически более поздней (по-видимому, конец III тыс. до н. э.) стоянке Бешбулак найдены очень близкие аналогии всем типам двусторонне обработанных наконечников стрел, обнаруженных в погребениях Заман-Баба и изображенных на фотографии в статье Я. Г. Гулямова²⁵. Имеет аналогии в материалах стоянки и листовидный, с выемкой в основании наконечник, описанный Я. Г. Гулямовым²⁶.

Чрезвычайная близость обнаруживается и при сравнении керамики. В материалах Бешбулака, Лявлякана и многих других позднекельтеминарских стоянок имеются близкие аналогии заман-бабинским лепным сосудам не только первой, как отмечает Е. Е. Кузьмина²⁷, но и второй и третьей групп: полусферическим круглодонным чашкам, сосуду яйцевидной формы, круглодонным сосудам с шаровидным или близким к нему туловом и отогнутым венчиком, плоскодонным горшкам²⁸. Все перечисленные выше формы типичны для позднекельтеминарской керамики. Точнее говоря, этими типами сосудов и ограничивается, если не считать

²¹ Новые дополнительные сведения по этому вопросу см.: В. М. М а с с о н. Изучение энеолита и бронзового века Средней Азии. СА, 1957, № 4, стр. 47, 48.

²² Я. Г. Гу л я м о в, Археологические работы к западу от Бухарского оазиса. «Труды Ин-та истории и археологии АН УзССР», вып. VIII. Ташкент, 1956, стр. 150—156.

²³ Е. Е. К у з ь м и н а. Могильник Заман-Баба (К вопросу о культурных связях населения долины нижнего Зеравшана в III—II тыс. до н. э.), СЭ, 1958, № 2, стр. 33.

²⁴ С. П. Т о л с т о в. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг. СА, 1958, № 1, стр. 110—111, рис. 5—6; Н. Н. В а к т у р с к а я. О поездке в Южные Кызыл-Кумы в 1955 г., «Материалы ХЭ», вып. 1. М., 1959, стр. 39—48.

²⁵ Я. Г. Гу л я м о в. Указ. соч., стр. 153, рис. 8.

²⁶ Там же, стр. 153—154.

²⁷ Е. Е. К у з ь м и н а. Указ. соч., стр. 25.

²⁸ Е. Е. К у з ь м и н а. Указ. соч., стр. 25, рис. 1, 1—4. Материалы стоянок Лявлякан и Бешбулак полностью еще не опубликованы. Для сравнения см. С. П. Т о л с т о в. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1937—1956 гг. СЭ, 1957, № 4, рис. 7, II; Н. Н. В а к т у р с к а я. Указ. соч., рис. 2—7.

их вариантов и некоторых единично встреченных сосудов, круг форм позднелевкопольской керамики ²⁹.

Ни один из упомянутых выше заман-бабинских сосудов не имеет орнаментации. Позднелевкопольская керамика хотя и орнаментирована, но довольно бедно, на значительной части сосудов орнамент вообще отсутствует. Если обратиться к характеристике глиняного теста, из которого эти сосуды изготовлены, то и здесь прослеживаются общие черты. Особо следует обратить внимание на керамику, изготовленную из глиняного теста с сильной примесью мелкозернистого кварцевого песка. Она имеет характерный светло-желтый, с вариантами, цвет обжига и резко выделяется из общей массы керамики. Насколько нам известно, этот технический прием мало характерен для более северных культур. На его широкие южные аналогии мы уже обращали внимание ³⁰.

Все приведенные факты представляют значительный интерес. Учитывая, что поздний этап левкопольской культуры изучен еще крайне недостаточно, было бы преждевременным делать на основе намеченных аналогий какие-либо определенные выводы. Возможно, что на содержание этих связей прольет некоторый свет изучение неолитических находок, в том числе и микролитовидного по характеру каменного инвентаря, сделанных Я. Г. Гулямовым в районе расположения могильника Заман-Баба ³¹

Сводная таблица типов изделий из кремня

Типы изделий	Кават-5	Дингильдаке-6	Кургашии-Г	Кургашии-Д
Ножевидные пластины необработанные	79	107	18	38
Отщепы, необработанные, обломки, чешуйки	162	237	12	29
Ножевидные пластины с ретушью по боковым сторонам	38	28	6	5
Скребки концевые	3	16	2	—
Скребки на отщепах	18	5	—	—
Проколки на ножевидных пластинах	4	2	2	—
Сверла на ножевидных пластинах	1	2	—	—
Ножевидные пластины с выемками	1	7	3	1
Вкладыши с притупленной спинкой	2	3	—	—
Вкладыши с притупленной спинкой и скошенным концом	3	5	1	—
Наконечники стрел левкопольского типа	—	4	—	—
Двусторонне обработанные наконечники стрел листовидной формы	2	—	—	—
Нуклеусы призматические, односторонние и их обломки	3	6	—	1
Изделия на ножевидных пластинах	52	67	14	6
Изделия на отщепах	20	5	—	—
Всего изделий	75	78	14	7
Всего	316	422	44	74

²⁹ А. В. Виноградов. К вопросу о южных связях..., стр. 30.

³⁰ А. В. Виноградов. Раннелевкопольская стоянка Кунык-1, стр. 21, 22.

³¹ А. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 149, 150, рис. 1, 2.

М. А. И т и н а

РАСКОПКИ СТОЯНОК ТАЗАБАГЪЯБСКОЙ КУЛЬТУРЫ В 1957 г.

Работы отряда Хорезмской экспедиции, занимающегося изучением памятников первобытной культуры¹, были сосредоточены на территории Правобережного Хорезма (Турткульский район, Кара-Калпакской АССР) и продолжались с 17 августа по 29 сентября 1957 г.

Раскопки велись на двух стоянках тазабагъябской культуры — Ангка-5 и Кават-3. Кроме того, отрядом были проведены разведочные работы в районе стоянок бронзового века Кокча-1 и Кокча-2, на поселении амирабадской культуры Якке-Парсан-2, а также на нескольких развеейных стоянках тазабагъябской культуры в районе поселения Кават-3 и на неолитической стоянке Кават-5².

Территория, на которой расположены памятники, включает область древнейшей Акча-Дарьинской дельты Аму-Дарьи, и все перечисленные стоянки обнаружены на протоках этой дельты.

Раскопки на стоянке Ангка-5 явились продолжением работ 1956 г.³ Как мы уже писали, стоянка Ангка-5 — это часть крупного поселения, обнаруженного на берегу одного из протоков Акча-Дарьи, в 1,5 км к северо-востоку от крепости Ангка-кала, в зоне разрушающихся такыров.

В 1957 г. был вскрыт дом 2, находившийся во время работ 1956 г. под барханом. После снятия бархана обнажился такырный останец, совершенно такой же, как тот, который перекрывал дом 1, но менее разрушенный.

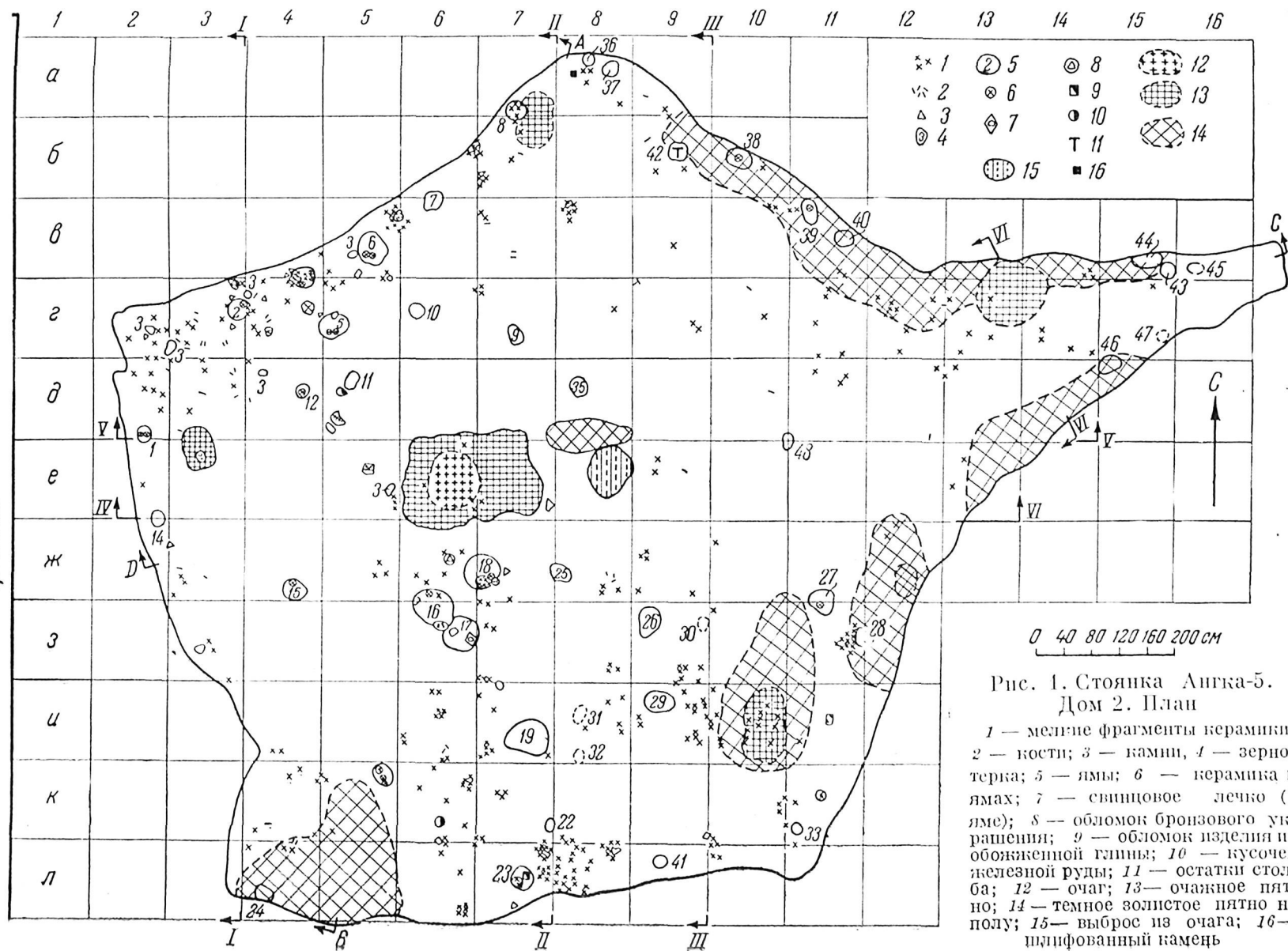
В 1953 г. по развеейным краям такырного останца, в выходах культурного слоя, была собрана керамика; это дало основание полагать, что перед нами остатки древнего жилища, погребенного под такыром. Останец имел форму неправильного прямоугольника с площадью $12 \times 10,5$ м, несколько вытянутого в широтном направлении; его северо-западный край почти примыкал к южной стенке дома 1.

При раскопках дома 2 (рис. 1) выяснилось, что планировка его почти совпадает с контурами такырного останца, а прослеженная здесь стратиграфия повторяет стратиграфию дома 1.

¹ Состав отряда: начальник отряда М. А. Итина, научные сотрудники А. В. Виноградов и В. Н. Ягодин, топограф Н. И. Игонин, фотограф Д. Н. Климович, студентка-практикантка С. Н. Карпова, шофер Н. В. Петунин и 4 рабочих.

² О стоянке Кават-5 см. статью А. В. Виноградова в настоящем сборнике.

³ О стоянке Ангка-5 см.: С. П. Толстов. Итоги работ Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г., ВДИ, 1955, № 3, стр. 192, рис. 1; его же. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., СА, 1958, № 1, стр. 112—115; его же. Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг. «Материалы ХЭ», вып. 1, М., 1959, стр. 11—13; М. А. Итина. Новые стоянки тазабагъябской культуры. «Материалы ХЭ», вып. 2, М., 1959, стр. 52—69.

Дом 2 также был перекрыт мощной линзой такыровидного, слоистого, коричневого суглинка (рис. 2). Толщина линзы в центральной ее части достигает 30—32 см, а по краям не превышает 10—12 см; менее разветвленным оказался ее восточный край, где почти не наблюдались выходы культурного слоя.

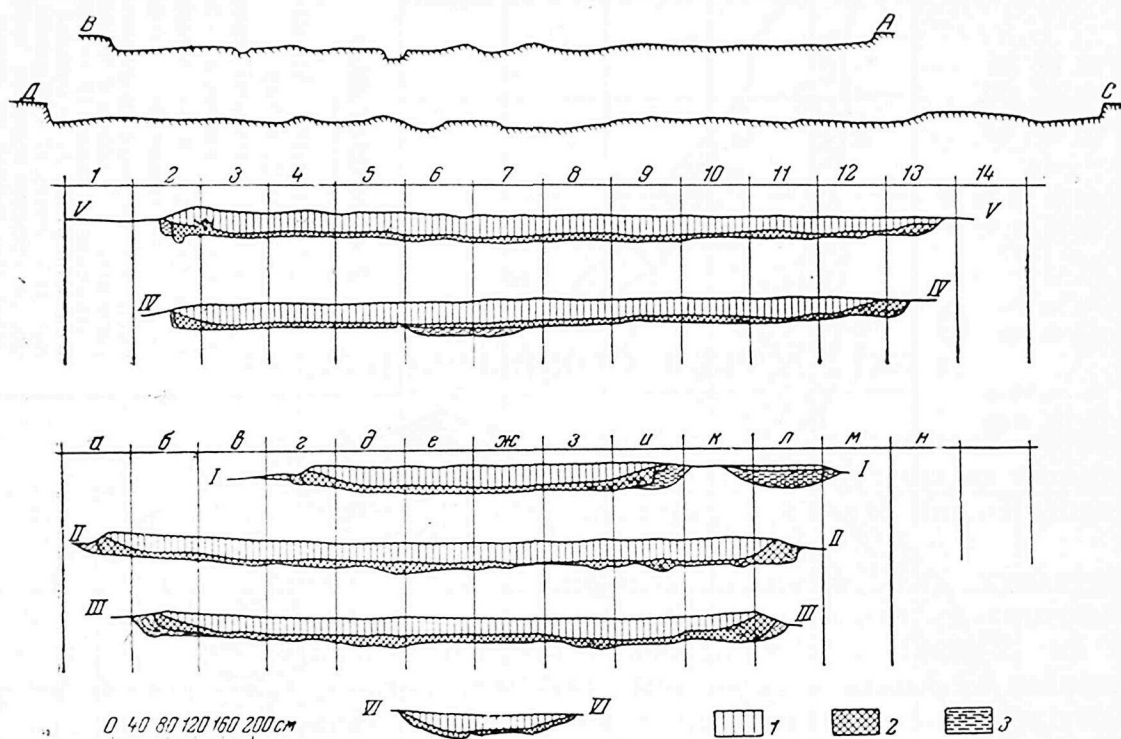

Рис. 2. Стоянка Ангка-5. Дом 2. Разрезы

1 — такыровидный суглинок; 2 — серая супесь (культурный слой); 3 — золистый слой с частыми вкраплениями углей

Под этой суглинистой «пробкой» залегал собственно культурный слой, состоящий из серой, пылеватой супеси со следами горения; мощность его колеблется от 30—35 см у стен жилища до 10—12 см в центральной части. Следует отметить, что, если в центральной части жилища культурный слой довольно плотный, то по краям — это рыхлая, золистая масса. Вероятно, такой мощный золистый слой у стен жилища дали сгоревшие деревянные конструкции. В юго-восточной части дома (см. рис. 1, квадраты 10з — 10и, 11з — 11и)⁴ обнаружено большое сизо-серое пятно с черными краями, свидетельствующее о длительном горении, происходившем прямо на полу. Может быть, здесь горела какая-то часть обрушившегося перекрытия.

Зачистка жилища производилась по полу, который представлял собой плотно утрамбованную серую супесчаную поверхность с белыми пятнами выступившей соли. В целом поверхность пола довольно ровная, но в юго-западной части жилища (кв. 4и — 9и) на нем обнаружен небольшой валик (см. разрез по АВ). По этой же линии в западной стене зачистился выступ, который первоначально заставил нас предположить, что часть дома, расположенная южнее валика, являлась пристройкой. Однако в юго-восточной части ни одна из этих конструктивных деталей достаточно четко не прослежена. Пол жилища плавно переходил в поверхность стен, дающих ту же геологическую структуру.

Таким образом, перед нами — заглубленное жилище, вырытое в серой супеси (рис. 3). Площадь его, не включая коридорообразного входа,

⁴ Здесь и далее в скобках даны номера квадратов раскопа 1957 г.

равна $10,5 \times 10$ м. Вход в дом располагался в северо-восточной части, имел длину 4,2 м и наибольшую ширину 2,8 м, которая к выходу уменьшалась до 0,8 м.

Дом 2 сохранился лучше, чем дом 1, так как перекрывавший его суглинистый останец менее подвергся процессу развеивания. Нам удалось

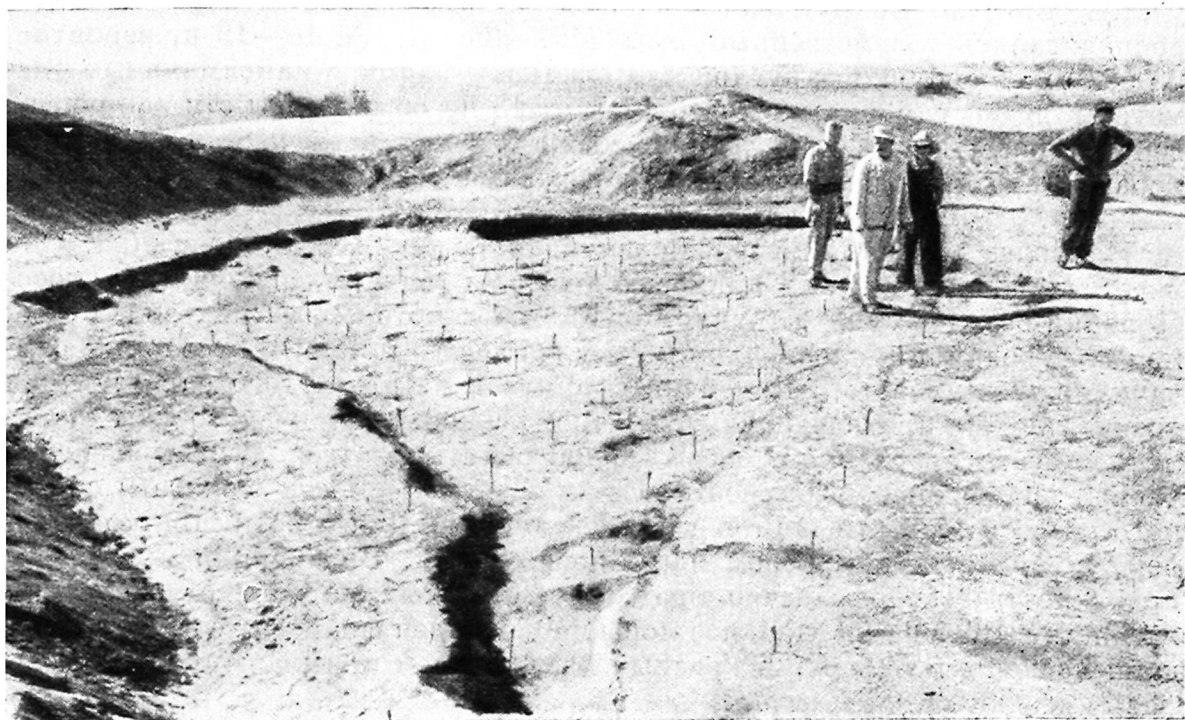

Рис. 3. Стоянка Ангка-5. Дом 2. Общий вид после раскопок

проследить все четыре стены дома 2, причем в его западной, наиболее хорошо сохранившейся части, высота стены приближалась к 0,4 м.

Заглубленность жилища способствовала тому, что уже после его разрушения в нем длительное время стояла вода, вследствие чего образовалась упомянутая нами суглинистая линза, которая и спасла дом 2 от окончательного уничтожения водой и ветром.

Лучшая сохранность дома 2 позволяет с большей определенностью говорить о конструкции тазабагьябского жилища второй половины II тыс. до н. э. Наибольшая интенсивность горелого слоя у стен жилища, которая, кстати, наблюдалась и при раскопках дома 1, позволяет предположить, что основу наземной части стен составляли деревянные столбы, переплетенные, возможно, камышом.

При раскопках дома 2 удалось обнаружить цепь располагавшихся вдоль стен столбовых ямок, в среднем диаметром 16—20 см и глубиной 10—12 см. Их особенно много у северо-восточной и северо-западной стен, что может быть объяснено желанием укрепить их в связи с господствовавшим тогда северным-северо-восточным направлением ветров. Большинство ямок заполнено серой супесью со следами горения. Во многих ямах мы нашли мелкие фрагменты керамики, использовавшиеся, вероятно, для укрепления столба. В яме № 42 (см. рис. 1) у северо-восточной стены обнаружены остатки сгоревшего деревянного столба диаметром 20 см. Его сохранившаяся высота тоже не превышает 20 см.

По центральной оси жилища, идущей через проход, посередине помещения располагался очаг круглой формы, диаметром 0,7 м. Он окружен обожженной глинистой поверхностью, может быть, вымосткой, имеющей

площадь $1,6 \times 1,1$ м. Заполнение очажной ямы, глубина которой не превышает 20 см, составляют зола и пепел. На расстоянии около 1,5 м к востоку от очага обнаружена груда (диаметр 0,5 м) золы и пепла, лежащая прямо на полу. Очевидно, это выброс из очага.

Как и в доме 1, наиболее обжитой частью дома 2 была западная половина, причем основные скопления костей и керамики также обнаружены у стен жилища. Вокруг очага, исключая сторону, обращенную к входу, располагались хозяйственные ямы (см. рис. 1, № 16—19 и, вероятно, № 5, 6) неправильной круглой или овальной формы с максимальным диаметром 55 см; глубина их колеблется от 15 до 30 см. Ямы эти заполнены серой супесью с явными следами горения, в них встречаются фрагменты керамики; в яме № 17 было найдено свинцовое колечко с заходящими концами.

Наиболее массовый материал составляет, как всегда, керамика. Она изготовлялась из глины с примесью дресвы и толченых раковин. О способе лепки сосудов судить трудно, однако на некоторых из них виден стык между туловом и прилепленной к нему горловой частью. В отдельных случаях можно заметить, что венчик сформован из отогнутого наружу края сосуда. Обжиг производился, вероятно, на костре, причем сосуды ставились в огонь вверх дном, о чем можно судить по их подчас совершенно черной внутренней поверхности. Из-за неравномерности обжига и скверного качества глины излом черепка часто серый или черный при коричневом, кремовом или красном цвете поверхности. Внутренняя и внешняя поверхности сосудов обычно тщательно заглажены, а во многих случаях внешняя залощена (зеркальное лощение). Найден фрагмент сосуда со следами лощения и окраски в красный цвет, причем при раскопках встречались кусочки красной охры.

Большинство сосудов орнаментировано (по примерному подсчету, 42 из 59 найденных сосудов). Орнамент, как на большинстве сосудов тазабагъябской культуры, покрывает верхние две трети сосудов; он резной, в большинстве случаев в виде длинных насечек, или штампованный, гребенчатый (рис. 4). Следует отметить, что в керамическом комплексе из дома 2, как и из дома 1, половина орнаментированных сосудов украшена именно штампом.

Орнаментальные мотивы типично тазабагъябские: вертикальные и горизонтальные ряды ломаных линий, заштрихованные треугольники, треугольники с бахромой, незамкнутые треугольники, елочка, ряды погтевых вдавлений и т. д. (рис. 4—6). Изредка встречается лесенка, в двух случаях — меандр.

Если говорить о формах керамики, то сразу же обращает на себя внимание, что, в отличие от комплекса дома 1, где было обнаружено много больших хозяйственных сосудов для варки пищи (15 из 46), в доме 2 их меньше (9 из 59). В комплексе из дома 2 преобладают сосуды, имеющие в среднем диаметр горла от 13 до 20 см, плоское дно диаметром от 8 до 20 см, с уступчиком или без него (см. рис. 6, 4—9), и высоту в 12—14 см.

Весьма распространенной формой, как и во всех тазабагъябских комплексах, являются сосуды со слегка изогнутым горлом, составляющим треть или четверть общей высоты, округлыми плечами и плоским дном, в большинстве случаев с уступчиком (рис. 4, 1—7). Венчик имеет вид валика при совершенно плоском бережке. Диаметр горла колеблется между 15 и 20 см, а у крупных сосудов приближается к 30 см. Диаметр дна — 8—12 см.

Эти сосуды отличаются не только своей характерной для тазабагъябской керамики формой, но и частым применением штампованного орнамента. Кроме того, мы встречаем типичный прием разделения орнаментальных поясов, идущих по горлу сосуда и по плечикам, при помощи горизонтальных параллельных линий (рис. 4, 4).

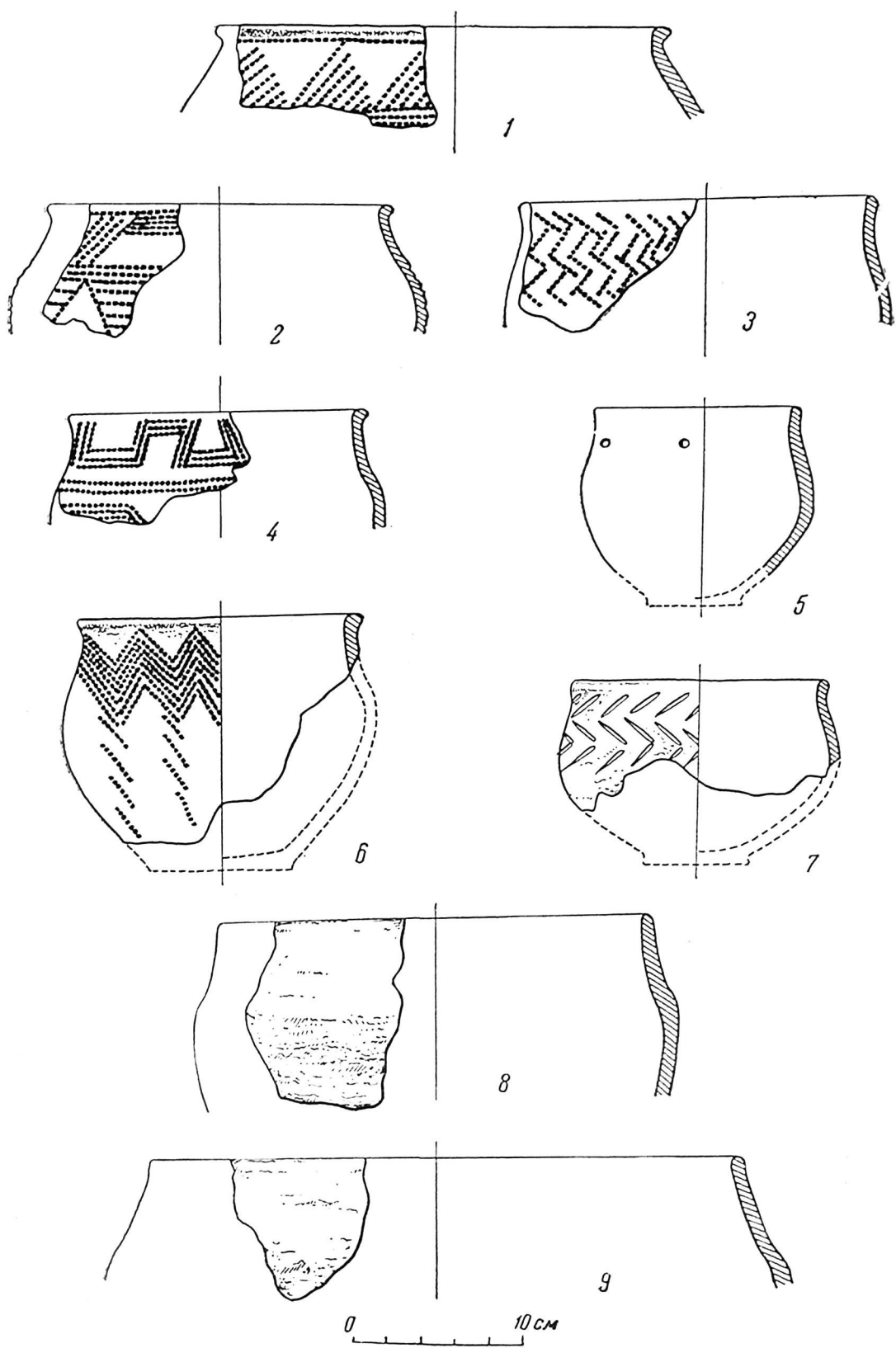

Рис. 4. Стоянка Ангка-5. Дом 2. Керамика

Сосуды этого типа представляют ведущую форму тазабагъябской посуды; они широко распространены и среди керамики дома 1 стоянки Анга-5; их мы встречаем в комплексе могильника Кокча-3⁵.

Некоторой аналогией этой керамике являются сосуды с уступчатым плечом, характерные, по мнению О. А. Кривцовой-Граковой, для западного варианта андроновской культуры⁶. В тазабагъябской керамике уступ сильно сглажен, видимо, за счет влияния раннесуяржанских форм с их приближающимся к сферическому профилем. Некоторые аналогии можно найти также среди керамики из андроновских курганов у с. Федоровки (федоровский, ранний этап андроновской культуры в Приуралье, по К. В. Сальникову)⁷, для которой, в частности, характерен гребенчатый штамп.

Не менее распространенным типом посуды, найденной в доме 2, являются горшки с коротким горлом и сильно раздутыми плечами (рис. 5, 1, 2, 4, 6, 8), перегиб которых часто приходится на середину высоты сосуда. Перегиб обычно очень плавный, и лишь в одном случае такой сосуд имеет несколько угловатый профиль (рис. 5, 7). Поверхность обычно залощена; один горшок окрашен в красный цвет и потом залощен (рис. 5, 3). Здесь много неорнаментированных экземпляров, а на остальных — довольно скупой резной узор. Эта форма сосудов известна по отдельным экземплярам из могильника Кокча-3⁸. Аналогии ей мы находим среди материалов Вуадильского могильника⁹ и Кайрак-Кумских стоянок¹⁰ в Фергане и в керамике из слоя Намазга VI на Намазга-тепе¹¹. Нам представляется, что происхождение ее следует связывать с биконическими сосудами, широко распространенными на земледельческом юге.

Видимо, вариантом этой формы являются сосуды, у которых переход к плечам идет почти под прямым углом по отношению к горлу (рис. 5, 5).

Отметим два довольно крупных сосуда, у которых четко выделен уступ плеча при прямом горле (рис. 4, 8, 9). На юге аналогий подобной форме мы не находим. Эта керамика сходна со второй группой посуды из Алексеевского могильника, характерной «как для керамики Алексеевского могильника, так и для других могильников западного варианта андроновской культуры»¹². Группа таких сосудов обнаружена среди керамики могильника Кокча-3¹³. Некоторые черты сходства с этой керамикой дают сосуды из курганов на оз. Алакуль (Зауралье)¹⁴. Встречается эта форма и в срубно-хвалынских комплексах Среднего Заволжья¹⁵. Южнее Хорезма она была обнаружена в погребениях близ Ташкента¹⁶.

⁵ С. П. Толстов. Итоги двадцати лет работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции (1937—1956). СЭ, 1957, № 4 стр. 39, рис. 9.

⁶ О. А. Кривцова-Гракова. Алексеевское поселение и могильник. «Труды ГИМ», вып. XVII. М., 1948, стр. 127.

⁷ К. В. Сальников. Андроновский курганный могильник у с. Федоровки. МИА, № 1. М.—Л., 1940, стр. 63, табл. I, —2,3; его же. Бронзовый век Южного Зауралья. МИА, 21, М.—Л., 1951, стр. 109—120.

⁸ С. П. Толстов. Итоги двадцати лет..., стр. 39, рис. 9.

⁹ Б. З. Гамбург, Н. Г. Горбунова. Новые данные о культуре эпохи бронзы Ферганской долины. СА, 1957, № 3, стр. 132, рис. 3, 19.

¹⁰ Э. Гулямова, Е. А. Давидович, Б. А. Литвинский, В. А. Ранов. Археологические и нумизматические коллекции Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Сталинабад, 1956, табл. 3, 19, 20.

¹¹ В. М. Массон. Расписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина. «Труды ЮТАКЭ», т. VII. Ашхабад, 1956, стр. 363, табл. XXXVIII, 3.

¹² О. А. Кривцова-Гракова. Указ. соч., стр. 127, рис. 52, 4, 7; рис. 54, 17 и др.

¹³ С. П. Толстов. Итоги двадцати лет..., стр. 39, рис. 9.

¹⁴ К. В. Сальников. Курганы на озере Алакуль. МИА, № 24, М., 1952, стр. 66, рис. 11, 2.

¹⁵ Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА, № 42, М., 1954, стр. 107, рис. 28, 18; стр. 111, рис. 29, 12.

¹⁶ Т. Г. Оболдуева. Погребения эпохи бронзы в Ташкентской области. КСИИМК, вып. 59, 1955, стр. 147, 148, рис. 61; рис. 62, 2.

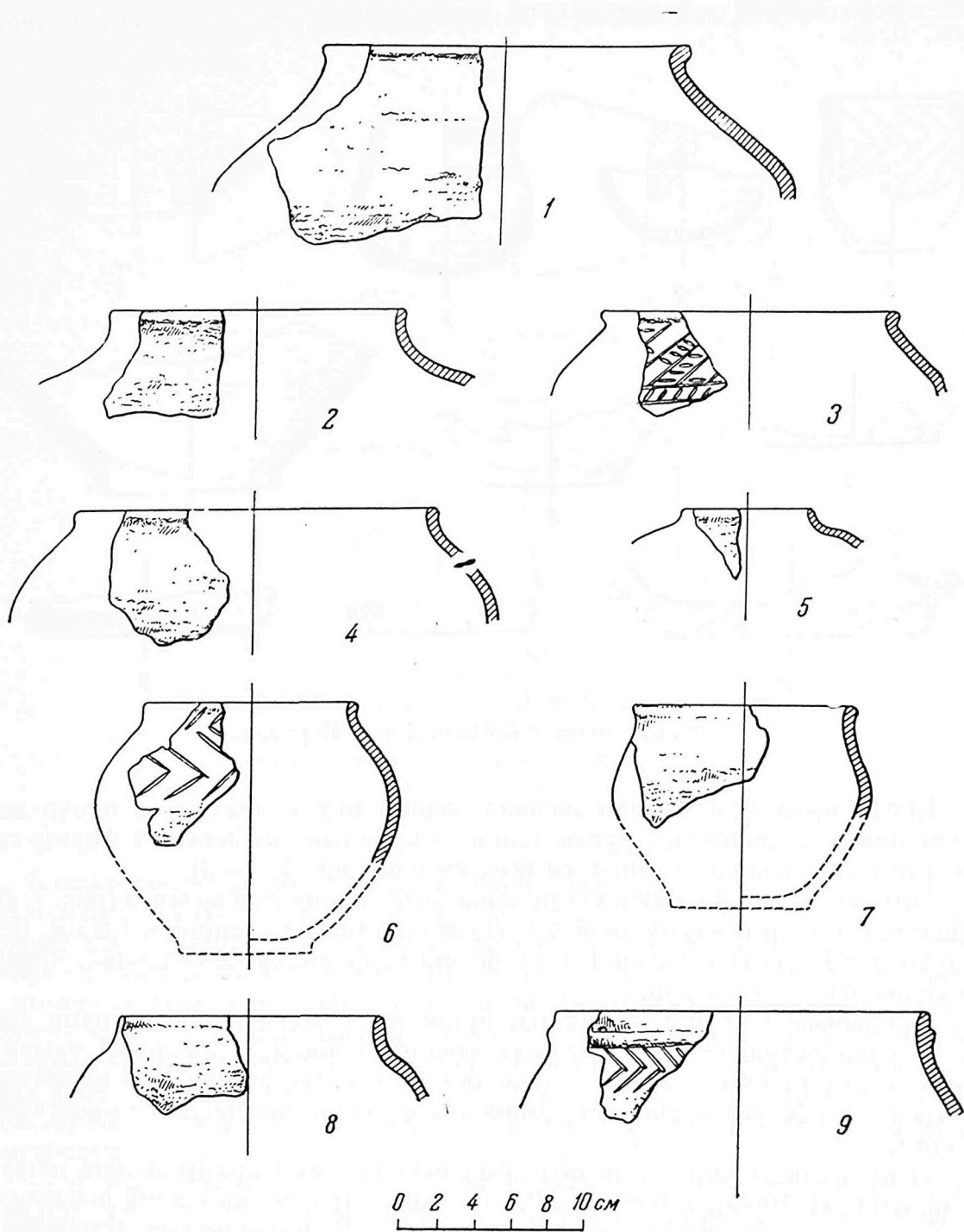

Рис. 5. Стоянка Ангка-5. Дом 2. Керамика

Среди керамики дома 2 обнаружен один сосуд с налепным валиком (рис. 5, 9). Подобные формы представлены в материалах из дома 1 десятью экземплярами. Найдены также три маленьких сосуда: один в виде полусферической чашечки (рис. 6, 2), другой — в виде вытянутого бокальчика (рис. 6, 1), третий — неправильной грушевидной формы с круглым дном (рис. 6, 3).

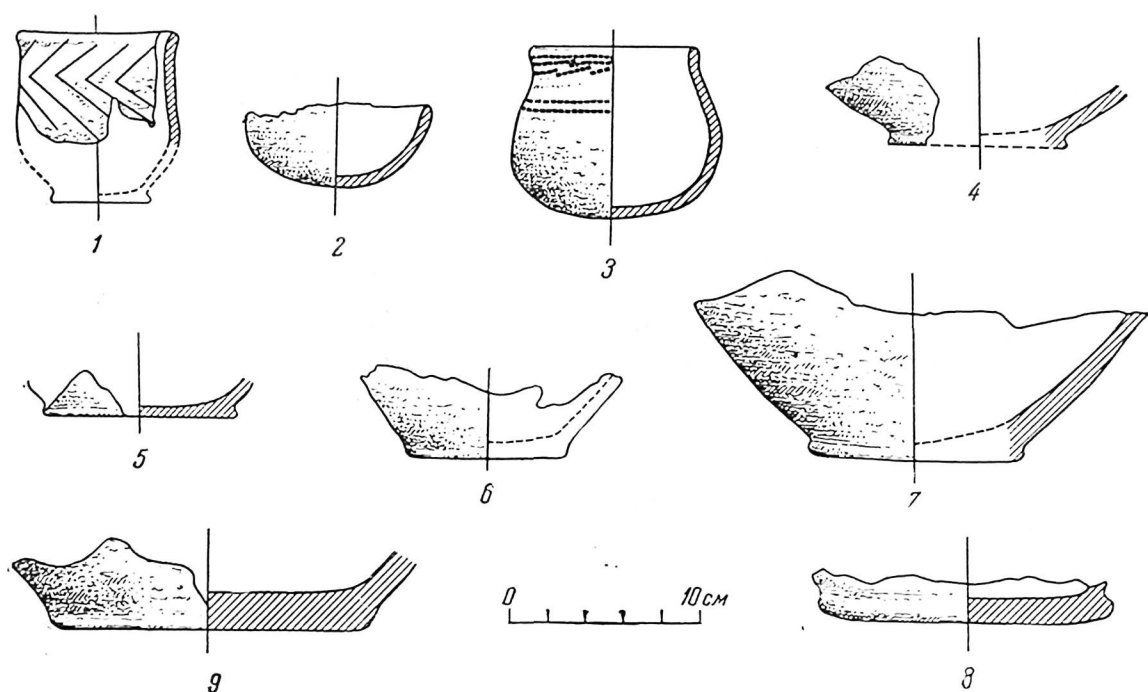

Рис. 6. Стоянка Ангка-5. Дом 2. Керамика

Среди орудий из камня назовем зернотерку с лежащим около нее терочником и обломок другой терки — крупный, кубической формы серый камень, отшлифованный со всех сторон (рис. 7, 1—3).

Интересна находка уже упоминавшегося свинцового колечка (рис. 7, 4), сделанного из прямоугольной в сечении пластины толщиной в 1,5 мм. Его внутренний диаметр равен 1,3 см, форма неправильная, овальная, концы заходят один за другой.

Бронзовые колечки, браслеты, привески с заходящими концами широко распространены в культурах степной бронзы, и аналогий нашему экземпляру можно привести множество, но изделие такого типа из свинца встречено в Хорезме впервые, причем, вероятно, оно местного происхождения.

О наличии свинца среди полезных ископаемых Кара-Калпаки пишут геологи Г. Н. Виханский¹⁷ и А. Ф. Соседко¹⁸, причем последний локализует его месторождение в горах Тамды-тау¹⁹. В исторических источниках тоже есть указания на наличие серебро-свинцовых или просто свинцовых руд в горах Шейх-Джели (Султан-уиз-даг), т. е. в непосредственной близости от исследуемой стоянки. Об этом сообщает посол Петра I Беневени, побывавший в Хиве в 1725 г.²⁰, и Майендорф, посетивший Бухару в составе

¹⁷ Г. Н. Виханский. Полезные ископаемые Кара-Калпаки. «Социалистическая наука и техника». Ташкент, 1938, № 1, стр. 31.

¹⁸ А. Ф. Соседко. Основные результаты Кызыл-Кумской геохимической экспедиции Академии наук СССР 1931 г. «Труды Совета по изучению производительных сил АН СССР, серия Каракалпакская», т. I. Л., 1933, стр. 38.

¹⁹ Там же, стр. 39.

²⁰ П. П. Иванов. К истории развития горного промысла в Средней Азии. Л.—М., 1932, стр. 43.

русской миссии в 1820 г.²¹; Муравьев, ездивший в Хиву в 1819 г., пишет, что в горах Ших-Джери имеется в большом количестве свинец, который хивинцы добывают²². Но П. П. Иванов, а также В. Вебер²³, занимавшиеся историей горного дела в Средней Азии, приводя сведения письменных источников о добыче свинца в Хивинском ханстве, относятся к ним скептически.

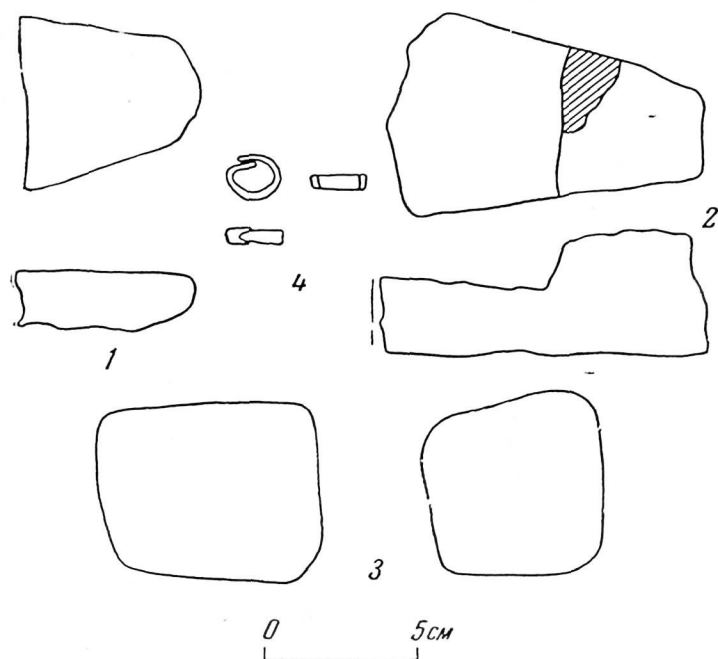

Рис. 7. Стоянка Ангка-5. Дом 2. Изделия из камня и свинца

1 — обломок зернотерки; 2, 3 — терочки; 4 — свинцовое колечко

Однако, если широкое употребление изделий из свинца в Хорезме не только в XVIII—XIX вв., но и в эпоху хорезмшахов, могло быть объяснено ввозом этого металла из сопредельных областей, то вряд ли так можно объяснить обилие свинцовых палочек-карандашей (?), находимых в античных памятниках Правобережного Хорезма. Вероятнее всего, они изготовлялись на месте. Возможно, что древнейшие места добычи свинца по своим размерам могли не иметь промышленного значения для последующих эпох, а потому в литературе просто не упомянуты. Задача состоит в том, чтобы попытаться отыскать в горах Султан-уиз-даг эти древнейшие выработки.

Если мы сравним раскопанные нами дома 1 и 2 стоянки Ангка-5, то увидим, что между ними, наряду с некоторыми чертами сходства, есть и различия.

Конструкция жилищ, видимо, была одна и та же. А так как и стратиграфия обоих жилищ совпадает, и инвентарь их сходен, можно предположить, что они были выстроены одновременно. Наличие среди керамики дома 1 значительно большего количества сосудов для варки пищи и сосудов с наленным валиком не имеет хронологического значения, тем более, что наленный валик в большинстве случаев делался на крупных хозяйственных

²¹ Там же, стр. 56.

²² Там же стр. 59.

²³ В. Н. Вебер. Древняя и современная рудопромышленность Туркестана. «Поверхность и недра». Пг., 1917, № 4(13), стр. 147.

сосудах и, вероятно, этот прием следует связывать в данном случае только с типом посуды.

Далее, дом 2 представляется более обжитым, в нем собрано гораздо больше керамики и притом самой разной; есть зернотерки, встречаются фрагменты костей. Более жилой вид придают дому 2 и хозяйственные ямы. Центральный очаг имеет обычные размеры, и его заполнение состоит из типичной спекшейся серо-черной золистой массы. В доме 1 нет хозяйственных ям, основную массу инвентаря составляют крупные сосуды, а центральный очаг представляет собой огромную грудку белого спекшегося пепла, лежащего в специально вырытой глубокой очажной яме.

Все это дало С. П. Толстову основание предположить, что дом 1 имел какое-то особое назначение ²⁴.

В целом оба жилища типичны для тазабагъябской культуры и могут быть датированы третьей четвертью II тыс. до н. э.

* * *

В 1957 г. отряд продолжил начатые в 1956 г. А. В. Виноградовым раскопки стоянки Кават-3 ²⁵, расположенной примерно в 5 км к востоку от крепости Кават-кала. В 1956 г. здесь, по краям такырных останцев, были обнаружены крупные скопления керамики, сопровождающиеся выходами культурного слоя. Предварительное обследование наиболее крупного из скоплений показало, что это остатки прямоугольного жилища, вытянутого, как и жилище на стоянке Ангка-5, в широтном направлении. По предварительным замерам площадь его оказалась равной 12 × 14 м, что также сближало его с указанными домами. Собранная керамика подтвердила это сходство, так как типы ее характерны для тазабагъябской культуры.

Таким образом, нам предстояло раскопать еще одно тазабагъябское жилище.

Стоянка Кават-3, как и стоянки эпохи бронзы близ Ангка-кала, открыта в зоне разрушающихся такыров, по краю песков, окружающих каваткалинский оазис с востока и юго-востока ²⁶. Стоянка располагалась на высоком берегу руслового протока или озера, вытянутого в меридиональном направлении. Водоем и его берега сильно разрушены не закрепленными барханными песками. О размерах происшедших здесь разрушений свидетельствует хотя бы то, что инвентарь неолитической стоянки Кават-5 был найден главным образом на дне водоема и частично на его береговом склоне, т. е. в переотложенном состоянии. Кстати, открытие стоянки Кават-5 указывает на то, что места эти были заселены еще в эпоху неолита, а об их густой заселенности в эпоху бронзы или, точнее, во второй половине II тыс. до н. э. можно судить не только по наличию здесь стоянок тазабагъябской культуры (Кават-3, Кават-4), но и по повсеместным находкам тазабагъябской керамики все в той же зоне разрушающихся такыров.

Как и в районе Ангка-кала, тазабагъябские стоянки в окрестностях Кават-кала перекрыты такыром, и от степени его разрушения зависит сравнительная сохранность памятников.

На стоянке Кават-3 обнаружены следы двух жилищ. Дом 2, расположенный в 20—25 м к югу от дома 1, видимо, совершенно развев, там сохранился лишь очень маленький такырный останец. Что же касается до-

²⁴ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция 1955—1956 гг., стр. 115.

²⁵ С. П. Толстов. Работа Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954—1956 гг., «Материалы ХЭ», вып. 1, М. 1959, стр. 13—15.

²⁶ См. статью А. В. Виноградова в настоящем сборнике, рис. 1.

ма 1, то перекрывающий его такырный останец уцелел на площади 8×6 м. Это давало основания надеяться на некоторую сохранность жилища, что и подтвердилось в процессе работ.

В результате раскопок вскрыта северная, меньшая часть жилища площадью 70 кв. м ²⁷ (рис. 8).

Контуры дома, намеченные еще до раскопок по красно-черной горелой полосе на развееванных краях жилища, совпали с его истинными границами, выявленными раскопками. Такая же картина наблюдалась и на стоянке Ангка-5, причем, как выяснилось, кават-калинский дом имеет стратиграфию, сходную с домами Ангка-5. Сходство это принципиальное, в деталях имеются различия.

Перекрывающий жилище останец, сложенный из такыровидного суглинка, также имеет совершенно ровную поверхность, но в разрезе это не линза, а прямоугольная полоса толщиной в 5—6 см. Под этим тонким такырным слоем залегает также состоящий из серой супеси культурный слой толщиной в среднем до 0,4 м, а в хозяйственных ямах — до 0,6 м. Слой неоднороден. Сверху, непосредственно под такыром, рыхлая, серая супесь с довольно незначительными включениями угольков и отдельными фрагментами костей и керамики; толщина этой прослойки не превышает 15 см. Под ней до самого пола — слой серой, плотной супеси, сплошь забитый культурными остатками. Однако он настолько уплотнен, что зачистка его представляла большие трудности. Пол зачищался хорошо (поверхность его легко обнаруживалась по белым выходам солей); он представляет собой утоптанную серую супесь; под ним и под заполнением ям залегает материк — коричневатый слоистый суглинок.

Таким образом, дом на стоянке Кават-3 был вырыт в этом суглинке, тогда как дома на стоянке Ангка-5 были вырыты в серой супеси. Разницей в геологической структуре материка можно объяснить некоторые различия стратиграфии.

Уплотнение культурного слоя, заполнившего заглубленную в суглинок часть жилища, происшедшее под влиянием химических процессов уже после разрушения дома, естественная нивелировка поверхности слоя и, может быть, сравнительно недолгое стояние здесь воды — все это привело к тому, что в жилище не образовалась такая мощная суглинистая линза, как в доме на стоянке Ангка-5. Однако мощность и плотность собственно культурного слоя обеспечили его лучшую сохранность.

Смытой и развееванной оказалась северо-восточная часть дома. Здесь границы его прослеживаются только по расположению столбовых и хозяйственных ям. Северо-западная половина сохранилась хорошо, особенно северный отрезок западной стены (его высота достигает 0,3 м).

Планировка дома уже довольно ясна, хотя раскопана лишь часть его. Он был строго прямоугольной формы, причем стены ориентированы по странам света. Пока еще неизвестно, где был вход, но, судя по плану дома, снятому до раскопок, он располагался в южной стене. Посередине жилища (рис. 8, разрез через кв. 8ж и 9ж) располагался центральный очаг, который прослеживается в виде груды белого пепла с золой, лежащей в очажной яме, глубина ямы пока неизвестна, так как, видимо, вскрыт лишь ее край.

В северо-западной и северо-восточной частях раскопанной половины жилища сосредоточено большое количество хозяйственных ям (рис. 9). Однако эти два хозяйственных комплекса отделены друг от друга ровным участком пола длиной около 2 м, причем эта площадка, по мере приближения к центру жилища, расширяется, образуя вокруг центрального очага свободное от ям пространство.

²⁷ Из них 20 м² вскрыто в 1956 г., 50 м² — в 1957 г.

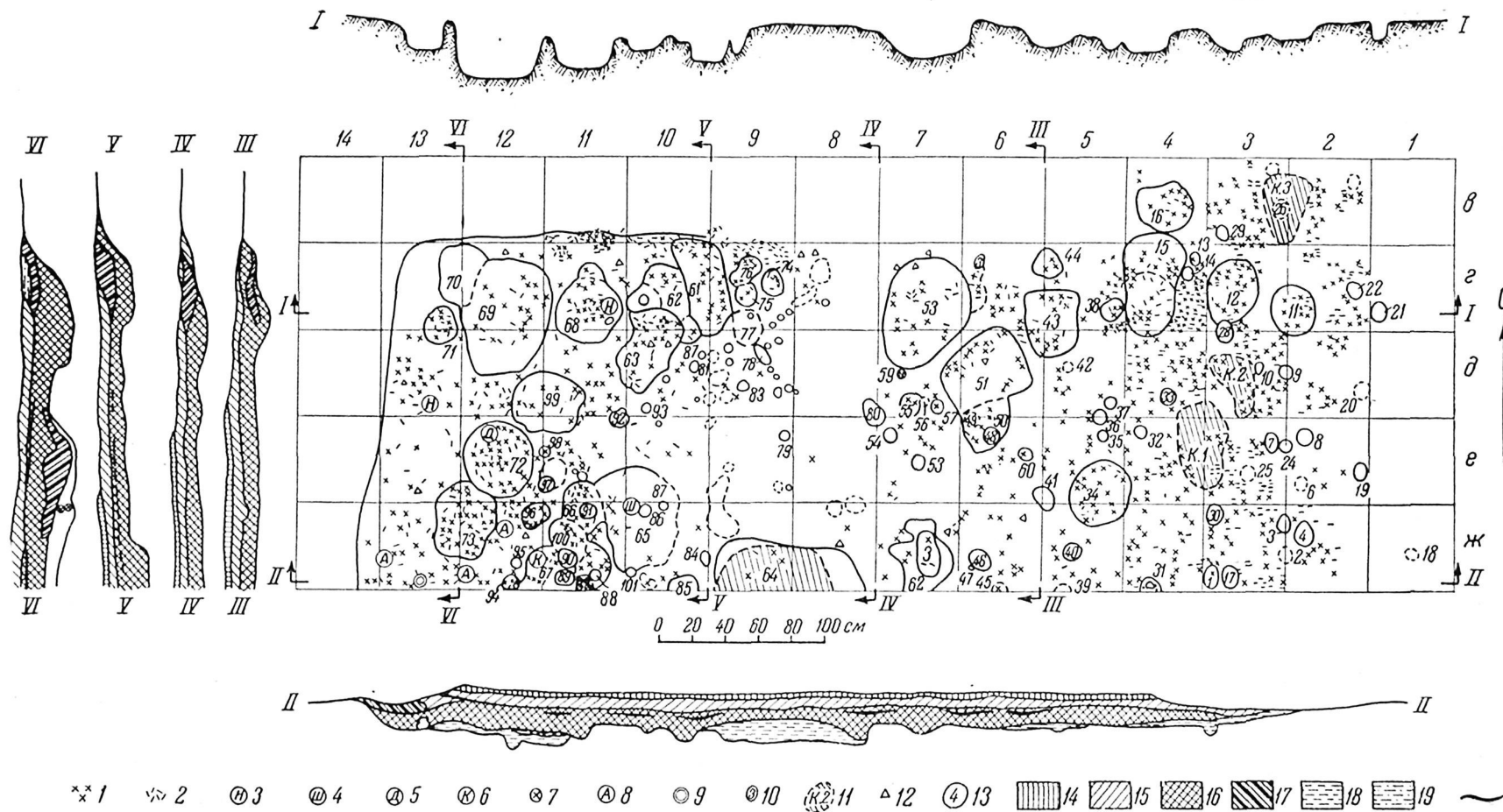

Рис. 8. Стоянка Кават-3. Дом 1. План и разрезы

1 — керамика; 2 — кости; 3 — бронзовый нож; 4 — бронзовое шило; 5 — наконечник дротика; 6 — *Cardium edule*; 7 — куски красной обожженной глины; 8 — *Anodonta*; 9 — сосуд; 10 — зернотерка; 11 — кострище; 12 — камень; 13 — яма; 14 — такыровидный суглинок; 15 — рыхлая серая супесь с незначительными золистыми и углистыми примесями; 16 — плотная светло-серая супесь (культурный слой); 17 — черный углистый слой; 18 — белый золистый слой с частыми вкраплениями углей; 19 — слой красноватой переизвеженной супеси; 20 — прослойка истлевшего камыша

Хозяйственные ямы вырыты в суглинке, они неправильной круглой или овальной формы, диаметр их в среднем — от 0,6 до 1,2 м при глубине, достигающей до 0,55 м. Следует подчеркнуть, что ямы в процессе использования подвергались неоднократным переделкам — их объединяли, расширяли и т. д. Однако все это происходило на протяжении одного хронологического периода, ибо материал, собранный на всех участках, относится

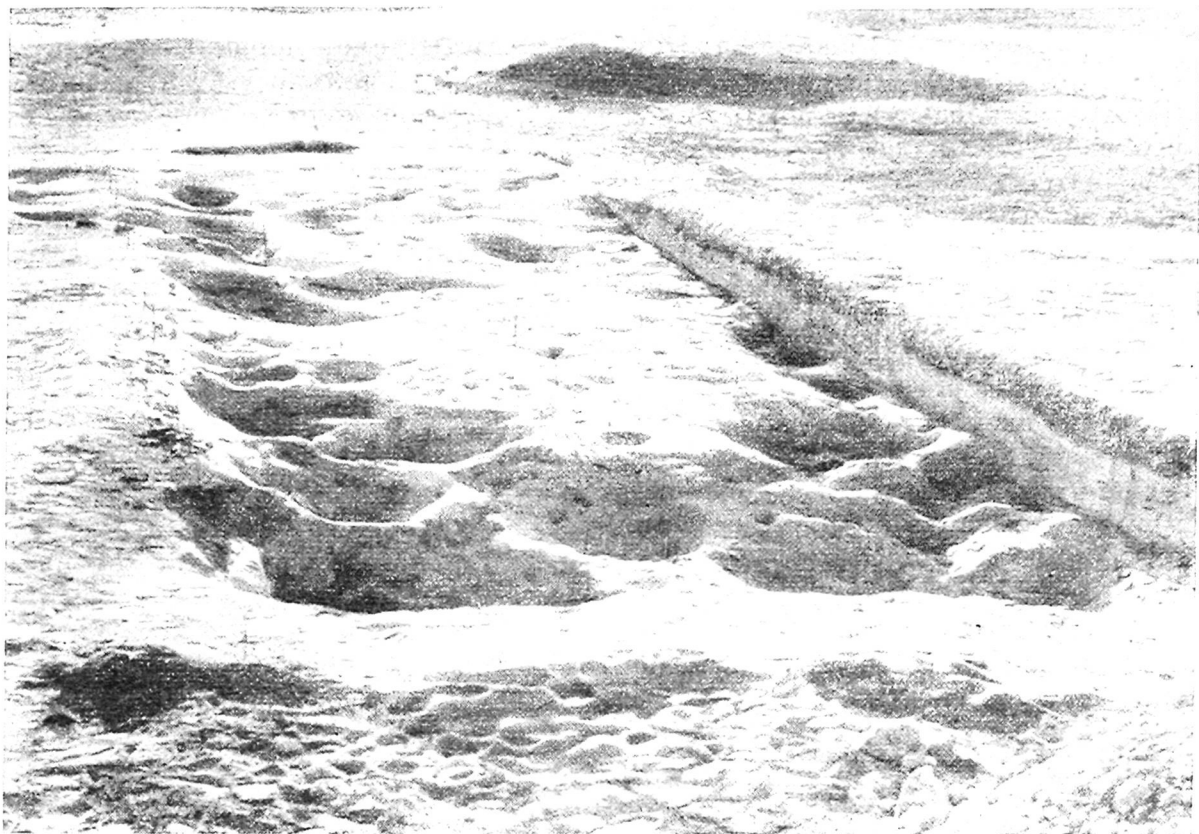

Рис. 9. Стоянка Кават-3. Дом 1. Скопление хозяйственных ям в северной половине дома

к одному времени. Как удалось проследить на примере ряда ям и, особенно, ямы № 72, дно и стенки их обычно выкладывались керамикой. Заполнение составлял культурный слой, насыщенный костями, керамикой и содержащий углистые и золистые включения. Кроме того, в ямах найдены бронзовые ножи, бронзовое четырехгранное шило с костяной рукоятью, каменный наконечник дротика. Здесь же были обнаружены обломки раковин *Anodonta* и *Cardium edule*, которые, возможно, употреблялись в пищу.

В северо-западном хозяйственном комплексе вдоль ям у северной стены наблюдалось скопление костей и маленьких очажных камушков. Видимо, не все ямы были хозяйственными, некоторые из них служили кострищами. В этом случае они заполнены спекшимся голубовато-сизым пеплом с небольшим количеством костей и керамики.

Значительную часть ям, вырытых в полу жилища, составляют столбовые, которые часто располагаются попарно. Диаметр их равен обычно 15—20 см, а глубина достигает иногда 35—40 см, причем книзу они сужаются. Последнее заставляет предположить, что столбы были книзу заострены. Для укрепления столбов в качестве расклинки применялась керамика, найденная в большинстве столбовых ям. Определенной системы в их расположении проследить пока не удалось.

Очень странными являются ямки, расположенные преимущественно по краю центральной, лишенной хозяйственных ям площадки. Их диаметр не превышает 5—7 см, при глубине не меньше 10 см. Одна из них была до такой степени забита черепками, что извлечь их оттуда, не разрушив стен ямки, было невозможно. Назначение этих ямок пока не ясно.

О наличии деревянной столбовой конструкции у стен и, возможно, деревянной наземной их основы свидетельствует образовавшаяся вдоль стен жилища полоса (шириною до 1 м и толщиной до 20 см) черно-красного, золистого слоя пожараща. Черный, золистый слой перекрывает также отдельные участки северо-западной части дома не только у стен. Возможно, что это следы сгоревшего перекрытия, которое, судя по прослойкам от сгоревшего камыша, могло быть камышовым.

Находки концентрируются главным образом в ямах и вокруг них. Интересно, что на свободной от ям площадке около очага находок почти нет.

Надо сказать, что жилище на стоянке Кават-3 существенно отличается от домов на стоянке Ангка-5 необычайной насыщенностью культурного слоя. На стоянке Ангка-5 почти нет костей, а имеющиеся фрагменты неопределимы, в то время как на Кават-3 костей много, и определение их дает возможность установить состав стада. Что же касается керамики, то достаточно сказать, что в доме 2 стоянки Ангка-5 на площади в 100—120 м² обнаружено 59 сосудов, тогда как на 70 м² дома стоянки Кават-3, составляющих его меньшую часть, обнаружено 120 сосудов.

В целом облик керамики типично тазабагъябский. Техника ее изготовления та же, что и на стоянке Ангка-5 (см. выше). Некоторые отличия в обработке внешней поверхности сосудов касаются главным образом орнаментальных приемов.

На стоянке Кават-3 лицевая поверхность сосудов часто тоже ложила; встречаются черепки, окрашенные в красный цвет с последующим лощением. Большая часть сосудов с Кават-3 орнаментирована (90 сосудов из 120). Однако, если на стоянке Ангка-5 половина орнаментированных сосудов была украшена штампованным гребенчатым орнаментом, то здесь из 90 горшков лишь 20 покрыты штампом. Другой особенностью этого комплекса является полное отсутствие в нем сосудов с наленным валиком. Орнамент наносился главным образом резными насечками. Орнаментальные мотивы все те же: заштрихованные треугольники, веерообразный пучок прямых, образующих незамкнутый треугольник, комбинации ломаных линий, елочка, ногтевые вдавления и т. д. Довольно широко распространен прием обрамления треугольников бахромой из рядов насечек или вдавлений.

По форме сосуды довольно однообразны.

Это прежде всего группа сосудов со слегка изогнутым горлом, валикообразным венчиком с плоским бережком, округлыми, но четко выделенными плечами и дном с уступчиком, диаметр которого равен примерно половине диаметра горла. Это типичная форма, встречающаяся во всех без исключения тазабагъябских комплексах. Эти сосуды украшены в определенной тазабагъябской традиции, когда орнаментом покрывается горловая часть, затем идет ряд параллельных горизонтальных прямых или вообще какой-то разделяющий орнаментальный пояс, а ниже, по плечам, снова орнамент, нередко повторяющий первый (рис. 10).

Следующая группа керамики отличается от предыдущей более полными плечами, иногда довольно слабовыраженными, что придает сосудам несколько более вытянутый вид, но пропорции их и приемы орнаментации остаются те же (рис. 11). Может быть, на средней части тулова одного из сосудов был нанесен меандр (рис. 11, 2).

К третьей группе относятся сосуды с очень коротким, изредка чуть изогнутым горлом и сильно раздутыми плечами (рис. 12); у них бывает

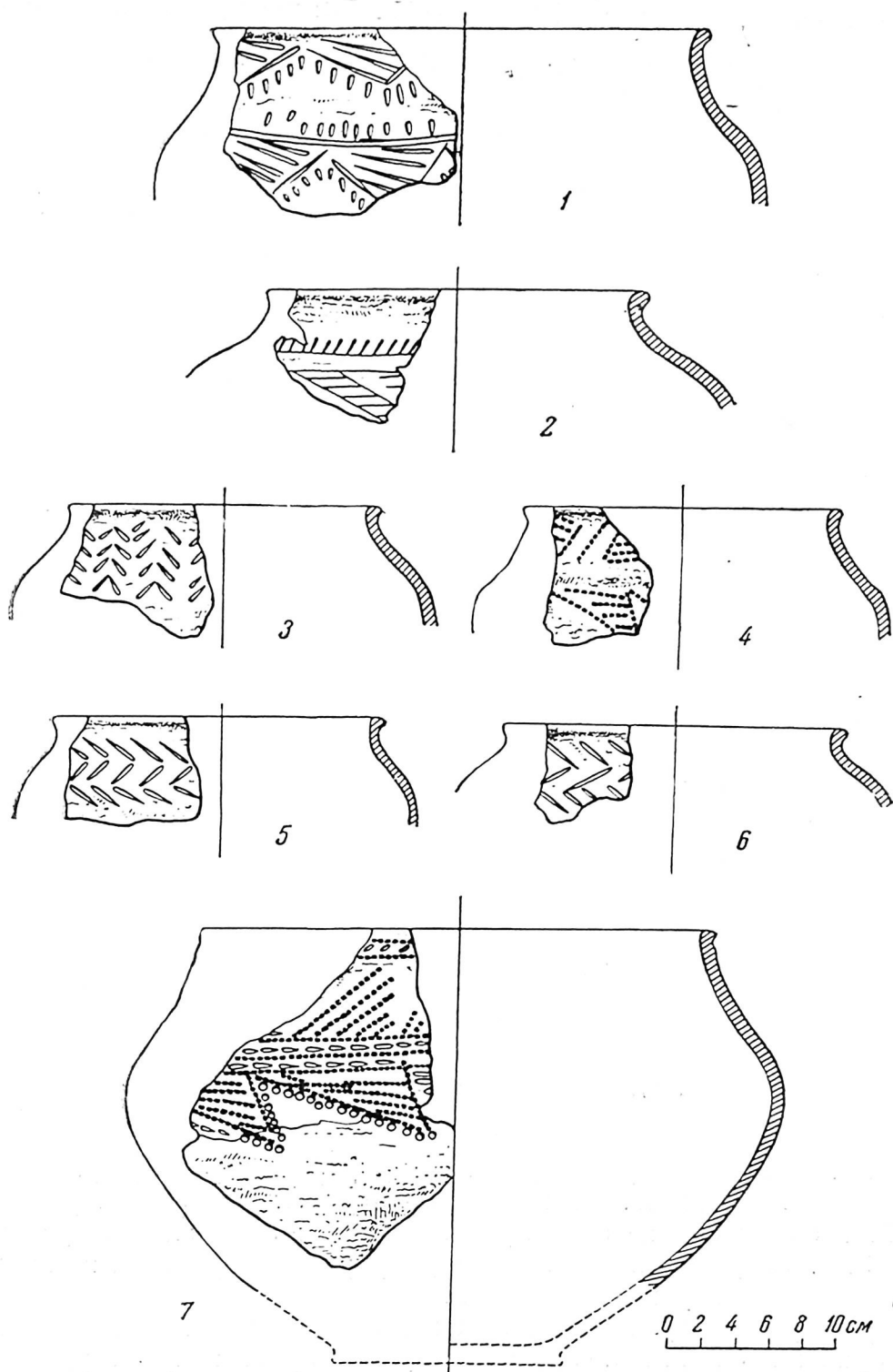

Рис. 10. Стоянка Кават-3. Дом 1. Керамика

валикообразный венчик, но не всегда. В отдельных случаях плечи образуют небольшой уступ (рис. 12,6,7), иногда переход к ним довольно плавный (рис. 12,8). Орнамент в большинстве случаев покрывает верхнюю треть сосуда.

Довольно многочисленную группу составляют сосуды без горла, приближающиеся к биконической форме (рис. 13); изредка с валикообразным

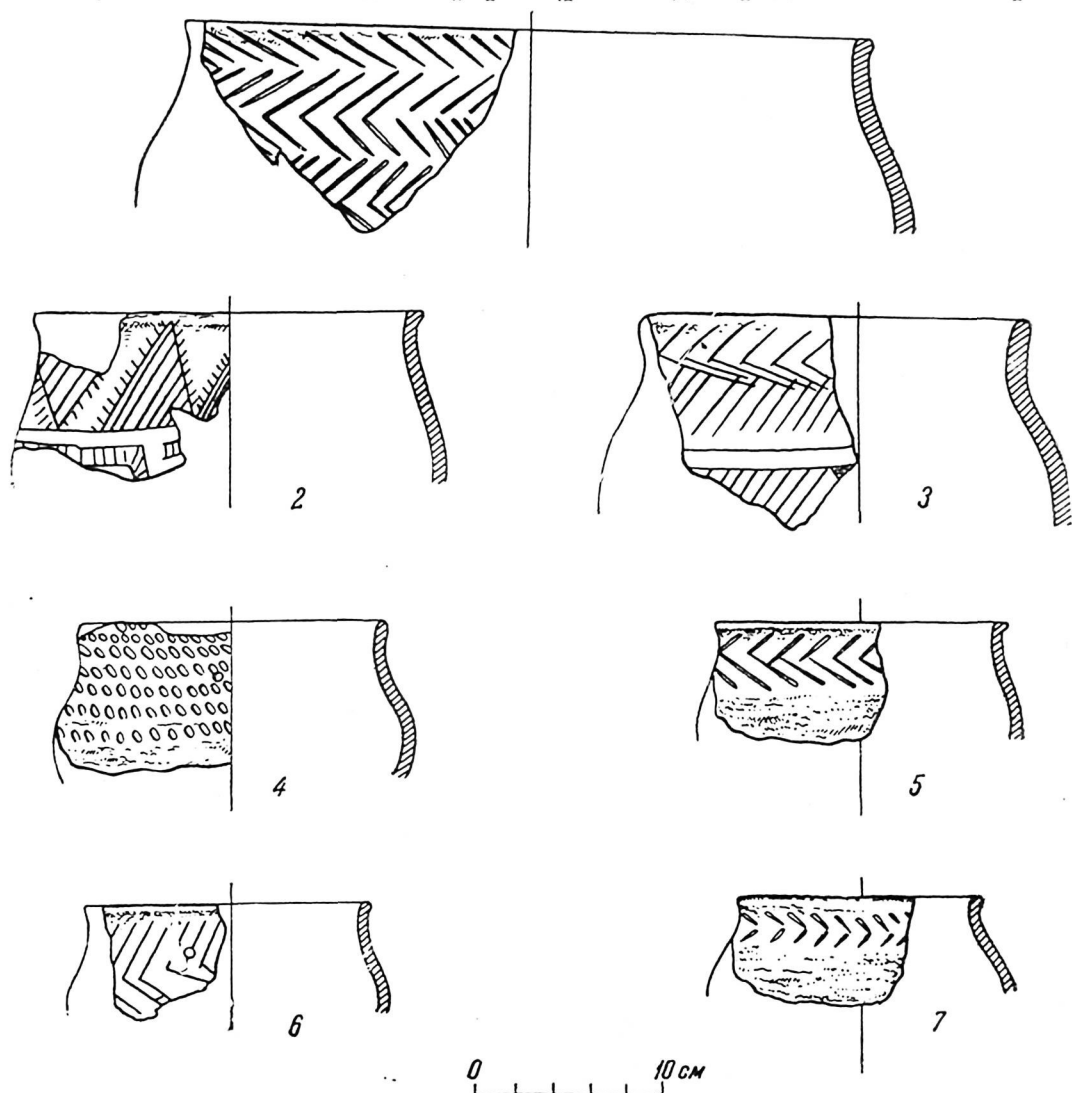

Рис. 11. Стоянка Кават-3. Дом 1. Керамика

венчиком. Не всегда перегиб плеч приходится на середину тулова, он бывает и несколько выше. На некоторых экземплярах этот перегиб очень четкий, в одном случае он сопровождается даже небольшим уступчиком (рис. 13,6). Сосуды эти довольно скупо орнаментированы, причем орнаментом покрыта верхняя половина.

Широко распространенные во всех тазабагъябских комплексах небольшие горшочки с прямым, слегка изогнутым горлом и слегка раздутым туловом, здесь представлены лишь двумя экземплярами (рис. 14,2,4).

Очень интересна находка фрагментов узкогорлых сосудов, вероятно, сферической формы (рис. 14,1,3). Этот тип посуды очень характерен для суярганской культуры как для раннего, так и для позднего ее этапов. Кроме того, как нам любезно сообщил В. М. Массон, подобные сосуды являются одной из ведущих форм в комплексах типа Намазга VI.

Короткогорлые сосуды с сильно раздутыми боками или с несколько вытянутым, но очень плавным профилем, тоже находят себе аналогии в

керамике раннесуярганской культуры (первая половина II тыс. до н. э.)²⁸. С этой же культурой можно связывать и сохранение такого приема, как окрашивание сосудов с последующим лощением.

Вообще надо сказать, что посуда из Кават-3 не очень явно напоминает нам формы, характерные для срубно-хвалынской культуры и западного варианта андроновской, которые мы часто приводили в качестве аналогий для керамики из могильника Кокча-3. Несколько отличаются от срубных и андроновских и некоторые формы донцев (рис. 14, 6, 8).

Помимо керамики, очень интересны и другие находки со стоянки Кават-3, в том числе наконечник дротика из серого, слоистого сланца, найденный в яме № 72 (рис. 15, 4). Он имеет вытянутую, листовидную форму (его длина 12,5 см), прямое, несколько скругленное основание и острые края, покрытые с обеих сторон отжимной ретушью. Ретушь идет только по краям, не заполняя спинки и брюшка наконечника. Надо полагать, что наконечник сделан из местного султан-уиз-дагского сланца.

На стоянке обнаружены изделия из бронзы: фрагменты двух ножей и четырехгранное шило в костяной рукояти.

Один из ножей (рис. 15, 2) найден в яме № 68 (см. рис. 8, кв. 112). Сохранилась его средняя часть, рукоять и кончик отломаны. Нож однолезвийный, с тупой спинкой, в нижней трети он имеет характерный перегиб. Второй фрагмент (рис. 15, 3 из кв. 130) представляет собой как будто какой-то вариант прямого однолезвийного ножа; судя по расширяющейся верхней части, у него была выделена рукоять.

Наконец, в яме № 65 (кв. 10ж) найдено бронзовое шило (рис. 15, 1); его длина — 6,8 см, рукояти — 12,5 см, рабочий конец заострен, конец, вставлявшийся в рукоять, несколько притуплен. Шило было закреплено в рукояти при помощи какого-то растительного волокна, которое при раскопках сохранить не удалось. Интересно, что служащая рукоятью кость барана была специально обработана, ей придана округлая форма; кроме того, поверхность кости отшлифована в результате употребления. Такое же шило обнаружено в одном из погребений могильника Кокча-3²⁹, известны находки подобных шильев в погребениях и поселениях, относящихся к срубной культуре³⁰.

В целом все найденные на стоянке изделия из бронзы могут быть датированы второй половиной II тыс. до н. э.

Есть основания полагать, что бронзовые изделия были местного происхождения. О примазках меди в кварцевых жилах в различных частях Султан-уиз-дага пишут многие исследователи³¹. По сведениям Г. Данилевского, «... при Махомед Рахим-хане производилась разработка меди в горах Шейх-Джели...»³² и, видимо, об этих же выработках, расположенных в западной части гор Султан-уиз-дага, сообщали, по мнению М. Е. Массона, местные жители в конце прошлого века П. А. Благовещенскому³³.

²⁸ С. П. Толстов, М. А. Птица. Проблема суярганской культуры. СА, 1960 № 1, стр. 17—18, рис. 3, 4.

²⁹ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1954 г. «Советское востоковедение», М., 1955, № 6, стр. 102, рис. 12.

³⁰ Н. Я. Мерперт. Материалы по археологии Среднего Заволжья. МИА. № 42, М., 1954, стр. 148 и 113, рис. 31, 5.

³¹ См., например: П. П. Барбот де Марни. О геологических исследованиях в Аму-Дарьинском крае. ИРГО, т. XI, вып. 2. СПб., 1875, стр. 114; А. Е. Вознесенский, К. А. Попов и И. А. Преображенский. Султан-уиз-даг. Петрографический очерк. «Изв. Петербургского политехн. ин-та. Отдел техники, естествознания и математики», т. XXI, вып. 2, СПб., 1914, стр. 404.

³² Г. Данилевский. Описание Хивинского ханства. ЗРГО, кн. 1, СПб., 1851, стр. 70, примечание.

³³ М. Е. Массон. К истории горного дела на территории Узбекистана. Ташкент, 1953, стр. 51, 52.

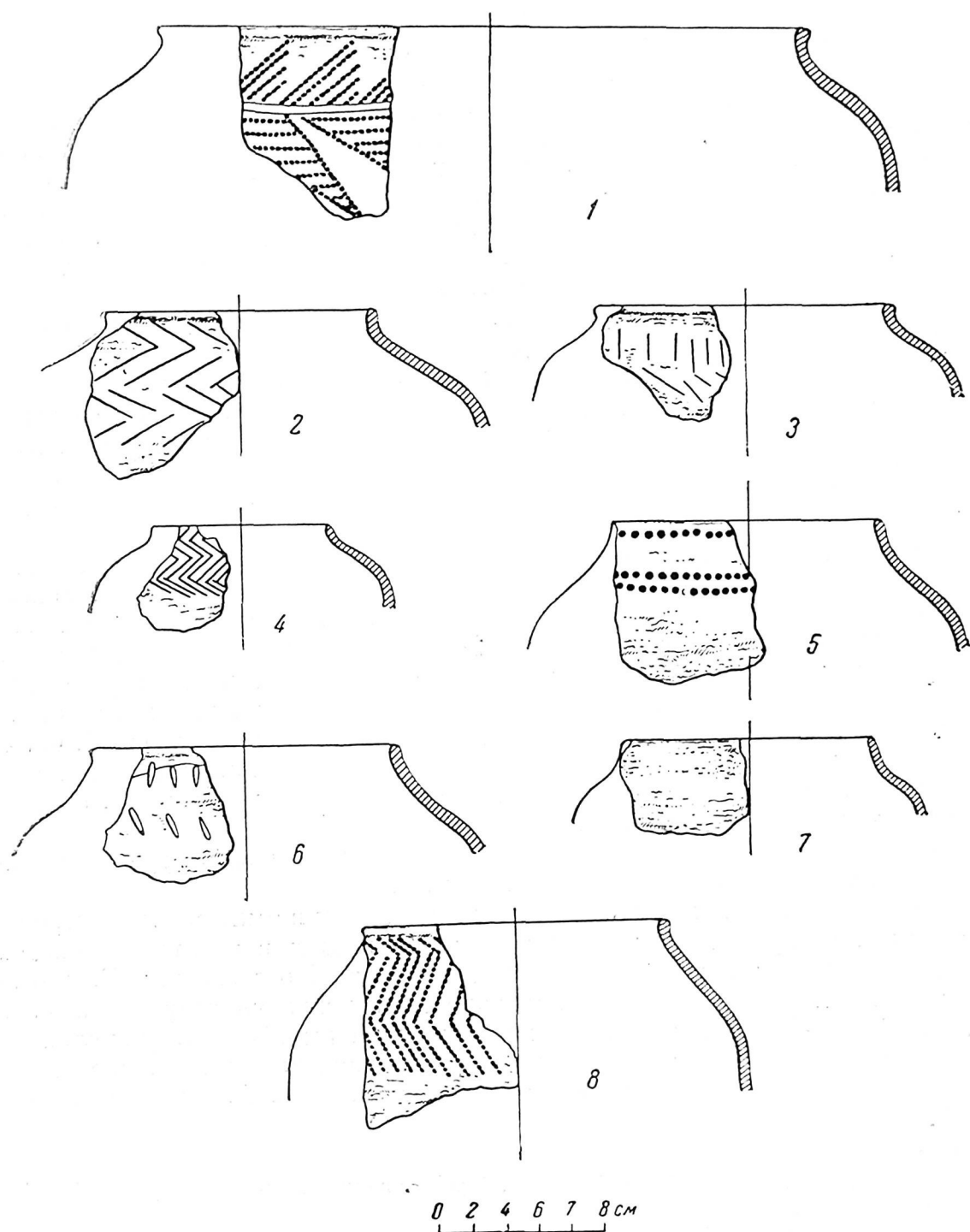

Рис. 12. Стоянка Кават-3. Дом 1. Керамика

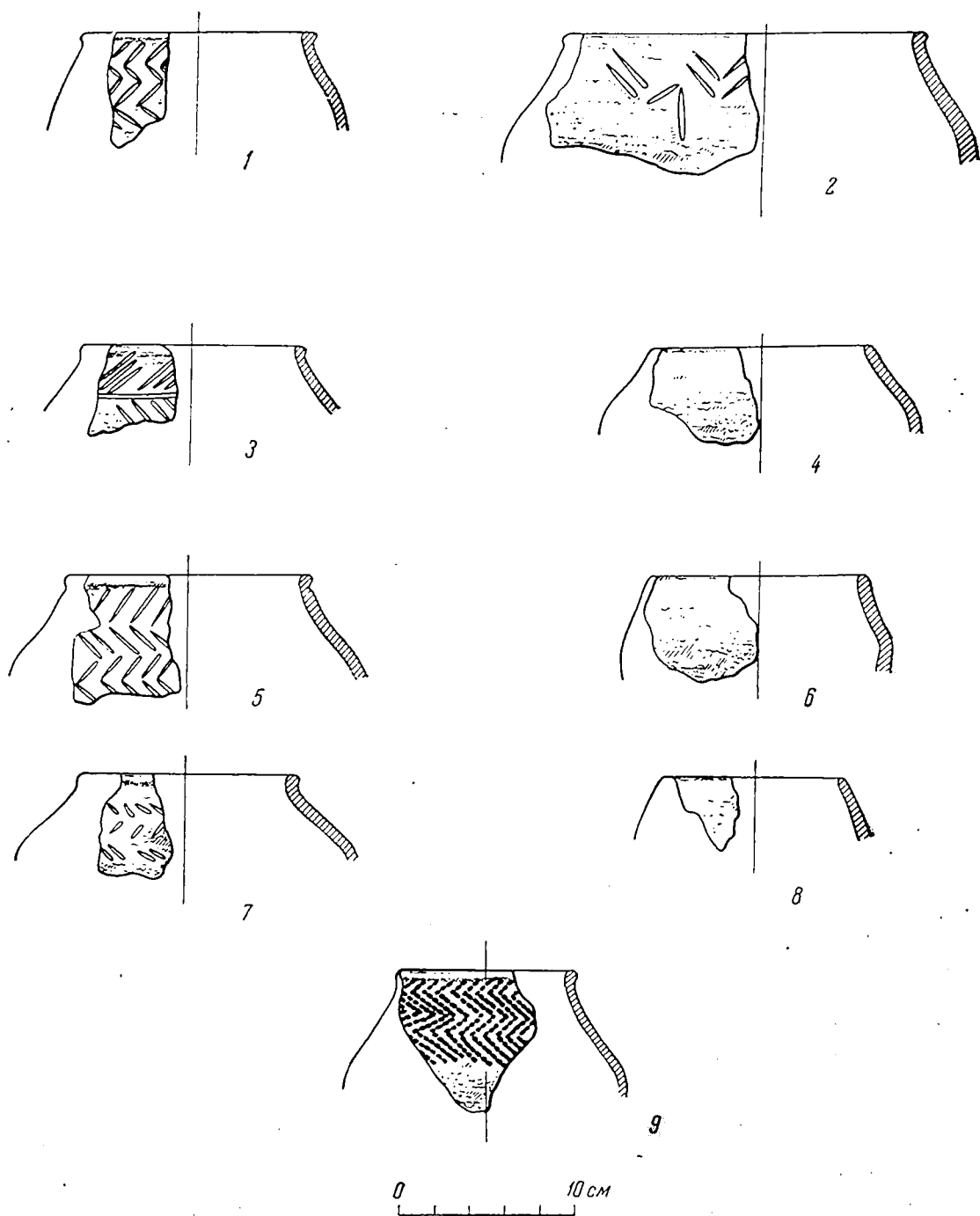

Рис. 13. Стоянка Кават-3. Дом 1. Керамика

Наличие медных руд в прилегающих районах Султан-уиз-дага является, возможно, свидетельством того, что жители стоянки добывали медь, используя султан-уиз-дагские месторождения.

Кроме того, нельзя забывать, что в Правобережном Хорезме, в горах Букан-тау в древности существовал крупный меднорудный район, о чем

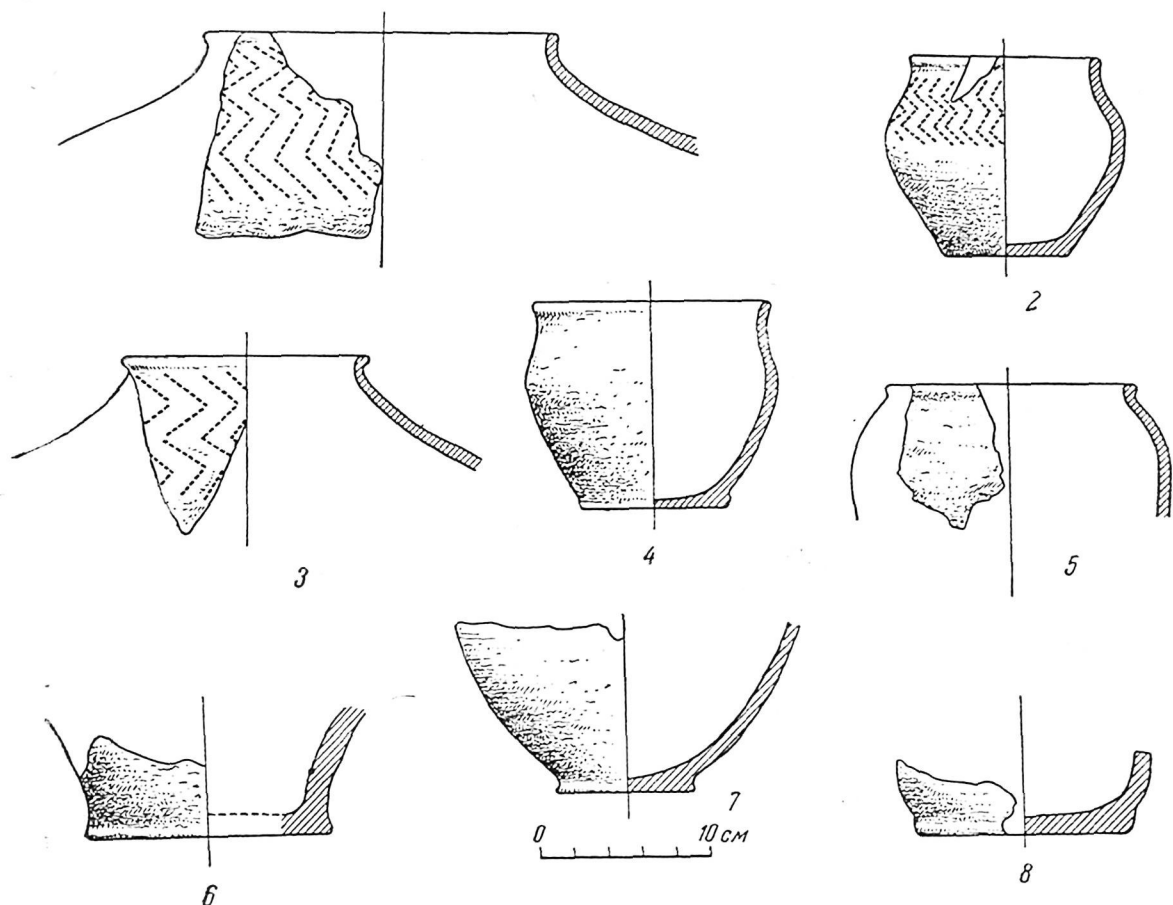

Рис. 14. Стоянка Кават-3. Дом 1. Керамика

свидетельствуют обнаруженные там А. Ф. Соседко древние выработки, сопровождающиеся стоянками ³⁴. Эти стоянки автор считает неолитическими, так как на них найдены, кроме керамики, орудия из кремня, но скорее всего они датируются эпохой бронзы или энеолитом.

Раскопки жилища на стоянке Кават-3 еще не закончены, но мы все же можем подвести некоторые итоги. Здесь, так же как и в домах на стоянке Ангка-5, жила одна большая семья. Ее члены занимались земледелием, о чем свидетельствуют находки зернотерок. Большую роль в хозяйстве населения играло скотоводство. Обилие костей, обнаруженных при раскопках жилища на стоянке Кават-3, дало нам возможность судить о составе стада и о характере скотоводческого хозяйства древних тазабагьябцев. По определению Е. Л. Дмитриевой (Институт палеонтологии АН СССР) ³⁵ на стоянке обнаружены кости домашнего быка (мелкие особи), барана, лошади, козы (?). Таким образом, мы имеем типичный состав стада, характеризующий наличие оседлого, пастушеского скотоводства, которое, как и у носителей других культур степной бронзы, существовало наряду с земледелием.

Датировка стоянки второй половиной II тыс. до н. э. не вызывает сомнений.

³⁴ А. Ф. Соседко. Указ. соч., стр. 24—28.

³⁵ Пользуюсь случаем принести благодарность Е. Л. Дмитриевой за любезно взятый ею на себя труд по определению костей со стоянки Кават-3.

Если мы учтем, что сосуды, орнаментированные гребенчатым штампом, составляют здесь одну пятую часть орнаментированных сосудов, тогда как на стоянке Ангка-5 они составляют половину, а в могильнике Кокча-3 из 77 сосудов их всего 3, то можно предположить, что стоянка

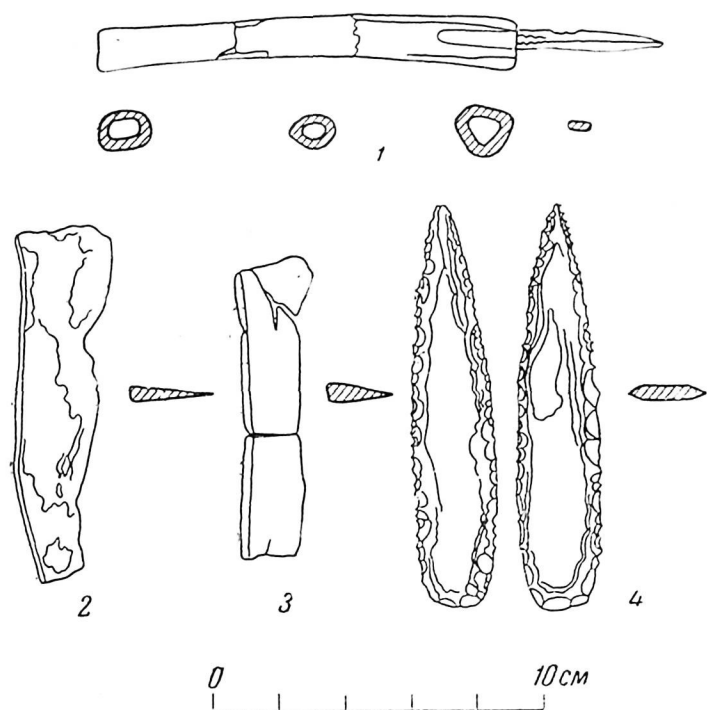

Рис. 15 Стоянка Кават-3. Дом 1. Изделия из бронзы и камня

1 — бронзовое шило в костяной рукоятке; 2, 3 — бронзовые ножи; 4 — наконечник дротика из сланца

Кават-3 занимает промежуточное положение между комплексами Ангка-5 и Кокча-3. В целом вся эта группа памятников может быть отнесена к третьей четверти II тыс. до н. э.

Продолжение работ по изучению стоянок бронзового века на территории Правобережного Хорезма позволит нам получить новые материалы для характеристики хозяйства, общественного строя и материальной культуры племен, живших в этих областях во II тыс. до н. э.

Б. И. Вайнберг

К ИСТОРИИ КУНГРАТСКИХ СУФИ

В июле 1957 г. во время обследования урочища Ат-крылган, расположенного к югу от сухого русла Дарьялык (Куния-Ургенчский район Ташаузской области Туркменской ССР), в промоине, на берегу древнего заплывшего арыка, в восточной части урочища был обнаружен клад золотых и серебряных хорезмийских монет XIV в. (см. рисунок). На поверхности земли лежало три золотых и пять серебряных монет, остальные были уже закрыты слоем намытого лёсса.

В результате произведенной расчистки было обнаружено 18 золотых и 37 серебряных монет, располагавшихся на площади $0,5 \times 0,72 \text{ м}^2$, причем золотые монеты лежали отдельно и более компактно.

Хотя обнаруженный клад не содержит каких-либо новых, неизвестных до сих пор монетных типов, он является еще одним источником для характеристики политической жизни Хорезма в XIV в. По своему составу клад, без всякого сомнения, хорезмийский, так как лишь 2 монеты из 55 чеканены не в Хорезме — диргем Токты 710 года хиджры (далее г. х.), чеканенный в Сарае, и диргем Джанибека II, место чекана которого неизвестно.

Почти две трети клада составляют серебряные монеты, чеканенные в Хорезме от имени ханов Золотой Орды. В кладах представлены монеты всех золотоордынских ханов, начиная с Токты-хана и кончая Хызыр-ханом. Наиболее ранняя монета в кладах — диргем золотоордынского хана Токты 706 г. х. (1306 г.), чеканенный в Хорезме. Наиболее поздние монеты клада (все золотые и две серебряные) чеканены тоже в Хорезме, но без указания имени хана, его заменяют символы веры.

Подобные анонимные хорезмийские монеты, выпускавшиеся в 60—80-х годах XIV в., хорошо известны в литературе¹. Появление их связывается с приходом к власти в Хорезме в период смут, наступивших в Золотой Орде после смерти хана Бирдибека (1359 г.), династии Кунградских Суфи. Но в связи с недостатком исторических данных, этот период в истории Хорезма освещается всегда лишь в самых общих чертах. Найденный клад привлёк наше внимание к истории Кунградских Суфи.

В составе Золотой Орды (улуса Джучиева) Хорезм представлял одну из самых богатых и культурных областей. Обширные торговые связи Хорезма укрепляли его экономическую силу. В период расцвета Золотой Орды, в правление Узбек-хана, наместником Хорезма был назначен один из сильнейших в Орде эмиров — Кутлуг-Тимур, родственник и ближайший советник Узбек-хана, помогший последнему овладеть золотоордынским престолом после смерти Токты-хана.

¹ См. Г. А. Федоров-Давыдов. Из истории политической жизни Хорезма XIV в. КСИЭ, вып. XXX, М., 1958, стр. 93—99.

Когда в начале 60-х годов XIV в. в результате смут происходит ослабление Золотой Орды, Хорезм обособляется политически и выдвигает самостоятельную династию Кунгратских Суфи. Наиболее ранняя из известных монет этой династии чеканена в 762 г. х. (1361 г.)². В. В. Бартольд указывал, что, заменяя на монетах имена ханов или правителей религиозными формулами и чаще всего формулой — «царство принадлежит богу», Кунгратские Суфи подчеркивали «теократическую идею и отрицательное отношение к государственности, не связанной с религией»³.

Первым правителем династии Кунгратских Суфи в Хорезме был Хусейн Суфи (умер в 773 г. х. — 1372 г.)⁴, ему наследовал его брат Юсуф Суфи⁵. В источниках фигурирует имя еще одного брата — Ак Суфи, не правившего, по всей видимости, в Хорезме⁶. Их отцом был влиятельный в Золотой Орде эмир Нангундай⁷ (Бангундай, Янгундай — разные варианты написания этого имени в источниках), о котором известно очень немного. Эмир Нангундай племени кунграт (конграт) упоминается в «Анониме Искандера», где указывается, что после смерти Бирдибека в смуте погиб ряд крупных эмиров, в том числе и Нангундай⁸. В том же сочинении упоминается, что «в узбекских странах знаменита величина тела эмира Нангундая»⁹. Род эмира Нангундая находился в родственных отношениях с Узбек-ханом: сын Нангундая Ак Суфи был женат на дочери хана Узбека Шакарбек¹⁰. Родство с чингизидами, как известно, высоко ценилось во всех частях монгольской империи. Правители, захватывавшие власть, стремились жениться на ханских дочерях и получить звание гургана (зять хана). Такой титул носил сам Тимур и многие из его потомков.

Выдвижение новой династии из кунгратов было не случайным явлением. По данным источников, родственные связи этого племени с родом Чингис-хана завязались еще до эмира Нангундая, о чем мы встречаем упоминание в «Сборнике летописей» Рашид-ад-дина¹¹. Эмиры кунгратов такие, как Салджидай-гурган, играли большую роль в делах Золотой Орды с конца XIII в. (о более раннем периоде мы не имеем сведений), чему немало способствовало, конечно, установление ими родственных связей с джучидами. Юрт могущественного Салджидая кунграта находился, по словам Рашид-ад-дина, «близ Хорезма»¹². Не случайно поэтому и выдвижение Кунгратской династии Суфи из потомков эмира Нангундая именно в Хорезме, так как интересы могущественных эмиров этого племени, несомненно, были тесно связаны с этой областью.

Неясно появление титула «Суфи», который некоторые представители племени кунграт сохранили вплоть до XIX в. Возможно, что его возникновение связано с исламизацией, активно проводившейся в Золотой Орде, начиная с Узбек-хана, и расцветом суфизма в Хорезме в XIV в. Хорезм этого времени называют «куполом ислама», «гордостью ислама»¹³.

² М. Е. М а с с о н. Монетный клад XIV века из Термеза. «Бюллетень Среднеазиатского гос. ун-та», вып. 18, № 7. Ташкент, 1929, стр. 56, № 39; «История Узбекской ССР», т. I, кн. 1. Ташкент, 1955, стр. 319.

³ В. В. Б а р т о л ь д. История Туркестана. Ташкент, 1922, стр. 41.

⁴ МИТТ, т. I, М.—Л., 1939, стр. 514—516; В. Г. Т и з е н г а у з е н. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, т. II, М.—Л., 1941, стр. 155.

⁵ МИТТ, т. I, стр. 516.

⁶ Там же.

⁷ Там же, стр. 516, 519; В. Г. Т и з е н г а у з е н. Указ. соч., т. II, стр. 129, 155.

⁸ В. Г. Т и з е н г а у з е н. Указ. соч., т. II, стр. 129.

⁹ Там же, стр. 133.

¹⁰ МИТТ, т. I, стр. 516.

¹¹ В. Г. Т и з е н г а у з е н. Указ. соч., т. II, стр. 30, 50.

¹² Там же, стр. 70. Под Хорезмом здесь можно подразумевать не только область, но и столицу Хорезма — Ургенч.

¹³ МИТТ, т. I, стр. 514.

Приход к власти Кунградских Суфи — яркое свидетельство стремления экономически сильного Хорезма к политической самостоятельности. Вскоре после прихода к власти Хусейн Суфи начал объединение Хорезма, разобщенного до этого между улусами Джучи и Чагатай. В 768 г. х. (1367 г.) он захватил Кят и Хиву. В 773 г. х. (1372 г.) Тимур потребовал возвращения этих областей, как части наследия улуса Чагатай. В «Зафар-намэ» Низам-ад-дина Шами при описании этих событий говорится, что Хусейн Суфи ответил: «Эту страну я покорил мечом и мечом же надлежит ее отобрать», и задержал посла Тимура Джелал-ад-дина Кеши¹⁴. В ответ на этот открытый вызов Тимур выступил в поход против Хорезма. После недолгого сопротивления Кят был взят, авангард войска Тимура одержал победу в битве у канала Гурлен. Хусейн Суфи готов был заключить мир, но владетель Хутталена — Кейхосров, недовольный быстрым возвышением Тимура, обещал Хусейну Суфи поддержку и уговорил его не покоряться Тимуру. Тогда Хусейн Суфи выступил из Ургенча, но был разбит и вернулся в город. Несколько дней войска Тимура осаждали город. В это время Хусейн Суфи внезапно умер.

Найденный нами клад был, возможно, зарыт именно в это время, так как наиболее поздние золотые и серебряные монеты клада чеканены в 773 г. х. (1372 г.).

После смерти Хусейна Суфи правителем Хорезма стал его брат Юсуф Суфи. Между ним и Тимуром был заключен мир, причем одним из условий мира Тимур выставил требование выдать замуж за его сына Джехангира дочь Ак Суфи, бывшую по линии матери, как уже указывалось, внучкой Узбек-хана. Юсуф Суфи согласился на это¹⁵. Но мир не был долговечным. Юсуф Суфи, как и его предшественник, стремился к захвату южного Хорезма, он захватил Кят. В ответ на это Тимур весной 775 г. х. (1373—1374 г.) предпринял второй поход на Хорезм, но Юсуф Суфи поспешил принести повинную и обещал немедленно выполнить условия мира¹⁶. В результате этих двух походов Тимур присоединил южный Хорезм к своим владениям.

Но существование самостоятельного Хорезмского государства, в силу своих политических и экономических связей поддерживавшего Золотую Орду, мешало осуществлению великодержавных стремлений Тимура. Кроме того, видимо, правители Хорезма не оставляли мысли объединить северный и южный Хорезм. Поэтому в 778 г. х. (1376—1377 г.) Тимур совершает третий поход на Хорезм, но во время этого похода Адиль-шах осадил Самарканд, что заставило Тимура вернуться, не дойдя до владений Суфи¹⁷.

Юсуф Суфи во время похода Тимура против Урус-хана совершил нападение на Бухару и разграбил ряд областей. Тимур лишь через несколько лет, в 781 г. х. (1379—1380 гг.), выступил в новый, четвертый поход на Хорезм, причем во время осады Ургенча он попытался договориться с Юсуф Суфи, но последний отказался от дружеских подарков Тимура¹⁸. Осада города длилась три месяца; в это время Юсуф Суфи умер. Среди жителей Ургенча начались разногласия о том, кому править в Хорезме. Наследником Юсуфа Суфи был ходжа Лак, однако победили сторонники Байнака Суфи, а ходжа Лак бежал к Тимуру. Тимуру удалось захватить Ургенч, город был разграблен, ремесленники и ученые переселены в г. Кеш¹⁹.

После этого похода Хорезм потерял свою самостоятельность, но полностью не подчинился Тимуру. В 781 г. х. (1379—1380 гг.) Тимур чеканит

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же, стр. 515—516.

¹⁶ Там же, стр. 517.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же, стр. 518—519.

¹⁹ Там же, стр. 519.

в Хорезме монету от своего имени ²⁰, по одновременно Кунгратские Суфи продолжают чеканить в Хорезме свою анонимную монету ²¹. В это же время начинает чеканить свою монету в Хорезме хан Золотой Орды Тохтамыш ²².

После победы над Мамаем на реке Калке в 781 г.х. (1380 г.) Тохтамыш захватил верховную власть в Золотой Орде. Великодержавная политика Тохтамыша не устраивала Тимура, боровшегося за укрепление и расширение своего государства в Мавераннахре. Противоречия между ними все время нарастали. В этой борьбе Хорезм, как видно, принял сторону Тохтамыша, так как Тимур был старым врагом правителей Хорезма, тем более, что зависимость от Золотой Орды была, несомненно, менее тягостна, чем зависимость от государства Тимура. Серебряные монеты с именем Тохтамыша чеканились в Хорезме до 792 г.х. (1391 г.).

Но зависимость Хорезма от Золотой Орды в это время была, возможно, почти номинальной, на что указывают нумизматические данные. Так, известен анонимный хорезмийский динар 784 г.х. (1383 г.), по типу чекана тождественный монетам Кунгратских Суфи.

A. لمارك الله

R.¹ ضرب

خوارزم

سنه ٧٨٤ ²³

Чеканка золотой монеты всегда была прерогативой независимых правительств, поэтому вероятно, что в 1383 г. Хорезм на какое-то время стал независим от Золотой Орды. Никаких более точных сведений мы пока не имеем.

В 1387—1388 гг., во время пребывания Тимура в Иране, Тохтамыш совершил нападение на Мавераннахр, причем на его стороне выступил и правитель Хорезма — Сулейман Суфи. Тимур поспешил вернуться из Ирана и в 790 г.х. (1388) двинул свои войска на Хорезм ²⁴. Сулейман Суфи и Иль-Игмыш-оглан (представитель джучидского дома в Хорезме) при его приближении бежали. Тимур захватил и разрушил Ургенч, приказал на его месте посеять ячмень ²⁵. Это разрушение было самым губительным для Ургенча, так как он уже никогда больше не достиг своих прежних размеров и былого величия. Через три года, в 793 г.х. (1391 г.), Тимур послал Мусака и приказал ему восстановить Ургенч, но это было сделано лишь в пределах одного квартала ²⁶. До смерти Тимура Мусака оставался правителем Хорезма ²⁷.

Не совсем ясно, удалось ли Тимуру после похода 1388 г. полностью удержать власть над Хорезмом. Дело в том, что в 792 г. х. (1390—1391 г.), когда, по сведениям источников, Ургенч еще не был восстановлен, Тох-

²⁰ П. С. С а в е л ь е в. Монеты джучидские, джагатайские, джелаиридские и другие, обращавшиеся в Золотой Орде в эпоху Тохтамыша. «Труды ВО», ч. III, СПб., 1858, стр. 453—454 (А. Чеканено в Хорезме. Теймур Гур(кан) г. 781. R. Султан Суюргатмыш-хан, да длится царствие его).

²¹ А. К. М а р к о в. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа. СПб., 1896, стр. 505, № 1580.

²² М. Е. М а с с о н. Указ. соч., стр. 56; Н. И. В е с е л о в с к и й. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве. СПб., 1877, стр. 85, 86.

²³ А. К. М а р к о в. Указ. соч., стр. 860, № 1581а.

²⁴ В. В. Б а р т о л ь д. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. ИТО, т. IV, вып. II. Ташкент, 1902, стр. 70.

²⁵ МИТТ, т. I, стр. 524.

²⁶ МИТТ, т. I, стр. 524.

²⁷ В. В. Б а р т о л ь д. Указ. соч., стр. 73.

тамыш чеканит в Хорезме серебряную монету от своего имени ²⁸. По всей видимости, Хорезм даже после разрушения его столицы продолжал оказывать Тимуру сопротивление, опираясь на поддержку Золотой Орды. Тохтамыш тоже не хотел, вероятно, признавать завоевание Тимуром Хорезма. Чеканка монеты могла производиться и не в самом Ургенче, которого в 792 г.х. не существовало, а в одном из городов на северо-западной окраине Хорезма (Вазире, Терсеке или Янгишахре), которые, очевидно, и оставались под властью Золотой Орды.

После похода Тимура в 793 г.х. (1391 г.) в Дешт-и-кыпчак против Тохтамыша чеканка монеты от имени этого хана в Хорезме прекратилась. В результате этого похода власть Тимура над Хорезмом, вероятно, укрепились, так как хан Тохтамыш и его сторонники, в числе которых упоминается и бывший правитель Хорезма — Сулейман Суфи ²⁹, потерпели полное поражение.

Так кончилось свое самостоятельное существование Хорезмское государство. После смерти Тимура Хорезм опять переходит в состав Золотой Орды ³⁰. В первой четверти XV в. в Хорезме вновь чеканятся монеты от имени ханов Золотой Орды ³¹. Позднее Хорезм оказался под властью тимуридов. Но история правителей Хорезма из племени кунграт на этом не кончается ³². Представители этого племени продолжали активно участвовать в политической жизни страны. В 864 г.х. (1460 г.), во время похода султана Хусейна (сына Тимура) в Хорезм, правителем Адака был Ак Суфи ³³, вероятно, потомок кунгратских правителей Хорезма. Несколько позже, в 1464 г., во время осады Хусейном Вазира в качестве приближенного и посла правителя Вазира хана Мустафы действует Осман, сын Мухаммеда Суфи Кунграта ³⁴. В начале XVI в. наместником султана Хусейна в Ургенче был Чин Суфи, оборонявший Ургенч в течение 10 месяцев от войск Шейбани-хана ³⁵.

Перед появлением в Хорезме узбекских султанов Ильбарса и Бильбарса персидского наместника низлагает Шериф Суфи, бывший, по мнению В. В. Бартольда, тоже представителем Кунгратской династии ³⁶. С 1511 г. Хорезм становится владением узбекских султанов; при них только в XVII в. появляются сообщения о племени кунграт, жившем в низовьях Аму-Дарьи. Уже при Абульгази-хане (1643—1663 гг.) инаком в Хивинском ханстве был кунграт Умбай, ставший при сыне Абульгази Ануша-хане «полноправным министром» ³⁷. Умбай-инак по Хивинским хроникам считается родоначальником Кунгратской династии хивинских ханов, правивших в XIX в. ³⁸ Уже с начала XVIII в. потомки Умбай-инака, инаки из

²⁸ А. К. Марков. Указ. соч., стр. 487, № 1122.

²⁹ В. Г. Тизенгаузен. Указ. соч., т. II, стр. 168.

³⁰ Авторы «Истории Узб. ССР» (т. 1, 1955, стр. 322) не правы, утверждая, что Хорезм вошел в состав государства тимуридов; нумизматический материал противоречит этому.

³¹ А. К. Марков. Указ. соч., стр. 495—498; П. С. Савельев. Неизданные Джучидские монеты. Труды Восточного отдела Русского географического общества, ч. III, СПб, 1858, стр. 515, 516.

³² На это обращают внимание современные исследователи, говоря о племени кунграт (конграт), живущем до сих пор на севере Хорезма (К. Л. Задыхина. Узбекские дельты Аму-Дарьи. «Труды ХЭ», т. I, М., 1952, стр. 326—329; Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. «Труды ИЭ», т. IX, М.—Л., 1950, стр. 118—120).

³³ МИТТ, т. I, стр. 539.

³⁴ Там же, стр. 539, 540.

³⁵ Н. И. Веселовский. Указ. соч., стр. 98; В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море..., стр. 89 (по данным Мухаммеда Салиха).

³⁶ В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море..., стр. 90 (по данным Хайдера Рази).

³⁷ МИТТ, т. II, М.—Л., 1938, стр. 329 («Фирдаус-уль-Икбаль» Муниша).

³⁸ Там же, стр. 329, 587.

племени кунграт³⁹, добились усиления своей власти, а с середины XVIII в., с правления Мухаммеда Эмина-инака власть целиком сосредоточилась в их руках. Инаки-кунграты стали «правителями государства», сажали угодных и низлагали неугодных ханов, ставших лишь подставными лицами⁴⁰.

Непрерывно возрастающее могущество инаков-кунгратов привело к устранению «подставных» ханов и утверждению в Хивинском ханстве Кунгратской династии в начале XIX в. Первым ханом этой династии был Эльтузер-хан (1804—1806 гг.)⁴¹.

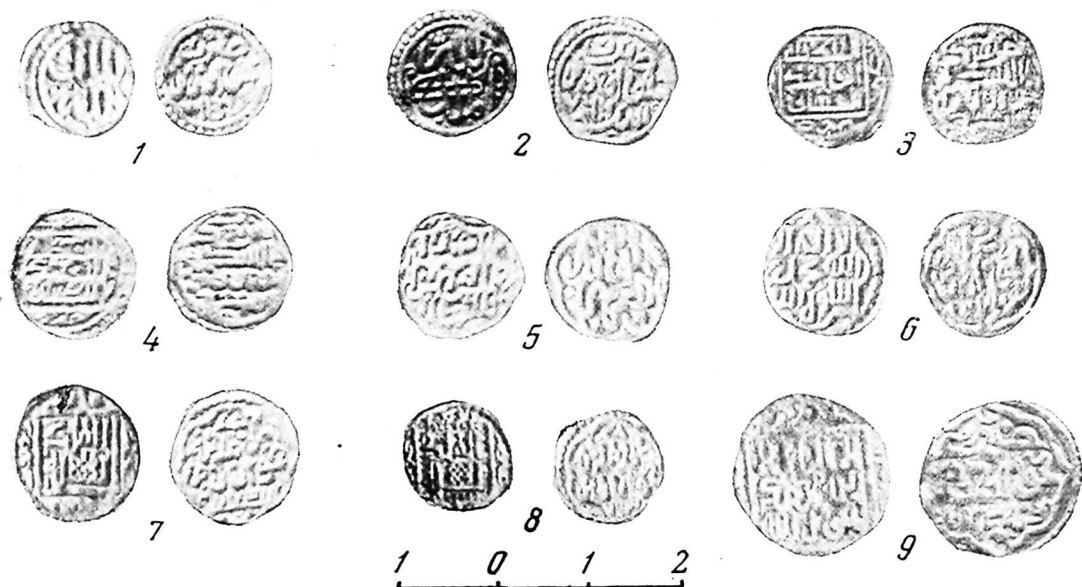

Рис. 1. Монеты, найденные в урочище Ат-крылган

В связи с рассматриваемым вопросом несомненный интерес представляет еще один факт, указывающий на преемственность кунгратских правителей Хорезма с XIV до XIX в. В конце XVIII — начале XIX в. в Хивинском ханстве шла борьба за власть среди представителей собственно Кунгратской династии. В этой борьбе с одной стороны выступают ханы Эльтузер и Мухаммед Рахим, а с другой — правители Арала — Торе-Мурад Суфи и его брат Хаджи-Мурад⁴². Победа осталась, как известно, на стороне ханов.

Мы видим, что титул «Суфи» сохранился у кунгратов до XIX в. Возможно, что этот титул первоначально у монгольского племени кунграт означал то же, что и звание «инака» у узбеков.

Абульгази отмечает, что звание «инака» существовало у узбеков-кочевников еще до их вторжения в Хорезм; его носил глава рода (племени)⁴³. На основании того, что в XVIII в. звание «инака» передавалось по наследству в одной семье и переходило по старшинству (к брату), Н. И. Веселовский заключает, что этот обычай, вероятно, существовал и в более раннее время⁴⁴. Возможно, что звание (титул) «Суфи», который носили кунграты

³⁹ Н. И. Веселовский. Указ. соч. Родословная таблица Кунградской династии.

⁴⁰ МИТТ, т. II, стр. 335—354.

⁴¹ Там же, стр. 202, 354 и др.

⁴² «Материалы по истории Каракалпаков». «Труды ИВ», т. VII. М.— Л., 1935, стр. 97, 98; МИТТ, т. II, стр. 373—381.

⁴³ Н. И. Веселовский. Указ. соч., стр. 143.

⁴⁴ Там же, стр. 144.

ты — правители Хорезма в XIV в., связывалось тоже с главенством в монгольском кунгратском племени; это звание передавалось, очевидно, тоже по старшинству к главе племени; так, его носят по очереди три сына эмира Нангундая ⁴⁵. После же смерти Юсуфа Суфи это звание получает Байнак, захвативший власть в Хорезме. Законный же наследник ходжа Лак, не получивший власти, этого звания не носит ⁴⁶. В XV в. приближенного Мустафы-хана, правившего в Вазире, Мирхонд именует Османом, сыном Мухаммеда Суфи—кунграта, а не Османом Суфи ⁴⁷, так как главой племени, очевидно, был его отец, носивший это звание.

В процессе взаимодействия с различными тюркскими племенами монгольское племя кунграт, жившее на территории Хорезма, вошло значительной своей частью в состав узбеков Хорезма, передав свое имя одному из крупнейших узбекских племен. Главы этого узбекского племени кунграт носят звание «инаков», как мы уже отмечали, но некоторые представители верхушки этого племени, как видно, продолжали носить старое звание «Суфи»⁴⁸, перешедшее к ним от кунгратов XIV—XVI вв. Причем интересно отметить, что младший брат Торе-Мурад Суфи Хаджи-Мурад, звания «Суфи» уже не имеет ⁴⁹.

Таким образом, выдвижение в 60—80-х годах XIV в. в Хорезме династии Кунградских Суфи это не просто изолированный этап в истории Хорезма, а лишь первый этап в истории Кунградских правителей Хорезма.

Клад монет из урочища Ат-крылган

Золотые монеты (динары), чеканенные с 765 по 772 г. х. (1364—1372 гг.).

По типу чеканов они распределяются следующим образом:

№	Имя правителя	Монетный двор	Год в хиджре	Легенды	Кол. экз.	Вес в г
1.	Анонимная	Хорезм	765	А. الملك الله Власть богу R. ضرب Чекан خوارزم Хорезма ٧٦٥ سنة год 765* ¹ (Рис. 1) I,	1	1,15
2.	»	»	766	А. الله Богу الملك власть R. ضرب Чекан خوارزم Хорезма ٧٦٦ سنة год 766 (Рис. 1, 2)		
3.	»	»	766	А. الملك الله Власть богу الواحد единому القهاران всемогущему По сторонам квадрата имена 4-х первых халифов R. ضرب هذا Чеканена эта	1	1,15

*¹ Ch. M. Fraehn. Recensio numorum Muhammedanorum Academiae Imp. Scientis. Petropoli, MDCCCXVI, p. 296, № 5.

⁴⁵ Звание «Суфи», вероятно, возникло не ранее середины XIV в., так как сам Нангундай его не носил.

⁴⁶ МИТТ, т. I, стр. 519.

⁴⁷ Там же, стр. 539—540.

⁴⁸ Торе Мурад Суфи считался родственником инаков кунгратов (см. Н. П. Веселовский. Указ. соч., Родословная таблица Кунградской династии).

⁴⁹ Материалы по истории Каракалпаков, стр. 97, 98, 100.

№	Имя правителя	Монетный двор	Год в хиджре	Легенды	Кол. экз.	Вес в г
4.	»	»	768	<p>السكة монета خوارزم (в) Хорезме سنة ٧٦٦ год 766*² Легенды те же, что в № 3, но дата иная (Рис. 1, 3)</p>	1 5	1,13 1,14 (2 экз.) 1,15 1,16 (2 экз.)
5.	»	»	771	<p>أ. الملكة Власть богу الريم благочестивому المستعان милостивому R. مدينه города خوارزم Хорезма سكة монета ٧٧١ 771*³ (Рис. 1, 4)</p>	4	1,11 1,15 (2 экз.) 1,18
6.	»	»	772	<p>أ. لا اله الا الله Нет бога кроме الله бога Мухаммед رسول الله посланник бога R. ضرب Чекан خوزم Хорезма ٧٧٢ 772*⁴ (Рис. 1, 5)</p>	3	1,16 1,17 (2 экз.)
7.	Анонимная	Хорезм	773	<p>أ. الملك Власть الله богу По бокам — имена 4 халифов R. ضرب مدينه Чекан города خوزم Хорезма سنة ٧٧٣ год 773*⁵ (Рис. 1, 6, 7)</p>	3	1,16 1,17 1,18

Серебряные монеты (диргемы), чеканенные с 706 по 773 г. х. (1306—1372 гг.).
По типу чеканов они распределяются следующим образом:

№	Имя правителя	Монетный двор	Год в хиджре	Легенды	Кол. экз.	Вес в г
1.	Токта	Хорезм	706 (?)	<p>أ. توقتو Токту بك (должно быть بك) бек العادل справедливый R. ضرب فحا Чекан خوارزم Хорезма سنة ٧٠٦ (?) Год 706 (?)*⁶</p>	1	1,57

*² Ср. А. К. Марков. Указ. соч., стр. 504, № 1564.

*³ Там же, стр. 505, № 1569; Ch. M. Fraehn, Recensio..., p. 653; Ch. M. Fraehnii. Nova Supplementa ad Recensionem numorum Muhammedanorum. Petropoli, MDCCCLV, p. 112.

*⁴ А. К. Марков. Указ. соч., стр. 505, № 1570; В. Г. Тизенгаузен. Нумизматические повинны. ЗВО, т. 6, СПб., 1891/1892, стр. 254, № 62, 63.

*⁵ Ch. M. Fraehn. Recensio..., p. 297, № 7.

*⁶ М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 54, № 3; А. К. Марков. Указ. соч., стр. 444, № 12—14 (разные матрицы). Ch. M. Fraehn. Recensio..., p. 204, № 4; St. Lane-Poole. The coins of the Mongols in the British museum. (Catalogue of oriental coins of the British museum), v. VI, London, 1881, p. 123, № 357.

№	Имя правителя	Монетный двор	Год в хиджре	Легенды	Кол. экз.	Вес в г
2.	Токта	Хорезм	707(?)	Легенды те же, но год иной *7	1	1,85
3.	»	»	Не читается	Экземпляр сильно стерт, определен по типу	1	1,32
4.	»	»	То же	То же	1	1,13
5.	»	Сарай	710	А. السلطان الاعظم — Султан великий غياث الدين — Гайяс эд-дин توقتوگ — Токтогу (монг. письмо) العادل справедливый R. ضرب سراي Чекан Сарая المحروسة богохранимого ٧١٠ سنة год 710 *8 А. السلطان Султан العادل справедливый اوزبك Узбек По сторонам — имена 4-х халифов R. ضرب فجا Чекан خوارزم Хорезма ٧١٧ سنة Год 717 **	1	0,85
6.	Узбек	Хорезм	717		обломанный	1,77
7.	»	»	720	Легенды те же, но дата 720 *10	2	1,35 1,46
8.	»	»	724	Легенды те же, но дата 724 г. *11	1	1,13
9.	»	»	727	Легенды те же, но дата 727 г. *12	2	1,43 1,13
10.	»	»	733	Дата 733 г. х. *13	2	1,41
11.	»	»	?	Определена по типу	один обломанный	
12.	Джанибек	»	743	А. السلطان Султан العادل справедливый جاني بك Джанибек	1	1,45

*7 А. К. Марков. Указ. соч., стр. 444, № 15, 16; М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 54, № 4; Ch. M. Fraehn. Recensio..., p. 204, № 15; St. Lane-Poole. Op. cit., p. 123, № 358; Ch.; M. Fraehnii Nova Supplementa..., p. 296, № 15. X. М. Френ. Монеты ханов улуса Джучиева. СПб., 1832, стр. 6, № 29, табл. III, № 79; Н. П. Загоскин. Описание клада золотоордынских монет и некоторых других монет, найденного в 1881 г. близ села М. Толкиша. ИОАИЭ, т. III. Казань, 1880/1882, стр. 361, № 2.

*8 Ch. M. Fraehn. Recensio..., p. 199, № 7; X. М. Френ. Указ. соч., стр. 5, № 28, табл. I, № 15; Н. П. Загоскин. Указ. соч., стр. 361, № 1, (с надчеканкой); А. К. Марков. Указ. соч., стр. 444, № 21—27 (разные матрицы); В. К. Савельев. Описание двух коллекций джучидских монет, принесенных в дар Обществу археологии, истории и этнографии В. М. Эленд и К. Я. Михайловым. ИОАИЭ, т. III, стр. 345, № 6, 9.

** Ch. M. Fraehn..., Recensio..., стр. 206, № 4; М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 54, № 7; А. К. Марков. Указ. соч., стр. 445, № 39.

*10 М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 54, № 10; Н. П. Загоскин. Указ. соч., стр. 364, № 33; Ch. M. Fraehnii. Nova Supplementa..., p. 295, № 10; St. Lane-Poole. Op. cit., p. 126, № 366; А. К. Марков. Указ. соч., стр. 446, № 74.

*11 Ch. M. Fraehnii. Nova Supplementa..., p. 247, № 15a, 16.

*12 Ch. M. Fraehnii. Nova Supplementa..., p. 297, № 22a; А. К. Марков. Указ. соч., стр. 447, № 104.

*13 М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 55, № 17; Ch. M. Fraehn. Recensio..., p. 215, № 29; St. Lane-Poole. Op. cit., p. 129, № 376; X. М. Френ. Указ. соч., стр. 8, № 50; Ch. M. Fraehnii Nova Supplementa..., p. 198, № 29; А. К. Марков. Указ. соч., стр. 448, № 121—124 (разные матрицы).

№	Имя правителя	Монетный двор	Год в хиджре	Легенды	Кол. экз.	Вес в г
13.	»	»	744	По сторонам — имена 4-х халифов R ضرب فحاً Чекан خوارزم Хорезма ٧٤٣ سنة год 743 *14	2	1,72 1,75 0,97 1,24 1,37 1,38 1,40 1,45
14.	»	»	745	» » *16	7	1,70 1,72 1,72
15.	Бирдибек	»	758	A. لاسطان بردى Султан Бирди بك خان бек хан الاعظام великий По сторонам — имена 4-х R первых халифов ضرب فحاً Чекан خوارزم Хорезма ٧٥٨ سنة год 758 *17	2	1,73 1,83
16.	Бирдибек	Хорезм		Тот же чекан, годы сбиты определены по типу *18	2	1,46
17.	Кульна	»	760	A. لاسطان Султан قلنه خان Кульна хан الاعظام великий R ضرب فحاً Чекан خوارزم Хорезма ٧٦٠ سنة год 760 *19	2	1,46 1,55
18.	Неврузбек	»	761	A. لاسطان Султан نوروز Невруз العادل Справедливый R ضرب فحاً Чекан خوارزم Хорезма		

*14 St L a n e-P o o l e. Catalogue of the Mohammedan coins preserved in the Bodlian Library of Oxford. Oxford, 1888, p. 16. № 337; Н. П. Загоскин. Указ. соч., стр. 365, № 37; М. Е. М а с с о н. Указ. соч., стр. 55, № 22; Ch. M. F r a e h n. Recensio..., стр. 228, № 10, Ch. M. F r a e h n. Nova Supplementa..., p. 229, № 10; П. С. Савельев. Монеты джучидские, стр. 224, № 111.

*15 Ch. M. F r a e h n. Nova Supplementa..., p. 299. № 12; St. L a n e-P o o l e The coins of the Mongols ..., p. 133, № 389. М. Е. М а с с о н. Указ. соч., стр. 55, № 23; Н. П. Загоскин. Указ. соч., стр. 365, № 39. Ch. M. F r a e h n. Recensio..., p. 229, № 12; П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 221, № 12; X. M. Френ. Указ. соч., стр. 11, № 75.

*16 М. Е. М а с с о н. Указ. соч., стр. 55, № 24; Н. П. Загоскин. Указ. соч., стр. 365, № 41; А. К. Марков. Указ. соч., стр. 452—453; № 258—265. (разных матриц); Ch. M. F r a e h n. Recensio..., p. 230; Ch. M. F r a e h n. Nova Supplementa..., p. 299, № 12, p. 300, № 13.

*17 М. Е. М а с с о н. Указ. соч., стр. 55, № 32 Ch. M. F r a e h n. Recensio..., p. 257 № 2,3; X. M. Френ. Указ. соч., стр. 14, № 113 (год 859); А. К. Марков. Указ. соч., стр. 460, № 438, 439.

*18 П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 230, № 40; Н. П. Загоскин. Указ. соч., стр. 375, № 143; St. L a n e-P o o l e. The coins of the Mongols..., p. 146, № 443.

*19 А. К. Марков. Указ. соч., стр. 463, № 528; М. Е. М а с с о н. Указ. соч., стр. 85, № 35; П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 489, № 523, Ch. M. F r a e h n. Nova Supplementa..., p. 306, № 3а.

№	Имя правителя	Монетный двор	Год в хиджре	Легенды	Кол. экз.	Вес в г
19.	Хызыр	»	762	<p>سنة ٧٦١ Год 761 *20</p> <p>А. السلطان Султан</p> <p>Хызыр хан</p> <p>العدل справедливый</p> <p>Чекан</p> <p>ضرب فجا R.</p> <p>Хорезма</p> <p>وارزم</p>	1 1	1,49 1,49
20.	Джанибек II	Монетный двор не указан	По типу 767 г.	<p>سنة ٧٦٢ год 762 *21</p> <p>А. В четырех параллелограммах надпись с зеркальным изображением букв и искажением их.</p> <p>Разбирается... سلطان</p> <p>جنی...</p> <p>Нет бога</p> <p>لا اله الا R.</p> <p>бога</p> <p>الله</p> <p>Мухаммед</p> <p>محمد</p>	1	1,82
21.	Анонимная	Хорезм	769	<p>رسول الله посланник бога *22</p> <p>А. Власть богу</p> <p>الملك الله</p> <p>единому</p> <p>الواحد</p> <p>всемогущему</p> <p>القيمان</p> <p>По бокам — имена 4-х халифов</p> <p>Чеканена</p> <p>ضرب R.</p> <p>монета</p> <p>سكه</p> <p>Хорезме</p> <p>خوارزم (в)</p>	1	1,39
22.	»	»	773	<p>سنة ٧٦٩ год 769 *23</p> <p>А. Нет бога, кроме</p> <p>لا اله الا</p> <p>бога Мухаммед</p> <p>الله محمد</p> <p>посланник бога</p> <p>رسول الله</p> <p>По бокам — имена 4-х первых халифов</p> <p>Чекан</p> <p>ضرب R.</p> <p>Хорезма</p> <p>خوارزم</p>	1	1,82
23.	?	»	?	<p>سنة ٧٧٣ Год 773 *24 (Рис. 1, 8)</p>	1	1,85

*20 А. К. Марков. Указ. соч., стр. 464, № 551—553 (разные матрицы); у М. Е. Массона на стр. 56, № 36 монета Невруза, чеканенная по образцу монет Кульна-хана. Несколько отличные монеты Невруза см. у П. С. Савельева, стр. 490, № 525 и у Ch. M. Fraehni Nova Supplementa..., p. 307, № 5a.

*21 М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 56, № 38; П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 235, № 57 (легенда немного изменена); X. M. Френ. Указ. соч., стр. 16, № 137; Ch. Fraehn, Recensio..., p. 268, № 17, p. 651, № 17a; St. Lane-Poole. The coins of Mongols..., p. 150, № 458; X, p. 124, № 472; Ch. M. Fraehni. Nova Supplementa..., p. 307, № 17, p. 308, № 17.

*22 А. К. Марков. Указ. соч., стр. 472—473; П. С. Савельев. Указ. соч., стр. 249 № 77, табл. II, № 15.

*23 St. Lane-Poole. The coins of Mongols..., p. 164, № 501.

*24 М. Е. Массон. Указ. соч., стр. 56, № 40, только здесь на R нет слова فجا

Б. И. Вайнберг

ТУРКМЕНСКИЕ ПОСЕЛЕНИЯ ПО ДАРЬЯЛЫКУ

(По материалам Туркменского
археолого-этнографического отряда 1957 г.)

В полевой сезон 1957 г. Туркменским археолого-этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции АН СССР¹ было продолжено изучение покинутых туркменских поселений на землях древнего орошения Левобережного Хорезма². Отрядом впервые был полностью обследован район от сухого русла Дарьялык на юге до Айбугира на севере и от района Эзвер-баба на востоке до чинка Устюрт на западе. К югу от Дарьялыка обследованы поселения в урочищах Ат-крылган, Каттакар, Уришан-баба и поселения вдоль старой дороги из Куны-Ургенча в центральные Кара-Кумы через Мангыр (рис. 1)³.

С древних времен северо-западные окраины Хорезмского оазиса являются территорией расселения туркменских племен. В XVI в. здесь, по сведениям, приводимым Абульгази, жили туркмены адаклы-хызр-эли (хазыр-эли адакские) скотоводы и земледельцы⁴. В XVI в. к Ургенчу и Вазиру переселилась многочисленная группа эрсари и какая-то часть салоров, вытесненных с Мангышлака ногайцами (в начале XVII в. они вновь вернулись на Мангышлак)⁵. Возможно, что именно этих туркмен встретил в 1558 г. на пути в Хиву Дженкинсон⁶ у «залива», отождествляемого многими учеными с Сарыкамышской котловиной.

Население северо-западных районов Хорезма зависело от обводнения Дарьялыка — единственного водного источника этого района. В XVI в. ток воды по Дарьялыку постепенно прекращается. Дженкинсон отмечает,

¹ Отряд работал в составе: Б. И. Вайнберг — начальник отряда, Ю. Ф. Кубышкин — художник, А. Джуманиязов — переводчик, С. А. Сорокин — шофер.

² См. Б. В. Андрианов и Г. П. Васильева. Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX века. «Изв. АН Туркм. ССР», Ашхабад, 1957, № 2, стр. 99—106; они же. Покинутые туркменские поселения XIX века в Хорезмском оазисе. КСИЭ, вып. XXVIII. М., 1958, стр. 39—46; Б. И. Вайнберг. К истории туркменских поселений XIX в. в Хорезме. СЭ, М., 1959, № 5, стр. 31—45; Б. И. Вайнберг и Г. С. Костин. Геклен-медресе, КСИЭ, вып. XXX, 1958, стр. 100—109.

³ В разных селениях снято около семидесяти планов туркменских усадеб, более шестидесяти планов жилищ снято в базарном поселке около Кызылча-калы.

⁴ Абу-л-Гази, хан хивинский. Родословная туркмен. Пер. А. Н. Кононова. М.—Л., 1958, стр. 76; он же. Родословное древо тюрков. Казань 1906, стр. 186.

⁵ «Очерки из истории туркменского народа и Туркменистана в VIII — XIX вв.». Ашхабад, 1954, стр. 219; МИТТ, т. II. М.—Л., 1938, стр. 169; Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957, стр. 198.

⁶ «Английские путешественники в Московском государстве в XVI веке» (см. далее «Английские путешественники...»). Пер. Ю. В. Готье. Л., 1937, стр. 176—177.

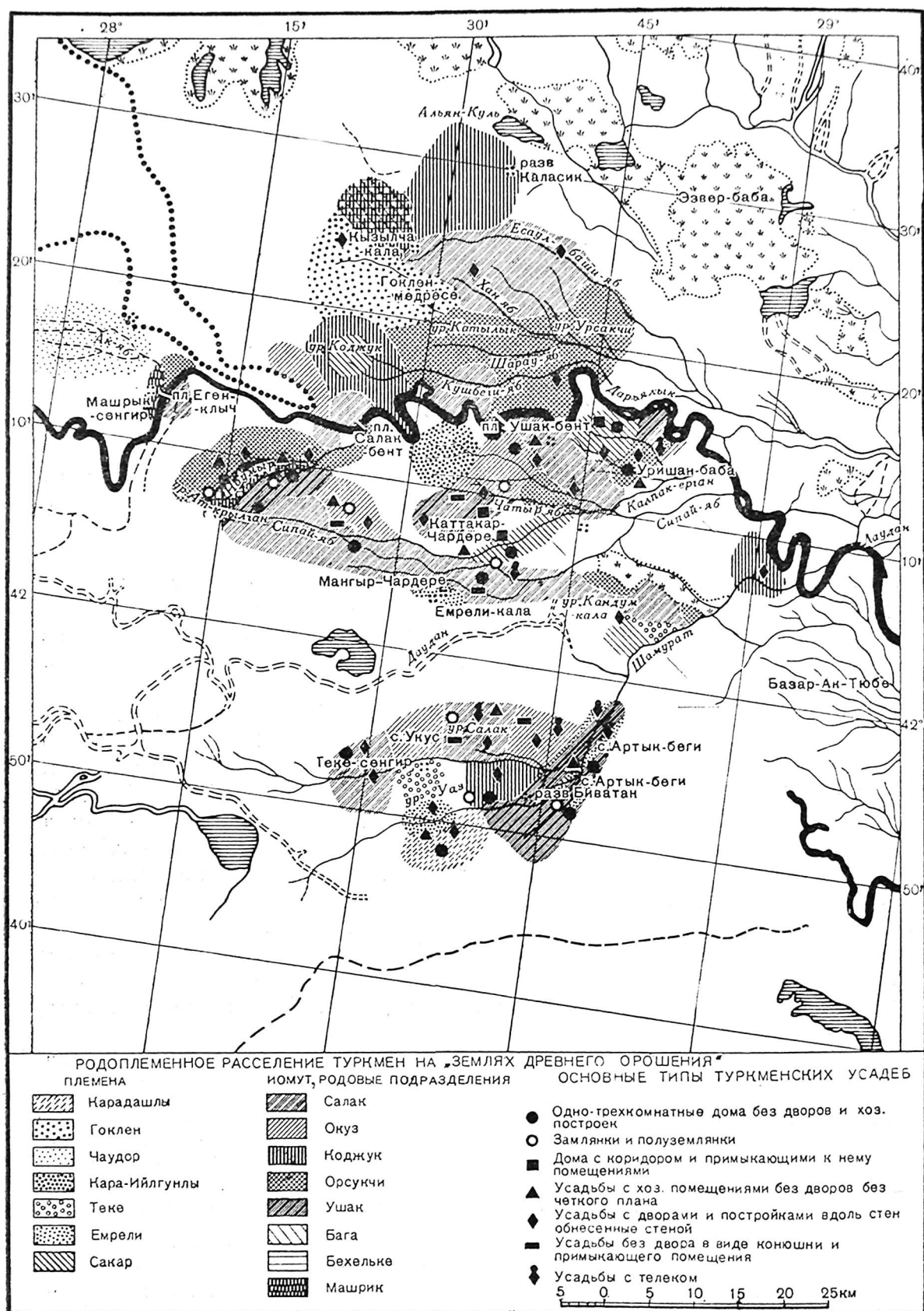

Рис. 1. Схематическая карта освоения туркменами в XIX в. (до 1855—1857 гг.) «земель древнего орошения» Левобережного Хорезма. Основа дана по карте 1905 г., опубликованной в кн.: В. В. Лобачевский. Хивинский район. Ташкент, 1912. Военно-статистическое описание Туркестанского военного округа

что в 50-х годах XVI в. Дарьялык усыхает ⁷. В 70-х годах воды нет уже и в верхней его части, близ Ургенча ⁸. В 90-х годах ток воды по Дарьялыку возобновляется, но лишь на короткое время ⁹. Отсутствие воды вынуждает туркмен хызыр-эли переселиться в пределы культурных земель Хивинского и Бухарского ханств.

В XVII—XVIII вв. отсутствуют данные об оседлых туркменских поселениях на северо-западных границах Хивинского ханства. В XVII в. туркмены кочевали в районе Ургенча ¹⁰ и под Вазиром ¹¹.

Но в XVII — начале XVIII в. вода, очевидно, заполняла русло Дарьялыка, поэтому ханским правительством на протоке Карагач была построена плотина, преграждавшая путь воде в Дарьялык. Туркмены, жившие в районе Куня-Ургенча, лишались, таким образом, воды. В 1713 г. туркмен Ходжа Непес обратился к Петру I с предложением разрушить плотину на р. Карагач. Он указывал, что «перекопав плотину, можно обратить реку в прежнее русло (Куня-Дарья-Дарьялык.— *Б. В.*), в чем русским будут помогать и туркмены» ¹².

Показания разведчиков князя Бековича-Черкасского и участников его экспедиции не оставляют никаких сомнений в том, что уже в начале XVIII в. на Аму-Дарье в урочище Карагач (на протоке Карагач) действительно была плотина ¹³, находящаяся у истоков протока, известного в XIX—XX вв. под названием Лаудана (Лаузана). Это подтверждается и другим источником: на карте, составленной в 1723 г. неизвестным автором, у прежнего русла Аму-Дарьи стоит плотина Каракачи (Карагач), причем надпись поясняет: «От прежнего устья Аму-Дарьи реки до плотины Каракачи, где оная река запружена, ходу 12 дней, а от плотины Каракачи до моря Аральского 2 дни, до города Хивинского Юргентъ от плотины 1 день» ¹⁴.

Постройка плотины объясняется, по-видимому, тем, что ханское правительство хотело лишить воды туркменские племена, часто находившиеся в оппозиции к хану.

Однако, несмотря на постройку плотины, вода, вероятно, временами прорывалась в Дарьялык. Об этом свидетельствуют иомутские предания, которые отмечают, что в середине XVIII в. на территории Куня-Ургенчского района жили гоклены, построившие во второй половине XVIII в. такой памятник, как Гоклен-медресе ¹⁵. Иомуты частично вытеснили гоклен с этой территории. Из «Надир-наме» («Китаб-и-Надири») Мухаммеда Казима мы узнаем, что иомуты во время похода Надир-шаха и позже жили в районе Куня-Ургенча ¹⁶. Мир Абдуль-Керим бухарский в «Истории

⁷ «Английские путешественники...», стр. 177; В. В. Бартольд. Сведения об Аральском море и низовьях Аму-Дарьи с древнейших времен до XVII в. ИТО, т. IV, вып. II. Ташкент, 1902, стр. 102.

⁸ В. В. Бартольд. Указ. соч., стр. 107.

⁹ В. В. Бартольд. К истории Хорезма в XVI веке. Газета «Туркестанские ведомости», 1903, № 20, поправка № 31.

¹⁰ «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. 1. Л., 1932, стр. 303.

¹¹ «История Туркм. ССР», т. I. Ашхабад, 1957, стр. 393.

¹² А. И. Глуховской. Пропуск вод р. Аму-Дарьи по старому ее руслу в Каспийское море. СПб., 1893, стр. 47; А. Н. Попов. Сношение России с Хивой и Бухарой при Петре Великом. ЗРГО, кн. IX. СПб., 1853, стр. 329.

¹³ «Журнал или поденная записка Петра Великого», ч. II, отд. I. СПб., 1772, стр. 392; «Материалы военно-ученого архива Главного штаба», т. I. СПб., 1871, стр. 333, 334, 353.

¹⁴ Л. С. Берг. Две карты Аральского моря первой половины XVIII в. ИВГО, т. 71, вып. 10. Л., 1939, стр. 1481.

¹⁵ Г. И. Васильева. Полевые записи 1948 и 1951 гг.; Б. И. Вайнберг. Полевые записи июня 1956 г., 1957 (хранятся в ИЭ АН СССР); Б. И. Вайнберг и Г. С. Костин. Указ. соч., стр. 108, 109.

¹⁶ МИТТ, т. II, стр. 161, 169.

Средней Азии» отмечает, что помуты жили в районе Куны-Ургенча в XVIII в. (во всяком случае с середины века) и в начале XIX в. и «занимались земледелием»¹⁷. Занятие земледелием, хотя бы в небольших размерах, было возможно, вероятно, в связи с кратковременными прорывами воды в Дарьялык. Однако прямых указаний на это в источниках мы не имеем.

Путешественники, описывающие русла Аму-Дарьи¹⁸ в XVIII—XIX вв., приводят предания местных жителей, объясняющие постройку плотин на протоках Аму-Дарьи политическими соображениями: стремлением держать в подчинении «непокорных кочевников», живших ниже по течению прежнего русла. События XIX в., связанные с обводнением земель по Дарьялыку, известны гораздо лучше.

В июне 1808 г. Мухаммед-Рахим-хан осадил чоудорскую крепость в районе низовьев протока Майли-узьяк (к северо-западу от Куны-Ургенча), в окрестностях которой были посевы¹⁹. При описании событий, относящихся к 1809 г., Мунис в «Фирдаус-ульикбаль» упоминает чоудорскую крепость Чаудор-каласы, вероятно, развалины Каласик (рис. 1), расположенную в этом же районе, и поля чоудоров в окрестностях этой крепости и мазара Ата-Юсуфа (сейчас развалины Кзыл-Гумбет). Мунис пишет, что, «снимая пшеницу и прочие посевы, они отправляют все это в крепость Кунград»²⁰.

В начале XIX в. воды Аму-Дарьи прорвались по Лаудану в Дарьялык. А. И. Глуховской отмечает, что наиболее ранний прорыв вод произошел в 1812 г.²¹ Я. Г. Гулямов указывает несколько более позднюю дату первого прорыва вод Аму-Дарьи по Лаудану — 1815 г., он же отмечает, что уже в 1819 г. ток воды в старое русло был закрыт²².

В сочинении «Гульшен-и-Девлет» Агехи, описывая события 1274 г. х. (1857 г.), указывает, что «около 30 лет назад воды реки Аму-Дарьи силой прорвались в канал (арна) Лаудан... Направившись в старое русло (Аму-Дарьи), которое находится к юго-западу от Куны-Ургенча и носит название Шаркраук, вода потекла по нему на большое пространство. Не обрабатывавшиеся ранее земли (بوزیرلار) сделались необычайно плодородными»²³. Это был второй, наиболее мощный прорыв, о нем же пишет другой хивинский историк Баяни, относя это событие к периоду правления Аллакули-хана (1825—1842)²⁴. Эти прорывы заполнили русло Дарьялыка, причем вода дошла до оз. Сарыкамыш, а излишки ее направились к чинку Устюрта, образовав Айбгуирское озеро.

В связи с обводнением Дарьялыка во второй четверти XIX в. была произведена реконструкция средневековой оросительной сети на северо-западной окраине Хивинского ханства. В 1831 г. был проведен канал в район Куны-Ургенча²⁵. Была восстановлена заброшенная с XVI в. оросительная сеть правобережья Дарьялыка, возможно использовавшаяся ча-

¹⁷ Там же, стр. 202—204; «Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства с их окрестностями» составлена Я. В. Ханьковым. ЗРГО, кн. V. СПб., 1851, стр. 279.

¹⁸ А. Н. Попов. Указ. соч., стр. 387; «Замечания майора Бланкеннагеля впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793—1794 годах.» СПб., 1858, стр. 9—10; С. П. Руссов. Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина в 1753 г. СПб., 1840, стр. 30; А. И. Глуховской. Указ. соч., стр. 42, 43 и др.

¹⁹ МИТТ, т. II, стр. 373—374. На существование крепости чоудоров во второй половине XVIII в. указывает Я. Г. Гулямов. См. Указ. соч., стр. 214.

²⁰ МИТТ, т. II, стр. 376, 377.

²¹ А. И. Глуховской. Указ. соч., стр. 46.

²² Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 220.

²³ МИТТ, т. II, стр. 580.

²⁴ Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 216, 220.

²⁵ Там же, стр. 220.

стично туркменами в XVII—XVIII вв. в периоды кратковременных прорывов воды в Дарьялык.

В 40-х годах в Дарьялык и Айбугирское озеро прорвались новые массы воды, которые были использованы для орошения новых массивов земель²⁶.

В 40—50-х годах XIX в. были орошены земли к югу от Дарьялыка. Хивинская хроника Баяни так описывает эти события: «В 1846 году хан Мухаммед Амин... посетил район Куня-Ургенча. Земли и климат района ему понравились, и он решил его благоустроить. [Он] приказал Шах-Мурад-инаку (сыну Клыч-Нияз-бая), чтобы тот провел сюда канал из Лаудана. Шах-Мурад провел канал до окрестностей Кандум-калы и там построил сад и дворец для хана. Поэтому этот канал называли именем Шахмурада.

Так же было поручено Мухаммед Амину юзбаши (сотнику), чтобы тот провел здесь другой канал из Шаркраука (Дарьялыка). Юзбаши довел этот канал до урочища Баги-Ашрах и канал называли Сипай-яб (канал воинов), потому что все земли, орошенные каналом Сипай-яб, были розданы царевичам, сановникам и всем членам их войска.

Из Дарьялыка вывели второй канал и довели его до урочища Каттыг-акар (быстрое течение). Хан приказал и там построить для него сад с павильоном, а своему сыну Абдулла-Тюре выделил здесь 20 000 танапов земли. Все эти земляные работы были завершены в течение 12 дней. Всю местность называли Хан-абад»²⁷.

В 1848 г. Атамурад-кушбеги провел работы по расширению и удлинению канала Хан-яб, орошавшего район Куня-Ургенча²⁸. Одну ветвь Хан-яба довели до урочища Кызылча-кала к северо-западу от Куня-Ургенча. В это же время был расширен канал Сипай-яб, из него был выведен еще один канал, который был доведен до урочища Назарбай-тегеш. Здесь поселили 700 конников туркмен кара-йылгынылы²⁹.

Вновь орошенные земли хивинское правительство роздало своим сановникам каракалпакам-переселенцам, безземельным узбекам (беватан) и туркменам. Земли туркменам были выделены на хвостовых частях каналов, что давало возможность хивинским ханам держать их в повиновении, угрожая закрытием каналов.

В 50-х годах обостряются отношения между туркменскими племенами и ханством. Особенно острой и затяжной была борьба с наиболее непокорным туркменским племенем иомутов. Хивинская хроника отмечает, что в 1850 г. во время своей поездки по стране, совершаемой для ознакомления с жизнью населения, хан посетил также г. Куня-Ургенч и велел построить плотину на р. Куня-Дарья, протекавшей к югу от Куня-Ургенча и называвшейся Шаркраук, чтобы лишить воды «некоторых воров и разбойников из племени иомутов, обитавших в устье (реки) и занимавшихся грабежом и разбоем»³⁰. Об этом же писал иранский посол Риза-Кули-хан, бывший в Ханабаде в 1851 г.³¹

А. В. Каульбарс, обследовавший в 1873 г. старые русла Аму-Дарьи, дает описание этих событий со слов своего проводника туркмена Муллы Калтамана. Он указывает, что около 1850 г. Медемин-(Мухаммед Эмин) хан построил плотину Таш-бент, закрыв воде сток в Дарьялык, «однако по прошествии некоторого времени Медемин-хан помирился с туркменами

²⁶ В. В. Бартольд. К истории орошения Туркестана (см. далее «К истории орошения...»). СПб., 1914, стр. 100.

²⁷ См. Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 221.

²⁸ Там же, стр. 221, 222. Хан-яб был доведен до Шемахи. Сведения приводятся по хронике Агехи, л. 463б.

²⁹ Там же, стр. 222.

³⁰ МИТТ, т. II, стр. 523.

³¹ Там же, т. II, стр. 293.

и разрешил им прорыть канал непосредственно из Лаузана (минуя разливы) в Куня-Дарью»³².

Ответом на восстание иомутов против хана в 1855—1857 гг. явилось перекрытие в 1857 г. истоков Лаудана³³. Туркменские земли по Дарьялыку были лишены воды. В 1860 г. иомуты вынуждены были запросить мира³⁴, но борьба не прекращалась.

По сведениям А. В. Каульбарса в 1862—1863 гг. хивинский хан приказал совсем запрудить исток Лаудана³⁵. Лишь в 1869 г. хан разрешил пустить воду по Лаудану³⁶.

Таким образом, политика ханского правительства иногда вынуждала туркмен путем переговоров и подчинения ханам добиваться пропуска воды на их поля. Чаще же туркмены делали попытки разрушить «ненавистные» плотины, которые ханское правительство усиленно охраняло³⁷. Положение не изменилось и после русского завоевания. Хивинское правительство и тогда закрывало Лаудан, лишая воды туркменские пашни.

Во второй половине XIX в. сократилось число прорывов амударьинских вод в Дарьялык, а поэтому питаемые ею оросительные системы начали высыхать. Большое значение приобрели воздвигнутые на Дарьялыке многочисленные плотины, собиравшие воду для магистральных каналов.

В 1878 г. в результате сильного прорыва вода дошла по Дарьялыку до Сарыкамыша³⁸, но этого обводнения хватило ненадолго. Постепенно высыхают земли Ханабада, западные районы по Дарьялыку. В начале XX в. почти все туркменские селения на северо-западной окраине Хивинского ханства опустели, так как туркмены лишились возможности заниматься земледелием. Часть туркменских племен и родов переселилась на хвостовые части каналов, иные вынуждены были заняться кочевым скотоводством.

С 30-х годов XX в. в связи с созданием колхозов вновь осваиваются земли Куня-Ургенчского района по правому берегу Дарьялыка.

* * *

В источниках и литературе вопрос о расселении туркменских племен и родов на вновь освоенных в XIX в. землях по Дарьялыку и в Ханабаде освещен недостаточно³⁹. Сообщения информаторов значительно дополняют имеющиеся данные.

К западу от Куня-Ургенча на правобережье Дарьялыка более 100 лет тому назад жили иомуты родовых подразделений орсукчи, салак и окуз (рис. 1). Они занимались земледелием на вновь орошенных землях⁴⁰.

³² А. В. Каульбарс. Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. ЗРГО, т. 9. СПб., 1881, стр. 399, 400.

³³ МИТТ, т. II, стр. 580, 581.

³⁴ В. В. Бартольд. К истории орошения..., стр. 101.

³⁵ А. В. Каульбарс. Указ. соч., стр. 399.

³⁶ В. В. Бартольд. К истории орошения..., стр. 101, сведения приводятся по хронике Агехи, л. 186а.

³⁷ А. Л. Троицкая. Земельно-водная политика хивинских ханов 1850, 1857 гг. (заградительные плотины на протоке Аму-Дарьи). «Труды Публичной б-ки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина», вып. II. Л., 1954, стр. 80. Интересные сведения о борьбе туркмен за воду приводит автор из докладной записки Н. К. Романова от 1879 г. на имя Александра II.

³⁸ А. И. Глуховской. Указ. соч., стр. 47.

³⁹ Вопросы расселения туркмен освещены в следующих работах: Я. Г. Гулямов. Указ. соч., гл. VII и сл.; Ю. Э. Брегель. Расселение туркмен в Хивинском ханстве (по материалам архива хивинских ханов), Сб. «Страны и народы Востока», М., 1959. Г. Е. Марков. К вопросу о формировании туркменского населения Хорезмского оазиса. СЭ, 1953, № 4.

⁴⁰ Гирифельд и Галкин. Военно-статистическое описание Хивинского оазиса, т. II. Ташкент, 1903, стр. 131, 135; Г. П. Васильева. Полевые записи за 1948 и 1956 гг.; Б. И. Вайнберг. Полевая запись № 24 за 1957 г.

В местностях Соуралы и Каталык вдоль ответвлений канала Хан-яб жили земледельцы иомуты различных подразделений рода орсукчи. В северной части Соуралы, в Кара-Ходжа-ой, и частично в районе Кызылча-калы жили салаки ⁴¹.

После 1848 г. в районе Кызылча-кала (в низовьях каналов Хан-яб и Есаул-баши) земли были розданы иомутам подразделения кара-чока. Примерно тогда же территории в низовьях канала Хан-яб получили 1000 конников гокленов ⁴². В хивинских хрониках отмечено, что еще в 1836 г. Алла-Кули-хан, «переселив племя гокленов с берегов Гюргена, привел в Хорезм, наделил землями в Куня-Ургенчской области и поселил там» ⁴³. В 1847 г. новые хозяйства гокленов переселились в Хорезм и поселились среди своих соплеменников в районе Куня-Ургенча ⁴⁴. По сведениям информаторов, гоклены в середине XIX в. жили в низовьях канала Хан-яб, в местности Будумсаз ⁴⁵.

В низовьях канала Есаул-баши и севернее до оз. Альян-Куль селились коджуки (от оз. Альян-Куль отходило, по сведениям информаторов, пять арыков, в числе их Коль-яб и Коджук-яб) ⁴⁶. В низовьях канала Кушбеги тоже жили иомуты-коджуки. Здесь сохранилось укрепление Коджук-кала, построенное для защиты от набегов казахов ⁴⁷. В этом же районе близ чинка Устюрта, откуда нападали казахи, сохранились развалины ряда родовых укреплений: Караул-кала, Эрез-кала и Чардере, принадлежавшие иомутам родового подразделения салак, и Кемки-кала — крепость орсукчи (кемки — родовое подразделение орсукчи) ⁴⁸. Несколько западнее, в районе плотины Еген-клыч, обнаружены развалины укреплений туркмен-машрыков — Машрык-сенгир, салаков (бада) — Бада-сенгир и орсукчи (корымса) — Аталык-сенгир ⁴⁹. Вокруг них располагались поля, орошавшиеся из Дарьялыка.

После 1848 г. в Районе Чаш-тепе, к югу от старого Вазира (развалины Дев-Кескен), земли получили чаудоры ⁵⁰. На карте 1905 г. отмечен в этой местности сухой канал Ак-яб, орошавший, вероятно, в середине XIX в. земли поселившихся здесь чоудоров. Побывавший здесь в 1873 г. А. В. Каульбарс описал развалины селений «новейших времен», которые, по его словам, даже трудно назвать развалинами ⁵¹.

Все туркмены, которые жили к северо-западу от Куня-Ургенча и использовали для орошения разливы Аму-Дарьи, получили общее название «коль-иомуты» (озерные иомуты).

К югу от Куня-Ургенча по южному берегу Дарьялыка в урочище Кырк-кыз разместились туркмены-иомуты в основном подразделений окуз,

⁴¹ Г. П. Васильева. Полевые записи 1955—1956 гг.; Б. И. Вайнберг. Полевые записи № 6 и 24 за 1957 г. Эти и ниже приводимые сведения информаторов подтверждаются картой 1905 г., зафиксировавшей наименования многих селений и урочищ, названных по имени родовых подразделений.

⁴² Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 222 (приводятся сведения по хивинским хроникам Агехи и Баяни); Б. И. Вайнберг. Полевые записи № 2 и др. за 1957 г.

⁴³ МИТТ, т. II, стр. 470.

⁴⁴ Там же, стр. 511.

⁴⁵ См. Б. И. Вайнберг. Полевые записи № 11, 19, 20, 23 за 1957 год.

⁴⁶ Там же, № 13, 15, 16, 20 за 1957 г.

⁴⁷ Г. П. Васильева. Итоги работы Туркменского отряда Хорезмской экспедиции за 1948 г. «Труды ХЭ», т. I. М., 1952, стр. 453.

⁴⁸ Г. П. Васильева. Итоги работы Туркменского отряда..., стр. 453; Б. И. Вайнберг. Полевая записка № 20 за 1957 г.

⁴⁹ Б. В. Андрианов и Г. П. Васильева. Опыт археолого-этнографического изучения..., стр. 103—105; они же. Покинутые туркменские поселения..., КСИЭ, вып. XXVIII, 1958, стр. 41—45; Б. И. Вайнберг. Полевые записи № 20, 24 за 1957 г.

⁵⁰ Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 222. Данные приводятся автором по хивинским хроникам.

⁵¹ А. В. Каульбарс. Указ. соч., стр. 421.

ушак, салак, бага; по сведениям информаторов преобладали окузы. Орошалось это урочище водой из канала Каракалпак-ярган (Каракалпак-ярган, ряд информаторов называет его «Он-клыч») ⁵². В урочище Уришан-баба, западнее Кырк-кыза, жили иомуты родового подразделения орсукчи ⁵³. В хронике Баяни указано, что в урочище Кырк-кыз из Сипай-яба (иногда переносят это название на Каракалпак-ярган, так как эти каналы в средней своей части соединялись; см. рис. 1) прорыли другой канал и довели его до Каракумов в урочище Сакар-Чага, где туркменское племя сакар получило землю на 300 конников ⁵⁴.

Район западнее урочища Уришан-баба, к юго-западу от Куня-Ургенча, наши информаторы называли Сакартамлык. Здесь встречено много развалин домов и сентиров (укреплений), по сведениям информаторов построенных сакарами. ⁵⁵ Западнее сакаров к югу от Дарьялыка в восточной части Аннагара-ой жили салаки, а в западной — окузы ⁵⁶.

Местность Каттакар была заселена туркменами-иомутами разных подразделений (орсукчи, салаки, окузы, ушаки и кара-чока) ⁵⁷. Как уже указывалось, в середине XIX в. 20 000 танапами земли в этом районе владел сын хана Абдулла-Тюре ⁵⁸, 200 конников сакаров тоже получили землю на канале Каттакар ⁵⁹. Южнее урочища Каттакар проходил канал Сакар-яб, вдоль сухого русла которого до сих пор сохранились развалины домов, большого укрепления сакаров и кладбище с небольшим мазаром, носящим название Сакар-гумбет ⁶⁰. Южнее и севернее сакаров по ответвлениям Сипай-яба жили салаки (по каналу Чатыр-ябу в урочище Чатырлы-салак и вплоть до окрестностей Мангыр-Чардере) ⁶¹. В низовьях канала Сипай-яб владели землей салаки и окузы (первые южнее).

Значительный массив земель был орошен западнее Ханабада и системы Сипай-яба, в урочище Ат-крылган. Об истории освоения и заселения этого района сведений почти совсем нет. Хивинские хроники вообще его не упоминают. А. В. Каульбарс при описании плотины Салак-бент на Дарьялыке приводит сообщение своего проводника о том, что плотину эту стали строить в 40-х годах для того, чтобы поднять воду «в значительный арык, отделявшийся от левого берега русла» ⁶². Это был канал Номыр (Новыр, Нобр), отводивший воду из Дарьялыка в урочище Ат-крылган. Арык разветвлялся на ряд рукавов, орошавших земли туркмен-иомутов различных подразделений. В восточной части урочища вдоль восточного рукава Ноумыра жили на севере орсукчи, на юге ушаки; в западной половине урочища с севера на юг жили окузы, салаки, орсукчи и различные подразделения кара-чока ⁶³. Названия каналов Ноумыра соответствовали названиям родовых подразделений туркмен, живших по их берегам.

В период восстания иомутов 1855—1857 гг., вызванного высокими налогами и притеснениями со стороны ханского правительства, произошли

⁵² См. Б. И. Вайнберг. Полевые записи № 2, 4, 6, 23, 25 за 1957 г. Канал назывался Каракалпак-ярган, так как его прорыли в 30-х годах XIX в. поселившиеся здесь каракалпаки, которых вскоре вытеснили туркмены. См. Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 223.

⁵³ См. Б. И. Вайнберг. Полевые записи № 2, 6, 23, 24, 29 за 1957 г.

⁵⁴ Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 222; Баяни. Указ. соч., л. 332б.

⁵⁵ См. Б. И. Вайнберг. Полевые записи № 2, 37, 39 за 1957 г.

⁵⁶ См. Б. И. Вайнберг. Полевые записи № 15, 39 за 1957 г.; см. также карту 1905 г. с обозначением в этом районе арыка «салак».

⁵⁷ См. Б. И. Вайнберг. Полевые записи № 25 и 39 за 1957 г.

⁵⁸ Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 221; Баяни. Указ. соч., л. 330.

⁵⁹ Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 222.

⁶⁰ Б. И. Вайнберг. Полевые записи № 42 и 43 за 1957 г.

⁶¹ Там же № 42 и 43 за 1957 г.; см. также карту 1905 г.

⁶² А. В. Каульбарс. Указ. соч., стр. 416.

⁶³ См. Б. И. Вайнберг. Полевые записи № 24, 29, 31 и др. за 1957 г.

существенные изменения в расселении туркмен описанного района. В результате постройки заградительных плотин туркмены, как указывалось, были лишены воды. Ток воды по Дарьялыку и отходившим от него каналам возобновлялся во второй половине XIX в. лишь на короткие периоды. В 1873 г., когда А. В. Каульбарс производил обследование системы Дарьялыка, все прибрежные земли уже не орошались. Большинство населения либо покидало эти земли, либо переходило к занятию кочевым скотоводством ⁶⁴.

Однако А. В. Каульбарс отмечает, что по Хан-ябу и Куш-беги вода еще текла и орошала земли туркмен ⁶⁵. Информаторы же утверждают, что почти до начала XX в. туркмены продолжали жить на старых местах, используя все прорывы воды по Дарьялыку, даже занимались земледелием ⁶⁶.

Еще в 50-х годах в период иомутского восстания ушли в южные районы Туркмении сакары ⁶⁷, откочевали в Харасан в 1856 г. и гоклены, вернувшиеся потом в Хорезм и поселившиеся в районе Ташауза ⁶⁸.

В период восстания 50-х годов район Куны-Ургенча служил базой туркмен — повстанцев. Здесь концентрировались сглы иомутов, часть подразделений иомутов в это время переселилась сюда из южных районов. Переселились сюда и чоудоры подразделения абдалъ ⁶⁹.

* * *

Обследование развалин селений и жилищ XIX в. было основной задачей Туркменского археолого-этнографического отряда.

Первоначально отряд обследовал район туркменских поселений XIX в. к северу от Дарьялыка. В связи с тем, что этот район уже в 30-х годах, в период создания колхозов, был орошен и вновь освоен, памятники прошлого века за редким исключением не сохранились. Во многих случаях информаторы указывали места, где раньше стояли развалины туркменских жилищ. Однако при почти сплошном обследовании обширной территории современного Куны-Ургенчского района к северу от Дарьялыка удалось обнаружить лишь около полудесятка развалин жилищ и немногочисленные развалины туркменских укреплений (сенгиров), медресе и мечетей.

На территории колхоза им. 8 марта, к северу от Гоклен-медресе, сохранились небольшие развалины, носящие название Ак-хаули (Эмин-хаули). Это почти квадратное (50 × 52 м) пахсовое хаули (усадебное хозяйство) с выступающими ложными башенками-кунгуре. Внутренняя застройка усадьбы полностью разрушилась; в настоящее время можно лишь проследить следы ее у южной и западной стен. По данным информаторов, около 80—100 лет назад это хаули построил машрык Эмин-сердар ⁷⁰.

Сходное хаули с сохранившейся застройкой внутри обследовано отрядом в излучине Дарьялыка близ плотины Ушак-бент. По преданию построили это хаули гоклены ⁷¹. Внешняя стена его сложена из четырех рядов пахсы, по углам и в середине стены выступают пахсовые ложные башенки-кунгуре. Внутренние постройки имеют в высоту три ряда пахсы. Под основание стен положена камышовая прокладка. Поверхность стен обработана неглубокими желобками (рифлением). Справа и слева от входа располагались жилые помещения и, возможно, кладовые. В западной и северной части хаули находились конюшни и другие помещения для скота (см. рис. 2, I).

⁶⁴ А. В. Каульбарс. Указ. соч., стр. 410.

⁶⁵ Там же, стр. 404.

⁶⁶ Б. И. Вайнберг. Полевые записи № 2, 24, 34 и др. за 1957 г.

⁶⁷ Я. Г. Гулямов. Указ. соч., стр. 227; Баяни. Указ. соч., л. 366 б.

⁶⁸ МИТТ, т. II, стр. 275, 579, 594—595.

⁶⁹ Там же, стр. 562, 566.

⁷⁰ Б. И. Вайнберг. Полевые записи № 13, 19 за 1957 г.

⁷¹ Там же, № 27 за 1957 г.

В 10 км к северу от развалин Кызылча-кала обнаружены еще два стоящих рядом гокленских хаули под названием Гоша-хаули ⁷² (рис. 2,2). Эти две пахсовые усадьбы расположены в 50—60 м одна от другой, ориентированы с северо-востока на юго-запад, вход расположен в юго-западной

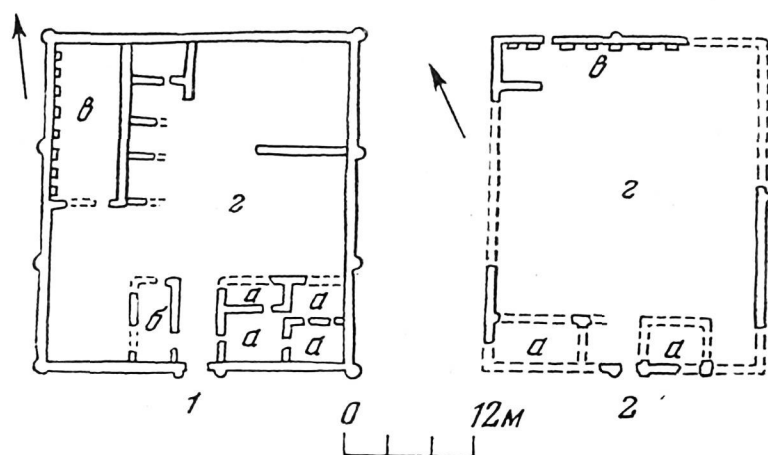

Рис. 2. Туркменские усадьбы XIX в. к северу от Дарьялыка

а — жилые помещения; б — кладовые (телеки); в — помещения для скота; 2 — дворы

стене. По плану обе постройки тождественны. По обеим сторонам от входа располагались жилые комнаты и кладовые. Конюшни и другие помещения для скота размещались в северной части хаули, двор оставался пустым, в нем, вероятно, ставились юрты. Стены хаули сложены в три ряда пахсы в высоту, поверхность стен отделана мелким рифлением.

По сведениям информаторов, в районе к северу от Кызылча-калы, орошавшемся в основном из оз. Альян-Куль, туркмены коджуки жили в основном в юртах, которые обносились загородками ⁷³.

Однако наиболее интересным и заслуживающим внимания в районе к северу от Дарьялыка был комплекс развалин у крепости Кызылча-кала. Даже беглый осмотр убеждает, что это было селение базарного типа. Располагалось оно метрах в 400—500 к северу от Кызылча-калы и отделено сейчас от нее новым магистральным каналом.

Против входа в крепость Кызылча-кала начиналась магистральная улица селения, северный конец которой выходил к дому ханского наместника — хакима ⁷⁴, расположенному в северной части селения. Ширина магистральной улицы была не менее 2,5 м в наиболее узких местах. На нее выходили айваны, предназначавшиеся, видимо, для торговли, так как все они, за редким исключением, отделены от домов глухой стеной.

Магистральную улицу пересекали четыре поперечных, идущих в широтном направлении (ширина их тоже 2,5—3 м и более). В восточной части селения проходила еще одна улица, параллельная магистральной. Таким образом, селение было разделено на двенадцать кварталов.

Застройка внутри кварталов была сплошной. Усадьбы примыкали друг к другу. Больших дворов в усадьбах было мало (рис. 3). Сады располагались лишь на окраинах. Пахотной земли внутри селения совсем не было. Торговля, видимо, велась не только на магистральной улице, но и

⁷² Б. И. Вайцбург. Полевые записи № 17, 19 за 1957 г. После гоклен здесь, вероятно, жили салаки (см. полевую записку № 20 за 1957 г.).

⁷³ Там же № 16, 20 за 1957 г.

⁷⁴ Там же № 21, 23 и др. за 1957 г. Информатор Ташмамедов Назар был нашим проводником по этому базару.

на второй и третьей ⁷⁵ поперечных улицах, так как здесь тоже обнаружены развалины айванов, предназначенных для торговли и мелкого производства (рис. 3, III, 4).

Первая улица проходила перед домом хакима. Застроена она была только в западной части. Перед домом хакима была небольшая площадь, на которой сохранилось основание маленькой крепости, оставшейся недостроенной. За домом хакима было три больших сада: сохранились изгороди, следы арыков, деревьев, навесов над лежанками-суфами.

В западной части селения находилась мечеть с большим садом и водоемом (рис. 3, I). Она делилась на два помещения: крытое — зимнюю мечеть и с навесом — летнюю мечеть.

В селении имелось два караван-сарая: в юго-западной и восточной части. Оба были расположены на окраине поселка. К ним примыкали сады с хаусами. Канал Есаул-баши подходил к селению с востока и огибал его с южной стороны, отделяя от крепости Кызылча-кала.

Вокруг селения нет никаких следов стен или укреплений.

Всего в селении было немногим более ста усадеб. Все дома и хозяйственные постройки были возведены из пахсы высотой в три ряда (изредка в четыре ряда). Лишь в доме хакима отдельные стены сложены комбинированной кладкой из сырцового кирпича размером 28×28 . Внутри домов стены часто гофрированы по сырой глине. Камышовая прокладка в основании стен встречается редко, чаще всего в богатых домах, где постройка лучшего качества. Перекрытия всех обследованных помещений были плоскими. Типы планировок довольно разнообразны. Около 10% домов имеют четко выделенный коридор с примыкающими к нему с востока и с запада, а иногда лишь с одной стороны помещениями (рис. 3, II, 3, 5, 6; IV, 8 и др.). Количество помещений от одного-двух до девяти, и их назначение зависело, очевидно, от состоятельности хозяина и размера семьи. Так, в богатых домах выделяется михман-хана (комната для гостей), отделанная богаче других комнат, с нишами в стенах, а также хозяйственные помещения различного назначения. В немногих случаях к домам описанного типа пристроены конюшни с ахырами (кормушками), что тоже указывает на состоятельность хозяев (рис. 3, IV, 8).

Из этой группы особо следует отметить один дом. Вход в южной стене его вел в коридор, к которому с запада и востока примыкали по две комнаты. В конце коридора был проход в большое прямоугольное помещение (11×4 м), занимающее всю северную часть дома. В нем высота стен превышала обычную и была равна четырем рядам пахсы, а по углам стен сделаны были небольшие пахсовые возвышения. В верхней части южной и северной стен, кроме отверстий для балок плоского перекрытия обнаружены еще два, а в некоторых местах и три ряда небольших (от 10 до 20 см ширины и высоты) ниш, вырубленных в стене. По форме и характеру они напоминают ниши в каптар-хана — памятниках средневекового Хорезма. В середине северной стены, под самой кровлей, было прорублено небольшое окно. Назначение этого помещения, входящего в комплекс обычного дома, пока не ясно. Считать его приемной, по аналогии с распространенным мнением о каптар-хана, не представляется возможным, так как ниши в нем расположены очень высоко и служить для утвари или украшения не могли.

Описанная группа домов по типу планировки имеет сходство с узбекским жилищем ⁷⁶, но в основном она напоминает современные туркменские жилища в Куния-Ургенчском и Ленинском районах Ташаузской области.

⁷⁵ Счет широтным улицам ведется с севера на юг.

⁷⁶ М. В. С а з о н о в а. К этнографии узбеков южного Хорезма. «Труды ХЭ», т. I. М., 1952, стр. 283.

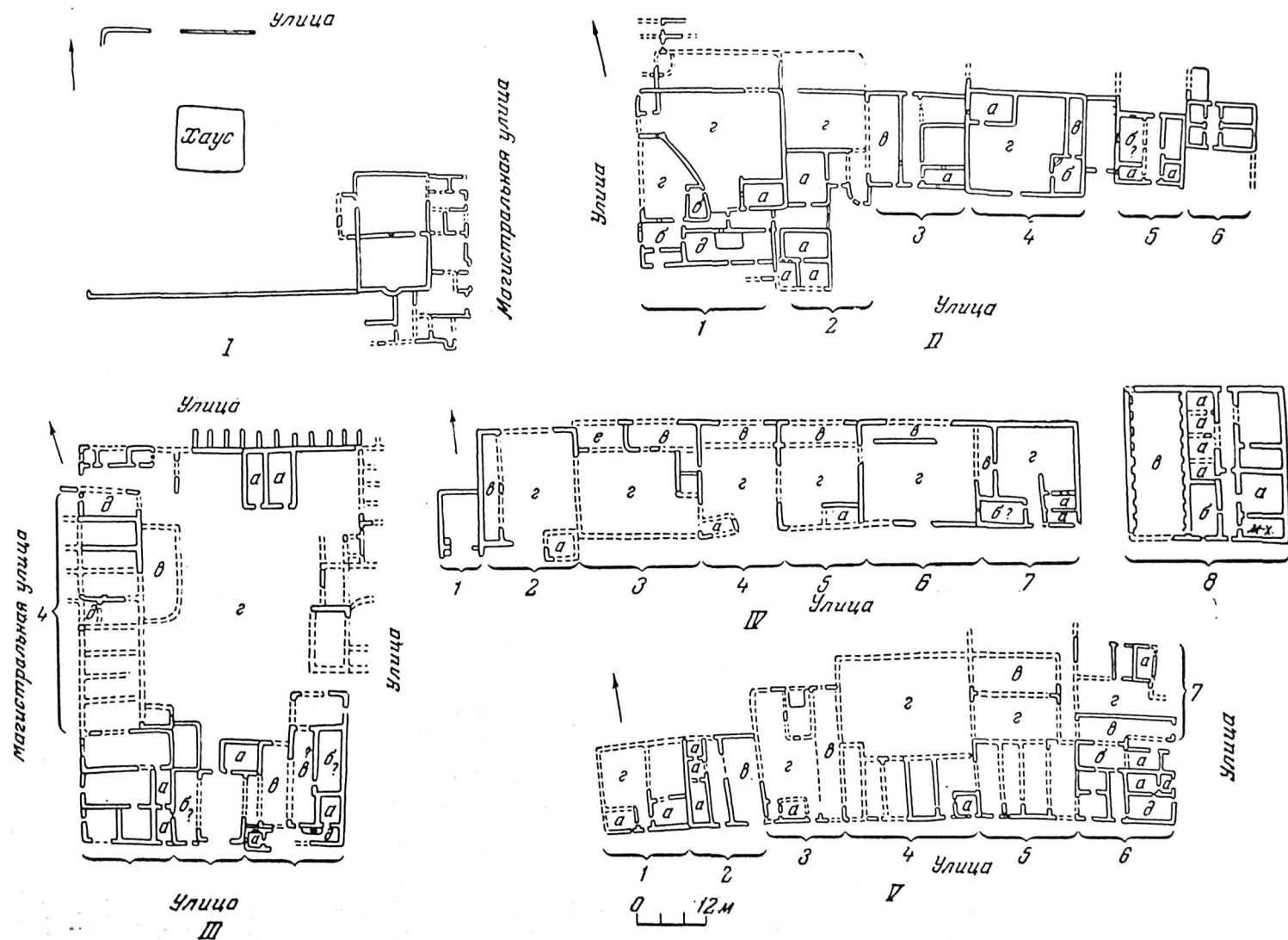

Рис. 3. Типы жилищ в отдельных кварталах в базарном поселке у Кызылча-кала

а — жилые помещения; б — кладовые; в — помещения для скота; г — дворы; д — производственные помещения;
 е — помещения для сена (самац-хана); м-х — приемная (михман-хаца)

Менее четко можно определить другие типы усадеб. Довольно многочисленную группу (не менее 30 %) представляют квадратные, прямоугольные или близкие к ним в плане усадьбы значительных размеров с большими дворами, узкими и длинными хозяйственными помещениями (вероятно, для скота) вдоль одной или нескольких стен (например, рис. 3, IV, 3—6). Жилых построек иногда нет совсем. Чаще всего небольшое помещение, порой два, но не больше служило и жильем, и складом. Во дворах встречаются остатки очагов, иногда тандыры. Возможно там же ставились юрты, как и во многих туркменских усадьбах XIX в. в разных районах Левобережного Хорезма.

Разновидность этой группы представляют усадьбы с жилыми и складскими постройками, расположенными чаще всего в южной части усадьбы у входа (рис. 3, II, 4; IV, 2, 7; V, 1). В таких усадьбах часто рядом с хлевом есть саман-хана (помещение для сена). Туркменские усадьбы такого типа встречаются также к югу от Дарьялыка и в урочище Уаз.

Третья группа усадеб (вернее жилищ), тоже довольно многочисленная, выделяется не совсем четко. Это ряд нешироких и длинных построек, иногда объединенных двором, чаще же примыкающих друг к другу (рис. 3, III, 4; V, 4, 5). В иных домах длинное помещение внутри перегороджено. Назначение построек не ясно. Вероятнее всего — это жилые и производственные помещения. Ряд таких помещений идет вдоль магистральной улицы, со стороны которой к ним примыкают айваны для торговли (рис. 3, III). Иногда эти постройки образовывали большие общие дворы, где приезжавшие на базар оставляли лошадей, верблюдов и ишаков.

Кроме того, встречаются усадьбы со сложной планировкой (с жилыми, хозяйственными, а иногда и производственными помещениями), не подчиненной какой-либо определенной системе (рис. 3, II, 1—2; III, 3; V, 7 и т. д.). Обнаружены также однокамерные дома, возможно никак не связанные с соседними усадьбами.

В ряде мест селения сохранились следы ремесленного производства: гончарного, железоделательного, хлебопекарного. Так, в доме на восточном перекрестке магистральной и крайней южной поперечной улиц в большом помещении сохранились остатки подставки для мельничного жернова (хоразы) и большой тандыр, вделанный в суфу. В доме на противоположной стороне магистральной улицы, в полуоткрытом помещении в суфе сохранились остатки большого вмазанного очага, вокруг которого падаются куски железного шлака ⁷⁷.

Описанное селение является уникальным памятником. По данным информаторов, это туркменский базарный поселок (базар), построенный в первой половине прошлого века и существовавший не более 10—15 лет ⁷⁸. Судя по его правильной планировке, дома в нем были построены более или менее одновременно. Большинство информаторов отмечает, что этот базар посещали не только туркмены, жившие на близлежащих землях, но и кочевники (чарва) из отдаленных районов, так как он был доступнее для туркмен, чем узбекские базары на землях ханства.

Несомненный интерес представляет не только создание туркменского базарного городка на крайней северо-западной окраине Хивинского ханства, в гуще туркменских поселений, где он очевидно обслуживал оседлых туркмен и кочевников прилегающих пустынных районов, но и то, что создание этого базара произошло не без вмешательства ханского правительства. На это указывает постройка резиденции хакима против магистральной улицы базара. Усадьба хакима в несколько уменьшенных масштабах повторяет ханские резиденции в Ханабаде — Мангыр-Чардере и Кат-

⁷⁷ В большинстве же случаев слой наносов и разрушений уже покрыл поверхности, на которых могут быть найдены остатки ремесленных производственных процессов.

⁷⁸ Б. И. В а й и б е р г. К истории туркменских поселений..., стр. 41—43.

такар-Чардере. Это усадьба с типичной узбекской планировкой самого дома, почти точно такой же, как в указанных резиденциях.

Из описаний Хивинского ханства и из хивинских хроник ⁷⁹ известно, что хакимы управляли в ханстве оседлым узбекским населением, делившимся по округам, центром которых были базары. В базарах обычно и строились резиденции хакимов. Туркменское же население в ханстве управлялось племенными и родовыми старшинами и предводителями. В данном случае мы сталкиваемся с явным нарушением этого общего правила.

Не приходится сомневаться в том, что данный базар был туркменским, так как кроме сведений информаторов это подтверждается отсутствием оборонительной стены вокруг него, что, как известно, отличает все узбекские базары в ханстве, где стены возводились для защиты от набегов туркмен. Невозможно представить себе существование неукрепленного базара, построенного и населенного узбеками на туркменских землях.

Жилища городов и базаров XIX в. в Хивинском ханстве не изучались почти совсем (кроме жилищ Хивы), так что, к сожалению, материала для сравнения мы не имеем. Однако изучение туркменского жилища XIX в. на территории Хорезма позволяет заключить, что основная масса усадеб в базарном городке у Кызылча-кала сходна, а иногда и тождественна с основными типами туркменских усадеб, распространенными в XIX в. на всей территории ханства ⁸⁰. Возможно, что постройка резиденции хакима в базарном поселке у Кызылча-кала свидетельствует о попытке хивинского правительства включить туркмен в обычную для ханства систему управления и налогообложения, что несомненно способствовало бы ослаблению власти племенных и родовых туркменских старшин и поставило бы туркмен в еще большую зависимость от ханского правительства. Но эта попытка хивинских ханов оказалась безуспешной, так как вспыхнувшее в 1855—1857 гг. восстание помутов против ханского правительства на время вырвало район Куны-Ургенча из-под власти ханов, сделав его одним из центров восстания. Еще раньше, вероятно, исчезли из базара у Кызылча-кала хаким и ханский гарнизон. Укрепление, которое ханское правительство сооружало на площади перед домом хакима для защиты своего гарнизона, так и осталось недостроенным. Сам факт строительства этого укрепления внутри базара говорит об очень нетвердом положении здесь ханских представителей и о далеко не мирных отношениях их с окружающим населением.

Никаких документальных данных о базаре у Кызылча-кала мы не имеем. Не известно даже, имел ли он какое-либо название, так как ни в хивинских хрониках, ни в записках путешественников XIX в. он, за исключением двух случаев, не упоминается. Проезжавший в этом районе в 1842 году Ф. Базинер видел только развалины «небольшого городка» Кизилкала ⁸¹, что дает основание предполагать, что базар этот был построен уже в начале 30-х годов в связи с первыми оросительными работами в районе Куны-Ургенча и в противовес созданному в это время русскому укреплению Ново-Александровскому на берегу залива Мертвый Култук у Мангышлака ⁸². Этот базар должен был способствовать укреплению эконо-

⁷⁹ Г и р ш ф е л ь д и Г а л к и н. Указ соч., ч. II. Ташкент, 1903, стр. 23—25.

⁸⁰ Б. В. А н д р и а н о в и Г. П. В а с и л ь е в а. Опыт археолого-этнографического изучения...; Б. И. В а й н б е р г. К истории туркменских поселений. Г. Е. М а р к о в. Типы оседлого жилища туркмен Хорезмского оазиса. КСИЭ, вып. XXIII, 1955, стр. 46—58. Даже техника строительства, особенно техника строительства михрабной ниши мечети в виде выступающего из плоскости стены полуколонны, здесь полностью сходна с приемами строительства туркмен в XIX в. в разных районах Хорезма.

⁸¹ П. С. С а в е л ь е в. Путешествие г. Базинера через Киргизскую степь в Хиву. «Географические известия», 1849, № 4, стр. 164.

⁸² «История Туркм. ССР», т. I, кн. 2. Ашхабад, 1957, стр. 72.

мических связей туркмен с Хивинским ханством и помешать укреплению русско-туркменских отношений. В связи с ликвидацией русского укрепления в конце 30-х годов, вероятно, теряет свое значение и этот базар. У А. В. Каульбарса, посетившего низовья Есаул-баши и Хан-яба в 1873 г., встречается беглое упоминание о прекрасно сохранившихся развалинах Кызылча-кала и базара Базарджай (место базара), находящихся в четырех верстах от конца воды в Хан-ябе ⁸³.

Большой интересный материал получен в результате обследования туркменских селений XIX в. в урочище Ат-крылган. Это урочище, расположенное западнее Ханабада, как указывают информаторы, было освоено и заселено туркменами-иомутами пяти основных подразделений в первой четверти XIX в. ⁸⁴, когда обводнение Дарьялыка, в результате прорывов воды Аму-Дарьи в старое русло, дало возможность туркменам-иомутам провести к югу от Дарьялыка крупный канал Ноумыр (Новыр, Нобр). Этот канал, проведенный, возможно, по руслу старого средневекового канала, был прорыт самими туркменами, на что указывают все наши информаторы. Подтверждением служит и полное отсутствие в хивинских хрониках сведений о сооружении этого канала и заселении урочища Ат-крылган, в то время как другие мероприятия такого рода в хронике Баяни описаны довольно подробно.

По свидетельству проводника А. В. Каульбарса в 40-х гг. XIX в. на Дарьялыке у выхода из него Ноумыра была возведена плотина Салак-бент, чтобы поднять уровень убывающей воды ⁸⁵. В это время до Ноумыра, расположенного в нижнем течении Дарьялыка, доходило сравнительно мало воды, так как основная масса ее растекалась по таким большим каналам, как Сипай-яб, Шамурат и другие, проведенным от Дарьялыка именно в тот период.

В 60-х и начале 70-х годов вода почти совсем не доходила до Ат-крылгана. Новый мощный прорыв воды в Дарьялык в 1878 г. на некоторое время продлил срок жизни в этом районе. Но уже в начале XX в. население покидает урочище Ат-крылган, а часть его переходит к кочевому скотоводству в этом же районе. До последнего времени земли в урочище Ат-крылган пустовали, поэтому здесь очень хорошо сохранились каналы и развалины селений прошлого века. Низкий уровень воды в Дарьялыке заставлял делать очень глубокие русла как у магистрального канала Ноумыра, так и у его основных ответвлений. В более мелкие каналы и на поля вода подавалась чигирями, от которых сохранились чигирные ямы. Рядом с чигирем обычно располагались маленькие однокамерные дома или полуземлянки для людей и скота.

Характер расселения в урочище был так называемый хуторской, но все же усадьбы группировались в «оба» (селения), создавшиеся по признаку принадлежности к одному родовому подразделению (тире). Каждое «оба» имело свой арык, получавший название по имени родового подразделения ⁸⁶. Усадьбы располагались чаще всего у отводящих арыков, не вдалеке от магистрального канала. Расстояние между усадьбами было от 50—100 до 500—800 м. Усадьбы родственников (по сведениям проводника Якшима Садыкова из подразделения иомутов-орсукчи) располагались в непосредственной близости друг от друга.

Все постройки в урочище сделаны из пахсы. Стены выложены большей частью в три ряда, лишь в богатых усадьбах внешние стены и двухэтажные

⁸³ А. В. Каульбарс. Указ. соч., стр. 406.

⁸⁴ Б. И. Вайнберг. Полевые записи № 24, 31 за 1957 г.

⁸⁵ А. В. Каульбарс. Указ. соч., стр. 416.

⁸⁶ Б. И. Вайнберг. Полевые записи № 24, 31 и др. за 1957 г.

хозяйственные постройки возводились высотой в четыре, а иногда в пять рядов пахсы. Изолирующая прокладка под стены почти не употреблялась. Перекрытия всюду делались плоские, балочные. Отапливались помещения открытыми очагами, камин обнаружен лишь в одной байской усадьбе.

Усадьбы в урочище Ат-крылган по типу планировки можно разделить на ряд групп.

Первая группа — усадьбы бедняков (рис. 4, 1—7). Чаще всего это не усадьба, а только жилой дом, состоящий из одного, реже двух маленьких помещений, встречаются также полуземлянки и землянки. Иногда к жилищу пристраивались небольшие пахсовые загородки для скота, причем ничтожная площадь этих загонов указывает на малую состоятельность хозяев. Иногда помещением для скота служила землянка, пристроенная к жилищу. В некоторых случаях из двух землянок или полуземлянок одна была жилой, другая служила для скота. Обнаружена одна специальная полуземлянка для мельницы (хораз-там).

Вторая, довольно многочисленная группа объединяет наиболее характерный для урочища тип усадеб, среди которых есть и довольно богатые (рис. 4, 8—10). Жилых помещений часто бывало несколько. В более богатых усадьбах внутренней отделкой выделялась комната для гостей — михман-хана. В одну линию, реже под углом к жилым комнатам, пристраивались конюшни, хозяйственные помещения. Входы большей частью делались с юга или востока. Огороженных дворов около этих усадеб нет. Юрты ставились с южной или восточной стороны дома (часто видны следы от них).

В третью группу можно выделить усадьбы, развившиеся из предыдущего типа (рис. 4, 11—13). К стоявшим в ряд или под углом помещениям пристраивалась стена, огораживающая прямоугольный двор. Иногда двор не обнесен стеной, но окружен с нескольких сторон помещениями.

Четвертая группа — это большие прямоугольные усадьбы площадью иногда до 4000 м², огороженные пахсовой стеной (рис. 4, 14—17). Жилых и хозяйственных помещений в большинстве таких усадеб немного, они расположены чаще всего у южной или восточной стены. Огромные дворы служили, вероятно, загоном для скота, здесь же ставились юрты. Размеры этих усадеб говорят о большой состоятельности их хозяев.

В последнюю группу следует выделить ряд байских усадеб-кунгрели, построенных либо узбекскими мастерами, либо по образцу узбекских хаули (рис. 4, 18). В отличие от узбекских, в северной части этих усадеб устраивались большие дворы, где ставились юрты и располагались загоны для скота. В ряде усадеб последнего типа встречаются двухэтажные кладовые (телеки) с закромами в обоих этажах. Обычно на второй этаж вели глиняные лестницы в несколько ступеней.

Внутри урочища Ат-крылган все эти типы усадеб не имеют какой-либо территориальной локализации, они не могут быть связаны с теми или иными родовыми подразделениями. Туркмены-помуты подразделений орсукчи, окуз, салак, ушак и кара-чока, жившие в урочище, строили усадьбы, планировка которых была общей для всех подразделений и не следовала каким-либо родовым традициям. Различные типы усадеб, хотя для них характерны некоторые локальные особенности, имеют несомненное сходство с туркменскими усадьбами того же времени, расположенными в соседних районах Ханабада, в урочище Хаз и в ряде других районов.

В урочище Каттакар обследовались усадьбы к западу от Каттакар-Чардере. Здесь встречались самые разнообразные типы построек (рис. 5, II), в том числе все, описанные в урочище Ат-крылган. Новым для этого района являются усадьбы небольших размеров, состоящие из дома и примыкающего к нему двора, обнесенного изгородью в один, реже два ряда

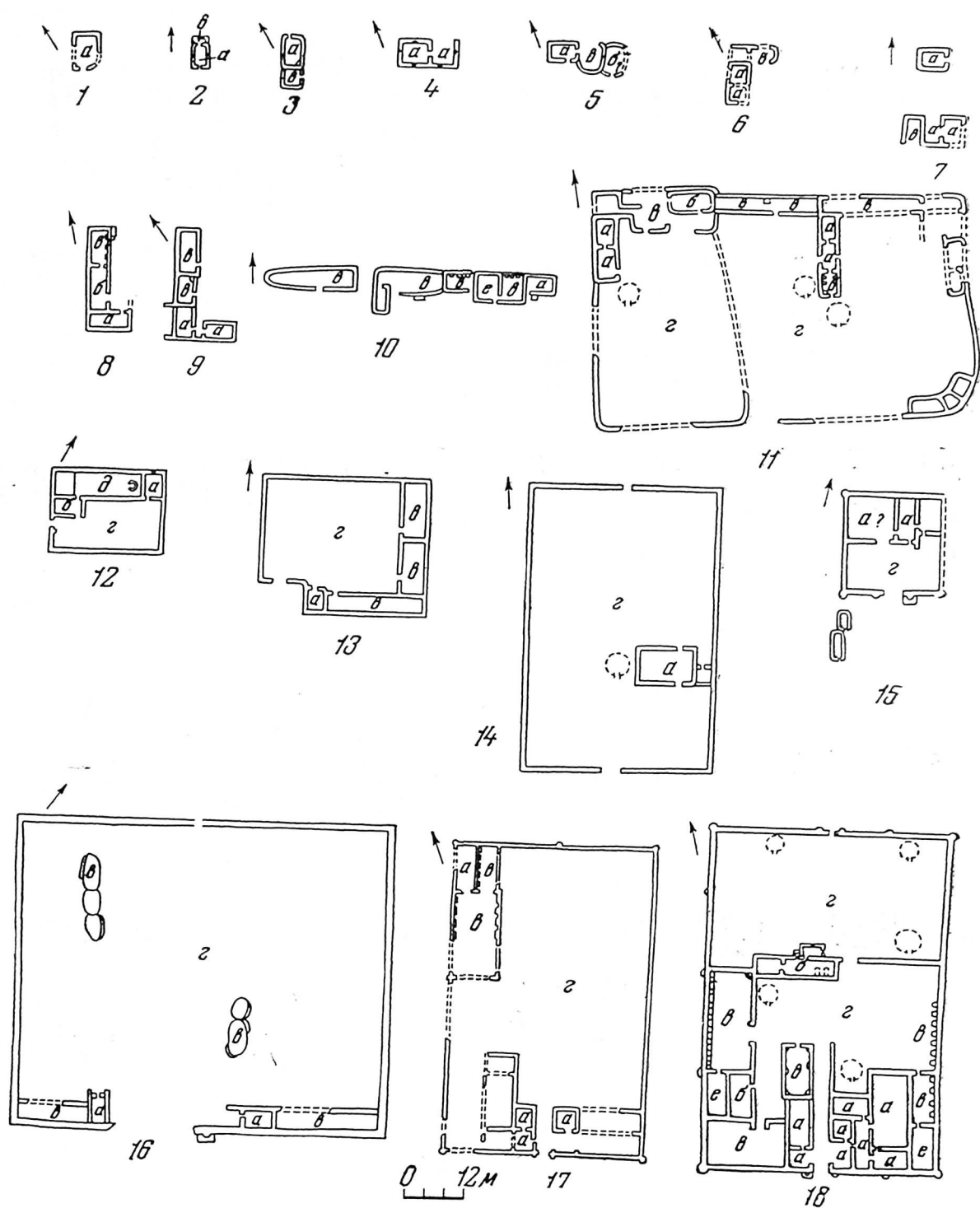

Рис. 4. Типы туркменских усадеб XIX в. в урочище Ат-крылган

а — жилые помещения; б — кладовые; в — помещения для скота; з — дворы; д — помещения для мельниц (хораз-там); е — помещения для сена (саман-хана)

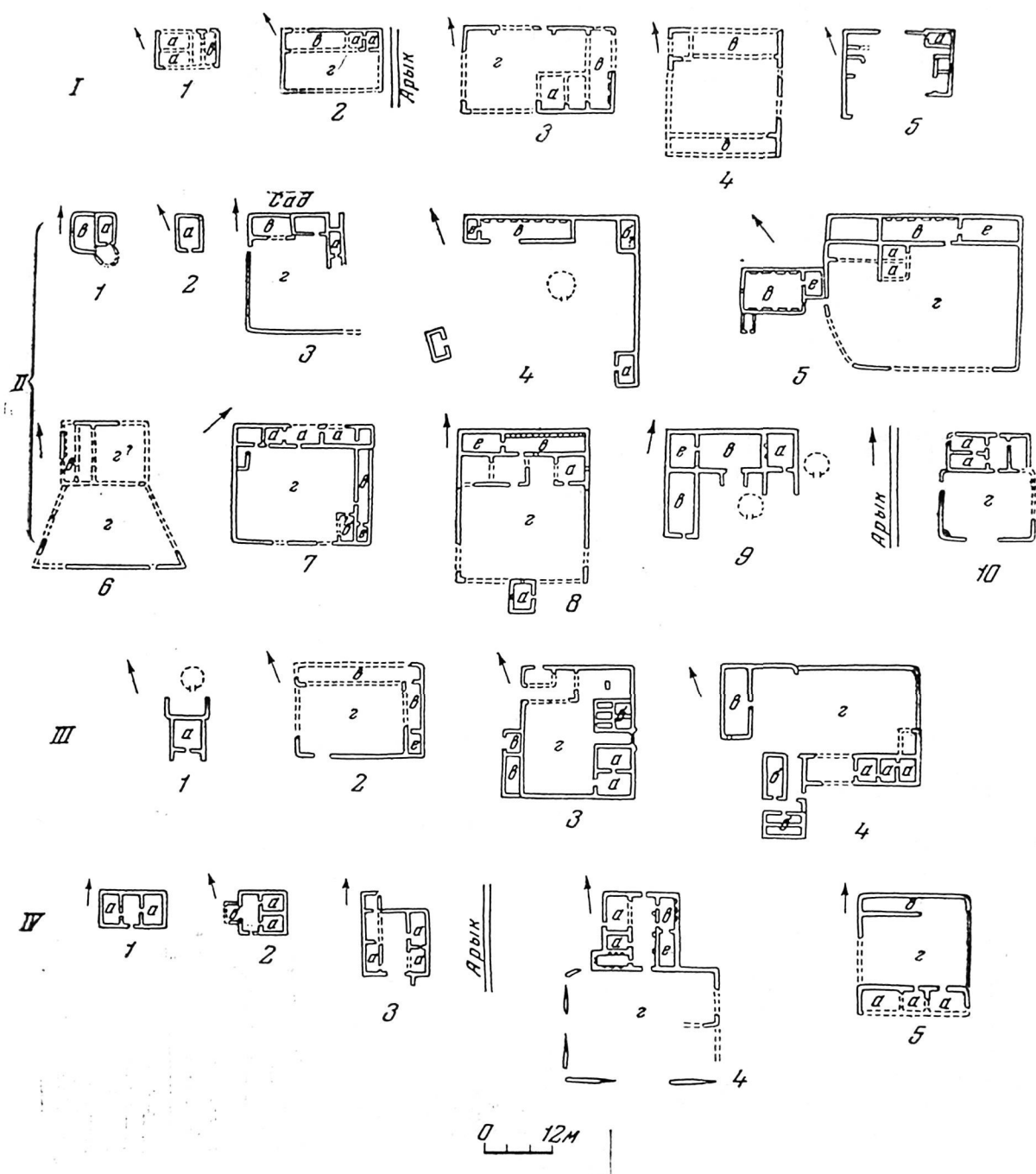

Рис. 5. Тип туркменских усадеб в районах к югу от Дарьялыка
 I — к юго-западу от Куны-Ургенча; II — в районе Каттакар-Чардере;
 III — по Чатыр-ябу; IV — по Сакар-ябу

а — жилые помещения; б — кладовые (телеки); в — помещения для скота; г — дворы;
 д — помещения для сена (саман-хана)

пахсы в высоту. В углах двора сделаны кормушки для скота. Иногда огороженного двора около дома нет. Дом имел планировку, характерную для современных жилищ туркмен Левобережного Хорезма; с обеих сторон центрального коридора расположены по одному или по два жилых помещения и кладовых. Коридор чаще всего имеет два выхода: на север и на юг (рис. 5, II, 10).

Этот тип жилища, как показало обследование, также очень характерен для районов к югу от Куны-Ургенча и к юго-востоку от Каттакар-Чардере (по каналу Сакар-яб), где жили в основном туркмены-сакары (рис. 5, I, 1—2, IV). Здесь встречаются как более простые дома — из двух комнат и коридора посередине или с коридором и двумя комнатами по одну сторону от него, так и различные усложненные варианты построек, где число помещений увеличивается и в состав их входят иногда хозяйственные. Дворы с загородками есть лишь при некоторых домах (рис. 5, IV, 4, 5). В этих же районах встречаются усадьбы прямоугольной формы, обнесенные глинобитной стеной. Жилые и хозяйственные постройки чаще всего вытянуты в ряд и примыкают к одной или двум стенам. Иногда хозяйственные постройки расположены у северной стены усадьбы, а жилые постройки и кладовые — у южной (рис. 5, I, 3, 4).

В районе к югу от Каттакар-Чардере, по каналу Чатыр-яб, усадьбы большей частью прямоугольные, обнесенные глинобитной стеной (рис. 5, III). Застройка шла вдоль стен. Иногда жилых и хозяйственных помещений несколько. Встречаются усадьбы с усложненной застройкой, выходящей даже за пределы первоначальной прямоугольной планировки. Иногда внутри этих более сложных по застройке усадеб или на углу их ставился двухэтажный глинобитный телек (кладовая) с разнообразными закромами внутри (рис. 5, III, 3—4).

В районе Чатыр-яба обнаружены однокамерные дома с айванами на север и на юг. По сторонам прохода внутри этих айванов делались суфы. Около одного из айванов почти всегда ставилась юрта (рис. 5, III, 1).

* * *

Обобщение материала, собранного в 1957 г. Туркменским археолого-этнографическим отрядом Хорезмской экспедиции АН СССР, позволило выделить ряд более или менее четких районов расселения туркменских племен. Выяснение по данным информаторов родовой принадлежности хозяев и строителей усадеб позволяет сделать достаточно определенный вывод о том, что, очевидно, племенных или родовых традиций в строительстве жилища у туркмен Хорезма в XIX в. не наблюдается. Отдельные типы жилищ встречаются в нескольких районах одновременно. Внутри выделенных территориальных групп усадьбы различаются по типу планировки и размерам. Характер усадьбы обычно свидетельствует об имущественном положении хозяина.

Ввиду того, что до нас дошли памятники туркменского жилищного строительства лишь за небольшой исторический период (в основном с середины XIX в. до начала XX в.), мы не можем проследить развития отдельных типов жилищ. Наиболее сложной является проблема происхождения и предшествующего изучаемому периоду развития туркменского оседлого жилища; решение ее требует дальнейшего глубокого исследования. С некоторыми типами туркменских жилищ XIX в. в обследованных районах несомненно можно связывать типы современных туркменских жилищ Ташаузской области и особенно типы жилищ 40-х — начала 50-х годов.

Г. И. Снесарев

МАТЕРИАЛЫ О ПЕРВОБЫТНО-ОБЩИННЫХ ПЕРЕЖИТКАХ В ОБЫЧАЯХ И ОБРЯДАХ УЗБЕКОВ ХОРЕЗМА

В течение последних лет Узбекский этнографический отряд Хорезмской археолого-этнографической экспедиции продолжал исследования в области духовной культуры узбеков Хорезмской области Узбекской ССР и соседних с нею районов Каракалпакии и Туркмении. В 1957 г. отряд провел стационарные работы в новых местах: в Шаббазском районе Кара-Калпакской ССР (ныне Бирунийском), Гурленском и Шаватском районах Хорезмской области.

Среди вопросов, которыми занимался отряд, значительное внимание было уделено изучению обрядовых сторон быта, отражающих пережиточные формы общественных отношений.

Знакомство с обычаями и обрядами дает много ценного для изучения проблемы патриархально-феодалных отношений оседлого и полукочевоего населения Средней Азии в отдаленные периоды ее истории. Не говоря уже о пережитках сельской общины, которые довольно отчетливо прослеживаются на современном материале, обычаи и обряды сохранили реликты родовых отношений вплоть до классических форм, характерных для расцвета материнского рода. Для изучаемых нами узбеков это имеет особый интерес, так как они уже давно утратили родо-племенные деления.

Мы рассмотрим только те обычаи и обряды, которые соблюдаются и в наше время и поэтому доступны для непосредственного изучения.

Казалось бы, что всевозможные церемонии, связанные с рождением и воспитанием детей, с заключением браков, с похоронами и поминками, относятся к явлениям чисто семейного порядка и особенно в наше время не связаны с общественным бытом. Однако это не так. Все эти явления выходят за рамки семьи, а в своей первоначальной основе они являются отражением социальных отношений, характерных для различных этапов развития общества народов Хорезма.

Не имея возможности подробно охарактеризовать все многочисленные обычаи и обряды узбеков, мы остановимся главным образом на двух комплексах — свадебных церемониях и церемониях, связанных с традиционным мусульманским обрядом обрезания. Оба эти комплекса носят наименование «тоев», т. е. празднеств. Тоями ознаменовываются и многие более мелкие события семейной жизни.

Происходящий в связи с обрезанием «суннат-той» (от арабского слова *سنة* —обычай, практика) или «огыл-той» (праздник сына) значительно шире самого мусульманского обряда, занимающего в узбекском обряде весьма скромное место. Празднество складывается из целого ряда церемоний и вырастает в грандиозное торжество, в которое вовлекается

очень значительное число участников. Этот той пользуется наибольшей популярностью в Средней Азии. С большим размахом проходят также свадебные торжества — «кыз-той», т. е. празднества дочери.

Вообще празднества с традиционным угощением являются характерной чертой жизни рода, о чем свидетельствует этнографический материал, относящийся к самым различным народам мира. В жизни кровнородственного коллектива эта традиция коллективных празднеств сохранялась с поразительной стойкостью и на более поздних этапах развития общества, вплоть до наших дней. Поэтому желание вовлечь в число участников тоев максимальное количество гостей в наше время следует объяснять не честолюбивыми стремлениями хозяина тоя, а старой родовой традицией, когда считалось обязательным участие в празднествах других родов, входящих во фратрию и племя, или даже соседних племен.

Отметим здесь, кстати, весьма характерное обстоятельство. На тоях, даже происходящих в наши дни, явившиеся на пиршество гости, как это нам удалось наблюдать в Хивинском районе, рассаживаются группами по своим общинам, именуемым в Хорезме «элатами»¹. В Куня-Ургенчском районе в подобных случаях элат «найман», кстати, сохранивший племенное название и считавшийся старшим, занимал на празднествах наиболее почетное место. В Ханкинском районе на тоях, когда ввиду большого количества гостей их угощают по очереди, каждая из групп соответствует тому или иному элату.

Эти пережиточные моменты воскрешают традиции местничества, зафиксированные историческими источниками у ряда народов Средней Азии (огузов, узбеков и др.), и являются характерными для внутренних взаимоотношений отдельных подразделений родового общества, на что Морган обращает особое внимание при характеристике племенных советов и празднеств.

С традиционными тоями связан обнаруженный нами в Хорезме интересный обычай, в прошлом широко распространенный в местных общинах. Обычай этот имеет специальное наименование «бир уйли», что буквально означает «одномничество», — название, как нельзя более точно передающее его смысл. В тех случаях, когда кто-либо из членов элата злобно нарушает нормы внутриобщинной жизни, к нему применялся бойкот со стороны всех общинников: его не приглашали на той и никто не посещал той, происходившие у него, ему не оказывали никакой помощи и в конце концов полностью изолировали, доводя в некоторых случаях до необходимости покинуть общину. Это является позднейшей формой родового обычая, приспособленного к иным условиям, когда член рода был привязан уже не к роду, а к территории, что осложняло применение исконного способа наказания — простого изгнания из родовой общины.

Мы слышали об отдельных редких случаях применения обычая бир уйли и в наши дни. Характерно, что все информаторы-старики, сообщавшие нам о порядке применения общинного бойкота, особенно подчеркивали в нем момент, касавшийся общинных празднеств — тоев, что лишний раз подтверждает то огромное значение, какое эти празднества имели в жизни общины в прошлом.

Мы не будем рассматривать последовательно все этапы тоев, остановимся лишь на некоторых наиболее интересных моментах. За несколько дней до торжества в доме хозяина праздника собирается совещание почетных лиц, носящее название «кенгаш» (совет). Сам хозяин играет в кенгаше совсем незначительную роль. В прежнее время на кенгаше решали все

¹ О хорезмских элатах в их пережиточной форме см. Г. П. С п е с а р е в. О некоторых причинах сохранения религиозно-бытовых пережитков у узбеков Хорезма. СЭ, 1957, № 2, стр. 60—72.

вопросы «ёшуллы» (от «ёш» — возраст и «улу» — большой), т. е. старейшие по возрасту члены данного элата. Ёшуллы присутствуют и на современных кенгашах, однако их роль все более и более сводится к положению статистов. Уже на дореволюционных тоях руководство принадлежало аксакалу — представителю феодальной администрации и имущей прослойки кишлака. В наше время значение группы ёшуллы еще меньше. Однако то обстоятельство, что она неизменно присутствует на всех торжествах, будь то свадьба или закладка нового дома, и что от нее обязательно берут «потия»² (благословение), являющееся по существу разрешением на проведение тоя или другого начинания, говорит о том, что в более отдаленные эпохи именно старейшие по возрасту лица, главы больших семей являлись основной решающей силой старой общины.

Присутствующие на кенгаше ёшуллы совместно с аксакалом и муллою в старое время, а в наши дни — с руководителями колхозов и бригад решают все вопросы подготовки и проведения тоев. Они определяют, достаточно ли заготовлено продуктов для празднества и, в случае необходимости, выносят решение о соответствующей помощи; определяют, какие именно элаты (или колхозы), целиком или выборочно должны быть приглашены; назначают день проведения тоя. Тут же из числа ближайших соседей назначаются лица, которые обязаны предоставить свои дома для приема гостей, так как помещений в доме хозяина никогда не бывает достаточно для огромного числа приглашенных. Кенгаш распределяет обязанности: выделяет людей для подготовки пиршества, для извещения иногородних гостей и соседних общин, для переговоров с музыкантами и певцами, для заготовки дров в тугаях, для дежурства у входа в дом хозяина и обслуживания гостей на пиршестве.

От имени хозяина на кенгаше выступает представитель общины «кятхуда» или «ёшуллысы» (старейший из старших) — персонаж, на роли которого в общине мы остановимся ниже. Мнение хозяина дома спрашивается по существу лишь в одном вопросе: кого из иногородних родственников предполагает он пригласить на той.

Весьма характерны традиционные формулировки ответа хозяина дома на вопрос собравшихся на совет по поводу количества заготовленных для пиршества продуктов. Он обычно говорит: «У меня заготовлено столько-то тех или иных продуктов. Решайте, как в ы п р о в е д е т е той, чтобы все было мирно и без скандалов» (Шаббазский район.) Или: «Теперь в ы п р о в о д и т е той и возьмите благословение от всего эля (народа)» (Ханкинский район).

В старину на кенгашах, предшествовавших свадебному тою, члены совета подробно разбирали вопрос об имущественном положении молодого человека, вступающего в брак, и решали, может ли он начать самостоятельную жизнь. Иногда функции общинного совета в этих случаях шли еще дальше. Когда сторона жениха выделяла в счет калыма земельные участки, старейшины общины принимали участие в оформлении соответствующего документа³.

² От арабского «фотыха» — разрешительная молитва.

³ Следует упомянуть еще об одном старинном обычае, практиковавшемся в досоветский период. В случае продажи земли кем-либо из общинников, преимущественное право покупки имели члены этой же общины. Но если земля все же продавалась на сторону, с покупателя сверх платы за нее, идущей владельцу, взималась некоторая сумма денег, имеющая скорее символический характер, которая вручалась старейшинам общины и аксакалу. Этот обычай носил характерное название «ширикона», т. е. товарищества. Этим символическим актом община компенсировалась за потерю земельного участка, некогда находившегося в коллективном владении.

Функции старейших представителей общины не ограничивались участием в предпраздничном совете. По существу ёшуллы или их представители руководили всеми церемониями в течение всего праздника. Они же (позднее аксакал) являлись главным арбитром на сопровождавших каждый той соревнованиях и спортивных играх.

Таким образом, той, посвященные различным событиям семейной жизни, являются празднествами всей общины, которая и является их организатором и фактическим хозяином. Это отражает их первоначальную основу в те периоды развития общества, когда отдельная семья не занимала самостоятельного положения, а растворялась в кровнородственной группе. Именно вследствие того, что «при родовом строе семья никогда не была и не могла быть организационной ячейкой, потому что муж и жена неизбежно принадлежали к двум различным родам»⁴, принадлежность к роду для каждого его члена была определяющим моментом, и все события, связанные с его жизнью, относились ко всему роду и регулировались им.

Общественный характер тоев и других празднеств виден прежде всего из того, что элат (община) решает дела входящей в нее семьи. В подготовке праздника и его важнейшей части — пиршества, столь характерного некогда для внутриродовой жизни, принимают участие все общинники — и родные виновника торжества, и соседи, которые при более внимательном рассмотрении или оказываются с ним в кровнородственных отношениях, или уже в рамках соседской общины восприняли традиции кровнородственной группы.

Хорезмский материал о роли общины в проведении различных семейных праздников находит широкие аналогии в других местах Средней Азии. Много общего мы находим, в частности в обычаях населения горного Таджикистана, где долгое время продолжали сохраняться патриархальные отношения. Исследователи отмечают и общественный характер празднеств у горных таджиков, и коллективную помощь соседей хозяину тоя, и руководящую роль особых представителей общины⁵. Анализируя эти явления, А. Н. Кондауров приходит к совершенно справедливому выводу о том, что «мы можем предполагать закономерную связь этих обязанностей отдельных семей по отношению к односельчанам и своим родственникам с былым «коммунизмом домашней жизни», осуществлявшимся родовыми общинами»⁶.

Однако при описаниях семейно-бытовых обрядовых комплексов исследователи ничего не говорят о советах старейших общинников-кенгашах, столь характерных для Хорезма и существующих вплоть до наших дней.

Кенгаш, естественно, уже далек от родовых институтов. От родового совета в нем остались лишь следы коллективного начала. Это собрание не всех сородичей, но лишь отдельных представителей коллектива, строящегося уже не на кровнородственных основах. В том виде, в каком кенгаш сохранился до нашего времени, он является реликтом совещания глав больших патриархальных семей, из совокупности которых некогда слагалась основная ячейка общества; остатки больших семей мы находим в Хорезме и в наши дни.

⁴ Ф. Э н г е л ь с. Происхождение семьи, частной собственности и государства. М., 1953, стр. 103, 104.

⁵ М. С. А н д р е е в. Таджики долины Хуф, вып. 1, ТИИАЭ, т. 7. Сталинабад, 1953, стр. 126—127; Н. А. К и с л я к о в. Следы первобытного коммунизма у горных таджиков Вахио-боло. М.—Л., 1936, стр. 68, 133, 134; А. Н. К о н д а у р о в. Патриархальная домашняя община и общинные дома у ягнобцев. «Труды ИЭ», т. III, вып. 1. М.—Л., 1940, стр. 21—22; Н. Н. Е р ш о в. «Туи гулдор» у кыстакозских таджиков. ТИИАЭ, т. XVII. Сталинабад, 1953, стр. 87—97.

⁶ А. Н. К о н д а у р о в. Некоторые материалы по этнографии ягнобцев. СЭ, 1935, № 6, стр. 103.

Характерно, что кенгаш совершенно потерял свое значение в хозяйственной деятельности. Пожалуй только так называемые «уй-тои» — празднества закладки новых домов, строящихся в порядке общинной взаимопомощи, при которых также собираются старейшие элата и дают свое разрешение, напоминают о хозяйственной роли общинного совета в прошлом. Следует тут же отметить, что сопровождающая постройку нового дома взаимопомощь членов общины имеет очень древние корни. Обязательный ее характер восходит к родовому обычаю снабжать молодые пары соответствующим жильем, о котором сообщает Морган⁷.

Итак, по сохранившимся реликтам института кенгаша в области обычаев и обрядов можно судить о том, какую важную роль он играл ранее в жизни общины в целом.

Помимо кенгаша и входящих в него ёшуллы, на всех этапах праздничных церемоний немаловажную роль играли особые представители общины, так называемые «кятхуда» и «кяйвони».

Кятхуда (иранский термин, означающий «властелин, господин дома») в старину имелся в каждом элате. Это — единогласно признанный общинниками всеобщий советчик и руководитель внутриобщинной жизни, хранитель старых традиций элата. Кятхуда существовал в общинах наравне с представителями феодальной администрации — аксакалом и муллою. Обычно он не выбирался. Им становился наиболее уважаемый за личные заслуги и за опыт член общины. Ему поручался надзор за поведением членов элата, он производил разбирательство всевозможных конфликтов. Немаловажную роль играл кятхуда во время проведения общинных тоев. Помимо того, что в прежнее время кятхуда председательствовал в кенгаше, он являлся главным руководителем на пиршестве и на сопровождавших его состязаниях. Надо полагать, что уже давно кятхуда уступил более широкие функции представителям феодальной администрации и являлся лишь хранителем общинных традиций в области обычаев и обрядов.

Нами было обнаружено, что в женской среде имелся персонаж, обязанности которого среди женщин полностью совпадали с обязанностями кятхуда среди мужчин. Это так называемая кяйвони, искаженное «кятбону», т. е. «госпожа, хозяйка дома», — термин, как мы видим, выражающий понятие, сходное термину «кятхуда». Кяйвони, или старшая женщина, как ее иногда называют, также не избиралась. Ей не только вверяли обязанность следить за соблюдением правил поведения в женской среде, но и поручали воспитание молодых девушек, которых кяйвони готовила к будущей самостоятельной жизни. В Шаббазском районе до сих пор бытуют предания о знаменитых кяйвони. В одном из них, например, фигурирует известная кяйвони Ай-Слу, которая постояла за честь шаббазских женщин, когда в этот город, издавна славившийся свободными нравами, не стесненными мусульманскими канонами, прибыла делегация хивинских мулл с целью усилить здесь влияние ислама. Когда собранные кяйвони местных элатов сидели перед приехавшими за повешенной занавеской, Ай-Слу сорвала ее и смело заявила муллам, что если они не оставят шаббазцев в покое, то она, Ай-Слу, соберет своих многочисленных воспитанниц со всех общин, вооружит их и тогда видно будет, на чьей стороне перевес.

Предания о шаббазских девушках и женщинах, выходивших вооруженными на полевые работы и вместе с мужчинами, под водительством своих кяйвони, участвовавших в боях против набегов кочевников, как нам кажется, имеют общие корни со сходными мотивами знаменитого эпоса «Кырк-кыз» и восходят к матриархальным традициям древнейшего насе-

⁷ Л. М о р г а н. Древнее общество. Л., 1934, стр. 46.

ления Приаралья, сведения о которых в виде мифа об амазонках сохранили нам древнегреческие источники.

Так же как и для кятхуда, основной сферой деятельности кяйвони в настоящее время являются празднества с традиционными пиршествами, во время которых кяйвони выступает не в роли слуги гостей (для этой цели имеются специальные лица «ходим» и «пейкал»), а в роли руководительницы присутствующих, хорошо знающей традиции общины и правила проведения тоев.

Институт кятхуда и кяйвони не является специфически хорезмским явлением. Он, быть может в несколько более пережиточном виде, имеется в других местах Средней Азии. О. А. Сухарева отмечает руководящую роль особых опытных старух при свадебных церемониях у населения Самарканда⁸. У таджиков, как сообщает Н. Нурджанов, специально приглашаемая для помощи в приеме гостей и для наблюдения за порядком при семейных празднествах женщина носит то же название «кайбону», которое применяется к аналогичным персонажам и в Хорезме⁹. Специальные лица, как любезно сообщила нам Б. Х. Кармышева, так называемые «бекаулы» руководят празднествами у населения Сурхан-Дарьинской области.

Институт кятхуда и кяйвони является, как нам кажется, очень древним, восходящим к традициям времени расцвета рода, о которых Морган пишет: «Каждый род давал известное число «хранителей веры» как мужчин, так и женщин, на которых было возложено совершение этих праздников... Они назначали дни отправления праздников, делали необходимые приготовления и руководили церемониями... На обязанности женщин «хранительниц веры» лежали преимущественно приготовления к пиршеству»¹⁰.

Из других архаических явлений, следы которых мы находим в обычаях и обрядах, следует назвать реликты возрастных групп и мужских союзов. Деление на возрастные группы, появившееся первоначально как способ регулирования брачных отношений, значительно старше института мужских союзов, возникавших на стадии расцвета и разложения материнского рода. Однако при своем появлении мужские союзы восприняли принцип возрастных групп, постепенно перераставших, как например у меланезийцев, в определенные разряды адептов тайных мужских союзов.

Эволюция мужских союзов на среднеазиатской почве впервые открыта и детально проанализирована в трудах С. П. Толстова¹¹. Пережиткам возрастных делений у народов Средней Азии посвящена специальная работа К. Л. Задыхиной¹². Поэтому, не останавливаясь подробно на этих вопросах, мы лишь постараемся дополнить сведения о возрастных группах и мужских союзах у населения Хорезма, проследив, какое отражение они находят в исследуемых обрядовых комплексах.

Анализ ряда архаических моментов суннат-тоя, как и свадебного тоя, как нам кажется, показывает, что они восходят к древним возрастным пинициям и связаны с пережитками возрастных групп и мужских товариществ. Так, в названии второго дня суннат-тоя — «йигит йигнаш» (собрание юношей) — сохранилось воспоминание о специальных сбо-

⁸ О. А. Сухарева. Свадебные обряды таджиков г. Самарканда и некоторых других районов Средней Азии. СЭ, 1940, № 3, стр. 175.

⁹ Н. Нурджанов. Таджикский народный театр. М., 1956, стр. 27.

¹⁰ Л. Морган. Указ. соч., стр. 49, 50.

¹¹ С. П. Толстов. Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948. Экскурс III, стр. 307—317; его же. К истории древнетюркской социальной терминологии. ВДИ, 1938, № 1/2, стр. 72—81.

¹² К. Л. Задыхина. Пережитки возрастных классов у народов Средней Азии. «Труды ИЭ». Новая серия, т. XIV, 1951, стр. 157—179.

рищах молодежи, принимавших посвящаемого в свою среду или передававших его в следующую возрастную группу. В день уллы-тоя, т. е. в третий день празднества, когда собираются все гости, в особом помещении (йигит мехмонхонаси) устраивается угощение мужской молодежи данной общины (Ханкинский район). Это — потерявшие бывшее значение собрания определенной возрастной группы молодежи, в прошлом тесно связанные с церемониями инициаций. К. Л. Задыхина также сообщает об особых трапезах сверстников мальчика во время суннат-тоя¹³.

Но если в обрядах суннат-тоя, так же, как и в свадебных, значение возрастной группы носит сугубо пережиточный характер, то в других случаях возрастная группа выступает более отчетливо и самостоятельно. Мы имеем в виду традиционные мужские товарищества и их периодические сборища, носящие у узбеков Хорезма название «зиафатов», а в других местах Средней Азии описанные рядом исследователей под наименованиями: «гап», «джура», «гаштак», «калта-карие», «джороо» и др.¹⁴

Зиафаты в Хорезме происходят по очереди в домах участников этих товариществ и характерны главным образом совместной трапезой, устраиваемой очередным хозяином зиафата. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что эти товарищества подбираются строго по возрастному принципу; возраст участников группы в различных местах варьируется незначительно. Так, в Турткульском районе насчитывается четыре группы («катар» — ряд): 1) от 17 до 20 лет; 2) от 20 до 25—30 лет; 3) от 30 до 45 лет; 4) от 40 до 50 лет. Старики 60-летнего возраста и выше на зиафаты здесь не собираются. Более дробные деления существуют в Кипчакском районе: 1) от 10 до 15 лет, 2) от 15 до 20 лет, 3) от 20 до 30, 4) от 30 до 40 и 5) от 40 до 60. Пять возрастных делений участников зиафатов существует и в Ханкинском районе. Заметим, что везде молодежь старше 20-летнего возраста, т. е. обычно уже вступившая в брак, отделена от более молодых.

Другое обстоятельство, важное для уяснения генезиса этого явления, заключается в том, что каждая такая группа имеет свою постоянную организацию. Хотя сейчас уже может показаться игрой, что 12—15-летние мальчики избирают из своей среды «падшаха» и «вазира». Однако эта «игра» наблюдается во всех группах, даже состоящих из лиц зрелого возраста. В Кипчакском районе было получено следующее сообщение информатора: «У старших по возрасту (от 30 до 60 лет) одного из участников зиафата выбирают «агабием», а другого заместителем. Здесь делают «дарра» (нагайку), которую изображает скрученное полотенце, и если кто-либо не слушается приказаний агабия, того бьют этой дарра»¹⁵.

Более подробные данные об этом получены в Ханкинском районе: «Малыши играют в «падшах-вазир»... У взрослых избирается агабий и аксакал. Аксакал обычно стоит, а агабий — сидит. Агабий выбирается с малых лет и так и переходит с возрастом в старшие зиафаты... Агабий имеет право штрафовать, если кто-либо из его группы на улице скандалит... Там, где есть агабий, бывают большие зиафаты. В мой период, — сообщает информатор, — был агабий, но мы его звали «аффанди»»¹⁶.

В этих явлениях следует видеть рудименты тех зачаточных органов публичной власти, которые характерны для мужских союзов на заре появления государства.

¹³ К. Л. Задыхина. Указ. соч., стр. 173.

¹⁴ М. С. Андреев. По этнографии таджиков. Сб. «Таджикистан». Ташкент, 1925, стр. 164; Н. Нурджанов. Указ. соч., стр. 56—58; М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, стр. 117; С. М. Абрамзон. Очерк культуры киргизского народа. Фрунзе, 1946, стр. 48.

¹⁵ Г. П. Несарев. Полевые записи № 10 за 1956 г.

¹⁶ Там же, № 12.

Данные о внутренней организации и иерархии власти в постоянных и временных мужских товариществах у узбеков, таджиков, казахов и других народов Средней Азии содержатся в работах ряда исследователей¹⁷. Например у таджиков долины Хуф, в верховьях Аму-Дарьи, М. С. Андреев наблюдал аналогичную хорезмской внутреннюю организацию мужских артелей, как он их называет.

Материалы о хорезмских мужских товариществах, равно как данные об аналогичных явлениях у других народов Средней Азии, говорят о том, что здесь мы имеем дело с весьма архаичным институтом, с пережитками мужских союзов, хорошо известных у многих народов мира, находившихся на стадии разложения первобытно-общинного строя.

То, что наиболее характерно для среднеазиатских, в частности хорезмских мужских возрастных товариществ — дробные деления по возрастному принципу, строгая изоляция от женской среды и посторонних, наличие внутренней власти руководителей группы, выходящей иногда за рамки товариществ, расходы очередного хозяина зиафата, являющиеся пережитком вкладов отдельных членов группы, угощение собравшихся определенными блюдами, восходящее к ритуальным трапезам, система штрафов и испытаний (например испытание водой у таджиков Хуфа) — все это является также характерными чертами классических мужских союзов.

Мужские возрастные товарищества многое дают для понимания ряда явлений, входящих составной частью в комплекс свадебных обрядов и обрядов суннат-тоя, истоки которых следует искать в обычаях первобытно-общинных инициаций.

Мы не будем здесь подробно разбирать роль возрастных групп в свадебных обрядах. Укажем лишь, что группа «джура», холостых сверстников жениха, активно проявляет себя на всех этапах свадебных церемоний; жених выступает как представитель определенного мужского товарищества; материалы свидетельствуют о том, что брак является одновременно переходом молодого человека в следующую возрастную группу — группу женатых людей с соответствующими посвятельными церемониями, носящими пережиточный характер.

Если в хорезмской свадебной обрядности элементы инициаций выступают довольно отчетливо, то в обрядах суннат-тоя сохранились лишь некоторые их следы. Объяснить это можно мусульманскими влияниями, придавшими этому комплексу обрядов свое специфическое значение. Большинство исследователей, писавших о суннат-тое, видя в нем чисто мусульманское явление и обращая все внимание на обряд обрезания, не замечали, что последний занимает лишь небольшое место в целой системе явлений, анализ которых при дальнейшем накоплении материала поможет воссоздать местную, среднеазиатскую картину возрастных инициаций.

О том, что народы Средней Азии до проникновения сюда ислама не знали обряда обрезания, можно судить по данным арабских источников¹⁸. Подтверждением этого являются бытующие у горцев Таджикистана любопытные легенды о насильственном обращении в мусульманство¹⁹. Развитая религиозная система ислама ассимилировала первобытный обряд

¹⁷ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, стр. 118, 119; К. Л. Задыхина. Указ. соч., стр. 177, 178; М. Ф. Гаврилов. Остатки ясы и юсуна у узбеков. Ташкент, 1920; Л. П. Потанов. Древний обычай, отражающий первобытно-общинный быт у кочевников. «Тюркологический сборник», I. М.—Л., 1951, стр. 164—175; Н. Нурджанов. Указ. соч., стр. 56, 57 и др.

¹⁸ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II. СПб., 1900, стр. 198.

¹⁹ А. К. Писарчик. О некоторых терминах родства таджиков. Сборник, посвященный А. А. Семенову. «Труды АН ТаджССР», 1953, т. XVII, стр. 179. Примечание.

обрезания; при этом значительно снизился возраст мальчика, подвергаемого операции (3—7 лет), тогда как при классических инициациях у разных народов мира операцию совершают над юношами более старшего возраста, что говорит о связи инициаций с достижением половой зрелости.

Об этом же свидетельствуют этнографические материалы, относящиеся к арабам, т. е. к той этнической среде, где возникла и оформилась мусульманская религия. А. И. Першиц, ссылаясь на данные Нибура и Бэртона, пишет, что «еще до второй половины XIX века у бедуинских племен западной Аравии (Хиджаз, Асир) вместо обычного общемусульманского обрезания *تَمْر* практиковался так называемый ас-салх — чрезвычайно мучительное обрезание юношей при возведении их в мужское достоинство»²⁰.

Ислам наделил обряд новым содержанием, превратив его в символ приобщения к религиозной общине, перенес его на более ранний возраст посвящаемого и оторвал тем самым от первоначальной основы — возрастных инициаций. Но сами по себе местные среднеазиатские элементы возрастных посвятительных церемоний продолжали сохраняться, и хотя и разбитые со временем по двум комплексам — обрядам младенческого возраста и возраста половой зрелости, являлись той основой, на которую наслоилося принесенное исламом.

Мы не имеем данных, чтобы судить, в какие формы выливались возрастные посвятительные церемонии у народов Средней Азии в эпоху первобытности. Сравнение же пережиточных явлений суннат-тоя с материалами классических возрастных инициаций у народов Австралии, Африки и Америки, в недавнем прошлом стоявших на стадии первобытно-общинного строя и его разложения, показывает несомненную общность основных характерных черт и некоторых деталей обрядов.

Как и в классических инициациях, принцип коллективности праздника, участия в нем всей общины с приглашением соседних общин, как мы видели выше, составляет основную черту суннат-тоя (так же, как и свадебного тоя). Одновременно во всех церемониях строго выдерживается руководящая роль старшего поколения, хранителей общинных традиций.

Характерной чертой классических инициаций является строгая изоляция посвящаемых от женщин и руководство церемониями со стороны мужчин. В праздновании суннат-тоя момент изоляции почти исчез. Однако один момент обряда может быть и связан с обычаем традиционной изоляции посвящаемого. Речь идет об инсценировке похищения ребенка. Перед самой операцией ребенка уводят куда-нибудь мальчики старше его по возрасту. Родные идут его искать и получают обратно за выкуп.

Возможно, что внезапное похищение ребенка в обрядах суннат-тоя следует рассматривать как отдаленный пережиток обычая внезапной изоляции посвящаемого, хорошо прослеживаемый в классических возрастных инициациях. Тот факт, что во время суннат-тоя ребенка похищают мальчики старше его по возрасту, т. е. те, кто принимает его в свою среду, как будто подтверждает связь этого похищения с инициацией. Первоначальный смысл этого обычая мог быть и иным: сверстники отдавали посвящаемого за определенный выкуп для перевода в следующую возрастную группу (аналогичный выкуп происходит в свадебных обрядах, когда группа «джура» (сверстники) получает за жениха выкуп от родственников невесты).

Так или иначе обычай похищения связан с возрастными группами и их участием в системе инициаций. Он глубоко архаичен, о чем говорит и намек на отношения авункулата: по нашим данным поиски мальчика и

²⁰ А. И. Першиц. Пережитки возрастных классов в Шестикижии. КСИЭ, XXVII. М., 1957, стр. 53.

расплату с похитителями ребенка производит дядя со стороны матери посвящаемого, что свидетельствует о роли родни матери ребенка. К пережиткам матриликальных отношений в обрядах суннат-той относится и обычай, согласно которому новая одежда для посвящаемого доставляется стороной его матери, так же как при празднике «бешик-той» колыбель для ребенка и новую одежду для него приносит родня его матери.

Характерная для классических инициаций перемена имени посвящаемого, символизирующая его второе рождение, судя по материалам, при суннат-тое не сохранилась. Однако косвенный намек на существование подобных представлений в прошлом можно видеть в обычае одевать на мальчика новое платье и шить ему новые одеяла и подушки.

В обычаях суннат-той почти ничего не сохранилось от различного вида испытаний посвящаемого, если считать, что само обрезание не имеет местных корней и занесено извне. В свадебных обрядах, по мнению исследователей, пережитком подобных испытаний является ритуальное бритье головы жениха. В связи с этим интересно отметить, что в некоторых местах с суннат-тоем связан обычай срезать особую косичку-«кокюль», которую с младенческих лет отращивают мальчику.

К пережиткам пищевых табуаций посвящаемых следует, на наш взгляд, отнести запрещение ребенку, прошедшему суннат-той, в течение трех дней употреблять так называемую «горячую» пищу (в том числе масло).

Особенно характерны для классических инициаций сопутствующие им тотемические пантомимы, имеющие целью введение посвящаемого в круг племенных верований и преданий с объяснением их смыслового значения. С этой точки зрения следует рассматривать генезис тех зрелищ, которые, как правило, сопровождают суннат-той и свадебные обряды у народов Средней Азии и, по существу, имеют более глубокий сакральный смысл, нежели просто игры и развлечения.

Свадебные обряды сохранили также многие отголоски древних форм брачных отношений, характерных для тех стадий развития общества, при которых моногамная семья еще не получила своего оформления. В этом отношении интересен сохранившийся в сугубо пережиточном виде обычай, называемый «гиёвлаш» (от «куёв» — зять, жених). Как массовое явление он давно исчез и даже в памяти стариков воспоминания о нем сохранились как о единичных фактах. Гиёвлаш — это посещение женихом невесты задолго до совершения брачного обряда. В этом виде обычай этот известен и в других местах Средней Азии ²¹.

Однако хорезмский гиёвлаш имеет свои особенности. Здесь — это фактическое добрачное сожитие жениха и невесты, когда в течение длительного периода жених украдкой посещал невесту с ведома и при содействии будущей тещи. Отец невесты не играл при этом никакой роли и, как говорят старики, делал вид, что ничего не замечает. В этом виде гиёвлаш весьма архаичное явление. Истоки его, как нам кажется, следует искать в недрах материнского рода, в каких-то древних дислокальных формах брака.

Много интересного дает анализ тех моментов свадебных тоев, в которых ту или иную активную роль играют различные представители родни жениха и невесты. Так, например, на всех этапах свадебных церемоний, а особенно при переезде невесты в дом жениха, среди действующих лиц на первый план выдвигается так называемая янга. Обычно при описании свадебных обрядов этнографы называют ее просто дружкой невесты. Однако при более внимательном рассмотрении оказывается, что не любая девушка или женщина может быть янгой. В Хорезме это почти всегда —

²¹ М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, стр. 126.

жена брата невесты. Она сопровождает невесту в новую семью, где руководит ее действиями в непривычной для девушки обстановке.

Значение этого персонажа будет яснее, если учесть, что при экзогамии и патрилокальном поселении девушка уходила в тот кровнородственный коллектив, из которого ее братья брали своих жен. Таким образом, в янге следует видеть представительницу того рода, с которым род девушки связан отношениями свойства; на ней лежит обязанность ввести невесту в новый для нее коллектив.

Пережитком довольно поздних форм брака является зафиксированный нами лишь в одном месте Хорезма брак убегом (Шаббазский район). Он почти совсем исчез в обрядах и сохранился лишь в памяти информаторов старшего поколения. Заведомая инсценировка погони и сражения между сторонами исключает случайность этого явления и позволяет в нем видеть отдаленное воспоминание о той стадии развития брачных отношений, при которой матрилокальность поселения сменялась патрилокальностью.

Помимо обрядов свадебных и суннат-тоя, ряд архаических моментов, восходящих к первобытно-общинным отношениям, прослеживается и в комплексе обычаев и обрядов, связанных со смертью и погребением человека. Группа стариков и здесь занимает руководящее положение в совершении церемоний. Во всех районах Хорезма считается обязательным участие в погребальных обрядах всех ёшуллы общины. Непосещение дома умершего считается предосудительным не только для родных, но и для соседей умершего.

Так же как и в других районах Средней Азии, в Хорезме местами сохраняется широко распространенный в старину обычай, согласно которому первые три дня после смерти человека его родные и соседи снабжают пищу семью умершего. Это напоминает нам соответствующие родовые обычаи, о которых сообщает Морган, ссылаясь на данные Эррера об индейцах Флориды ²².

Почти ничего не осталось от родового обычая соблюдения траура всеми сородичами. Быть может лишь некоторые наблюдения в Ханкинском районе напоминают о нем: здесь не только вдова в течение срока траура отказывается от посещения тоев, но и ее ближайшие соседки, объясняя это в наше время простой товарищеской солидарностью.

Однако в комплексе погребальных обрядов одно обстоятельство обращает на себя внимание своей четкой преемственной связью с традициями классического рода. Это — обычай захоронения умерших общинников только на своем общинном кладбище. Этот обычай соблюдается всюду. В Хивинском районе, в пригородной сельской местности, где велось обследование, этот момент проступает особенно четко: здесь на небольшой территории одного из колхозов мы обнаружили до 20 кладбищ, каждое из которых входит в границы одного из элатов и считается принадлежащим данной общине. Даже если отдельные кладбища соприкасаются, общинный принцип захоронения неизменно соблюдается. Если человек умирает вдали от своей общины, его тело привозят туда, где похоронены его предки.

Однако кладбище общины — это уже далеко не родовое кладбище. Здесь четко прослеживается лишь принцип захоронения отдельными большими семьями — «коумами» (группами родственников, происходящих от одного предка), основанный на патриархальном начале: женщина, выданная замуж на сторону, после смерти хоронится на том кладбище, где похоронен ее отец.

Причины стойкости первобытно-общинных реликтов в области быта в различных районах и у различных народов Средней Азии весьма

²² Л. М о р г а н. Указ. соч., стр. 46.

разнообразны и во многом имеют локальный характер. Для горного Таджикистана, например, материал которого во многом перекликается с хорезмским, основное значение имела особая географическая изолированность, обусловившая экономические предпосылки для долгого существования пережитков первобытно-общинных отношений.

В Хорезме средневековые сохранило многие первобытно-общинные институты благодаря своеобразию исторического процесса, при котором «вплоть до арабского завоевания сосуществующая с рабовладельческими отношениями общинно-родовая организация базируется на принципах матриархата»²³. В дальнейшем, с разложением материнского рода, как отмечает С. П. Толстов, здесь вплоть до XX века «на всем протяжении истории феодального Хорезма именно большесемейная домовая община остается реликтом первобытно-общинного строя...»²⁴

Именно поэтому Хорезм является своеобразным заповедником не только памятников археологии, но и многих архаических пережитков в обычаях и верованиях.

К такой категории явлений, генетически уходящих в глубокую древность, относятся многие пережитки общинного быта, сейчас почти исчезнувшего, но еще в недавнем прошлом сохранявшего в границах территориальных общин элементы родовых отношений.

²³ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 331.

²⁴ Там же, стр. 164.

Т. А. Жданко

РАБОТЫ КАРАКАЛПАКСКОГО ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО ОТРЯДА ХОРЕЗМСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ В 1957 г.

Как и в предыдущие годы, в 1957 году Каракалпакский этнографический отряд Хорезмской экспедиции проводил свои полевые исследования совместно с Каракалпакским комплексным научно-исследовательским институтом АН Узб.ССР; в составе отряда было 14 человек ¹.

Работы велись в Кегейлинском, Муйнакском, Кунградском и Куйбышевском районах Кара-Калпакской АССР. В каждом из этих районов перед отрядом стояли разные научные задачи.

В Кегейлинском районе отряд продолжал свои работы 1954 и 1956 гг. по историко-этнографическому изучению старых каракалпакских аулов, расположенных в бассейне бывшего канала Тараклы (ныне — Калинин-яб) и составлявших в прошлом связанные общей системой ирригации водоземельные общины.

В Муйнакском районе в рыболовецких колхозных селениях «Кзыл аскер» и «Кенес» основное внимание было уделено изучению прежних своеобразных форм хозяйства приморских каракалпаков, издавна сочетавших в своем хозяйстве занятие земледелием со скотоводством и рыболовством.

В Кунградском и Куйбышевском районах отрядом исследовались исторические памятники XIX — начала XX в. — города-крепости, связанные с историческими судьбами каракалпаков в Хивинском ханстве.

* * *

Кегейлинский район. Работы проводились в колхозе им. Калинина и соседнем колхозе им. Ленина, расположенном к юго-востоку от первого ². Жители поселков этих колхозов — прямые потомки строителей канала Тараклы-яб каракалпаков-кенегес рода тараклы и каракалпаков-мангыт родов тонгмойин, жанлык, ушбас и косар. Если в 1954 и 1956 гг. при работе в этих селениях мы ограничивались преимущественно расспросами стариков, помнивших прежние порядки водопользования тараклынцеv ³,

¹ Состав отряда: Т. А. Жданко — начальник отряда; Н. П. Лобачева — научный сотрудник; Т. Бегжанов — студент Каракалпакского пед. ин-та, языковед; Ю. Ф. Кубышкин — художник; Н. И. Игонин — топограф-картограф; Ю. А. Аргиропуло — фотограф; Ю. В. Стеблюк — архитектор; М. И. Земская — научный сотрудник; А. В. Гудкова, В. Н. Ягодин, А. Туреев — научные сотрудники КК комплексного ин-та; Н. С. Горин, И. П. Волков — шоферы; М. П. Сараева — повар. Некоторые сотрудники отряда (Н. И. Игонин, Ю. В. Стеблюк, М. И. Земская, шофер Н. Горин) находились в его составе временно и были не во всех районах работы отряда.

² С осени 1957 г. оба эти колхоза преобразованы в отделения вновь организованного в Кегейлинском р-не совхоза Кегейли.

³ См. наш отчет о работах Каракалпакского этнографического отряда за 1956 г. в вып. 1 «Материалов ХЭ». М., 1959, стр. 190—208.

то в отчетном году нам удалось использовать полученный в райводхозе (г. Кегейли) картографический материал и, тщательно сопоставив его со сведениями, полученными у знатоков истории местной ирригации (в частности у стариков, бывших мирабов), составить схематическую карту расселения кенгес-мангытов по Тараклы-ябу и системы их водопользования в XIX — начале XX в.

В «Очерках исторической этнографии каракалпаков» мы уже отмечали традиционную близость каракалпаков кенегесов и мангытов. Она отражается в генеалогических преданиях, которые утверждают, что предки этих двух родоплеменных групп были «родными братьями», в общем для кенегесов и мангытов боевом кличе — уране и, наконец, в их смежном расселении⁴, сохранившемся до сих пор. По данным 1912—1913 года, все кенегесы и 90 % мангытов были сконцентрированы в двух соседних волостях Аму-Дарьинского отдела Сыр-Дарьинской области — Кегейлинской и Яныбазарской, расположенных на левом берегу канала Кегейли⁵.

Как показывают наши новые материалы, смежность расселения кенегесов и мангытов сопровождалась в некоторых случаях и их сотрудничеством в хозяйственной деятельности, в частности — в водопользовании.

По рассказу жителя тараклынского аула Карабас, бывшего мираба, 85-летнего Таджимурата Тансыкова (рис. 1) до прихода на нынешнее место своего обитания тараклынды, прикочевавшие 6 «ата» (поколений), т. е. около 150 лет тому назад с Сыр-Дарьи, из Туркестана, долго не могли обосноваться и получить постоянные земельные угодья. Сперва они поселились возле Яны-базара, в местности Баканджаклы (Ваханчаклы)⁶, затем перешли к озеру Боз-куль, потом продвинулись ближе к Чимбаю и жили временно на территории каракалпаков-мынжыр (подразделение кенегесского рода омыр) и лишь оттуда пришли на свою нынешнюю территорию, где живут, никуда не передвигаясь, уже четыре поколения (около 100 лет).

Соседние с ними мангыты тоже не сразу здесь поселились. Один из лучших рассказчиков исторических преданий, житель колхоза им. Ленина 60-летний Сайанназар Айтымбетов сообщил, что, как говорят у них старики, после переселения из Туркестана его сородичи мангыты-тонгмойын жили сначала у Чортамбая, потом у Кок-узяка и лишь 4—5 ата тому назад окончательно осели вместе с другими группами мангытских родов одновременно с тараклындами на нынешней своей территории.

Мангыты оказались на землях, прилегающих к Кегейли, тараклынды — к северо-западу от них (рис. 2). Когда тараклынды решили отвести канал из Кегейли, мангыты приняли участие в работе и Тараклы-яб был прорыт совместными усилиями через земли обеих этих родоплеменных групп. Мангыты расположились на его верхнем участке, тараклынды — в низовьях. Мирабов, регулирующих водопользование, по давнему обычаю выбирали из числа сидящих в низовье канала кенегесов-тараклы. Обычай этот, по словам стариков, призван был обеспечивать справедливость распределения воды, соблюдение интересов хуже снабжаемых водой жителей хвостовой части Тараклы-яба.

Во второй половине XIX в., как известно, в связи с некоторыми изменениями русла Аму-Дарьи стал сильно сокращаться приток воды в ирригационную сеть восточной части дельты, в том числе и в Кегейли.

⁴ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. «Труды ИЭ». Новая серия, т. IX. М.—Л., 1950, стр. 49—50, 123—125.

⁵ Там же, стр. 26, 27, табл. 2 и карта № 7, стр. 28, 29.

⁶ Вероятно, урочище Бака-Чанаклы, показанное на картах начала XX в. к югу от Яны-базара.

Рис. 1. Старейший информатор Каракалпакского отряда Таджимурат Тансыков, 85 лет, бывший мираб, житель аула Карабас

Маловодье привело к необходимости несколько раз переносить голову канала Тараклы. По воспоминаниям Т. Тансыкова, когда он был мальчиком 12 лет, т. е. 73 года тому назад (в 1884 г.) построили новое головное сооружение (сага) ниже по течению Кегейли и провели от него новый участок канала Тараклы-яб, соединявшийся со старым руслом близ земель тараклынцев. Это сразу подняло уровень воды в Тараклы-ябе. Когда и этот канал стал пересыхать, к Тараклы-ябу присоединили другие каналы, выведенные из Кегейли выше или ниже его по течению: Сапар-яб (по старому верхнему руслу Тараклы-яба), Кошкар-яб (подпитывающий низовья Тараклы-яба). Проведение этих подсобных каналов способствовало тому, что на угодьях тараклынцев канал не пересыхал и они в течение многих десятилетий сохраняли расположение своих аулов. Мангыты же из-за изменчивости течения верхнего участка Тараклы-яба часто вынуждены были переселяться, как это видно на прилагаемой карте. Пользуясь близостью Кегейли, мангыты выводили из него по мере надобности на свои земли другие каналы — мелкие и такие крупные, как расположенный к востоку от Тараклы-яба Колды-узек, воды которого доходили одно время, по словам С. Айтымбетова, до урочища Кушкана-тау.

Общая картина расселения мангытских родов выглядела следующим образом

Жанлык. Часть их жила на Тараклы-ябе, а часть — в верховьях Колды-узeka; этот род пользовался водой обоих каналов.

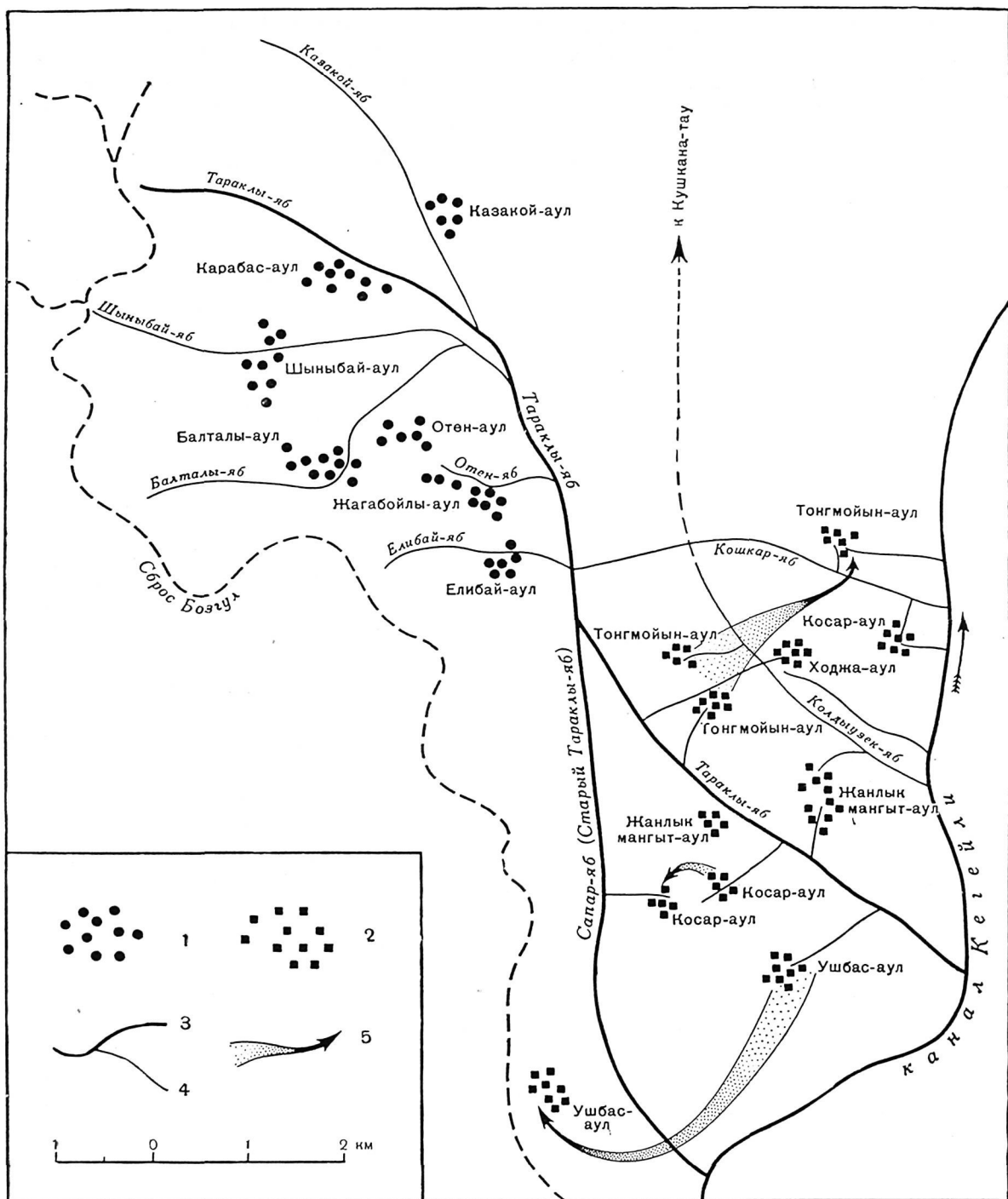

Рис. 2. Схема ирригации и расселения кенегесов-тараклы и мангытов (XIX — нач. XX в.) по сведениям информатора Сайанназара Айтымбетова

1 — аулы кенегесов-тараклы; 2 — аулы мангытов; 3 — каналы; 4 — салмы; 5 — переселения аулов

Тонгмойын. Их аулы также располагались раньше и на Тараклы-ябе и на Калды-узек. Впоследствии, когда оба эти канала стали пересыхать, тонгмойины переселились на Кошкар-яб, в места своего нынешнего обитания.

Косар. Небольшая часть их жила по берегу Кегейли и отвела непосредственно от него свой оросительный канал Косар-яб. Основная же часть этой родовой группы жила в верховьях Тараклы-яба; после обмеления его косары перекочевали на Сапар-яб, в прорытии которого они деятельно участвовали.

Ушбас. Эта группа мангытов жила прежде на Тараклы-ябе, а потом на Сапар-ябе, который копала вместе с косарами.

Таковы сведения о расселении мангытов⁷, сообщенные жителем колхоза им. Ленина Сайанназаром Айтымбетовым. Нам они представляются наиболее достоверными, поскольку сам он мангыт-тонгмойын и производит впечатление человека, хорошо осведомленного в вопросах водопользования. Старый мираб Тансыков сообщил несколько иные сведения о расселении мангытских родов. Возможно, расхождение сведений о расселении мангытов объясняется разным временем, к которому они приурочены нашими информаторами, но может быть, что мираб-тараклынец из дальнего аула Карабас и не так точно помнит расположение мангытских аулов, как их уроженец Айтымбетов.

Что же касается документальных исторических данных, то опубликованные статистические материалы Переселенческого управления, относящиеся к 1912—1913 гг.⁸, недостаточно детально освещают расселение жителей в этой местности. Впрочем, данные поаульных таблиц, относящиеся ко II административному аулу⁹ Кегейлинской волости, подтверждают часть полученных нами сведений: в общине № 67 (по принятой составителями таблиц нумерации) один из аулов, населенных мангытами-косар, находился на Сапар-ябе, а другой (община № 76) — на Косар-ябе. Аулы жанлык- (джалдык) мангытов, по этим же данным, находились на Тараклы-ябе и на Ходжа-ябе, т. е. по соседству с аулом Ходжа. Об остальных аулах сведений в таблицах, к сожалению, нет.

Ниже тонгмойинов по Тараклы-ябу жили кенегесы, принадлежавшие к роду тараклы. У них было шесть аулов по числу коше (мелких родовых подразделений) рода тараклы. Первым на левом берегу был аул Елибай, следующим — Жагабойлы, затем — аул Отен; после него канал разветвлялся, и на трех разветвлениях располагались аулы Балталы, Шыныбай и Карабас. Позже, уже после революции, северо-восточнее аула Карабас отвел себе арык казахский аул Казакой.

В предыдущем отчете¹⁰ уже освещались собранные нами материалы по водопользованию жителей этих шести аулов рода тараклы до революции.

В 1957 г. отряд более детально изучил одно из поселений тараклы-цев — аул Елибай. В нем было проведено посемейно-подворное обследование по этнографической анкете, выявлены родственные связи всех жителей аула между собою, составлен план селения (рис. 3), сделаны планы, зарисовки и фотографии всех усадеб (рис. 4, 5, 6). Попутно

⁷ Кроме того, между мангытскими аулами на Калды-узек издавна находился еще аул Ходжа, населенный каракалпаками ходжа.

⁸ «Материалы по обследованию кочевого и оседлого туземного хозяйства и землепользования в Аму-Дарьинском отделе Сыр-Дарьинской области», вып. 2. Ташкент, 1915, стр. 62.

⁹ Административные аулы, на которые подразделялась каждая волость Аму-Дарьинского отдела Сыр-Дарьинской области Туркестанского генерал-губернаторства, не совпадали с селениями-аулами. Каждый административный аул включал территорию нескольких селений.

¹⁰ «Материалы ХЭ», вып. 1, стр. 191—192.

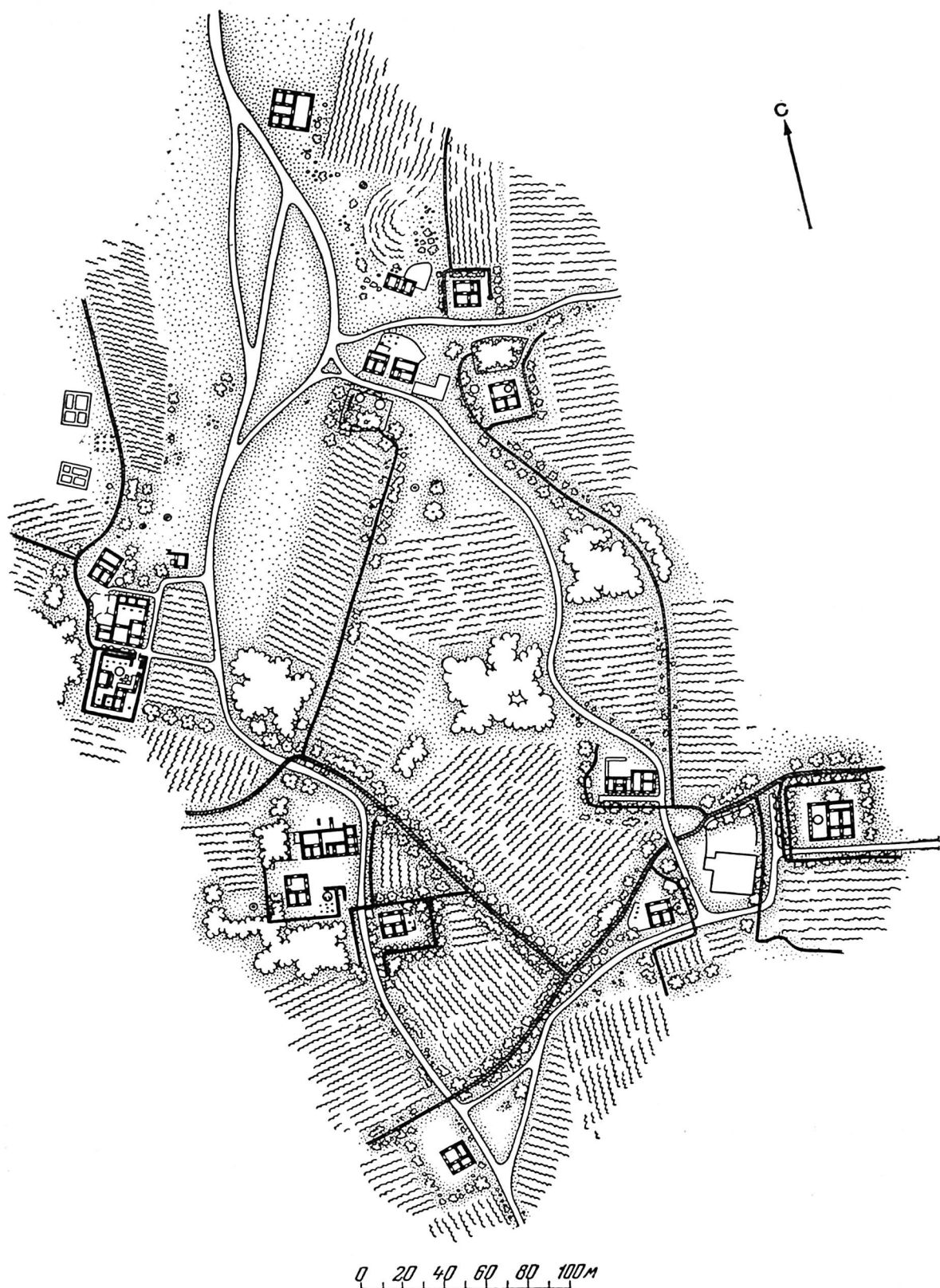

Рис. 3. План аула Елибай. 1957 г.

изучалась материальная культура, записывались сословия этого аула предания и сведения об их семейно-бытовом укладе. Собранный путем сплошного обследования в одном ауле «монографический» материал дал весьма интересный комплекс этнографических сведений.

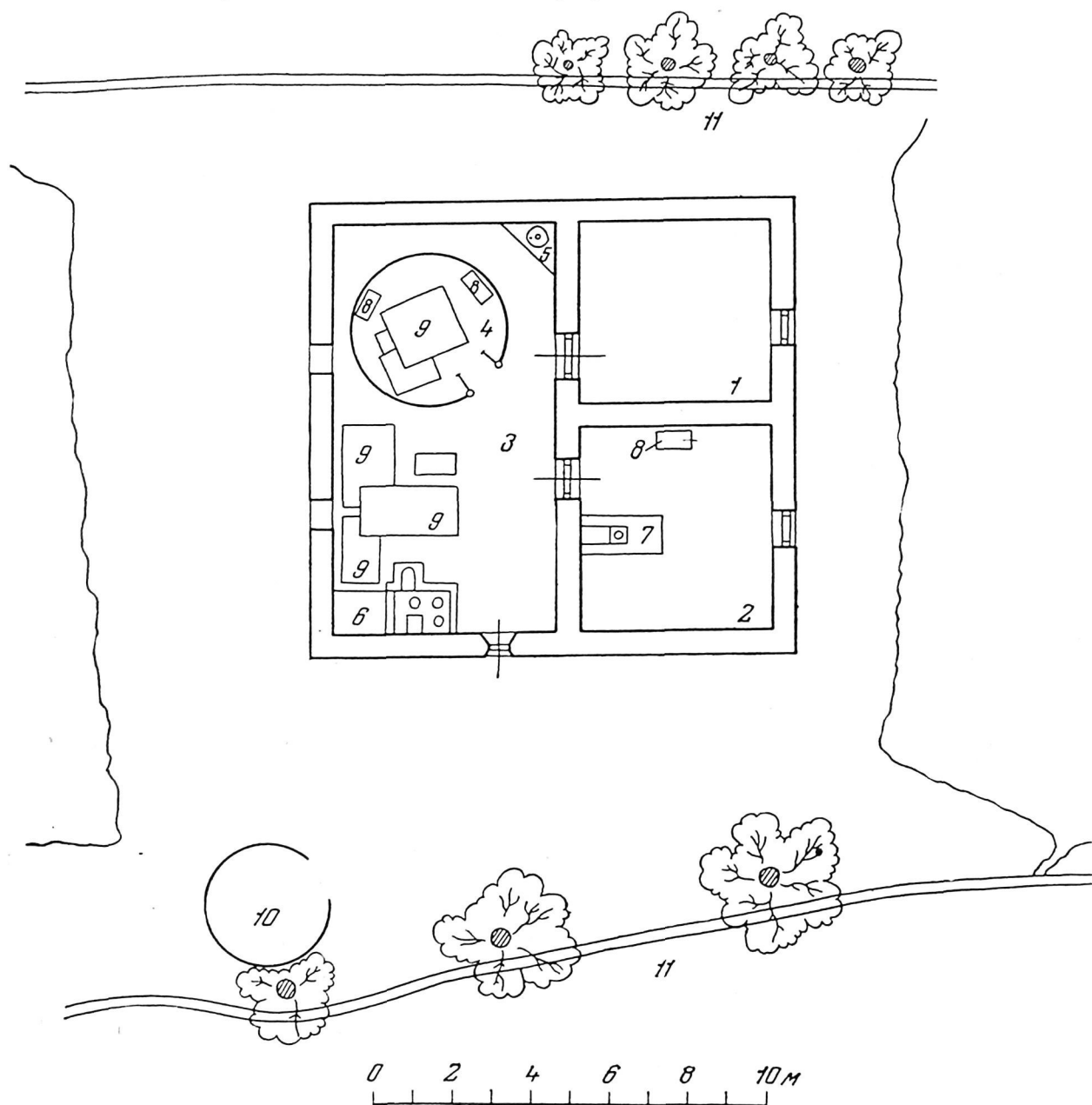

Рис. 4. План одной из усадеб в Елибай-ауле

2 — жилые комнаты (ожире); 3 — помещение, в котором устанавливают юрту на зиму (уйжай); 4 — юрта в уйжае; 5 — ручная мельница на деревянной подставке; 6 — суфа с очагом; 7 — печь с утеплителем и котлом для варки пищи; 8 — шкафчики, сундуки; 9 — паласы, циновки, кошмы; 10 — место, где устанавливается юрта на летний сезон; 11 — арыки, обсаженные деревьями

Аул Елибай оказался типичным поселением каракалпакской «патронимии»¹¹ — коше. Из числа 13 живущих в нем семей лишь одна является пришлой, а 12 связаны довольно близким родством. Путем тщательных расспросов нам удалось составить общую генеалогию из пяти поколений, в которую вошли все нынешние жители аула. При сборе сведений по

¹¹ Патронимия — термин, введенный М. О. Косвеню для семейно-родственной группы; коше считалось мельчайшим родовым подразделением у каракалпачков; члены коше обычно кровные родственники.

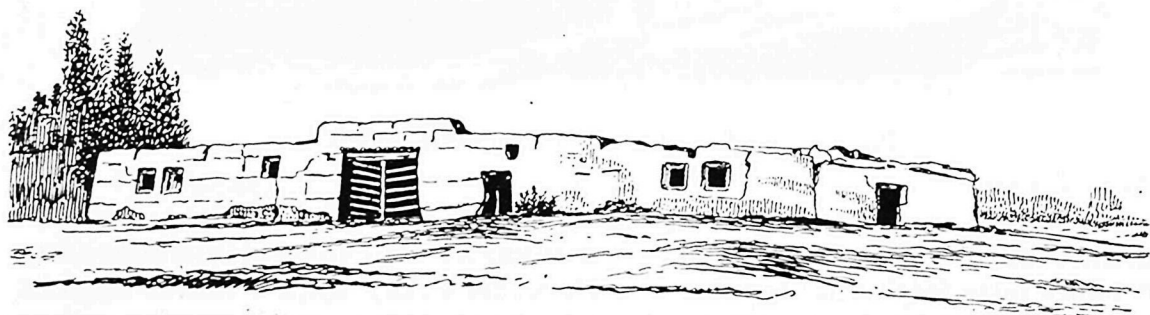
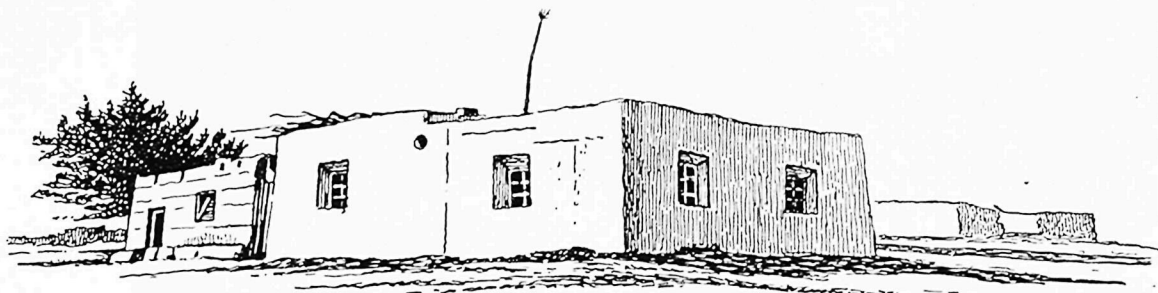
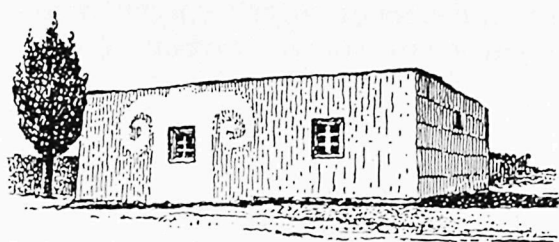

Рис. 5. Типы домов в ауле Елибай

истории отдельных семей выявился интересный исторический факт тесной связи одной из главных ветвей коше елибай с кенегесами района Ходжейли; там жили три брата 77-летнего старика Тлеу Мустапаева и до сих пор живет их потомство; родственники приезжают друг к другу и не порывают семейных связей. С этим следует сопоставить другой факт.

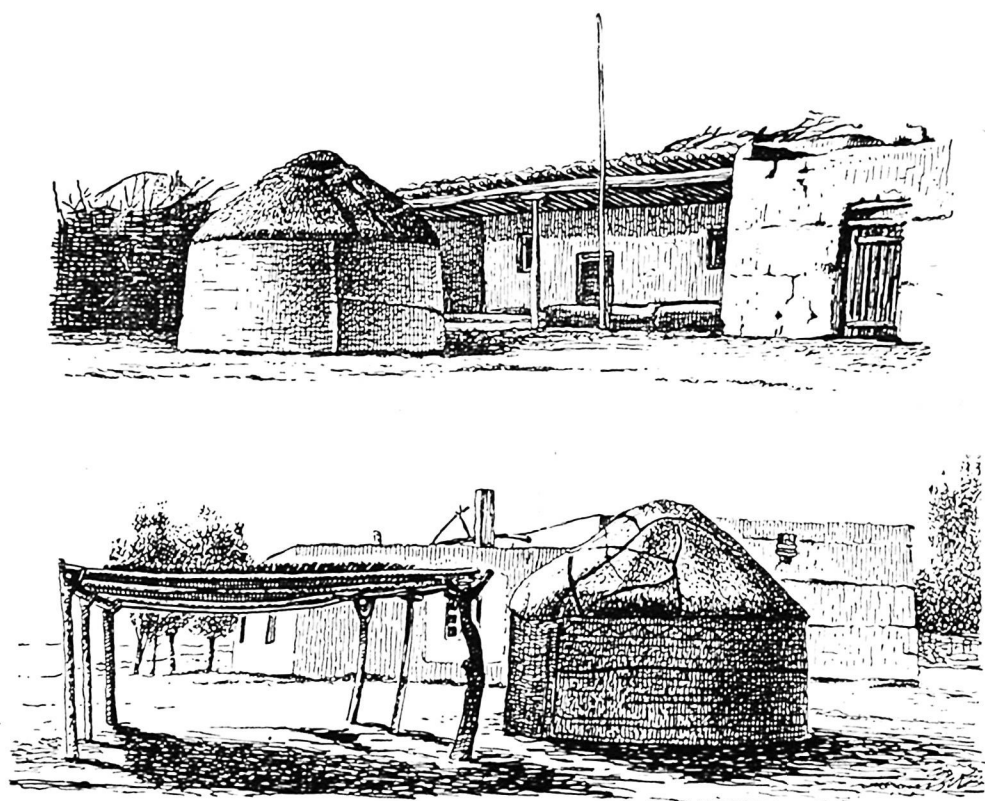

Рис. 6. Усадьбы с юртами в ауле Елибай

Аул Жагабойлы, расположенный между аулами Елибай и Отен, по рассказам всех опрошенных стариков, называется так по той причине, что это коше рода тараклы пришло сюда с берега Аму-Дарьи позже других (жага бойындагы — береговые), когда остальные тараклы после долгих странствований уже осели на нынешних местах; вновь прибывшие «береговые» сородичи, присоединившись к ним, получили здесь земельные угодья и воду. Нам кажется, что оба эти факта могут свидетельствовать о том, что до прихода предков нынешних тараклы с востока, с Сыр-Дарьи, где-то на побережье Аму-Дарьи уже жили родственные им группы кенегесов.

Известно, что это каракалпакское племя ранее всех остальных упоминается в исторических источниках в числе жителей Хорезмского оазиса. В хивинских хрониках «Фирдаусу-ль-икбаль» Муниса и Агехи указывается, что еще во времена Мухаммед-Эмин инака (II половина XVIII в.) правитель кенегесских каракалпаков бий Аман-кули вывел арык Аман-кули «из Аму близ Сукенли-сакасы (голова арыка Ходжейли) и провел на земли кенегес»¹². Я. Г. Гулямов в своем исследовании «История орошения Хорезма» пишет, что каракалпаки-кенегес, «которые поселились на построенном ими канале Аман-кули к югу от Ходжейли, позднее проникли в район Куба-дага. Таким образом, в то время, когда хивинские ханы вели борьбу за установление своей власти над каракалпаками Яна-

¹² «Материалы по истории каракалпаков». «Труды ИВ», т. VII. М.—Л., 1935, стр. 97.

Дарьи и Ак-Якыша, одна часть их уже давно находилась в хивинском подданстве в пределах внутренних районов ханства»¹³. Таким образом, собранный в 1957 г. материал дает возможность высказать предположение, что нами обнаружена одна из групп потомков каракалпаков-кенегес, живших в Хорезме еще в XVIII в. Этот вопрос будет уточняться во время дальнейших работ отряда.

Рис. 7. Арба хивинского типа. Елибай-аул

Поскольку в настоящем отчете нет возможности дать полную характеристику результатов посемейного обследования аула Елибай, остановимся лишь на некоторых из них. Так, очень интересными оказались данные о браках жителей этого аула. Выборка из анкет показала, что из числа мужчин кенегесов-тараклы в коше елибай $\frac{2}{3}$ женаты на женщинах мангытках; на втором месте браки с кенегесами других родов, на третьем — с женщинами конгратских родов. Браков с ктай-кыпшаками у тараклынцеv этого аула совсем не встречается. Преобладание браков с мангытами не только еще раз подтверждает историческую традиционную близость кенегесов и мангытов, отмеченную выше, но и дает возможность высказать предположение о причинах этой близости: видимо, основой «парного» объединения кенегес-мангытов являются пережитки обычая предпочтительных браков между ними, так же как мы это наблюдали в 1946 г. у группирующихся попарно племен кыят-ашамайлы, а в 1945—1948 гг. у ктай-кыпшак; этот обычай уходит своими корнями далеко в глубь истории социального строя каракалпаков, являясь реликтом дуалистической структуры общества их древних предков¹⁴.

Помимо аула Елибай, сотрудники отряда вели работу и в других селениях тараклынцеv. В ауле Жагабойлы Н. П. Лобачевой сделана подробная запись свадебного ритуала кенегесов, описан традиционный состав приданого невесты, собран материал по одежде. Научный сотрудник Каракалпакского комплексного института А. Туреев в беседах со стари-

¹³ Я. Г. Гулямов. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней, Ташкент, 1957, стр. 213.

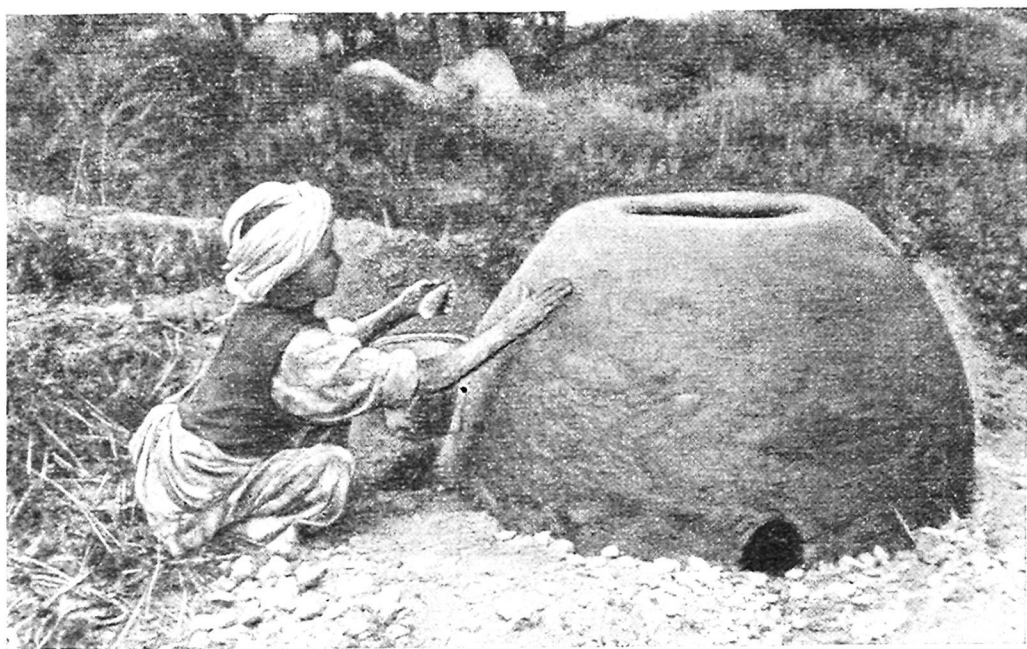
¹⁴ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 94.

Рис. 8. Процесс изготовления
первый этап—укладка нижнего слоя глиняной стенки; второй и третий этапы
возведение стенок тандыра из перемежающихся слоев глины и комьев пахсы;

ками выяснял отдельные стороны дореволюционного общественного строя, причем он впервые обнаружил своеобразную форму типичной патриархально-феодальной эксплуатации — обычай «мулдыкши». По объяснению 70-летнего Шернияза Садуллаева из аула Балталы суть его заключалась в том, что не имевшие земли крестьяне уходили к своим родственникам, и те выделяли пришельцам из своих угодий небольшую долю земли. За эту землю вся прибывшая семья работала в хозяйстве богатых родственников¹⁵. Тот же старик сообщил А. Турееву, что по обычаю люди из другого рода не могли получить землю в аулах тараклы. Человек из чужого рода мог получить землю только у своего родственника, например у дайы (этим термином обозначались родственники по матери —

¹⁵ А. Туреев. Полевая запись № 9.

хлебной печи (тандыра)

четвертый этап — обмазка готового тандыра жидкой глиной с примесью самана

ее братья, родители и др.). Так, устойчивый пережиток давно уже разложившейся родовой общины, видимо, и использовался в целях эксплуатации богатыми землевладельцами, приобретающими в лице бедного «облагодетельствованного» ими родственника бесплатную рабочую силу.

Художником и фотографом отряда была проведена большая работа по фиксации местных форм материальной культуры для среднеазиатского историко-этнографического атласа. Наибольший интерес представляют подробные зарисовки и фотосерии жилища, арбы (рис. 7) и чрезвычайно оригинальная серия фотографий, фиксирующая процесс изготовления женщинами аула Шыныбай хлебной печи—«тандыра» (рис. 8).

* * *

Муинакский район. В рыболовецких колхозах «Кзыл аскер» и «Кенес» в 1957 г. главной задачей отряда, как было сказано выше, являлось

изучение прежних форм хозяйства приморских групп каракалпаков. Работа велась по специально составленному нами вопроснику среди каракалпакских крупных родо-племенных групп мюйтенгов и колдаулы и отчасти среди местных казахов. Для этих групп, как, впрочем, и для большинства каракалпаков-конграт, в прошлом было особенно характерно ведение комплексного земледельческого, рыболовецкого и скотоводческого хозяйства.

В 1873 г. Каульбарс посетил в восточной части дельты Аму-Дарьи, близ бугра Терменбес, в самых низовьях Кегейли и в хвостовой части арыка Наупар большие аулы этих племенных групп. Сделанные им наблюдения послужили основанием для интересного очерка «Кочевые каракалпаки»¹⁶, посвященного описанию хозяйства приморских каракалпаков. Он пишет о своеобразии образа жизни этих «кочевников»: только самые богатые скотовладельцы совершали большие перекочевки — до 75 верст; остальные же все лето проводили близ своих пашен, дорожа занятыми ими удобными участками; стада их паслись в окрестностях — «верст на 10—15 кругом». «Перекочевки» их заключались в перевозке на арбах юрт весной на пашни, причем юрты перевозили на близкое расстояние, в некоторых случаях, как пишет Каульбарс, не превышавшее 250 саженьей¹⁷.

Занимаясь скотоводством и хлебопашеством (главным образом возделыванием проса и риса), местные каракалпаки совмещали эти отрасли хозяйства и с рыболовством; в аулах, находившихся близ водных бассейнов, Каульбарс наблюдал в юртах «острогу и другие принадлежности рыбака, а на берегу — маленькую лодочку»¹⁸.

Мюйтены и колдаулы, ныне живущие в изучавшемся нами районе на Казах-Дарье, не столь давно обосновались в этой местности. Указанные местными жителями прежние места их обитания совпадают с урочищами, где их застал 85 лет тому назад Каульбарс. Так, 80-летний Шугурали Нурымбет из колхоза «Кзыл аскер» рассказывал: «Мюйтены после прихода из Туркестана жили на Терменбесе, у оз. Кара-Терень, в урочищах Коль-сага, Ак-бугут. С этих земель мюйтены потом из-за безводья разбрелись во все стороны. Занимались в тех местах земледелием, скотоводством, зимой в Кара-Терене ловили рыбу. Возделывали просо; воду на посевы поднимали при помощи кол-серпиге, аяк-серпиге¹⁹. Пшеницу, ячмень, джугару не сеяли из-за недостатка воды...»²⁰ 68-летний рыбак-колхозник Абдулла Асанов, каракалпак-колдаулы, сообщил: «Когда я был мальчиком, наша семья жила у Беш-яба (низовья Кегейли). Там занимались земледелием. Причиной нашего переселения на берега Казах-Дарьи было маловодье... Таков уж обычай у каракалпаков, — заключил старик, — когда голодно, переходить к морю, ловить рыбу!»²¹. После того как колдаулинцы пришли на Казах-Дарью, главными занятиями у них стали рыболовство и скотоводство. Эти сведения подтвердил и другой старик-колдаулинец, житель поселка при рыбзаводе Казах-Дарья: «Колдаулы занимались земледелием. Сеяли джугару, пшеницу, ячмень, просо, рис.

¹⁶ А. В. Каульбарс. Низовья Аму-Дарьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 году. ЗРГО, т. 9. СПб., 1881, стр. 543—559.

¹⁷ Там же, стр. 545.

¹⁸ Там же, стр. 558.

¹⁹ Прimitivesкие водоподъемные сооружения, приводившиеся в движение рукой или ногой.

²⁰ А. Туреев. Полевые записи № 21 за 1957 г.

²¹ Там же, № 19.

В ближайших озерах ловили рыбу. Разводили крупный рогатый скот (кара мал), коз, баранов, лошадей»²².

Красочную картину особенностей хозяйственного уклада мюйтенов и других приморских групп каракалпаков дал в своем рассказе житель рыболовецкого колхоза Кенес Айтымбет Нурекешев, казах торт-кара. Группа казахов, к которой он принадлежит, издавна жила в соседстве и тесной дружбе с каракалпаками-мюйтенами и колдаулы. Поэтому Нурекешев знает их быт не хуже, чем своих родных торт-каринцев. По его словам, каракалпаки, поселившиеся близ озера Кара-Терень, в урочище Даукара, занимались земледелием. Они даже построили с разрешения хивинского хана тарнау (запруды) на одном из протоков близ Терменбеса и пользовались водоподъемными сооружениями «кол-серпне» и «аяк-серпне». Но из-за недостатка воды земледелие им очень мало давало, тогда они стали заниматься рыболовством. «Река была небольшая,— говорит старик,— но рыбы в ней очень много. Рассказывают, что пока бык поест, арба уже наполнялась рыбой («Огиз отын жегенче, арба балыкка тола тугун еди»). У каракалпаков главным видом скота был крупный рогатый скот (кара мал),— продолжал Айтымбет.— Они использовали быков не только для земледелия, но и для рыболовства: возили рыбу на быках, в арбе, санях и вьючным способом в мешках (кап). Шкуры быков и коров шли на обувь (етик), хомуты (кууен), на ремни. В прежние времена имевший десять коров считался бедняком (жарлы)». Описывая старинный рыболовецкий инвентарь и средства передвижения рыбаков, старик Айтымбет, по нашей просьбе, описал и старинные сани (шана), употреблявшиеся зимой для перевозки рыбы по льду моря, озер и протоков. Сани, по его утверждению, были известны местным жителям и до прихода русских. Их полозья (табан) каракалпаки подбивали для лучшего скольжения длинными лошадиными костями. Сани с костяными полозьями (суккли шана) ходили быстрее оббитых железом. У каракалпаков сани тащили сами рыбаки или запрягали в них скот. «Каракалпаки в Даукаре,— закончил Айтымбет,— занимались и рыболовством, и земледелием, и скотоводством. Основным было скотоводство. Зимой ловили рыбу, летом возделывали поля и пасли скот — круглый год трудились»²³.

Беседы с жителями селений рыболовецких колхозов «Кзыл аскер» и «Кенес» дали материал не только для конкретного описания прежних отраслей хозяйства (в частности, рыболовства) полуоседлых каракалпаков Аральского приморья и дельты Аму-Дарьи, но и для решения проблемы места и роли полуоседлого населения в исторических судьбах Азии и Казахстана. Основание разработке этой проблемы положено в работе С. П. Толстова «Города гузов»²⁴. Доказывая, что комплексный тип хозяйства был свойственен сыр-дарьинским огузам, С. П. Толстов подчеркивает глубокую традиционность этого хозяйственного уклада, «уходящего по меньшей мере в античную, если не в бронзовую эпоху»²⁵. Комплексные типы хозяйства каракалпаков, якутов и некоторых других народов он рассматривает как «живые этнографические реликты» той «стадии хозяйственного развития, через которую прошли все или почти все скотоводческие народы»²⁶.

В докладе на Первой Всесоюзной конференции востоковедов (1957 г.) нами был уже поставлен вопрос о необходимости дифференциации общепринятого понятия «полукочевых» или «полуоседлых» народов с точки зрения генезиса их типа хозяйства и образа жизни. Наряду с группами

²² А. Туреев. Полевые записи, № 22.

²³ Т. А. Жданко. Полевая запись № 6 за 1957 г.

²⁴ СЭ, 1947, № 3.

²⁵ Там же, стр. 70, 71.

²⁶ Там же, стр. 75.

кочевников-скотоводов, оседающих и полностью переходящих к оседлому земледельческому хозяйству, в Средней Азии и Казахстане имеются народы, значительная часть которых (иногда преобладающая численно) относится к иному виду полуоседлого населения, знающему в одинаковой степени хозяйственные приемы примитивного земледелия, скотоводства и рыболовства. Такое полуоседлое население легко переходит как от земледелия к скотоводству, так и от скотоводства к земледелию, меняя соответственно образ жизни. Живя в степных пустынях и дельтовых областях с неустойчивым в силу природных условий земледелием, оно с древнейших времен занималось земледелием лишь в комплексе со скотоводством, а часто и с рыболовством²⁷.

Наши новые материалы 1957 г. на конкретных, живых примерах из истории отдельных родо-племенных групп и даже семей дают возможность углубить разработку этой важной проблемы. Сейчас можно уже с большей уверенностью говорить о факторах, влиявших в конце XIX — начале XX в. на переселения и изменение характера хозяйственной деятельности муйтенгов, колдаулы и некоторых других групп приморских каракалпаков. Становится понятным, как происходило распределение труда в условиях сложного комплексного хозяйства между членами аульных общин и внутри семей, выясняются особенности господствовавших форм патриархально-феодальной эксплуатации и т. д.

Помимо основной работы по истории хозяйства, сотрудники отряда собрали в Муйнакском районе ценные материалы и по другой этнографической тематике. Архитектор Ю. В. Стеблюк с участием В. Н. Ягодина тщательно зафиксировал местную строительную технику, отличающуюся широким использованием камыша (рис. 9, 10). Н. П. Лобачева со студентом Т. Бегжановым сделали ряд важных полевых записей по семейно-бытовому укладу и верованиям местного населения. По рассказам пожилых колхозниц А. Каражановой и Г. Каниязовой (рис. 11) подробно были описаны свадебные обряды, обряды, связанные с рождением и воспитанием детей, пережитки деления на возрастные группы, бытовавшие прежде способы «лечения» от сглаза и разных болезней и др. М. И. Земская сделала подробное общее описание живописного селения «Кзыл аскер», в котором роль главной улицы играет Казах-Дарья; по этой водной магистрали весь день снуют лодки и катера рыбаков-колхозников (рис. 12). Сотрудники Каракалпакского комплексного института А. Туреев и А. В. Гудкова, кроме участия в работе отряда по изучению истории хозяйства, собирали материалы к своим индивидуальным научным темам по истории и археологии Кара-Калпакии.

* * *

Кунградский и Куйбышевский районы. Историческими памятниками дельты Аму-Дарьи отряд занимался на протяжении всего маршрута, однако основной упор на это был сделан в Кунградском районе. Действительное участие в исследовании принимали сотрудники Каракалпакского комплексного института археологии В. Н. Ягодина и А. В. Гудкова.

Кунградский район, находящийся на севере бывшего Хивинского ханства, в XIX в. был ареной борьбы аральских узбеков и каракалпаков против угнетавших их хивинских ханов. Кроме того, местные аулы и земледельческие селения издавна стали объектом частых грабительских набегов туркмен, отряды которых возглавлялись феодально-родовой знатью, не покорившейся Хиве. Даже в конце XIX — начале XX в., когда

²⁷ Т. А. Жданко. Патриархально-феодальные отношения у полуоседлого населения Средней Азии. Материалы первой Всесоюзной научной конференции востоковедов в г. Ташкенте. Ташкент, 1958, стр. 628—638.

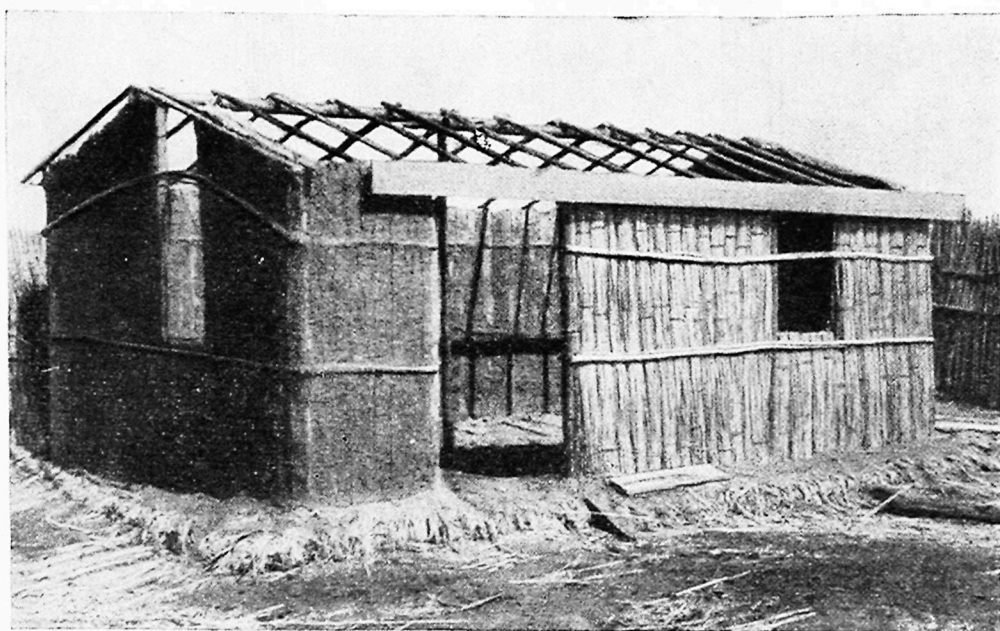

Рис. 9. Постройка жилого дома с применением в качестве строительного материала камыша. Муйнакский район, колхоз «Кзыл аскер». 1957 г.

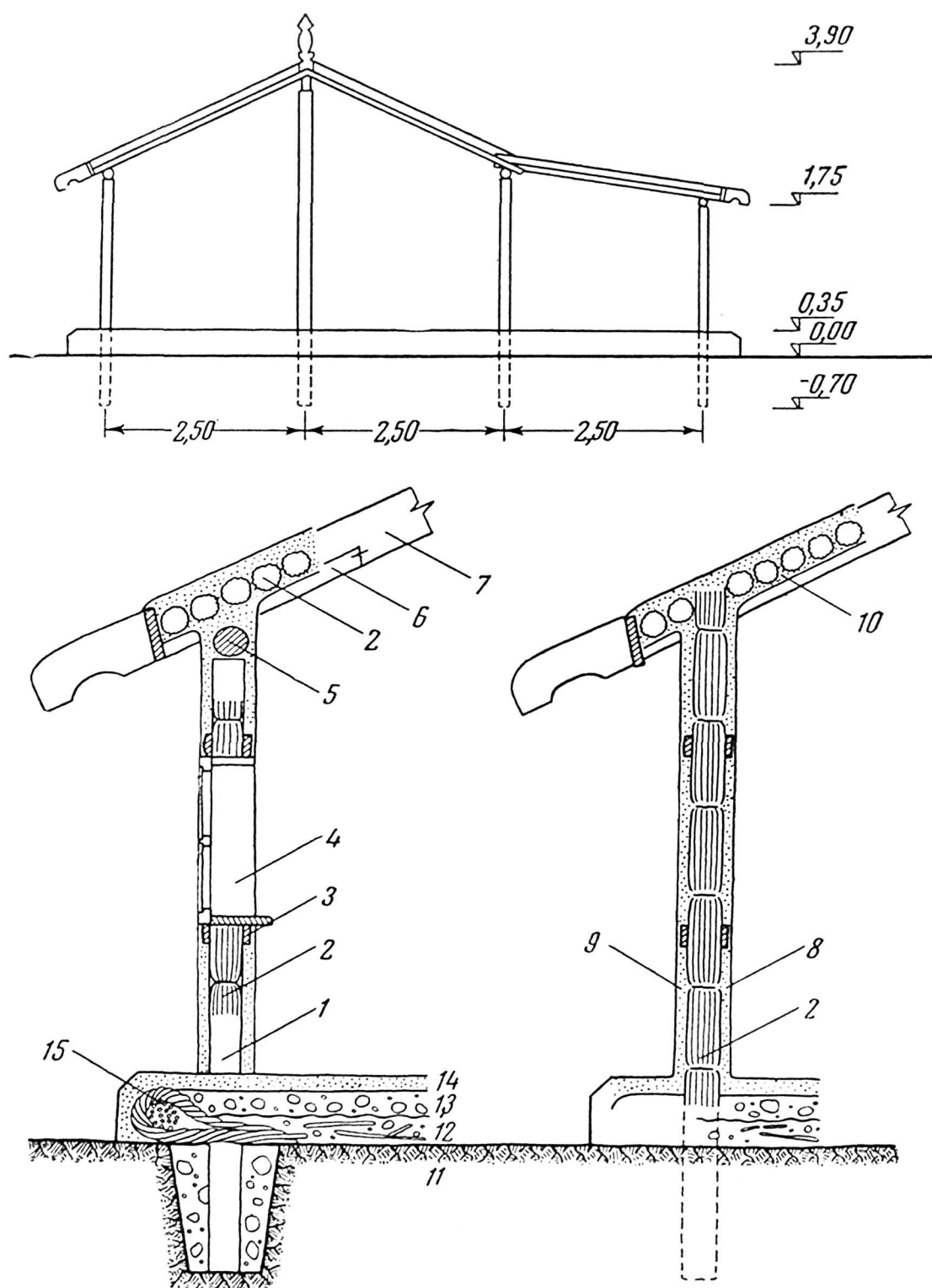
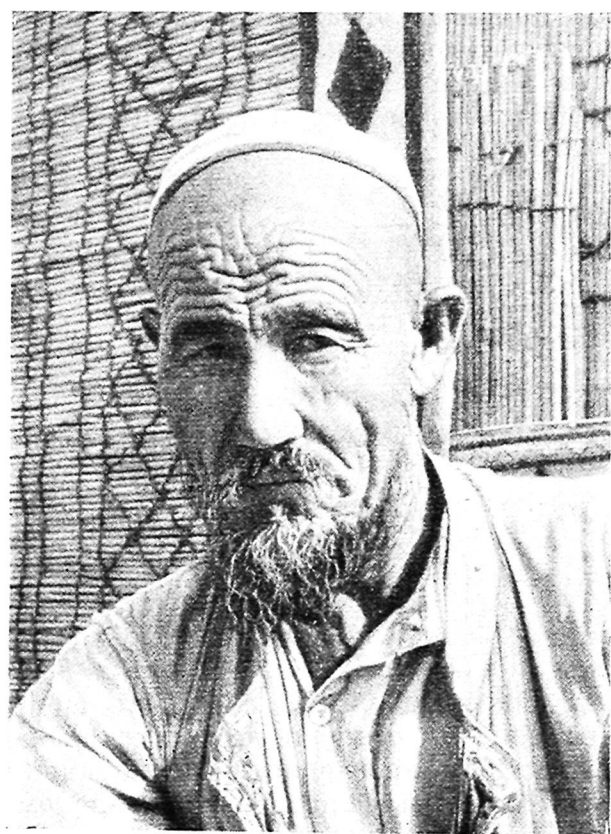

Рис. 10. Конструкция домов (с использованием в качестве строительного материала камыша). Муйнакский район, колхоз «Кзыл аскер»

1 — стойка каркасной стены; 2 — заполнение из камышовых снопов; 3 — горизонтальные рейки каркаса; 4 — оконная коробка; 5 — горизонтальная обвязка каркаса; 6 — стропила; 7 — лицевая доска; 8, 9 — саманная обмазка стены; 10 — саманная обмазка потолка; 11 — поверхность строительной площадки; 12 — засыпка из строительного мусора; 13 — грунт; 14 — обмазка пола; 15 — камышовый жгут, укрепляющий внешнюю камышовую обкладку земляного фундамента

a

b

в

Рис. 11. Информаторы Каракалпакского отряда из колхоза «Кзыл аскер»
a — Турумбет Ораев, 68 лет; *b* — Каражанова Анийпа; *в* — Каниязова Гульзэбнйра, 56 лет

русские войска были призваны ограждать вассальное по отношению к России Хивинское ханство от восстаний и мятежей подвластных ему народов, борьба против ханов и вторжения туркменских отрядов продолжалась. На территории Кунградского района Кара-Калпакской АССР сохранилось

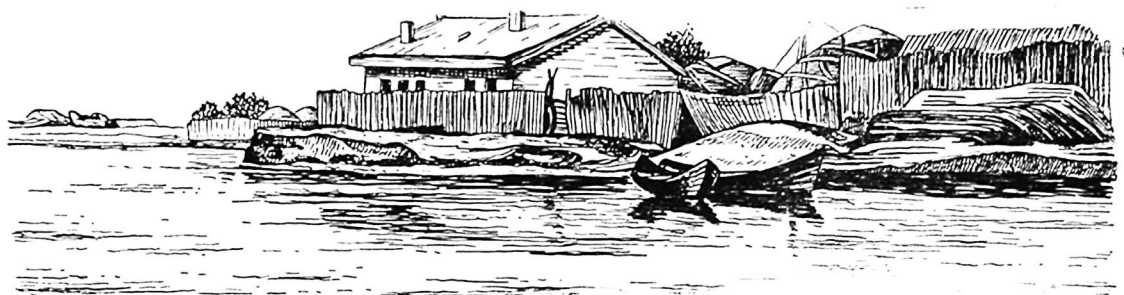

Рис. 12. Поселок колхоза «Кзыл аскер» на Казах-Дарье. 1957 г.
Рис. худ. Ю. Ф. Кубышкина

много исторических памятников этой недавней бурной эпохи народных волнений — каракалпакских крепостей, окруженных земляными валами, и сильно укрепленных хивинских крепостей, являвшихся центрами расположения военных отрядов и резиденциями ханских сановников — хакимов, управлявших местным населением и собиравших налоги.

Главными объектами работы отряда в Кунградском районе были крепости XIX в. Жанга-кала и Худайберген-кала. Жанга-кала (рис. 13), расположенная на территории колхоза им. Жданова, впервые была обследована Хорезмской экспедицией в 1946 г. во время авиа-автомаршрута разведочного археологического отряда С. П. Толстова на юго-восточный Устюрт; тогда же впервые был снят схематический план памятника. В 1957 г. нашим отрядом, кроме тщательной архитектурной фиксации, произведенной В. Н. Ягодиным и Н. И. Игониным (рис. 14), было сделано подробное описание Жанга-калы (А. В. Гудкова) и собраны всевозможные сведения о ней, исторические предания и воспоминания местных жителей.

Согласно преданию, крепость эта была выстроена Мадраим-ханом (1865 — 1910) для защиты местного населения от нападений туркмен и для управления окрестным населением. Она стала резиденцией хивинских хакимов. В восточной части ее жили ханские чиновники, войска, находились конюшни для нукерских коней. В западной части крепости располагался базар. Жили в крепости и ремесленники — кузнецы, сапожники, ювелиры. Много было мясников. На угловых башнях стоял постоянный караул для наблюдения за окружающей местностью. Население крепости, в том числе торговцы и ремесленники, жили в юртах. Дома были только у хакима и кази, последний жил у северных ворот. По словам стариков, строительством крепости руководил хивинский мастер, а строили ее каракалпаки. Общая площадь крепости 168×168 м; она имеет трое ворот, расположенных в северо-западной, юго-западной и юго-восточной стенах. Стены пахсовые, до сих пор сохранилось пять рядов кладки²⁸. В настоящее время в крепости находится сад колхоза им. Жданова.

Вторая обследованная крепость — Худайберген-кала (рис. 15) старше Жанга-калы, она построена около середины XIX в. Крепость находится на восточном берегу одного из протоков Куя-Дарьи, на территории колхоза им. XX партсъезда Кунградского района. В противоположность

²⁸ А. Туреев и А. В. Гудкова. Полевые записи № 2, 3 за 1957 г.

a

б

Рис. 13. Крепость Жапга-кала, XIX в. Кунградский район
a — общий вид; *б* — развалины построек внутри крепости. 1957 г.

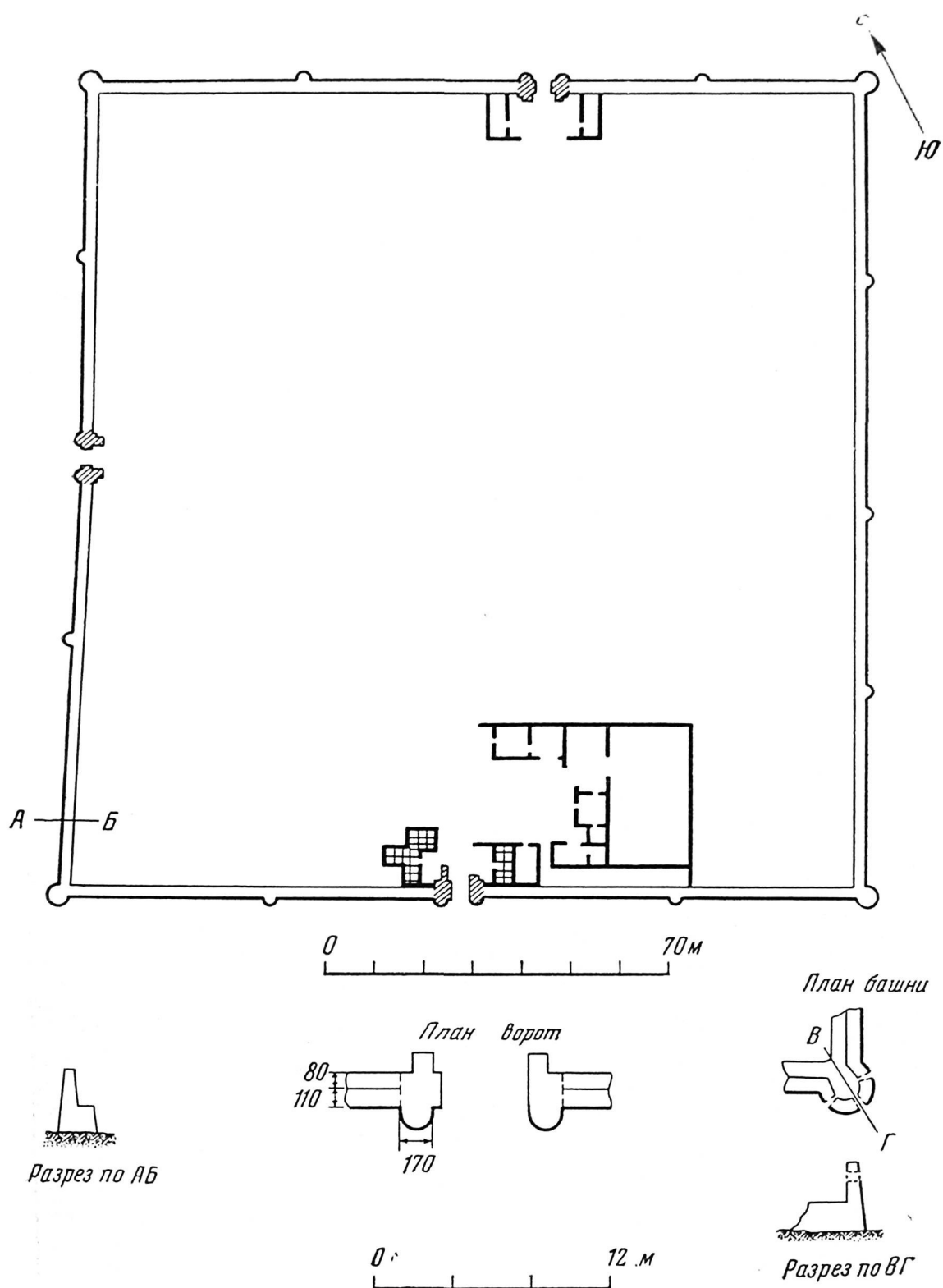

Рис. 14. План развалин крепости Жанга-кала Кунградского района. XIX век. (Современные постройки заштрихованы квадратной сеткой)

Жанга-кале, она находится не в культурной полосе, а за ее пределами, в пустынной степи.

Большое сухое русло протока делает здесь крутой поворот с северо-северо-запада на юго-запад. Построена крепость, по преданию, хивинским

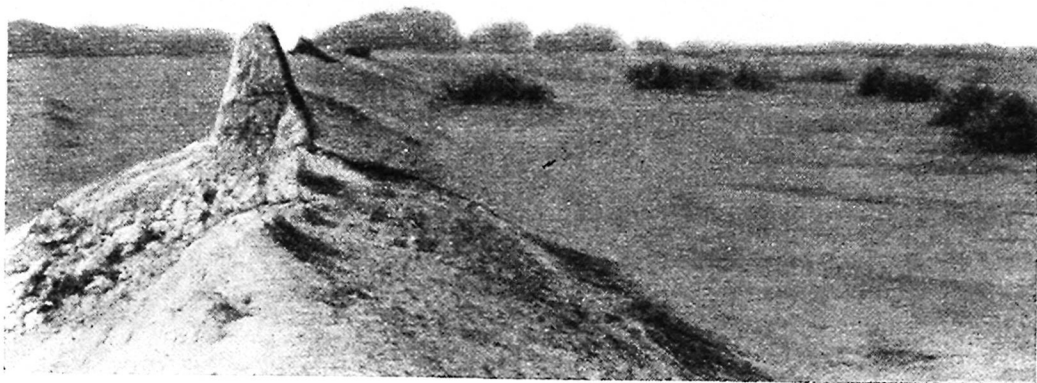

Рис. 15. Развалины крепости Худайберген-кала. XIX век.
Кунградский район. 1957 г.

хакимом Худайбергенем. Существовала она недолго; вода в протоке пересохла и население Худайберген-калы переселилось в Жанга-калу. Через крепость проходит дорога на Шуманай, которая спускается к руслу и пересекает его. Стены крепости сильно разрушены, размыты, сохранились в виде валов, лишь местами на северной и восточной сторонах встречаются останцы в несколько рядов пахсовой кладки. В южной стене сохранились остатки ворот и нескольких зданий, возможно, предвратного сооружения. Внутри крепости явных следов планировки нет, вся площадь ее заросла кустарником, но видны следы арыков и водоемов. Крепость была окружена рвом²⁹. Сильный песчаный буран, заставший отряд во время его кратковременного пребывания в крепости, не дал возможности произвести ее детальной архитектурной фиксации.

Более глубокому обследованию подвергся третий изучавшийся отрядом памятник XIX — начала XX в. — Ишан-кала, находящийся на территории колхоза им. Жданова в Куйбышевском районе, недалеко от райцентра Халкабад.

Ишан-кала³⁰ представляет собой комплекс разновременных исторических памятников, состоящий из крепости (рис. 16) примыкающего к ней с юга и северо-востока небольшого поселка местного духовенства с медресе и мечетями и обширного кладбища, расположенного к югу от крепости на песчаном холме. К северу и к востоку от этого комплекса находятся большой сад и роща. Раньше здесь, в тени густых деревьев, на берегу арыков располагались паломники. Сейчас сад в прекрасном состоянии; он огорожен; кроме фруктовых деревьев, колхоз посадил виноградники; среди зелени, в прохладе на берегу большого водоема (хауза) колхоз-

²⁹ См. Т. А. Жданко. Полевой дневник от 8 августа 1957 г.

³⁰ Детальное описание Ишан-калы сделано А. В. Гудковой (Полевая запись от 20 августа 1957 г.).

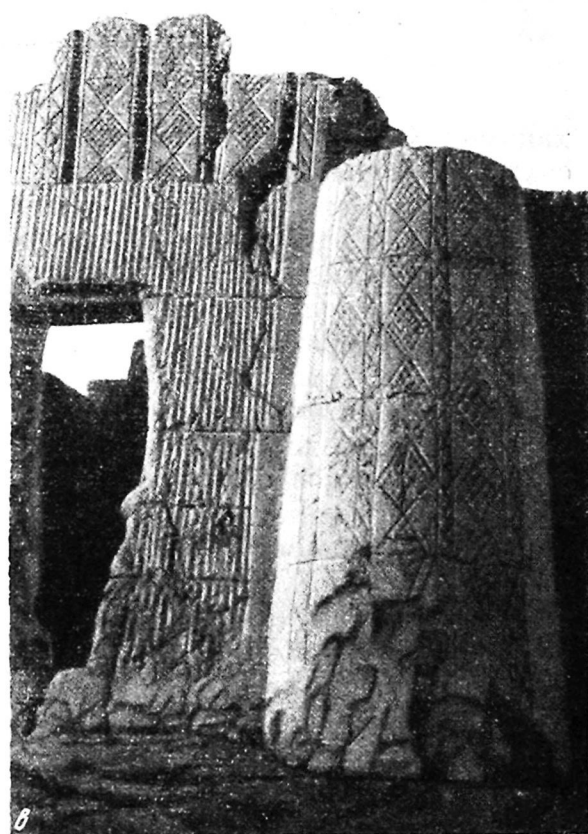
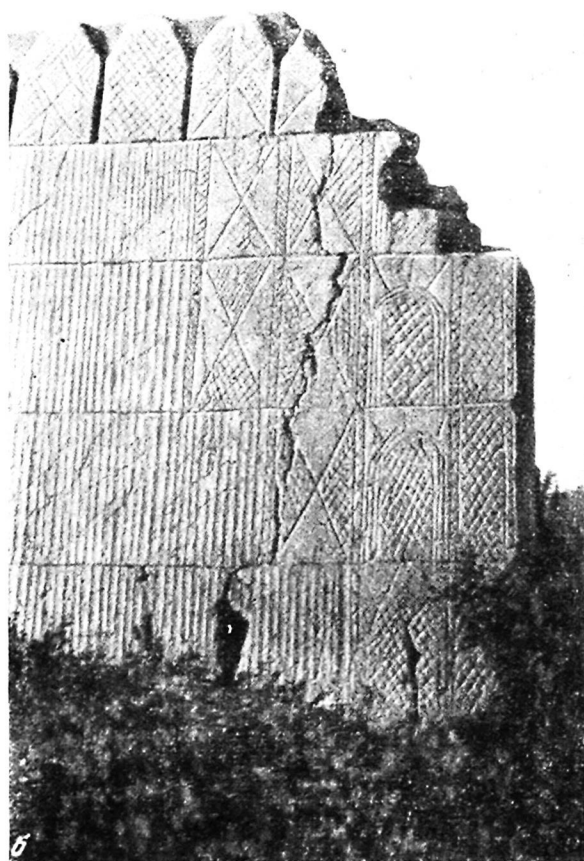

Рис. 16. Развалины крепости Ишан-кала. XIX — нач. XX в
 а — ворота; б, в — останцы пахсовых стен, украшенных резным орнаментом. 1957 г.

ники устраивают совещания, принимают гостей. К тенистой роще вплотную примыкают поля и бахчи.

Крепость — самое «молодое» из зданий архитектурного комплекса Ишан-кала. Она была построена в XX в., незадолго до революции.

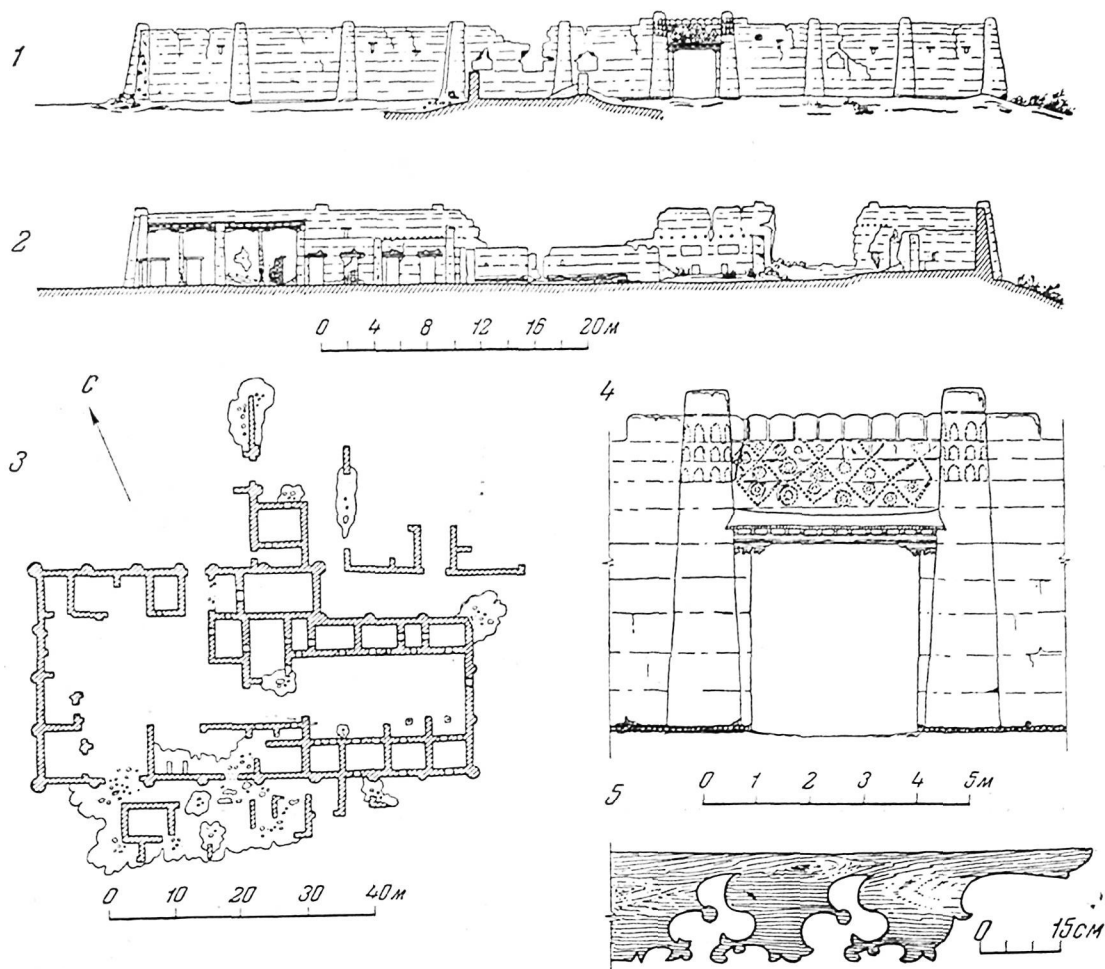

Рис. 17. Крепость Ишан-кала

1 — северный фасад; 2 — продольный разрез; 3 — план крепости; 4 — ворота;
5 — деревянная консоль ворот крепости

Строителем крепости население считает ишана Атауллы из племени канглы³¹. Кладбище старинное. Медресе и поселок ишанов также существуют издавна. Жители рассказывают, что в местном медресе училось до 50 мулл. Вокруг Ишан-калы раньше располагались обширные вакуфные земли, приписанные к мечети и медресе. Лиц, обрабатывавшие эти земли (в том числе некоторые учащиеся муллы и супи), отдавали $\frac{1}{10}$ часть урожая в пользу мечети³².

На бывших вакуфных землях впоследствии было устроено несколько колхозов.

В годы революции и гражданской войны Ишан-кала стала одним из центров реакционных сил, сопротивлявшихся установлению советской власти. Крупнейший чимбайский бай — Максум-хан, собравший в 1919 г. басмаческую банду из нескольких сот всадников, сделал Ишан-калу своей военной базой. Максум активно участвовал в контрреволюционном мятеже.

³¹ А. Туреев. Полевая запись № 26 за 1957 г.

³² Там же.

организованном тогда в Чимбае местными контрреволюционными силами — кулацкой верхушкой казаков-уральцев, баями и ишанами, действовавшими в контакте с Джунаид-ханом и с Колчаком.

Нынешние жители поселка, расположенного у Ишан-калы, являются членами колхоза им. Жданова.

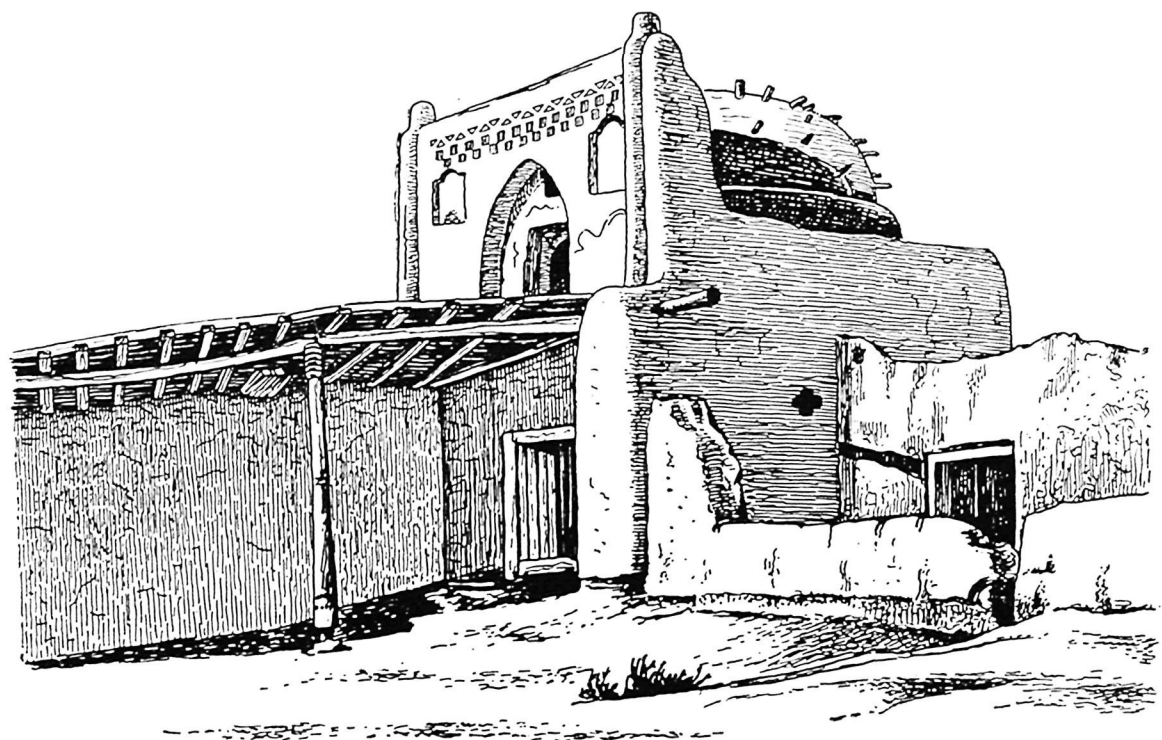

Рис. 18. Мазар на кладбище близ Ишан-калы. Рисунок худ. Ю. Ф. Кубышкина

В настоящее время Ишан-кала приняла вид развалин. Крепость одно время использовалась в качестве животноводческой фермы, но после постройки колхозом специальных хозяйственных помещений совсем опустела и постепенно разрушается. Часть поселка тоже опустела — большинство жителей переселилось в другие поселки колхоза. Сравнительно хорошо сохранилось медресе. Мечеть функционирует, кладбище по-прежнему посещается паломниками.

Крепость представляет собой в плане прямоугольник (рис. 17, 3). Общая площадь ее 68×35 м³³. Большие ворота расположены в северной стене. Стены пахсовые, очень высокие (девять рядов пахсы), тщательно сложенные, с выступающими полукруглыми пилонами, богато украшенные орнаментальной резьбой по сырой глине. Стены стоят на прочном фундаменте из отрезков деревянных бревен, лежащих перпендикулярно направлению стен и перекрытых слоем камыша. Помещения внутри крепости располагались по периметру вдоль ее стен. Примыкающие к крепостным стенам крыши жилых домов имели стоки для дождевой воды, выведенные наружу через длинные вертикальные сквозные отверстия, напоминающие бойницы.

В развалившихся стенах домов много ниш разнообразных форм, видны следы побелки, остатки пристенных очагов. После революции, когда крепость использовалась в качестве хозяйственного помещения колхоза, в стенах были проделаны большие окна, вырубленные в четвертом ряду пахсы.

³³ Северо-восточный угол крепости срезан уступом в 9×25 м (см. план).

Медресе, находящаяся в поселке, имеет небольшой портал. К главному зданию, перекрытому двумя куполами, примыкают ряды помещений (худжр), окаймляющих двор с востока и запада, в них жили учащиеся медресе. Перед мечетью, расположенной напротив двухкупольного здания, построен айван с деревянными резными колоннами на каменных базах.

Отрядом произведена архитектурная фиксация крепости Ишан-кала, зарисованы и сфотографированы детали ее богатого декоративного убранства (резьбы по сырой глине, резьбы по дереву на колоннах и др.). Однако заслуживают дальнейшего историко-этнографического изучения старинное кладбище с расположением в центре его мазаром (рис. 18) и бывший ишанский поселок с прилегавшими вакуфными угодьями, представлявший собой своеобразное крупное владение духовных феодалов-ишанов, которые, пользуясь своим богатством и огромным влиянием на духовную жизнь паствы, играли резко отрицательную роль в исторических судьбах населения дореволюционной Кара-Калпакии.

Б. В. Андрианов

ИЗУЧЕНИЕ КАРАКАЛПАКСКОЙ ИРРИГАЦИИ В БАССЕЙНЕ ЖАНЫ-ДАРЬИ В 1956—1957 гг.

Хивинские источники впервые отмечают каракалпакское население в бассейне Жаны-Дарьи на восточной окраине Аральского владения в связи с описанием походов Ширгази-хана против каракалпаков и аральских узбеков в 1715 г.¹ В связи с этими же событиями автор хивинских хроник Мунис (родился в 1778 г., умер в 1829 г.) упоминает историческое каракалпакское урочище Ак-жагыс (ак-якыш), расположенное на Кок-узяке недалеко от возвышенности Бельтау в восточной части дельты Аму-Дарьи. Согласно народным преданиям², в этом урочище еще 260 лет назад (в конце XVII в.) местные узбеки-сарты торговали с каракалпаками, которые занимали районы к востоку от Кок-узяка (т. е. в пределах дельты Акча-Дарьи и в бассейне Жаны-Дарьи).

Народное предание об урочище Ак-жагыс начинается с упоминания о прежнем населении — сартах. В них можно видеть обитателей средневекового Хорезма — тюркизированных хорезмийцев, под влиянием которых, по мнению С. П. Толстова, и шло развитие полукочевых рыболовных, скотоводческих и земледельческих племен Приаралья³. Как показали разведочные археологические работы Хорезмской экспедиции, обширный комплекс средневековых памятников на Жаны-Дарье и в дельте Аму-Дарьи относится к хорезмшахской и хорезмийско-джучидской культурам. Их хронологически сменяют позднесредневековые памятники каракалпакской культуры — широко раскинувшаяся по Куван-Дарье и Жаны-Дарье ирригационная сеть и остатки укрепленных усадеб и поселений⁴.

Как известно, основная масса каракалпакского народа в XVII—XVIII вв. располагалась в нижнем и среднем течении Сыр-Дарьи. Однако, несомненно, отдельные очаги каракалпакской оседлости существо-

¹ Об истории расселения каракалпаков в бассейне Жаны-Дарьи в XVIII — XIX вв. см. П. П. Иванов. Очерк истории каракалпаков. «Труды ИВ», т. VII. М.—Л., 1935, стр. 73 и сл.; Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родоплеменная структура и расселение в XIX — начале XX века. М.—Л., 1950, стр. 140 и сл.; Б. В. Андрианов. Ак-джагыз (к истории формирования современной этнической территории каракалпаков в низовье Аму-Дарьи). «Труды ХЭ», т. I. М., 1952, стр. 567—568.

² Б. В. Андрианов. Ак-джагыз, стр. 568.

³ С. П. Толстов. Огузы, печенеги, море Даукара (заметки по исторической этнонимике восточного Приаралья). СЭ, 1950, № 4.

⁴ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР в 1946 г. «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», т. IV. 1947, № 2, стр. 181.

вали и западнее. Это население, возможно, увеличилось после событий 1723 г., когда казахские владения на Сыр-Дарье подверглись нападению со стороны джунгар, что вызвало перемещение части каракалпаков на северо-запад. В 1743 году каракалпаки, жившие в низовье Сыр-Дарьи («нижние»), подверглись жестокому разгрому со стороны казахского феодала Абулхаир-хана. В 60-е годы против сырдарьинских каракалпаков вновь выступили казахские феодалы⁵. Видимо этими событиями и было вызвано дальнейшее переселение основной массы каракалпакского народа на среднее и нижнее течение Жаны-Дарьи и далее на запад в пределы Аральского владения, о чем сообщает П. И. Рычков в 1762 г.: «По последним известиям, ко оным аральцам от утеснения киргиз-кайсацкого присоединилась не малая часть нижних каракалпак и совокупно с ними живут»⁶.

Перемещение каракалпаков в дельту Аму-Дарьи в первой половине XVIII в. было, возможно, связано с осушением русла Жаны-Дарьи, которое, как сообщает А. И. Левшин, вновь обводнилось лишь в 1760—1770 гг.⁷ С этого времени началось наиболее интенсивное земледельческое освоение пригодных для орошения земель в нижнем и среднем течении Жаны-Дарьи.

В конце XVIII в. воды Жаны-Дарьи через систему акчадарьинских протоков достигли такыров, лежащих к югу от Бельтау, и соединились с водами Даукаринской низменности. Это, в известной мере, облегчило переселение основной массы каракалпаков из бассейна Сыр-Дарьи в Хорезм⁸.

В первом десятилетии XIX в. (1809—1811 гг.) Жаны-Дарьинский каракалпакский оазис прекратил свое существование, так как население в результате завоевательных походов хивинских ханов было переселено в пределы Хивинского ханства⁹. Каракалпакские поселения, поля и каналы были заброшены, а русло Жаны-Дарьи пересохло. В 1816 г. течение в реке еще было значительным, но уже в 1820 г. Мейендорф пересек сухое русло и отметил, что вода была только в самом верхнем отрезке реки¹⁰.

* * *

Остатки каракалпакской ирригации на Жаны-Дарье были открыты и предварительно обследованы Хорезмской экспедицией еще во время разведочных археологических работ 1946 г.¹¹, когда широкое применение получили наряду с наземными автомобильными маршрутами авиационные разведки, охватившие обширную территорию древних дельт Сыр-Дарьи и Акча-Дарьи¹². С помощью авиации и наземных маршрутов удалось открыть и обследовать ряд позднесредневековых памятников и определить границы каракалпакских земель древнего орошения — от

⁵ М. П. Вяткин. Очерки по истории Казахской ССР. М., 1941, стр. 159.

⁶ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887, стр. 16.

⁷ А. И. Левшин. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей, ч. 1, СПб., 1832, стр. 101.

⁸ Б. В. Андрианов. Ак-джагыз, стр. 574.

⁹ Б. В. Андрианов. Этническая территория каракалпаков в северном Хорезме. «Труды ХЭ», т. III, 1958, стр. 69 и сл.

¹⁰ А. И. Макшеев. Описание Аральского моря. ЗРГО, кн. 5, 1851, стр. 57.

¹¹ С. П. Толстов. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция Академии наук СССР в 1946 г. «Изв. АН СССР. Серия истории и философии», т. IV. № 2, 1947, стр. 181.

¹² «Хроника работ Хорезмской экспедиции Академии наук СССР». «Труды ХЭ», т. I. М., 1952, стр. 631—632.

верховьев Жаны-Дарьи на востоке, среднего течения Куван-Дарьи на севере, до нижних протоков Жаны-Дарьи и Акча-Дарьи на западе-юго-западе¹³. В последующие годы работы на Жаны-Дарье были продолжены; в частности, в 1950—1951 гг. был изучен крупнейший исторический памятник каракалпаков XVIII — начала XIX в. — Орунбай-кала¹⁴.

Систематическое и детальное изучение каракалпакских земель древнего орошения на Жаны-Дарье началось в 1956 г. одновременно с началом стационарных археологических раскопок на Барак-таме, расположенном в центральной части северной Акча-Дарьинской дельты. Именно отсюда и были начаты маршрутные изыскания археолого-топографического отряда. В 1956 г. (30.IX—18.X) была обследована территория от Барак-тама¹⁵ до урочища Чобан-казган и далее до урочища Клы в среднем течении Жаны-Дарьи, где открыто каракалпакское укрепление Аралбай-кала. В 1957 г. (5.X—27.X) работы были продолжены от урочища Клы вверх по Жаны-Дарье к Орунбай-кале, к Сарлы-таму до Чирик-рабата (рис. 1).

Первое небольшое каракалпакское оросительное сооружение было встречено на Чимбайском тракте, недалеко от колодца Чагыр, в 38 км от Барак-тама (поиск 28)¹⁶. Сооружение состоит из 30-метрового арыка, берущего свое начало в неглубоком русле Акча-Дарьи, и двух водосборных бассейнов, откуда вода подавалась на поля с помощью водоподъемного сооружения, по-видимому, чигиря (рис. 2). Диаметры водосборных бассейнов 6 и 7 метров. Рядом с ними следы нескольких ям, вероятно, остатки заплывших землянок. Арык имел ширину 8 м, между валами — 2,5 м, глубину — 2 м. Целый ряд подобных сооружений и узких арыков, забиравших воду непосредственно из основного русла, был зафиксирован и далее на северо-восток как на протоках Акча-Дарьи, так и на главном русле Жаны-Дарьи.

Во многих случаях ниже головных сооружений арыков поперек русла были сооружены глухие плотины, от которых сохранились глиняные валы в 2—3 м высоты. Так, глухая плотина длиной 65 м (рис. 3, а, б) находится в 2 км к юго-западу от Чобан-казгана (поиск 32). Она перегораживает неглубокое 60-метровое русло одного из самых северо-восточных протоков Акча-Дарьи. Глиняный вал имеет у основания 6 м, при высоте в 2—2,5 м. Перед плотиной с запада и востока имеются два головных сооружения. Западный арык имеет общую ширину в 6 м, ширину между валами — 2 м, глубину 1—1,5 м. Его береговые отвалы возвышаются над уровнем полей всего на 0,3—0,5 м (рис. 3, в). Вода поднималась на поля чигирями.

Подобные оросительные сооружения в виде водоподъемных глухих плотин, перегораживающих большие русла, и коротких, но глубоких арыков с чигирными ямами довольно широко распространены по всей северо-восточной окраине Акча-Дарьинской дельты, где сильно разветвленная сеть протоков Акча-Дарьи смыкается с руслами Жаны-Дарьи.

¹³ С. П. Толстов. По следам древнехорезмийской цивилизации. М.—Л. 1948 (см. приложение—Археологическая карта Хорезма и сопредельных районов).

¹⁴ Т. А. Жданко. Каракалпаки Хорезмского оазиса. «Труды ХЭ», т. I, стр. 522—524.

¹⁵ В 1956 г. обследование в окрестностях Барак-тама выявило следы орошаемого земледелия и поселений первой половины I тысячелетия н. э. Отрядом было проведено несколько маршрутов, которые помогли установить, что источником орошения античного оазиса служили жаныдарьинские воды, проникшие в систему акчадарьинских протоков с северо-востока.

¹⁶ Это сооружение незадолго до начала работ археолого-топографического отряда было открыто и обследовано Т. А. Жданко во время маршрута Акча-Дарьинского отряда Хорезмской экспедиции.

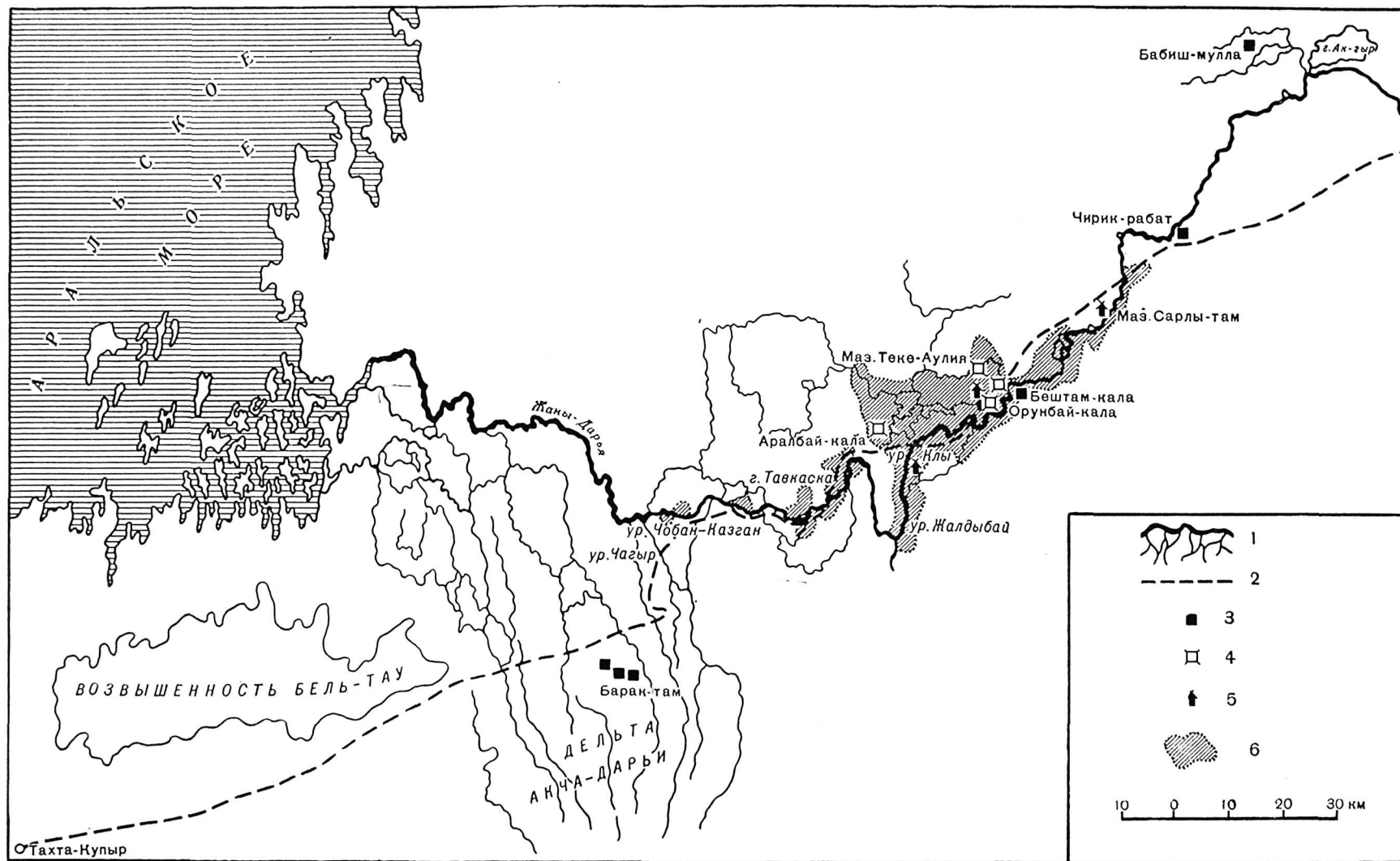

Рис. 1. Обзорная карта работ археолого-топографического отряда Хорезмской экспедиции в 1956—1957 гг.
 1 — сухие русла Жаны-Дарьи и Акча-Дарьи; 2 — Чимбайский тракт; 3 — античные и средневековые укрепления; 4 — позднесредневековые каракалпакские укрепления; 5 — мазары; 6 — зона каракалпакского орошения, обследованная отрядом

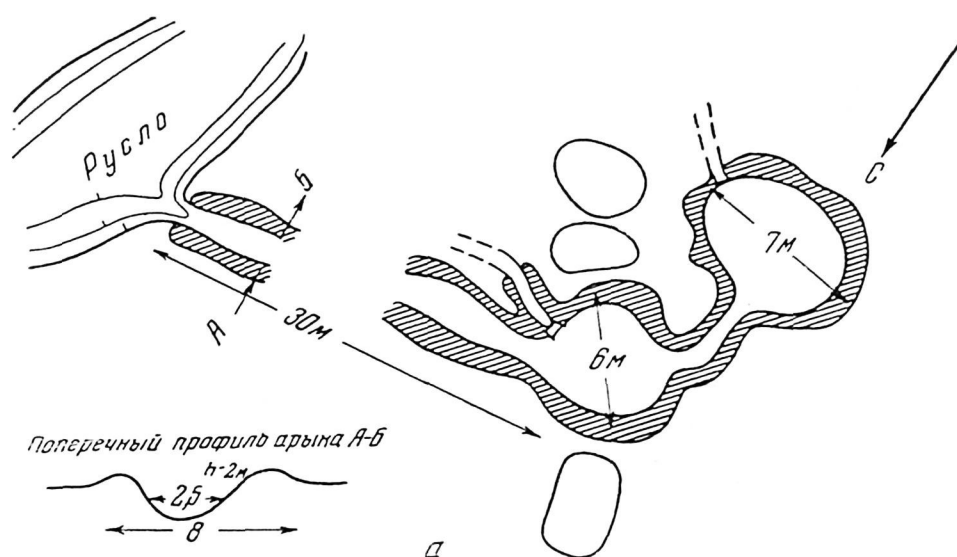

Рис. 2. Оросительное сооружение в окрестностях урочища Чагыр (поиск 28)

а — схематический план и поперечный профиль арыка; б — общий вид

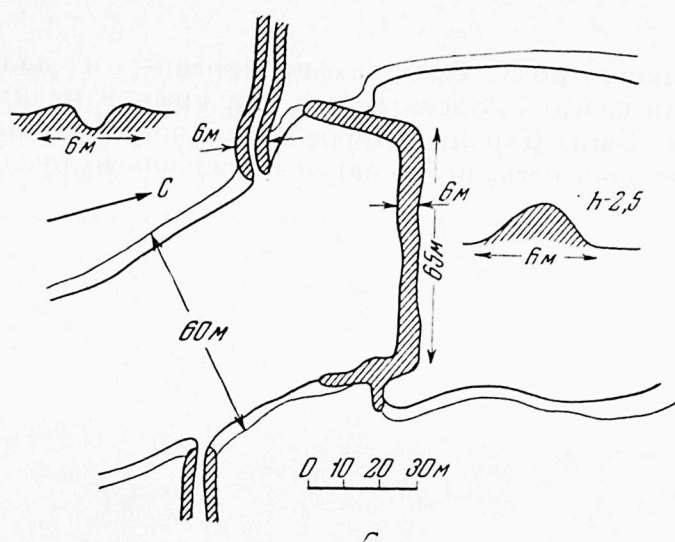

Рис. 3. Плотины и головные сооружения в окрестностях Чобан-казгана (поиск №2)
а — схематический план; б — общий вид плотины; в — общий вид арыка

Системы такого рода были зафиксированы и далее на северо-восток от Чобан-казгана. Здесь целый ряд арыков начинался прямо от главного русла Жаны-Дарьи, которое имеет ширину около 120—130 м. Однако оросительная сеть, питавшаяся от основного русла Жаны-Дарьи,

Рис. 4. Русло Жаны-Дарьи в урочище Клы

отличается от вышеописанной более сложной планировкой. Она, как правило, образует сильно разветвленные системы и занимает весьма значительные площади. Эта сеть была обследована отрядом на обширной территории вдоль русла Жаны-Дарьи, между бугром Тавкаска и урочищем Акмамбет (в 10 км к северо-востоку от урочища Клы), и нанесена на карту.

В этом районе сильно разветвленная сеть протоков Жаны-Дарьи имеет общее западное-юго-западное направление. Протоки огибают серию меридиональных песчаных гряд и собираются в одно русло в окрестностях Тавкаска. Наиболее свежий глубоковрезанный (вероятно, основной для позднего времени) проток в окрестностях Клы (рис. 4) меняет юго-западное направление на южное, идет к урочищу Жалдыбай, где образует крутую излучину, и поворачивает на север до соединения с другими протоками.

В окрестностях урочища Клы обнаружены наиболее интенсивные следы земледельческой деятельности (рис. 5). Здесь каракалпакский культурный оазис простирался с севера на юг вдоль коренных песчаных гряд на 25 км при ширине от 5 до 10 км. По направлению к урочищу Жалдыбай культурная зона резко сужалась и ограничивалась узкой полосой вдоль основного русла. Вся территория покрыта бесчисленными многоугольниками обвалованных поливных участков, многочисленными ямами для чигирей, пересечена в разнообразных направлениях извилистыми мелкими и крупными арыками, образующими сложные ветвистые системы, усеяна остатками поселений в виде оснований для юрт, развалин оград и построек. Среди них местами возвышаются мазары, имеющие однотипную планировку и сложенные из сырцового кирпича. Мазары, видимо, следует отнести к более позднему, возможно даже к казахскому этапу,

когда, как известно, эта территория была покинута каракалпаками после хивинско-каракалпакских войн в начале XIX в.¹⁷

Центральное место в этом оазисе занимает укрепление Аралбай-кала. Укрепление имеет четырехугольную планировку с длиной стороны 180,

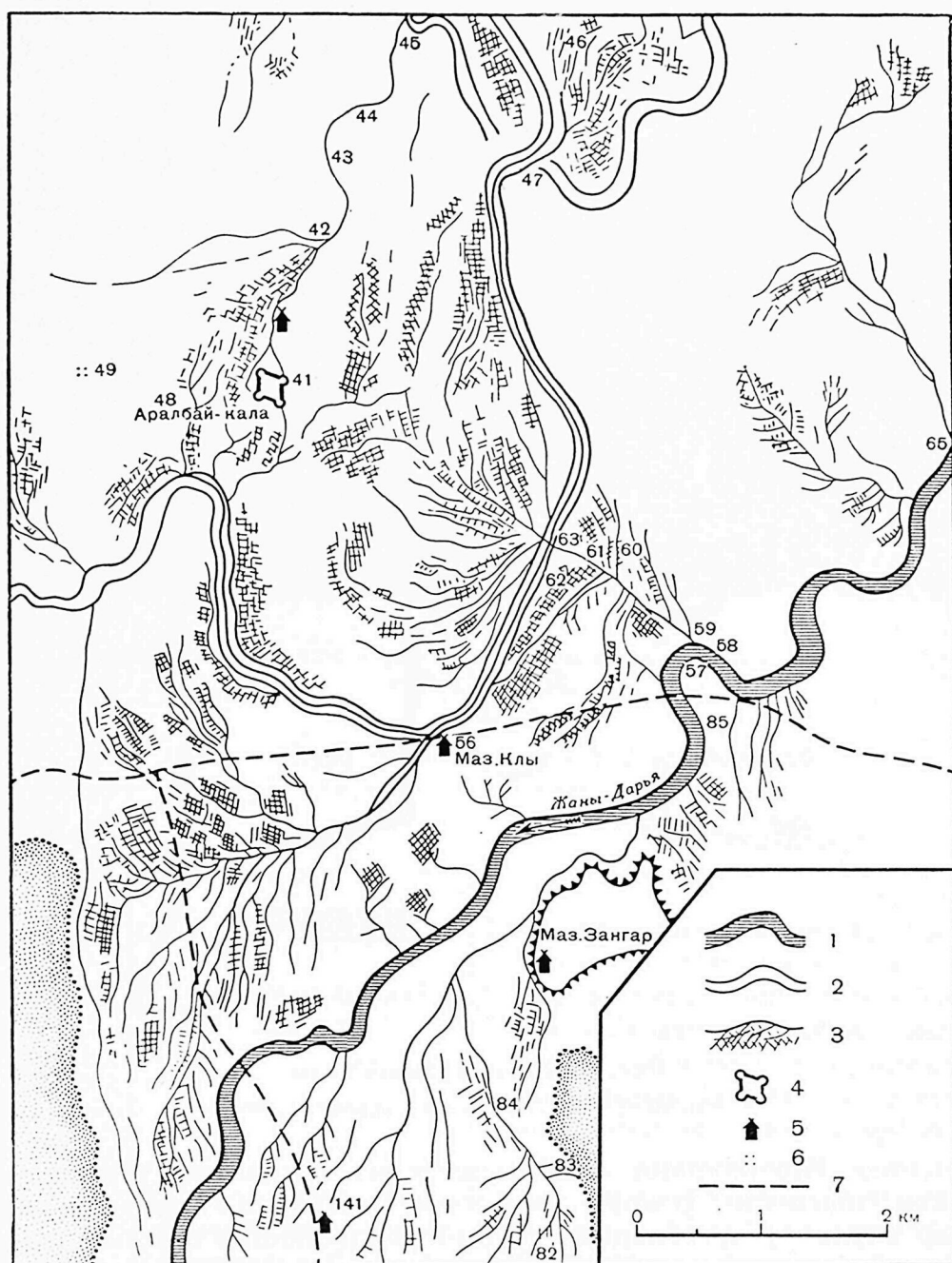

Рис. 5. План урочища Клы

1 — глубоковрезанное основное русло Жаны-Дарьи; 2 — боковые слабоврезанные русла; 3 — каракалпакские каналы и поля; 4 — каракалпакское укрепление; 5 — мазар; 6 — поиски 1956 г.; 7 — дороги

204, 180, 188 м (рис. 6). Оно окружено рвом и валом и укреплено невысокой глинобитной стеной с круглыми башенками по углам для ружейного огня. Ворота были в северной стене. Стены сильно разрушены и сохранились лишь в нескольких местах (рис. 7). По своему характеру они напоминают стены туркменского укрепления Машрык-сенгир (1830—

¹⁷ Т. А. Жданко. Очерки исторической этнографии каракалпаков, стр. 150.

1840 гг.)¹⁸. Толщина стены у основания 60—70 см, вверху 30—40 см. Высота со стороны городища 2,3 м, со стороны рва — 3,2 м. Сложены стены из пахсы и местами укреплены саксаулом.

В городище не найдено следов застройки, однако местами видны скопления керамики, пепла и углей. Все это говорит о том, что жившие в

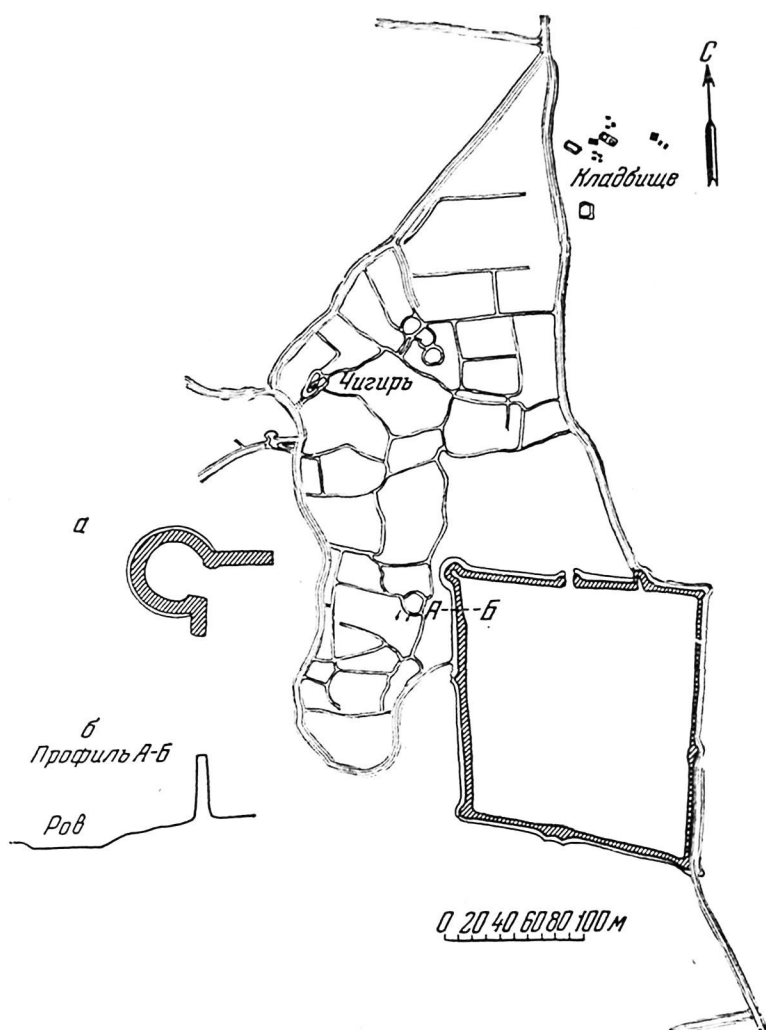

Рис. 6. План Аралбай-калы
а — план сев.-зап. башни; б — профиль стены

окрестностях каракалпаки использовали его в качестве убежища лишь в моменты опасности. В археологическом материале с городища (правда, довольно скудном) преобладают грубые толстостенные светлые, покрытые зеленоватой поливой сосуды хивинского ремесленного производства XVIII — начала XIX вв.

Вокруг укрепления обнаружена густая оросительная сеть и обвалованные участки полей, среди которых возвышаются площадки со следами оснований юрт. Поля были самых разнообразных размеров и форм. Преобладали неправильные четырехугольные участки, с размерами сторон по периметру 30, 40, 30 и 38 м или 42, 33, 41 и 26 м и т. п. (рис. 8). Они находились в наиболее низких и ровных местах. На таких участках возделывали преимущественно зерновые культуры (просо, ячмень, пшеницу).

¹⁸ Б. В. Андрианов, Г. П. Васильева. Опыт археолого-этнографического изучения покинутых туркменских поселений XIX в. «Изв. АН ТуркмССР», 1957, № 2, стр. 103, 104.

На полях был заложен почвенный шурф, который выявил довольно небольшую мощность агроирригационного слоя — всего 34 см, что, вероятно, связано с кратковременностью земледельческой культуры. Под ними обнаружены аллювиальные отложения — песок и суглинок.

Рис. 7. Стены Аралбай-калы и ров. На заднем плане сохранившийся участок стены и башни

Шурф на поле Аралбай-калы

Глубина (в см)	Слой	Характеристика слоев
0—2	Такырная корка	Такырная корка, пористая, серовато-пепельная, книзу темно-серая
2—34	Агроирригационные наносы	Суглинок, светло-серый, слегка опесчаненный, комковатый, плотный, однородный по цвету. Заметны следы перемешанности. Нижняя граница слабо волнистая четко выражена тонкими прослоями суглинка, залегающего на песке
34—89	Аллювиальные тугайные почвы на прирусловых песчаных отложениях	Песок серовато-желтый, тонкозернистый пылеватый, с большим содержанием слюды, уплотнен в нижней части, местами ожелезнен
89—150	То же на суглинистых отложениях	Суглинок, очень плотный, серовато-розоватый, слоистый, распадающийся на плитчатые отдельности с многочисленными ржавыми пятнами, указывающими на сильную обводненность в прошлом

Поля орошались из канала, который удалось проследить к северу от Аралбай-калы на протяжении 3 км вплоть до его истоков из протока Жаны-Дары. Его общая ширина возле укрепления — 7 м, ширина между

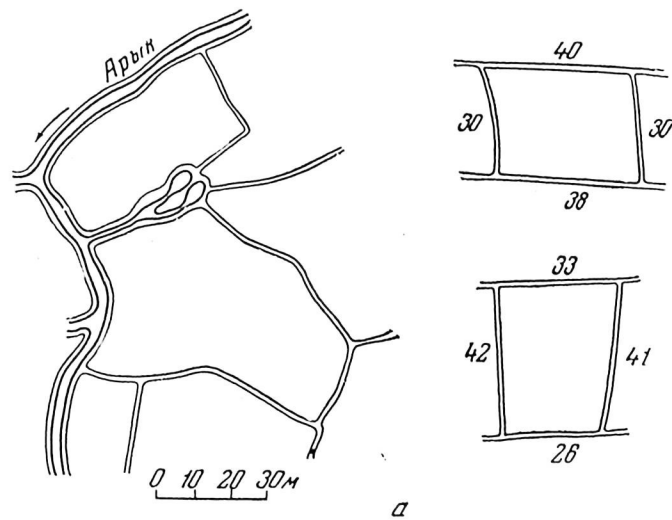

Рис. 8. Поля в окрестностях Аралбай-калы
а — планы; б — общий вид

валами — 2,9 м, глубина — 1,1 м. В своей верхней части канал сохраняет по ширине те же размеры, но глубина его меньше и днище плоское. Дно русла покрыто аллювиальным песком, обогащенным кварцем, слюдой и мелкими обломками ракушек *Planorbis* и *Anodonta*. В окрестностях

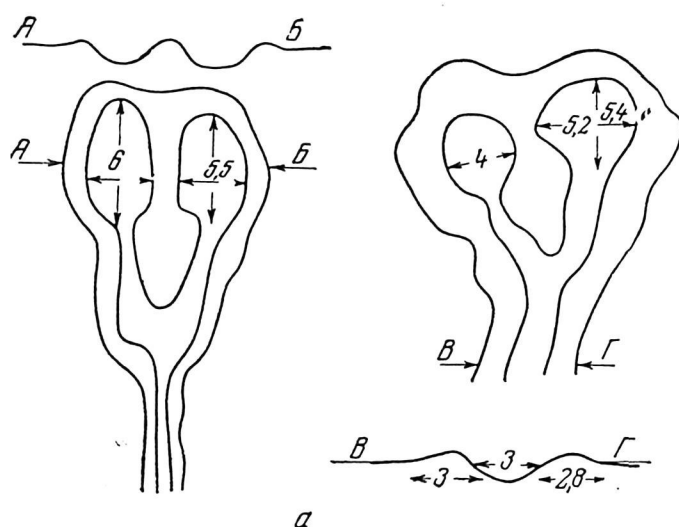

Рис. 9. Ямы для чигирей в окрестностях Аралбай-калы
а — схематические планы; б — общий вид

Аралбай-калы зафиксировано большое количество водосборных ям, которыми, как правило, заканчивалось большинство мелких арыков. Ямы, откуда вода подавалась на поля с помощью водоподъемных приспособлений (чигирей), имеют разнообразные формы и размеры (рис. 9).

Среди различных каракалпакских ирригационных сооружений в окрестностях Аралбай-калы значительный интерес представляют также головные сооружения каналов, которые были обнаружены и обследованы как на основном русле Жаны-Дарьи, так и на боковых протоках. Оросительная сеть к юго-востоку от Аралбай-калы базировалась на канале выведенном из основного русла Жаны-Дарьи в 1 км к северо-востоку

от колодца Клы. Мощное головное сооружение этого канала располагалось на крутом изгибе русла, которое имеет здесь ширину 60—70 м и глубину 4 м (рис. 10). Сооружение начинается вытянутым в северо-западном направлении понижением, открывающимся в русло на высоте 5 м от дна русла. Понижение со стороны русла укреплено дамбами, которые

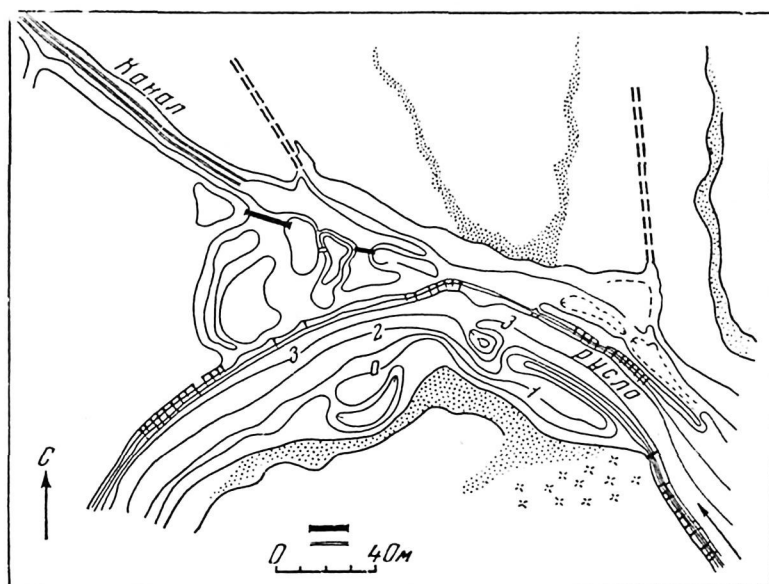

Рис. 10. План головного сооружения канала в урочище Клы

закрывают размытые участки прируслового вала реки. Канал имеет ширину 6 м, при глубине в 1,2—1,5 м. Общая ширина понижения, в котором проложен канал, — 21—22 м.

Другое головное сооружение, обследованное отрядом в 5 км к западу от мазара Клы, состоит из начинающихся в протоке Жаны-Дарьи трех голов на разных уровнях (+1,37; +1,46; +2,07) (рис. 11). В русле обнаружена глубокая котловина. Ниже по течению — остатки небольшой плотины. Арыки, берущие здесь начало, неширокие (2,5—3,5 м). Их глубина 0,7—1,0 м.

В 1957 г. археолого-топографические изыскания были продолжены к югу от урочища Клы. Было обследовано основное русло Жаны-Дарьи и система каракалпакских каналов в окрестностях урочища Жалдыбай. Следы орошения прослежены на протяжении 5 км к югу от колодца Жалдыбай. В системе одного из каракалпакских каналов были обнаружены невысокие (50—60 см) пахсовые ограды, окружавшие поля неправильной четырехугольной и овальной формы (поиск 127).

Аналогичные агроирригационные планировки зафиксированы и в других местах, например в окрестностях мазара Зангар, у Орунбай-калы и т. д. В 5 км к юго-западу от мазара Зангар эти планировки связаны со сложной системой дамб и плотин, образующих оросительную сеть, которая берет свое начало в основном русле Жаны-Дарьи (поиски 139, 140). На восточном берегу русла огромная естественная котловина является водосборным бассейном; со стороны берега она ограничена двумя дамбами. Одна из этих дамб имеет длину 25 м и ширину 4 м у основания. В котловину открывается широкая ложбина. Вдоль ее склонов проложен арык, повторяющий своими изгибами все неровности восточного склона прирусловой возвышенности. Арык разветвляется. Справа от него низина разбита на поливные участки, имеющие четырехугольную и ромбовидную форму с размерами сторон 10—12 м. Орошение в низине было

самотечным. В низовье арыка располагаются невысокие (60—70 см) ограды, образующие овалообразные планировки. Их территория пересечена мелкими арыками и усеяна чигирными ямами.

Рядом с головным сооружением на вершине прируслового вала Жаны-Дарьи возвышается мазар. Подобные мазары были зафиксированы в

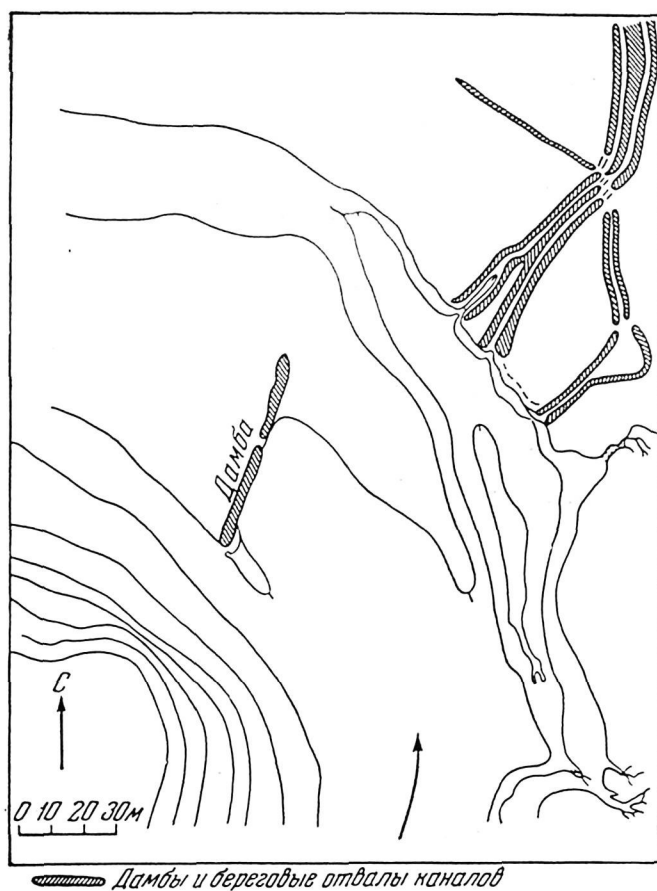

Рис. 11. План головного сооружения каракалпакского канала к западу от урочища Клы (поиск 89)

нескольких местах между урочищами Жалдыбай и Клы. Все они имеют однотипную планировку, сложены из сырцового кирпича $36 \times 8 \times 8$ см ($38 \times 10 \times 10$ см и т. п.). Мазары имеют площадь около 8×8 м (6×6 м) при высоте от 1,8 до 2,5 м (рис. 12). Углы мазара укреплены ложными башенками. Толщина стен в полтора кирпича (55—60 см). Стены обмазаны снаружи и внутри саманной штукатуркой. Вход находится в южной стене и оформлен в виде возвышающегося округленного сверху портала. В нем проход, перекрытый стрельчатой аркой в виде ложного свода. Высота прохода 1,3—1,5 м, ширина 70—80 см. Внутри мазара остатки могил и справа от входа глинобитное возвышение, на котором обмывали покойника.

Следующий значительный участок каракалпакской ирригации располагается в 15 км к северо-востоку от урочища Клы в урочище Саздыкудук и в окрестностях Орунбай-калы. Как и оазис Клы, он вытянут в меридиональном направлении на 15 км между двумя грядами коренных кызылкумских песков. С юга территория ограничена основным руслом Жаны-Дарьи. К северу она пересекается тремя небольшими протоками Жаны-Дарьи. Все пространство между ними заполнено полями, арыками и остатками поселений, в частности, здесь были обнаружены два

больших каракалпакских укрепления, напоминающие своей планировкой Аралбай-калу. Южное укрепление (поиск 158) имеет в плане ромб с длинной стороной по периметру 120, 111, 112 и 125 м. От стен сохранился низкий (0,5—0,7 м) вал шириной в 2, 5 м, в котором можно проследить ворота с юго-западной и северо-восточной сторон. Укрепление было окружено

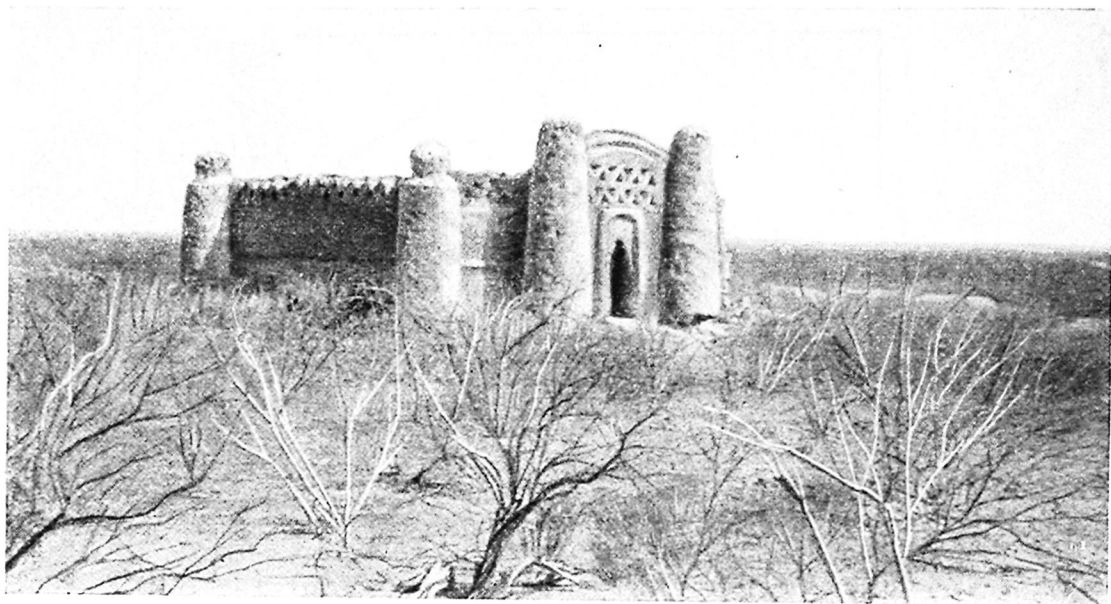

Рис. 12. Мазар в урочище Клы

рвом. В юго-западной стене справа и слева от ворот на поверхности заметна планировка нескольких помещений. За пределами городища против входа находятся развалины двухкамерного здания.

Другое укрепление, расположенное в 7 км к северу (поиск 150), образует в плане неправильный четырехугольник с длинной стороной 75, 75, 105 и 110 м. Ширина окружающего укрепления вала у основания 5—6 м, высота — 2,5 м. Укрепление окружено рвом в 7,5 м. В северо-восточной части видны остатки здания со сложной планировкой.

Названий каракалпакских укреплений, к сожалению, установить не удалось. Встреченный в этом районе казах Айменов Бекеш (69 лет) сообщил, что в расположенном примерно на полпути между северным и южным укреплениями мазаре был когда-то похоронен каракалпак Теке, поэтому мазар называется Теке-аулия¹⁹. Мазар возвышается на берегу старого протока Жаны-Дарьи, имеющего здесь широтное направление.

В отличие от вышеописанных более поздних казахских мазаров урочища Клы, Теке-аулия перекрыт высоким куполом. Он имеет квадратную планировку 4,8×4,8 м. Толщина стен 50—60 см. В южной стене находится входное отверстие вышиной 1,5 м, шириной 60 см. Мазар сложен из сырцовых кирпичей размером 28(30)×28(30)×7(8) см. Кладка купола кольцевая, начинающаяся на высоте 2,2 м. В верхней части купола ряды слегка наклонены. Переход к кругу осуществлен без тропов и парусов за счет балок из саксаула, несущих на себе кладку купола над углами.

Территория, окружающая оба укрепления и мазар, пересечена канавами и арыками, усеяна обвалованными поливными участками, среди которых местами возвышаются площадки с остатками оснований юрт и

¹⁹ У каракалпаков ктай в недавнем прошлом существовало родовое подразделение айтеке. Возможно, что похороненный в мазаре каракалпак происходил из этого рода.

заплывшими землянками. Наиболее крупный магистральный канал этого района имеет общую ширину 7,5—8 м, а ширину между валами 3 м. Его глубина 1,2—1,5 м. Следуя древнему протоку Жаны-Дарьи, канал описывает дугу между южным укреплением и Теке-аулия. Этот канал, так же как и большинство других соседних оросительных систем оазиса, берет свое начало из боковых протоков Жаны-Дарьи в окрестностях Орунбай-калы, где от основного русла, имеющего здесь юго-западное направление, ответвляются на запад и северо-запад протоки. Орунбай-кала занимает командное положение над оросительными системами, что нельзя не связать с существовавшими в те времена феодальными взаимоотношениями между крупнейшим каракалпакским феодалом мангытов Орунбай-бием (конец XVIII — начало XIX в.) и рядовыми каракалпакскими земледельцами.

Наряду с каракалпакскими памятниками XVIII — начала XIX вв. в окрестностях Орунбай-калы были обнаружены более поздние казахские развалины: в 4 км к западу развалины Ой-там и в 1 км к востоку от Орунбай-калы развалины другого здания. Ой-там — хорошо сохранившиеся развалины прямоугольного жилого здания с двускатной земляной кровлей, сложенного из сырцового кирпича (30×8×8 см.) Оно делится на две одинаковые по планировке части, имеющие по две комнаты, разделенные коридором. В стенах комнат много треугольных ниш. Айменов Бекеш рассказал, что Ой-там был построен казахом Сарыбаем 70 лет назад (в 70-х гг. XIX в.), когда русло Жаны-Дарьи на протяжении нескольких лет было заполнено водами Сыр-Дарьи. В русле Жаны-Дарьи казахами была возведена подпорная плотина, с помощью которой вода наполняла арыки, ведущие в окрестности Ой-тама.

В 2 км к юго-востоку от Орунбай-калы, там, где от основного русла Жаны-Дарьи отходят боковые протоки, на внутренней (южной) стороне большой речной петли располагаются развалины громадного средневекового города. Город был укреплен мощными двойными стенами с многочисленными овальными башнями и окружен широким рвом, соединенным у северной стены с руслом реки. Городище обследовано под руководством С. П. Толстова и названо Бештам-кала²⁰. Нижний слой этого средневекового памятника относится к домонгольскому времени. Вокруг городища были зафиксированы следы поздних поселений, в частности, большая группа, по-видимому, каракалпакских землянок располагается к северо-западу от памятника, следы оснований для юрт были обнаружены и на самом памятнике.

Окрестности Бештам-калы покрыты густой оросительной сетью, при обследовании которой удалось выделить два этапа орошения: средневековый и поздний. Магистральный канал этой системы начинался в русле Жаны-Дарьи в 100 м к востоку от города. Его общая ширина 12 м, ширина между валами 4 м. Канал открывался в русле на высоте 2,5 м над уровнем дна. Канал несет следы более поздних, вероятно каракалпакских, переуглублений и перегорожен в нескольких местах водоподъемными плотинами. Другой канал, забиравший воду в километре к востоку, орошал большую территорию к югу, где были обнаружены остатки средневековых жилищ в виде плоских светло-серых бугров, отстоящих друг от друга на 100—200 м, усеянных средневековой керамикой, сходной с бештам-калинской.

На северном берегу русла Жаны-Дарьи напротив Бештам-калы также были зафиксированы скопления средневековой керамики, размытые бугры жилищ и планировки оград, которые пересекаются более поздними

²⁰ См. статью С. П. Толстова, М. Г. Воробьевой и Ю. А. Рапопорта в настоящем сборнике.

арыками. Большой каракалпакский канал, который брал свое начало из русла в 1,2 км к востоку-северо-востоку от Бештам-калы, был прослежен на 5 км далее на северо-запад. Недалеко от места пересечения этого канала с Чимбайской дорогой поля ограждены от русла невысокой дамбой. Здесь канал разветвляется на ряд распределителей. Один из них имеет общую ширину в 9 м, ширину между валами 3 м при глубине в 1,2 м. Арыки очень извилисты. Они проходят по повышенным участкам, обходя низины и песчаные бугры. Наряду с полями обычной планировки в этой системе были обнаружены поля овальной формы, окруженные невысокими (30—40 см) оградами (поиск 173) и напоминающие огражденные поля в окрестностях Жалдыбай и Кылы.

Последний большой район поздней ирригации, который был обследован в 1957 г., располагается в окрестностях средневекового мазара Сарлы-там. На левом берегу Жаны-Дарьи в 3 км к востоку-северо-востоку от Сарлы-тама среди зарослей саксаула были обнаружены развалины небольшого квадратного здания (сохранилось три стены). Рядом с ними — скопление керамики, датированной С. П. Толстовым XVI—XVII вв. Аналогичная керамика была зафиксирована на арыках, которые проходят рядом с развалинами. Наиболее крупный арык имеет ширину 6 м, между валами 2,5 м. Здесь были найдены фрагменты керамики, которые, по мнению С. П. Толстова, также могут быть датированы XVI—XVII вв.

Среди ирригационных сооружений этого района наибольший интерес представляет ирригационный узел в 11 км к юго-западу от Сарлы-тама в урочище Беш-чонгуль, где основное русло Жаны-Дарьи, достигающее 90—100 м ширины, перегорожено плотиной и системой дамб (поиск 189). Справа и слева от русла отходят оросительные каналы. Плотина сохранилась лишь в центральной части русла, где ее насыпь достигает 80 м длины и 20—30 м ширины. От берегов и дамб плотину отделяют две большие промоины (20 и 35 м). Восточная промоина открывается в обширную котловину глубиной в 10 м, шириной в 40 м и длиной в 110 м. На плотине были сделаны находки керамики, напоминающей керамику дома к востоку от Сарлы-тама, датированную С. П. Толстовым (предварительно) XVI—XVII вв.

Плотина была сооружена для подъема воды во всех каналах, расположенных вверх по руслу Жаны-Дарьи вплоть до окрестностей Сарлы-тама. Наиболее крупный канал этого района имеет ширину около 25 м. На берегах — остатки арыков, полей и отдельных поселений. На одном из них (поиск 194) был найден фрагмент орнаментированного толстостенного сосуда со светло-зеленоватой поливой на внешней стороне. Узор из ромбиков и треугольников очень напоминает некоторые ковровые каракалпакские изделия (например, акбаскур). В другом месте (поиск 195) заметны следы планировки жилища. Керамика в виде фрагментов толстостенных темно-серых и черных сосудов очень напоминает находки к востоку от Сарлы-тама и также, вероятно, относится к XVI—XVII вв.

К более позднему этапу земледелия на Жаны-Дарье относятся ирригационные сооружения в 5 км к юго-востоку от бугра Беш-там (поиск 199). В этом месте наиболее глубокие части русла были перегорожены плотиной, сложенной из мощных саксаульных стволов, засыпанных в средней части глиной. Ширина сохранившейся плотины 3,5, длина 45 м. Рядом с плотиной в русле берет свое начало арык, на правом берегу которого видны кольца обваловки семи юрт. Очевидно, плотина поднимала воду в арык в последний период обводнения Жаны-Дарьи, когда уровень в ней был низкий.

С низким уровнем воды в русле связано также и другое каракалпакское ирригационное сооружение, расположенное в 7 км к востоку от

бугра Беш-там. Головное сооружение канала (поиск 204) имеет общую ширину 16 м, глубину 2,5 м. В центре следы более узкого арыка с шириной между валами 3 м (рис. 13). Канал питали два головных сооружения открывающиеся в небольшой бассейн (30 × 40 м). Северное сооружение имеет ширину 7,5 м, ширину между валами 3 м. Южное было перегорожено

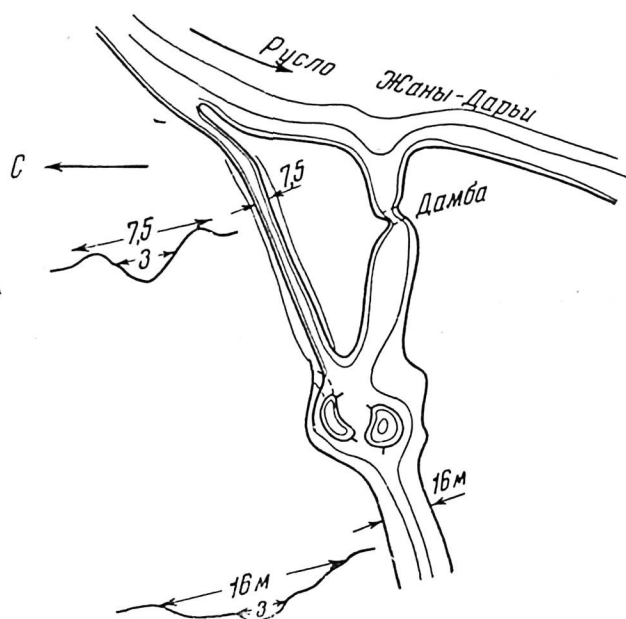

Рис. 13. План головного сооружения канала к востоку от возвышенности Беш-там (поиск 204)

дамбой, остатки которой сохранились недалеко от истока. В целом сооружение представляет собой классическое каракалпакское головное сооружение, описанное еще в 1837 г. гидрографом Стеткевичем²¹, с двумя головными каналами и бассейном с островком посередине, называемом каракалпаками кысме-бугут. Возможно, однако, что в истории этого ирригационного сооружения было два этапа: первый — ранний, связанный с высоким уровнем воды; второй — поздний с более низким уровнем.

Третий и заключительный этап земледельческой жизни этого района связан с освоением осушенного дна русла Жаны-Дары, которое местами покрыто арыками и полями.

Заканчивая характеристику описанной выше каракалпакской ирригации в нижнем и среднем течении Жаны-Дары (между урочищами Чобан-казган и Сарлы-там), необходимо подвести некоторые итоги. Как уже говорилось, для периферийных районов низовьев Жаны-Дары и северо-восточных окраин Акча-Дарынской дельты, где течение вод было замедленным, характерны локальные очаги орошения, подпорные глухие плотины на боковых протоках, короткие глубокие арыки с бассейнами для водоподъемных сооружений; местами поля покрывают днище плоских русел, их орошение, видимо, носило примитивный, лиманный характер.

По мере продвижения от Чобан-казгана на северо-восток к урочищу Клы площадь земель древнего орошения постепенно увеличивается. Оросительные системы, питавшиеся из основного русла Жаны-Дары, отличаются сложной и ветвистой планировкой. Каналы и головные сооружения были рассчитаны на паводковые и быстротекущие воды. При сооружении магистральных и распределительных каналов весьма искусно

²¹ Стеткевич. Материалы для статистического описания Хивинского оазиса, гл. IV. Гидрографическое описание. Ташкент, 1889.

использована сильно разветвленная сеть извилистых боковых протоков Жаны-Дарьи. Каналы проведены с поразительным знанием уклонов сложного бугристого рельефа местности — то на прирусловых валах, то вдоль береговых склонов, а то и по дну русел. Агроирригационные планировки отличаются большим разнообразием, однако садов и виноградников, характерных для Хорезма, зафиксировано не было, что, возможно, связано с кратковременностью пребывания каракалпаков в нижнем и среднем течении Жаны-Дарьи, а также с непостоянством основного источника орошения.

Каракалпакская ирригационная сеть нижнего и среднего течения Жаны-Дарьи, обследованная археолого-топографическим отрядом в 1956/57 гг., представляет собой величественный памятник трудовой деятельности каракалпакского народа, освоившего за короткий срок (середина XVIII — начало XIX в.) обширную территорию для земледелия в бассейне Жаны-Дарьи. Запустение Жаны-Дарьинского оазиса было вызвано разорительными походами хивинских ханов против каракалпаков в 1809—1811 гг.

Н. Н. Вактурская

ИРАНСКИЙ СОСУД ИЗ УРГЕНЧА

В 1957 г. в фонды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР поступил от Имамеддина Мамутова, жителя города Куния-Ургенча (Ташаузская область Туркменской ССР), обломок поливного сосуда с полихромной росписью. Этот фрагмент (рис. 1), найденный на развалинах Ургенча — средневековой столицы Хорезма, является частью дна небольшого, по-видимому, закрытого сосуда с кольцевым поддоном. В изломе черепок светлого, почти белого цвета, материал — кашин. С обеих сторон сосуд был покрыт непрозрачной белой поливой, а его внешняя поверхность украшена надглазурной росписью цветными эмалями — красной, зеленой, голубой, образующей несколько поясов, из которых частично сохранились два последних. Самый нижний пояс, опоясывающий сосуд непосредственно над его кольцевым поддоном, состоит из изображений крылатых сфинксов и каких-то крылатых фантастических существ — полугрифонов, полульвов, идущих влево вереницей. Второй пояс заполнен геометрическим узором, состоящим из обведенных по контуру полос и небольших завитков.

Сопоставление описываемого обломка с керамическими изделиями Хорезма показало, что он среди хорезмийских вещей не имеет себе подобных. Вместе с тем его ближайшие аналогии обнаруживаются в иранской керамике. Сосуд, представленный обломком из Ургенча, и с точки зрения техники производства, и по характеру орнаментации, и даже узором росписи близок к типу гончарных изделий, известных в литературе под названием «минаи» и производившихся в XII — начале XIII в. в иранском городе Рее, считавшемся основным центром их производства, а также в Кашане, Саве, Султанабаде¹. Это столь близкое сходство, а вернее даже тождество нашего обломка с гончарными изделиями Ирана типа минаи позволяет признать, что он принадлежит сосуду иранского происхождения, и датировать его XII — началом XIII в.

Что же касается того, каким образом данный фрагмент мог оказаться в Ургенче, то его наличие здесь надо рассматривать скорее всего как результат тех экономических связей, которые, как известно, издавна существовали между Хорезмом и Ираном. В период правления

¹ А. П о п. Классификация и определение средневекового фаянса. III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. М.—Л., 1939, стр. 176; R. P. W i l s o n. Islamic art. One hundred plates in colour. New York, London, 1957, p. 17; R. L. H o b s o n. A guide to the Islamic pottery of the Near East [Oxford], 1932, p. 44—46, fig. 50—53; A. P o p e. A Survey of Persian Art, v. II, London—New York, 1939, p. 1559—1566; v. VI, table 657—676; Islamic pottery. From the Ninth to the Fourteenth centuries A. D. In the collection of Sir Eldred Hitchcock. With an introduction by Arthur Lane. London. [1956], p. 28.

в Хорезме представителей династии великих хорезмшахов, при которых восточный Иран был включен в состав обширной Хорезмской империи, эти экономические связи приобрели особенно оживленный характер. Найденный в Ургенче обломок иранского сосуда, который не является единственной находкой такого рода в Хорезме (кроме него обломки иранских сосудов имеются среди материалов Тап-калы² и Шемаха-калы³, а также в хранящихся в Хорезмской экспедиции коллекциях с Шах-сенема, Кават-калы и ряда других средневековых памятников Хорезма), показывает, что купеческие караваны, направлявшиеся из Ирана в Хорезм, где в то время сходились важнейшие международные торговые пути, доставляли на его рынки наряду с другими разнообразными товарами своей страны и изделия иранских гончаров — дорогие парадные сосуды, находившие широкий спрос среди представителей привилегированных слоев хорезмийского общества.

Найденный в Ургенче обломок иранского сосуда, соответствуя хронологически хорезмшахскому периоду, является, следовательно, прямым вещественным свидетельством оживления торговых сношений Хорезма с Ираном в то время.

² С. П. Толстов. Археологические работы Хорезмской экспедиции АН СССР в 1952 г. ВДИ, 1953, № 2, стр. 179, рис. 24, 2.

³ Н. Н. Вактурская. О раскопках 1948 г. на средневековом городище Шемаха-кала Туркменской ССР. «Труды ХЭ», т. I. М., 1952, стр. 184—185.

Рис. 1. Фрагмент Иранского сосуда XII — начала XIII в. Ургенча

Н. Н. Вактурская

МЕДНЫЕ СОСУДЫ ИЗ СРЕДНЕВЕКОВОГО ЗАМКА КАВАТ-КАЛА

Обследование замка Кават-кала, расположенного в Турткульском районе Кара-Калпакской АССР, проводилось Хорезмской археолого-этнографической экспедицией АН СССР в 1940¹ и 1956 гг.² Оно установило, что названный замок, имевший богатую внутреннюю отделку и являвшийся самой большой из построек Кават-калинского оазиса, в свое время служил резиденцией крупного феодала, власти которого, как полагает С. П. Толстов, подчинялся весь оазис. Замок погиб в огне и с тех пор был навсегда оставлен людьми. Пожар, повлекший за собой его запустение, судя по собранным на Кават-кале материалам, произошел во время завоевания Хорезма монголами, иными словами, в самом начале 20-х годов XIII в. Об этом свидетельствуют найденные на верхнем полу одного из замковых помещений три медные монеты, принадлежащие последнему представителю династии Великих хорезмшахов — хорезмшаху Мухаммеду II (1200—1220).

Во время раскопок на Кават-кале были собраны некоторые предметы домашней утвари, в том числе два медных сосуда. Один из них представляет собой узкогорлый кувшин довольно своеобразной формы (рис. 1). Он имеет высокое асимметричное в профиле горло, стенка которого с одной стороны вертикальная, а с противоположной — наклонная и широкие довольно отлогие плечи. Корпус сосуда высокий, слегка расширенный вверху, с прямыми стенками; дно имеет кольцевой поддон. На горле с той стороны, где стенка наклонная, выбит узкий длинный носик, несколько поднимающийся над устьем сосуда. Кувшин снабжен ручкой, которая расположена с противоположной носику стороны. Один из ее концов прикреплен к горлу ниже его верхнего края, а другой — к корпусу на уровне примерно половины его высоты. Ручка в сечении неодинакова: ближе к верхнему концу она почти квадратная, а внизу слегка расширяется, приобретая прямоугольное сечение. Сами концы ручки уплощены и им приданы близкие к овалу очертания. Размеры кувшина: высота 34 см, диаметр корпуса в его наиболее широкой части 18 см, диаметр дна 15,5 см, наибольшая ширина горла у основания 6 см, диаметр устья 3,5 см. Кувшин почти не орнаментирован. Единственным его

¹ С. П. Толстов. Новые материалы по истории культуры древнего Хорезма. ВДИ, 1946, № 1, стр. 79—88; его же. Древний Хорезм. М., 1948, стр. 156—164.

² Н. Н. Вактурская и О. А. Вишневская. Памятники Хорезма эпохи Великих хорезмшахов (XII — начало XIII в.). «Материалы ХЭ», вып. 1. М., 1959, стр. 150—167.

украшением служат небольшие насечки, имеющиеся на нижнем конце ручки, по четыре с каждой стороны.

Второй из каваткалинских медных сосудов по форме весьма напоминает ковш (рис. 2). Это довольно большой по своим размерам открытый низкий

Рис. 1. Медный кувшин

сосуд с чуть выгнутыми, расходящимися в стороны стенками и длинной пластинчатой ручкой, имеющей на конце втулку, в которую вставлялась деревянная рукоять. На его плоском дне видны два зачищенные отверстия. Размеры этого сосуда следующие: высота 9 см, диаметр устья 29 см, диаметр дна 21 см, длина ручки 22,5 см. В отличие от кувшина, он довольно богато орнаментирован чеканным узором. На корпусе с внешней стороны параллельно верхнему краю проходит полоса из прилежащих сторонами друг к другу треугольников, заполненных беспорядочно и небрежно нанесенными точками. Под ручкой эта полоса прерывается узором в виде несколько вытянутого по вертикали неправильного пятиугольника, обращенного одним из углов вниз и заполненного внутри точками. С внешней стороны пятиугольник обрамлен группами точек, а от нижнего его угла к дну отходит тройная полоска с несколькими точками на конце. В том же месте с внутренней стороны сосуда нанесены расходящиеся от основания ручки, подобно лучам, пять двойных полосок, заканчивающихся

группами точек. Чеканный орнамент из двух соприкасающихся рядов треугольников, заполненных точками, украшает плоскую часть ручки; втулкообразный ее конец орнаментирован отдельными группами черточек и точек.

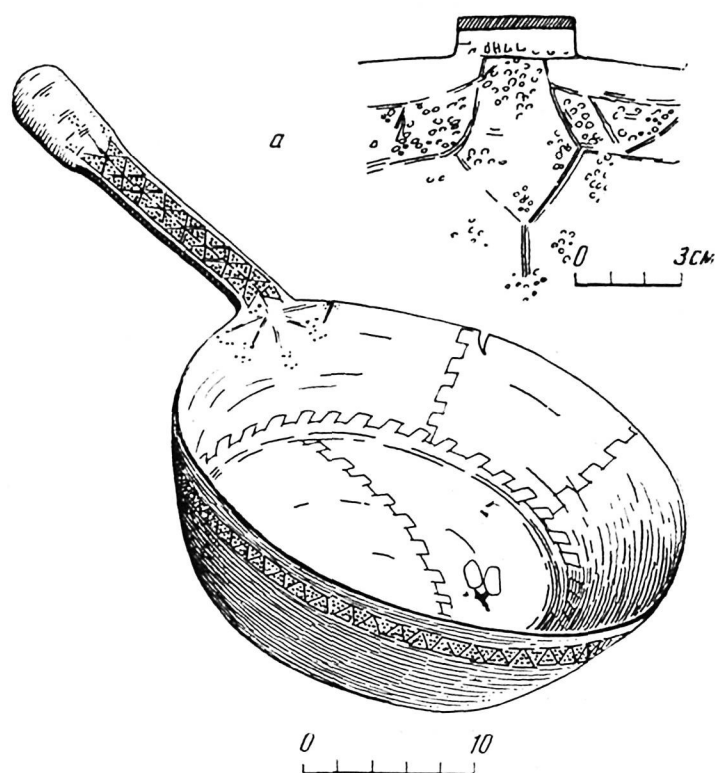

Рис. 2. Медный сосуд с ручкой
а — узор под ручкой сосуда

Касаясь назначения описываемых предметов, отметим, что кувшин, как можно полагать, использовался в тех же целях, что и современные кумганы. Что же касается второго изделия, то оно, несмотря на известную близость его некоторым из кухонных сосудов, применяемых до последнего времени в Средней Азии и на Кавказе³ для подогрева пищи, растапливания масла и т. п., являлось скорее всего своего рода черпаком. Убедительным свидетельством именно такого назначения сосуда служат полное отсутствие на его поверхности следов копоти и богатая орнаментация.

Оба описываемые сосуда происходят из одного культурного горизонта и, следовательно, относятся к одному времени. Кувшин был найден в 1956 г. в западном конце коридора, примыкавшего с восточной стороны к помещению № 3. Его обнаружили вместе с хумчой хорезмшахского времени в яме, открывшейся при расчистке верхнего пола у южной стены коридора. Второй сосуд, открытый в 1957 г., лежал в восточном конце того же коридора на верхнем полу, примерно в одном метре от границы раскопа 1956 г. Абсолютное время бытования этих изделий устанавливается довольно точно. Их нахождение на верхнем полу указывает, что хронологически они относятся к последнему периоду жизни замка. На этом основании оба сосуда могут быть датированы концом XII — началом XIII в. н. э.

Каваткалинские медные сосуда не имеют себе подобных среди такого рода изделий Средней Азии и Ирана, но при этом надо оговорить, что

³ М. И. А та к и ш и е в а. Об утвари из окрестностей г. Мингечаура. «Материальная культура Азербайджана», т. II. Баку, 1951, стр. 170, 172 (на азерб. языке).

количество находок медной посуды в этих районах вообще очень невелико. В качестве единственной и притом довольно отдаленной аналогии можно, пожалуй, привести лишь поливной керамический кувшин XIII в. из Султанабада, подражающий, по мнению Гобсона, металлическим изделиям⁴: по форме своей верхней части он несколько напоминает медный каваткалинский кувшин.

Весьма характерно также, что оба эти сосуда изготовлены с помощью довольно примитивной ручной техники. Своеобразный рисунок из тонких линий, проявившийся на их поверхности при расчистке и первоначально принятый за орнамент, при последующем детальном рассмотрении оказался всего лишь следами соединения медных пластин, из которых они сделаны. Кувшин был собран из пяти частей (не считая ручки), каждой из которых предварительно была придана должная форма. Так, дно имело вид круга с отогнутыми краями, для корпуса были заготовлены два пояса соответствующих форм и размеров, для плечей — слегка выгнутый круг с отверстием в центре, отогнутые края отверстия образовывали основание, горла. В пластине для горла предварительно выбили носик. Второй сосуд состоял также из пяти кусков. Корпус его был составлен из двух частей, соединенных вертикальными швами; видимо, заготовленная пластина оказалась по длине недостаточной, и ее пришлось надставить. Дно состояло также из двух кусков, соединенных для большей прочности шва по кривой. В том месте, где стенка была несколько короче, между нею и дном вставлена узкая полоска.

Пластины для изготовления сосудов получали, разбивая кусок металла с помощью отбойника и молотка. На это указывает характерная неровность поверхности изделий. При таком способе изготовления получить пластину равной толщины на всем ее протяжении довольно трудно, и для этого, естественно, мастер должен был иметь определенные навыки. Как уже отмечалось, на дне одного из сосудов находились заделанные отверстия. При тщательном рассмотрении выяснилось, что они были заделаны до того, как поверхность сосуда покрыли полудой. Следовательно, эта заделка не является обычной починкой прохудившегося в употреблении сосуда, это была заделка разрывов в пластине, которую делал не очень опытный мастер.

Соединение отдельных деталей сосуда осуществлялось следующим путем. Край одной части разрезался на небольшие прямоугольные или ромбовидные зубчики и между ними вставлялся край другой части так, что один зубец оказывался с наружной стороны сосуда, а соседний с ним — с внутренней. Вместе с тем, в отдельных случаях, как, например, в швах на горле кувшина, край был разрезан на мелкие треугольники, чередующиеся с широкими трапецевидными зубцами. Составив указанным образом обе части, шов спаивали особым составом, который, как следует полагать, должен был плавиться при температуре более низкой, чем температура плавления меди. После этого поверхность сосудов покрывалась полудой. Следы полуды имеются на обоих каваткалинских сосудах в виде отдельных пятен, отличных по цвету от использованных на эти изделия медных пластин. Отметим, что этот способ изготовления сосудов имеет очень древнее происхождение. Например, на Волге он был зарегистрирован для сарматского периода⁵. Время появления его в Хорезме пока не установлено. Каваткалинские находки указывают на использование этого метода хорезмийскими мастерами в конце XII — начале XIII в. н. э.

⁴ R. L. H o b s o n. A guide to the Islamic pottery of the Near East. [Oxford], 1932, p. 53, 64, fig. 67.

⁵ Е. К. М а к с и м о в. Сарматское погребение у с. Большая Дмитриевка Саратовской области. СА, 1957, № 4, стр. 159.

Итак, найденные на Кават-кале медные сосуды, с одной стороны, пополняют наши представления о предметах домашней утвари средневековых хорезмийцев, с другой — раскрывают одну из страниц в истории ремесленного производства Хорезма. Каваткалинские находки дают возможность установить, что в Хорезме в конце XII — начале XIII в. наряду с широко применявшейся отливкой практиковался и иной способ изготовления сосудов — соединение отдельных пластин, полученных путемковки.

Уникальность и отмеченные особенности производства каваткалинских сосудов позволяют полагать, что они, по-видимому, были сделаны не опытными ремесленниками, а мастерами (а возможно и одним мастером), жившими при замке. Приняв это положение, можно предполагать, что в Хорезме в период правления династии Великих хорезмшахов (вторая половина XII — начало XIII в.) существовала наряду с городскими мастерами особая категория ремесленников, живших при дворах крупных феодалов и удовлетворявших потребности отдельного владельца.

Г. П. Снесарев

ОБРЯД ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ ВОДЕ У УЗБЕКОВ ХОРЕЗМА, ГЕНЕТИЧЕСКИ СВЯЗАННЫЙ С ДРЕВНИМ КУЛЬТОМ ПЛОДОРОДИЯ

Узбекский этнографический отряд Хорезмской экспедиции, проводя исследования в области истории религии и культа среди узбеков низовьев Аму-Дарьи, обратил внимание на одно характерное обстоятельство: если в области быта, прежде всего семейного, религиозные пережитки, в том числе пережитки различных домусульманских верований, еще продолжают сохраняться, то в общественном производстве (мы имеем в виду сельское хозяйство) совершенно исчезли те остатки древних земледельческих культов, которые бытовали еще в первые годы советской власти. Пришлось обратиться к народным традициям, которые дали нам ценнейшие этнографические сведения; сбор и осмысление этих данных помогли в воссоздании ряда верований древнего населения Хорезмского оазиса.

Не приводя всех собранных материалов о земледельческом культе, остановимся лишь на одном обряде, записанном нами в нескольких вариантах в различных районах Хорезмской области Узбекской ССР (Хивинском, Ханкинском, Хазараспском и др.), где всегда господствовало земледелие, основанное на искусственном орошении.

В своем первом и наиболее интересном варианте данный обряд был записан со слов 77-летнего жителя колхоза им. Сталина Хивинского района Юсуфа Атаджанова.

В старое время (XIX — начало XX в.) в Хивинском ханстве ежегодно весной, когда кончалась очистка магистральных каналов, по которым амударьинская вода поступала в разветвленную сеть и шла на поля, и подготовлялся пуск новой воды, жители сельских местностей совершали особый обряд. Все участники «козу» (очистки) — представители различных элатов (общин) собирались у головной части магистральных каналов. Сюда же приезжали ханские чиновники, духовенство, собирались мирабы, ведавшие распределением воды. В тот момент, когда снималась земляная перемычка, сдерживавшая напор воды, и вода поступала в канал, в нее бросали специально приведенного быка, которому предварительно подрезали шею. Эта церемония имела целью обеспечить на текущий год необходимое для выращивания богатого урожая количество воды. Одновременно с берега или со специально подготовленных каюков (лодок) в воду бросались представители участвовавших в очистке общин, главным образом молодежь. Между ними разгоралась борьба за обладание быком. Тот элат, который одолевал в этой борьбе и вытаскивал быка на берег, получал право использовать его мясо для организации пиршества, на котором угощали присутствующих.

Другие варианты этого обряда отражали либо локальные особенности, либо стадийные различия. В ряде случаев животное не бросали в канал, а резали на берегу, спуская кровь в воду. Иногда животное бросали не в канал, а в Аму-Дарью, откуда его не вытаскивали и отдавали, по словам информаторов, «на съедение рыбам». Во всех этих случаях мы имеем дело с типичным жертвоприношением, мало чем связанным с исламом. В сугубо мусульманизированных вариантах дело ограничивалось общей молитвой присутствующих под руководством хивинского духовенства.

В ритуальной практике многих народов известны жертвоприношения рекам и озерам, аналогичные хорезмским. По сходству физико-географических условий и форм хозяйства прежде всего вспоминаются жертвоприношения рекам в Египте и Китае¹. В самой Средней Азии у истоков Аму-Дарьи в долине Хуф существовал обряд, сходный с хорезмским: после символического перенесения несчастий на выбранного для этой цели быка, последнего закалывали, кровь его, собранную в чашу, лили в речку, протекавшую около мазара, а голову, ноги, желудок вместе с костями завертывали в шкуру и бросали туда же².

При анализе элементов, из которых слагался хорезмский обряд жертвоприношения, обращает на себя внимание прежде всего то, что для этой цели избирался бык. Это животное занимало в хозяйстве древних земледельческих народов Востока особое место, что и получило широкое отражение в их религиях. Археология и этнография дают богатейший материал о распространении культового комплекса, в котором бык выступает в связи с водой и растительностью. У народов Индии, Средней и Передней Азии, Средиземноморья образ быка, воплощающий силы плодородия, был тесно связан с культом воды особенно там, где земледельческое хозяйство было невозможно без искусственного орошения. На иранской почве, включая области Средней Азии, бык как священное животное вошел в маздеистский культ, ему уделено много места в авестийских текстах³. Связь быка со стихией воды детально прослежена в работе К. В. Тревера⁴.

С. П. Толстов в своих исследованиях показал, что истоки сакрального значения быка восходят еще к древнейшим тотемистическим представлениям народов Востока⁵. Наиболее ярким свидетельством тотемного характера быка у древних иранцев является образ авестийского полубога-полубыка (позднее расщепившийся на две свои составные части), давшего жизнь человеческому роду, животному и растительному миру. Ритуальное убийство быка, расцениваемое С. П. Толстовым как древнеиранская интичиума⁶, дает нам в митраизме тот же сакральный комплекс быка—воды—растительности. Глухие намеки на причащение тотемом сохранились в этнографии народов Хорезма: здесь распространено поверие, что человек хотя бы один раз в течение года должен употребить в пищу голову быка, что должно придать силу, здоровье и благополучие в делах. Существует даже поговорка: «ойда-балик, йилда-калла», т. е. каждый месяц рыбу (съесть), каждый год — голову (быка, коровы).

К этим тотемическим корням, на наш взгляд, восходит и вышеописанный обряд.

Для более детальной расшифровки этого обряда мы остановимся на одном близком ему ритуальном комплексе, который стал известен благо-

¹ Джемс Фрэйзер. Золотая ветвь, вып. III. М., 1928, стр. 85, Л. Я. Штернберг. Первобытная религия в свете этнографии. Л., 1936, стр. 358, 386, 466.

² М. С. Андреев. Некоторые результаты этнографической экспедиции в Самаркандскую область в 1921 г. ИТО, т. XVII, Ташкент, 1924, стр. 135, 136.

³ Авеста. Вендидад, XIX, 1; Ясна, XXVI, 4 и др.

⁴ К. В. Тревер. Гопатшах — пастух-царь. «Труды отдела Востока гос. Эрмитажа», т. II. Л., 1940, стр. 71—86.

⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 294—295, 299—303.

⁶ Там же, стр. 301, 302.

даря археологическим рекогносцировкам Н. Я. Марра в горной Армении. Н. Я. Марром и Я. И. Смирновым⁷, а позднее Б. Б. Пиотровским⁸ и И. И. Мещаниновым⁹ были описаны и проанализированы оригинальные каменные стелы, высеченные в форме рыбы. Внимание исследователей привлекло то обстоятельство, что почти на всех этих стелах, носящих название «вишапы», изображен один и тот же мотив: бычья шкура и головы, из пасти которых течет поток воды¹⁰. Н. Я. Марр, видя в этих рисунках черты сходства с частями жертвенного животного, приходит к выводу, что перед нами «символическое изображение жертвоприношения»¹¹. Исследователи полагают, что жертвоприношение здесь было связано с желанием умиловить вишапов — мифических существ, часто выступавших в образе рыб и драконов и охранявших пещеры и источники, и имело целью обеспечить пастбища и посевы достаточным количеством воды.

Таким образом, обряд, имевший место в Армении и получивший отражение в археологических памятниках, очень близок описанному нами хорезмскому обряду жертвоприношения. Оба комплекса преследуют одну и ту же цель — обеспечение водой, в них фигурирует одно и то же жертвенное животное — бык, связанный с водой, растительностью и плодородием. То, что закавказские стелы располагаются около сооруженных человеком искусственных каналов и водоемов, снабжавших некогда водой богатую посевами и садами Айратскую долину, еще более подчеркивает это сходство.

Но в хорезмском обряде исчезли всякие следы тех духов или божеств, к которым был обращен в своей первооснове обряд жертвоприношения. Однако более внимательное ознакомление с этнографическими материалами, относящимися к старому земледельческому культу воды и плодородия, позволило нам обнаружить и в верованиях народов Хорезма мифические персонажи-арангяры, поразительно напоминающие закавказские вишапы.

Первые данные об арангярах нами были получены от ханкинского муллы Садуллы Рахматуллаева, ценного информатора, хорошо понявшего цели наших этнографических исследований и быть может вопреки своим религиозным убеждениям и правилам введшего нас в мир древних домовусульманских верований Хорезма. Во время одной из бесед он рассказал о вере в особые существа, живущие в воде и управляющие течениями Аму-Дарьи; этих духов он сравнивал с «паришта» — ангелами¹².

Старый «дарга» — водитель местных судов (кема), всю жизнь проведенный на Аму-Дарье, 75-летний Ходжи-баба дополнил сведения о водяных духах — арангярах — чрезвычайно любопытными данными. Он сообщил, что арангяры живут в водах Аму-Дарьи, их никто не может видеть, хотя они сами всевидящие. Они доброжелательно настроены по отношению к людям, однако в последующем рассказе Ходжи-баба проступают двойственные черты образа арангяров, так же как и закавказских вишапов. Из-за них, оказывается, происходят наводнения и вода смывает посевы и селения, нанося ущерб людям. Любопытна легенда, как однажды благо-

⁷ Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов. Вишапы. Л., 1931.

⁸ Б. Б. Пиотровский. Вишапы. Л., 1939.

⁹ И. И. Мещанинов. Каменные статуи рыб—вишапы на Кавказе и в Северной Монголии. «Зап. коллегии востоковедов при Азиатском музее АН СССР», 1925, т. 1, стр. 401—409.

¹⁰ Уместно вспомнить многочисленные археологические находки в Средней Азии керамических сливов сосудов в виде бычьей головы, пасть которой, являясь отверстием слива, как бы извергает струю воды.

¹¹ Н. Я. Марр и Я. И. Смирнов. Указ. соч., стр. 93.

¹² Представления о духах ручьев и источников, которым приносятся жертвы, распространены у таджиков. См. К. А. Богомолов. Следы древнего культа воды у таджиков. «Изв. Отд. обществ. наук АН Тадж.ССР», вып. 2. Сталинабад, 1952, стр. 112, 114.

даря действиям арангяров вода вышла из берегов канала Газават. Один из ханкинских ишанов (духовный наставник) пожертвовал собою; он вошел в воды канала и на дне его сразился с арангярами, после чего на поверхности воды показалась кровь, а затем всплыл труп ишана, давшего имя каналу («гази» — борец за веру). Подобные же сражения с арангярами во время наводнений, по словам информатора, совершает в водах Аму-Дарьи популярный в Хорезме святой Хубби-ходжа, покровитель водителей судов.

Вишапы Закавказья часто выступают в образах рыб и драконов.

Мы не располагаем данными о том, что хорезмские арангяры в повериях выступали в виде рыб. Однако некоторые легенды в этой связи заслуживают внимания. Согласно одной из них, судьба Хорезма зависит от двух мифических рыб колоссальных размеров, проживающих в Аральском море. Легенда гласит, что наступит момент, когда эти всеисильные рыбы пройдут по Аму-Дарье от ее устья к истоку и обратно и углубят ее дно настолько, что уровень воды в реке понизится, вода перестанет поступать на поля и вся жизнь в Хорезмском оазисе прекратится.

С реликтами древнего культа рыбы на хорезмской почве связаны и «священные» рыбы, содержащиеся в прудах около известных среднеазиатских мазаров, например, при мазаре Султан-баба.

В этих образах перед нами предстают рудименты древнейших анимистических представлений, к комплексу которых относятся и арангяры, и вишапы. На более поздних этапах, при оформлении маздеистской религии, эти образы могли сохраниться в ней, например, в виде мифической всевидящей (как и арангяры) рыбы Кара, упоминаемой в Вендидаде¹³.

С возникновением на территории Средней Азии рабовладельческих государств и оформлением религиозных систем с пантеоном антропоморфных божеств, старые примитивные духи, в том числе и духи воды, отступают на второй план. На этом этапе в маздеизме божеством воды и плодородия, олицетворением мощной среднеазиатской речной магистрали — Аму-Дарьи, становится Ардвисура Анахита, которой в Авесте посвящен блистательный Ардвисур-Яшт¹⁴. Именно к ней, подательнице воды и изобилия, обращен жертвенный культ, с которым на определенном этапе развития был связан, вероятно, и обряд жертвоприношения быка водам Аму-Дарьи.

Образ могущественной богини Аму-Дарьи и плодородия не мог без следа исчезнуть в мусульманский период истории Средней Азии. Следы его мы находим в образах различных святых, женских патронесс, покровительниц плодovitости. Таков, например, образ Амбар-она, которая, восприняв многие функции богини плодородия, не потеряла, видимо, связи с культом Аму-Дарьи. До сих пор поклонницы Амбар-она в случаях бездетности отправляются на Аму-Дарью и совершают ритуальный переезд через ее воды, бросая жертвенные соль и хлеб, или проникают на амударьинские каюки и здесь подлезают под скамейками или прикасаются к «баша» — носу судна, который в старину делался в форме человеческой головы с косами («кокюль»), интерпретируемыми в ряде случаев как волосы Амбар-она.

В изложенных выше верованиях ясно выступают следы древнего культа плодородия, в котором центральное место занимает почитание стихии воды. Если оно характерно вообще для земледельческих народов, то тем более это относится к Хорезму, народы которого с древнейших времен строили свое хозяйство на искусственном орошении, базирующемся на водах Аму-Дарьи.

¹³ А в е с т а. Вендидад, XIX, 42.

¹⁴ А в е с т а. Ардвисур-Яшт (Яшт V). См. пер. Е. Э. Бертельса, Отрывки из Авесты. «Восток», М.—Л., 1924, кн. 4, стр. 4.

Описанный нами хорезмский обряд жертвоприношения тесно связан с этим культом. Он содержит несколько напластований, отражающих различные этапы в развитии религиозного мышления.

Древнейший его пласт уходит к тотемическим интичиумам, к ритуальному убиению и поеданию тотема,— церемониям, призванным обеспечить обилие воды и произрастание растений на полях. В археологии этот момент представлен памятниками митраизма с изображенными на них сценами убийства священного быка, дающего жизнь растительному миру. Несомненно, к этому же древнейшему пласту принадлежит и ритуальная борьба отдельных общин за тушу быка; корни таких состязаний, восходящих к борьбе фратрий, прослежены С. П. Толстовым в его труде «Древний Хорезм»¹⁵; большой материал о пережитках ритуальных состязаний в Узбекистане собран О. А. Сухаревой¹⁶.

На следующем этапе в связи с изменениями, происшедшими в области религиозного мышления, обряд превращается в жертвоприношение с преобладающим значением акта умиловливания сначала примитивных духов, а затем божеств водной стихии. И наконец, на последнем этапе истории обряда под влиянием ислама в нем окончательно теряется всякое представление о старых духах и божествах, к которым он некогда был обращен, однако сохраняется прежняя цель ритуальных действий. Ислам не смог окончательно вытеснить старые объекты почитания и потому многочисленные пережитки прошлых верований сосредоточиваются в мусульманской агиологии, в которой находят место и трансформированные божества, связанные с культом плодородия.

¹⁵ С. П. Толстов. Древний Хорезм, стр. 282—285.

¹⁶ О. А. Сухарева. Традиционное соперничество между частями городов в Узбекистане. КСИЭ, XXX, стр. 120—129.

Р. В. Федорова

О ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ В ДРЕВНЕМ ХОРЕЗМЕ ПО ДАННЫМ ПЫЛЬЦЕВОГО АНАЛИЗА

В наше распоряжение поступили для пыльцевого анализа образцы рыхлых пород, собранных в Хорезме при изучении археологических памятников. Образцы были взяты в античном поселении Кой-крылган-кала, раннесредневековом Беркут-кала и со стоянки и могильника эпохи бронзы, расположенных в пределах дельты Акча-Дарьи.

Исследования этих памятников археологами показали, что население, обитавшее в дельте Акча-Дарьи, наряду с другими промыслами занималось земледелием. Убедительным доказательством этого служат находки зерен различных земледельческих культур в сети погребенной ирригационной системы, выявленные археологами. Пыльцевой анализ (табл. 1), произведенный в образцах породы из поселений Кой-крылган-кала и Беркут-кала, несколько дополняют эти сведения. Отличительная черта почти всех изученных образцов — большие количества и подавляющее преобладание пыльцы злаков¹. При выполнении анализов пыльца злаков подразделялась нами на две группы: культурные и дикорастущие виды. Возможность такого подразделения основана главным образом на том, что пыльца культурных злаков — крупных размеров и имеет некоторые морфологические особенности.

До настоящего времени при пыльцевых анализах выделение пыльцы культурных злаков не производилось, и сделанное нами подразделение является одним из первых опытов. Однако возможности к этому имеются, и подобные определения известны из зарубежной (Иверсен, Фирбас и др.) и отчасти из нашей отечественной литературы². По данным исследований, произведенных в Дании и Германии, в послеледниковых отложениях отмечается пыльца культурных (хлебных) злаков, что указанными авторами связывается с развитием земледелия. Как правило, эти авторы при пыльцевых анализах выделяли общую группу культурных злаков, но в некоторых случаях были сделаны и более точные определения. В частности, была определена пыльца ржи, пшеницы и кукурузы. В Средней Азии более вероятны находки пыльцы других культурных злаков: проса, ячменя, сорго и т. д., определение которых, однако, весьма затруднительно. Поэтому, опасаясь неточностей в определениях, мы в таблице пыльцевых анализов показываем лишь общий процент пыльцы культурных злаков и

¹ Р. В. Федорова. Распространение воздушным путем пыльцы злаков. «Доклады АН СССР», т. 107, 1956, № 6.

² Р. В. Федорова. Различия пыльцы дикорастущих и культурных злаков. «Доклады АН СССР», т. 108, 1956, № 1. 364.

только в некоторых случаях, там где имелись достаточные возможности, производили более точные определения. Это относится к тем образцам, в препаратах которых пыльца чаще встречалась и лучше сохранялась. По определениям отдельных хорошо сохранившихся пыльцевых зерен было найдено, что в культурных слоях (образцы № 1, 2, 3) и в хумах (образцы № 9, 10) отлагалась пыльца ячменя. Кроме того, в образце № 9 были встречены пыльцевые зерна, вероятно, принадлежащие пшенице.

При определениях ископаемой пыльцы нами были использованы как

Т а б л и ц а 1

Пыльцевой анализ образцов из Средней Азии

	Кой-кырган-кала						Беркут-кала	
	0,7 м культ. слой, 1 образец	2,1 м культ. слой, 3 образца	кизил, 8 об- разцов	земли из хума 9 образцов	земли из хума, 10 образцов	образец породы с пола, 11 об- разцов	культ. слой, 2 образца	культ. слой, 7 образцов
Количество-подсчитанных пыль- цевых зерен	203*	83	11	152	175	55	153	54
Общий состав пыльцы:								
пыльца древесных пород	3	+	1X**	+	+	—	+	2
пыльца кустарников и трав	97	100	10X	100	100	100	100	98
Пыльца древесных пород:								
Betula	—	—	1X	—	1X	—	—	—
Alnus	7X	—	—	1X	—	—	1X	1X
Пыльца кустарников и трав:								
Ernaera	+***	1	1X	—	—	—	—	—
Gramineae	63	59	2X	100	94	59	97	92
Из них:								
культурные	43	44	—	87	63	45	77	40
дикорастущие	20	15	2X	13	31	14	20	52
Chenopodiaceae	7	5	3X	—	2	16	+	—
Artemisia	—	1	2X	—	—	19	—	2
Прочие:								
Compositae	—	4	1X	+	1	—	—	—
Plumnaginaceae	+	1	—	—	—	2	—	—
Eleagnus orientalis	+	—	—	—	—	—	—	—
Typha	—	20	—	—	—	—	—	2
Liliaceae	—	—	—	—	+	—	—	—
Polygonaceae	—	—	—	—	+	—	—	—
Не определенные	30	9	2X	—	3	4	3	4

* Встречена одна спора папоротника.

** Знаком X отмечены абсолютные цифры.

*** Знаком + отмечено количество пыльцы, составляющей менее 1%.

эталонные коллекции препаратов рецентной пыльцы различных культурных злаков по сборам с опытных полей Всесоюзного института растениеводства (г. Пушкин) и с опытной станции, находящейся в дельте Аму-Дарьи.

Для поселения Беркут-кала пыльцевые анализы были произведены в двух образцах, взятых из погребенного культурного слоя. Анализы этих образцов показали ничтожное содержание в них пыльцы древесных пород. Единичные пыльцевые зерна ольхи и березы, встреченные при анализах, вероятно, следует объяснить дальним ветровым заносом. За небольшим исключением почти все пыльцевые зерна принадлежат злакам (32—37%),

наибольшая их часть относится к культурным видам. Учитывая, что пыльца культурных злаков в основной своей массе опадает на посевах и за их пределы переносится воздушным путем лишь в небольшом количестве, можно предполагать, что культурные слои, из которых были взяты образцы для анализа, образовались или в результате использования их под пашни, или же находились в непосредственной близости к полям, занятым культурными злаками.

Наряду с ними в ближайшем окружении имелась естественная травянистая растительность — злаки и рогоз. По небольшому количеству пыльцевых зерен можно предполагать, что или роль последнего в расти-

Т а б л и ц а 2

Состав пыльцы в пробах с поверхности почвы такыров

	Р а й о н ы	
	Гяур-гыр	Шах-Сенем
Подсчитанные пыльцевые зерна	173	128
Пыльца древесных пород	1	7
Пыльца кустарничков и трав	99	93
Пыльца древесных пород:		
Pinus	1X	3X
Betula	1X	—
Alnus	—	1X
Carpinus	—	5X
Jagus	1X	—
Пыльца кустарничков и трав:		
Gramineae	1	1
Artemisia	3	3
Chenopodiaceae	36	31
Ephedra	2	3
Прочие (главным образом Peumbayinaceae и Corupositae)	58	62

тельном покрове была очень ограниченной, или заросли рогоза находились на каком-то, более или менее отдаленном расстоянии от места взятия на анализ образца. Наличие в культурном слое пыльцы рогоза, растения, типичного для иловатых почв прибрежной части рек или озер, является признаком того, что вблизи исследованного пункта имелся водоем.

Из поселения Кой-крылган-кала производился анализ образцов: культурного слоя, земли из хума, лёссовидных наносов с пола жилища, и кизяка, взятого из хума. Здесь, как и в районе расположения Беркут-калы, в культурных слоях отмечаются единичные пыльцевые зерна древесных пород, обилие пыльцы злаков и преобладание в ней форм, свойственных культурным видам. В образце с глубины 2,1 м содержится большое количество пыльцы рогоза — признак близости зарастающего водоема. Наряду с этим, в обоих культурных слоях, залегающих на глубине 0,7 м и 2,1 м, отмечена пыльца эфедры, растения, не выходящего севернее пределов степной зоны и наиболее типичного для зоны полупустыни. В верхнем культурном слое было обнаружено присутствие пыльцы лоха (*Eleagnus orientalis*), кустарника, и теперь произрастающего в Средней Азии и связанного с поселениями человека. Чаще всего в современных условиях он встречается вблизи воды, по арыкам. Анализы лёссовидной породы,

взятой из хума, также показывают наличие почти исключительно пыльцы культурных злаков. По общему характеру пыльцевых спектров от приведенных выше отличаются два образца: породы, собранной с пола жилища, и кизяка. В первом наряду с обилием пыльцы культурных злаков в достаточно большом количестве имеется пыльца ксерофильных растений полыней и лебедовых, широко распространенных в Средней Азии в настоящее время.

При анализе кизяка пыльца культурных злаков не отмечена. В этом образце было найдено небольшое количество пыльцы дикорастущих злаков, полыней, лебедовых и некоторых других. Анализы этих двух образцов показывают, что в местности, окружающей поселение Кой-крылган-кала, наряду с культурными землями, занятыми посевами хлебных злаков, были распространены ксерофиты и дикорастущие злаки.

Растительный покров на исследованной территории очень изменился с тех пор, как опустело поселение. Современный растительный покров вблизи поселения и далее от него очень слабо развит, и большая часть поверхности покрыта развевающимися песками. Чтобы представить себе значительность происшедших здесь изменений, приведем современные пыльцевые спектры для сравнения их с ископаемыми. Современные спектры, отражающие общий характер растительности, получены по анализам поверхностного слоя почвы древней дельты Аму-Дарьи³ (табл. 2).

Современные пыльцевые спектры, так же как и ископаемые, в общем составе пыльцы и спор отражают существование открытых безлесных ландшафтов. Различия в них выявляются при сравнении состава пыльцы кустарничковых и травянистых растений. В современных спектрах наблюдается обилие пыльцы ксерофитов и ничтожное содержание пыльцы злаков. Ископаемые спектры показывают другие условия: они отмечают обилие в естественном растительном покрове дикорастущих злаков, наличие культурных злаков, растений водоемов и некоторое количество ксерофитов. Такой характер пыльцевых спектров обусловлен тем, что в исследованном районе были посеы культурных злаков, в непосредственной близости к ним имелись кустарники (лох) и водоемы, по берегам которых встречался рогоз. Вместе с тем пыльцевые анализы отметили известную роль в растительном покрове ксерофитов. Вероятнее всего, ксерофиты были распространены на территории, окружающей исследованные археологические памятники. Последнее свидетельствует о том, что значительных климатических изменений не произошло. Однако одновременно пыльцевой анализ показывает, что современные условия в районе расположения археологических памятников не вполне аналогичны существовавшим в период обитания там человека и изменились в сторону большей ксерофильности.

³ Анализы были выполнены научн. сотр. Института географии АН СССР Е. А. Мальгиной и предоставлены нам для опубликования.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ВДИ — Вестник древней истории
ГИМ — Государственный исторический музей
ЗВО — Записки Восточного отдела Русского археологического общества
ЗРГО — Записки русского географического общества
ИА — Институт археологии АН СССР
ИБ — Институт востоковедения АН СССР
ИБГО — Известия Всесоюзного географического общества
ИОАИЭ — Известия общества археологии, истории, этнографии
ИОИЭ — Известия общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете
ИРГО — Известия русского географического общества
ИТО — Известия Туркестанского отдела Русского географического общества
ИЭ — Институт этнографии АН СССР
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР
ЛОИИМК — Ленинградское отделение Института истории материальной культуры
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении
РГО — Русское географическое общество
СА — Советская археология
СЭ — Советская этнография
ТИИАЭ — Труды Института истории, археологии, этнографии ТаджССР
ЮТАКЭ — Южно-Туркменистанская археологическая комплексная экспедиция
ХЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>С. П. Толстов, М. Г. Воробьева, Ю. А. Рапопорт.</i> Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г.	3
<i>А. В. Виноградов.</i> Новые неолитические находки Хорезмской экспедиции АН СССР 1957 г.	63
<i>М. А. Итина.</i> Раскопки стоянок тазабагьябской культуры в 1957 г.	82
<i>Б. И. Вайнберг.</i> К истории Кунгратских Суфи	104
<i>Б. И. Вайнберг.</i> Туркменские поселения по Дарьялыку (по материалам Туркменского археолого-этнографического отряда 1957 г.)	115
<i>Г. П. Снесарев.</i> Материалы о первобытно-общинных пережитках в обычаях и обрядах узбеков Хорезма	134
<i>Т. А. Жданко.</i> Работы Каракалпакского этнографического отряда Хорезмской экспедиции в 1957 г.	146
<i>Б. В. Андрианов.</i> Изучение каракалпакской ирригации в бассейне Жаны-Дарьи в 1956—1957 гг.	172
Мелкие заметки	191
<i>Н. Н. Вактурская.</i> Иранский сосуд из Ургенча	191
<i>Н. Н. Вактурская.</i> Медные сосуды из средневекового замка Кават-кала	193
<i>Г. П. Снесарев.</i> Обряд жертвоприношения воде у узбеков Хорезма, генетически связанный с древним культом плодородия	198
<i>Р. В. Федорова.</i> О земледельческих культурах в Древнем Хорезме по данным пыльцевого анализа	203

Научные отчеты о полевых исследованиях 1957 г.
Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 4

*Утверждено к печати Институтом этнографии
им. Н. Н. Миклухо-Маклая Академии наук СССР*

Редактор издательства *Ю. И. Хаинсон* Технический редактор *Г. С. Симкина*

РИСО 101—93 В. Сдано в набор 14/XII 1959 г. Подписано к печати 24/V 1960 г. Формат 70×108¹/₄.
Печ. л. 13+2 вкл. Усл. печ. л. 17,81+2 вкл. Уч. изд. л. 16,7(16,5+0,2 вкл.). Тираж 1500 экз. Т. 06506 66

Изд. № 4074. Тип. зак. № 2528. Цена 11 руб., с 1/1-1961 г., 1 руб. 10 коп.

Издательство Академии наук СССР. Москва, Б-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография Издательства. Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Опечатки и пропуски

Стр.	Строка	Напечатано	Должно быть
60	2 стр.	6.1	т. 1
83	подпись под рисунком	7 — свинцовое лечко	7 — свинцовое колечко
84	2—3 стр.	в серой супес	в серой супеси
116	легенда к кар- те, левый столбец, 4 стр.	Кара-Ийлгунылы	Кара-йылгылылы
159	19 стр.	в исторических судьбах Азии	в исторических судьбах Средней Азии
199	28 стр.	К. В. Тревера	К. В. Тревер

Материалы Хорезмской экспедиции, вып. 4.

